

**Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»**

На правах рукописи

УДК 81`322.6` 367.4

Филатова Елена Владимировна

**СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РЕЧИ И СИНТАГМА КАК
ОСНОВА ЕЁ ПОРОЖДЕНИЯ И АДЕКВАТНОГО ВОСПРИЯТИЯ**

**Специальности: 10.02.01 – русский язык;
10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание**

**Диссертация
на соискание учёной степени доктора филологических наук**

**Научный консультант:
Калинкин Валерий Михайлович,
доктор филолог. наук, профессор**

Донецк — 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ.....	5
Глава 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАГМЫ.....	24
1.1. Неопределённость в понимании и толковании синтагмы.....	24
1.2. Синтагма у Ф. Соссюра и Ш. Балли.....	25
1.3. Синтагма у С. О. Карцевского.....	27
1.4. Синтагма в понимании И.А. Бодуэна де Куртенэ и академика Л.В. Щербы	33
1.5. Синтагма в освещении В.В. Виноградова.....	39
1.6. Синтагма в интерпретации А.Н. Гвоздева.....	42
1.7. Вопрос синтагмы в освещении Г.И. Скепской.....	47
1.8. Синтагма в работах современных лингвистов.....	51
Выводы к главе 1.....	64
Глава 2. СФЕРЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ МИРА.....	66
2.1. Язык и речь как самостоятельные лингвистические сферы.....	66
2.2. Единицы языка и единицы речи и их назначение.....	67
2.3. Субъекты речевой деятельности.....	73
2.4. Противоречия в теории порождения речи.....	74
2.5. Лингвистические единицы и их отношение к порождению речи.....	83
2.5.1. Звуки речи и их отношение к её порождению.....	86
2.5.2. Слова и их отношение к построению речи.....	88
2.5.3. Словосочетание и построение речи.....	92
Выводы к главе 2.....	95
Глава 3. АВТОРСКАЯ ДЕЛИМИТАЦИЯ РЕЧИ КАК СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИСХОДНЫХ РЕЧЕВЫХ ЕДИНИЦ.....	97
3.1. Формы речи: устная речь как основа верификации результатов речевых исследований.....	97
3.2. Речевые единицы и их отношение к устной и письменной речи.....	98

3.3. Речь и характер её порождения.....	103
3.4. Авторская делимитация и её цели.....	106
3.5. Синтагматическая запись речи.....	109
3.6. Интонация как средство интерпретации содержания речи при её порождении и опора при его идентификации.....	112
3.7. Теоретическая и прагматическая важность изучения синтагмы.....	119
3.8. Синтагматическая основа чтения.....	121
Выводы к главе 3.....	126
Глава 4. СИНТАГМА – ЕДИНИЦА ПОРОЖДЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ.....	
4.1. Инструментарий речи.....	127
4.2. Реальные единицы порождения речи и их статус.....	131
4.3. Признаки синтагмы: первичность, минимальность и одномерность.....	137
4.4. Связи и отношения внутри синтагм и между ними.....	143
4.5. Смысловая связь как основа построения речи.....	148
4.6. Речевые единицы и их отношение к порождению и оформлению речи: синтагма, фраза, предложение и текст.....	154
4.7. Смысловые функции синтагм в предложении и тексте.....	161
4.8. Грамматические функции синтагмы.....	169
4.9. Единица порождения английской речи.....	173
4.10. Синтагма в живой народной речи.....	182
4.11. Средства и приёмы синтагматического членения текста.....	191
Выводы к главе 4.....	193
Глава 5. СИНТАГМА, ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ТЕКСТ.....	
5.1. Предложение как единица речи.....	195
5.2. Синтагма и предложение.....	203
5.3. Порядок слов в предложении в свете синтагматической теории речи.	209
5.4. Синтагма и члены предложения.....	221
5.5. Синтагма в структуре сложного предложения.....	229
5.6. Синтагматическая и предложенческая структуры текста и их	

назначение.....	237
5.7. Синтагматическая структура текста и её отношение к автору и читателю.....	247
5.8. Синтаксический аспект речи с учётом её форм, единиц и субъектов...	251
Выводы к главе 5.....	257
Глава 6. СТРУКТУРА, ОБЪЁМ И ЧАСТОТНОСТЬ СИНТАГМ В РЕЧИ.....	259
6.1. Структура и объём синтагм.....	259
6.2. Структура, объём и частотность синтагм в русской речи.....	263
6.3. Структура, объём и частотность синтагм в украинской речи.....	282
6.4. Структура, объём и частотность синтагм в английской речи.....	295
Выводы к главе 6.....	326
Глава 7. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СИНТАГМ И ИХ АКТИВНОСТЬ.....	329
7.1. Морфологическая природа и активность синтагм в русской речи.....	329
7.2. Морфологическая природа и активность синтагм в украинской речи...	356
7.3. Морфологическая природа и активность синтагм в английской речи...	376
7.4. Типологические характеристики синтагм.....	402
Выводы к главе 7.....	405
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	406
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ.....	410
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	419
ИССЛЕДУЕМЫЕ МАТЕРИАЛЫ.....	462

ВСТУПЛЕНИЕ

В последние годы в лингвистике отмечается растущий интерес к проблемам речи, что вполне закономерно и объяснимо, так как именно речь является орудием формирования и развития у каждого человека его личной системы понятий и представлений о мире, средством самовыражения и эффективного воздействия на других людей. По мнению академика Л. В. Щербы, речь как “живой язык” – это “деятельность человека, направленная... к наилучшему... выражению своих мыслей и чувств” [431, с. 102]. Оно сформировалось у него не без воздействия его учителя И. А. Бодуэна де Куртенэ, убеждённого в том, что лингвистика должна целенаправленно и всесторонне заниматься исследованием человеческой “речи во всем ее разнообразии” [59, с. 205]. Активнее использовать в исследованиях материалы живой русской речи призывал В. В. Виноградов.

Какие связи и отношения существуют между языком и речью, словом и мыслью? Как строится речь? Согласно самому распространённому в науке мнению она строится из слов как номинативных средств языка и отражает триаду речевых единиц: **слова, предложения и текста**. Однако ещё В. фон Гумбольдт подметил, что не речь порождается из слов, а слова порождаются из речи. Тем самым он первым обратил внимание на тот факт, что теория построения речи из слов не соответствует характеру речевой деятельности, и обозначил приоритет речи в историческом развитии языка и науки о нём.

Единицы языка и речи – качественно разные лингвистические реалии. А. А. Потебня ещё до Ф. де Соссюра, разграничивая значения слов в языке и речи, тем самым разграничивал сферы языка и речи и их единицы. Развивая идеи В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова исследователи исходят из того, что онтологическая сущность языка заключается в его способности обеспечивать процессы мышления и коммуникации во всех сферах человеческой деятельности [9; 21; 24; 31; 53; 104; 106 и др.]. Вопросы языка и речи, языковых единиц и речевых и прежде всего

исходной единицы речи интересовали и интересуют многих отечественных и зарубежных лингвистов [14; 15; 102; 116; 117; 138; 150; 237 и др.]. На основе анализа богатого речевого материала, представленного на разных языках, лингвистическая теория накопила значительное количество ценных сведений, которые касаются фундаментальных проблем языкознания и помогают найти ответы на многие актуальные вопросы теории и практики речевой деятельности. Тем не менее современная синтаксическая теория характеризуется множеством проблем и противоречий. Дискуссии вызывают многие вопросы. Например, такие, как сфера языка и сфера речи [14; 139; 345], номинация и коммуникация [9; 192; 335], интонация и её роль в построении и восприятии речи [16; 17; 41; 68; 71; 112; 419], порождение речи и её исходные единицы, слово в системе языка и в сфере речи, единицы языка и единицы речи, единицы устной речи и письменной, единицы порождения речи и единицы её традиционного оформления [13; 290; 407], система членов предложения и их соотношение с реальными единицами построения речи, которые отражаются в её авторской интонации, структурная схема предложения и её отношение к организации речи [48; 49; 122; 305] и другие.

Неопределённость и противоречивость при выяснении исходной речевой единицы являются, на наш взгляд, результатом непоследовательного разграничения сфер языка и речи. Это проявляется, в частности, в элементарном смешении языковых и речевых единиц, в недостаточной разработке научных основ построения речи, а также в использовании методов и приёмов, не соответствующих предмету, сфере и цели конкретного научного поиска. Не способствует успешному исследованию и тот факт, что часто смешиваются единицы устной речи и письменной, свидетельствуя о том, что до сих пор нет чёткой дифференциации речевых единиц по признаку их отношения к устной и письменной речи, нет разграничения их по признаку непосредственного участия в порождении речи или в её традиционном оформлении. Дискуссионными и недостаточно убедительными предстают теории построения речи (в частности, предложения) на основе структурной схемы с помощью так называемых лексических распространителей и словосочетаний.

Общеизвестно, что проблема словосочетания является весьма дискуссионной в науке. В русском языкознании словосочетание – актуальная единица, но для английской лингвистики оно менее актуально, а в немецком языке вообще выступает в качестве недостаточно определённой структуры. Немецкие языковеды не считают его самостоятельной синтаксической единицей и не пользуются этим термином, который даже не включается в известные немецкие словари лингвистических терминов. Тем не менее многие лингвисты традиционно связывают словосочетание с теорией и практикой построения речи.

Функциональный аспект исследования речи в разных языках, ориентация на коммуникативный процесс и его цели заставляют разграничивать реальные **единицы порождения речи и единицы её традиционного оформления.**

Рабочую гипотезу нашего исследования отражает тезис, согласно которому в речи существует исходная минимальная **общеречевая единица** с конкретным ситуативным значением – недифференцированная структура, выступающая в роли речепорождающего компонента. Её можно обнаружить в результате восприятия делимитации компонентов речи, которые разграничиваются говорящим с помощью пауз, отражая реальный состав речевого линейного ряда. Делимитация речи говорящим выступает как способ отражения её реальной структуры и указывает на исходную единицу построения и восприятия речи – на **синтагму.**

Естественно полагать: на основе каких единиц речь воспринимается, из них она непосредственно и составлена, именно они определили её общую структуру и содержание. Поэтому их следует квалифицировать в качестве основных опорных компонентов при разработке теории построения речи и развития речевой деятельности – как продуктивных её видов, так и рецептивных.

Трансформируя результаты мышления в речь, человек строит её при помощи последовательного линейного наращивания исходных речевых единиц, которые он чётко разграничивает при помощи пауз. Точнее, он не строит речь – она обычно спонтанно **порождается** им, так как синтагмы возникают в его сознании мгновенно, автоматически в результате психоречевой реакции на конкретную ситуацию или конкретное содержание. Синтагмы отражают креативный характер

речевой деятельности, в чём несложно убедиться на материале устной речи как первичной, основной и естественной формы общения. В ней её субъектом разграничиваются не слова, не словосочетания и не предложения, а структурно-смысловые лексические группы с единым ситуативным значением – синтагмы, указывая на то, что именно они реальные исходные компоненты структуры и содержания. Их делимитация свидетельствует об их исключительной важности в порождении речи, составлении и передаче её содержания, его восприятии, что осознавалось А. А. Потебнёй, И. А. Бодуэном де Куртенэ, Л. В. Щербой и другими исследователями.

В настоящее время лингвисты обычно обращаются к синтагме, когда говорят о вариантах членения речи, обосновывая свои действия тем, что, дескать, варианты синтагматического членения помогают выяснить её смысловые варианты и нюансы [81; 85; 163; 214; 244; 292 и др.]. Однако при этом ими упускается из виду главный вопрос: в какой мере такой подход соответствует коммуникативной цели автора и как он способствует адекватному восприятию авторского содержания? Любой субъект речи, желая передать конкретную информацию, представляет слушателю лишь **один конкретный вариант** её интонационного членения, т. е. один вариант интерпретации содержания. Членит он свою речь на те единицы, из которых непосредственно её составляет, благодаря чему слушатели однозначно осознают смысл каждой выделенной лексической группы и содержание речи в целом. Эти группы выступают в роли исходных структур речи и её содержания. Так что первичная и единственная делимитация речи осуществляется субъектом в момент её порождения – устного или внутреннего (при написании текста). Поэтому весьма странной выглядит ситуация, когда в записанной речи (в тексте) предполагается и предлагается не восприятие **единого авторского содержания**, а поиск вариантов мысли. И особенно странно, что к этому призывают лингвисты [69; 73; 214; 227 и др.]. Но чьи это варианты и, главное, как они соотносятся с авторской коммуникативной целью, например, в научной, учебной или официально-деловой литературе?

В письменной речи синтагматическая структура выступает как способ адекватного представления содержания, его сохранения и восприятия. Когда необходимо отразить конкретную информацию, автор текста представляет ту синтагматическую структуру, которая, с его точки зрения, наиболее точно передаёт нужное содержание в возможностях, обеспечиваемых графическими средствами языка с использованием традиционных структурно-смысловых единиц письменной речи. В связи с этим разговоры о вариантах членения текста (т. е. об изменении его синтагматической структуры, а следовательно, и интонации), о поисках смысловых нюансов некорректны, ибо не соответствуют основной цели текста и его чтения. В любом тексте предполагается одно содержание – авторское, а значит, и один вариант интонационной делимитации его исходных структур – авторский. Только он обеспечивает правильное понимание текста. Всё то, что не соответствует этому, ведёт к деформации передаваемых мыслей.

Исследуя вопросы построения речи, необходимо учитывать три момента. Во-первых, **способ построения** (последовательное линейное наращение лингвистических единиц). Во-вторых, **строительный материал** (это не просто лингвистические единицы, которые подразделяются на **языковые** и **речевые**, а именно исходные **речевые единицы**, одномерные, т. е. такие, в которых одному структурному единству соответствует единый минимальный факт содержания). В-третьих, **форму материала** – звуковая или графическая.

Если существуют две формы речи, имеющие разное материальное выражение, то естественно, что каждой из них присущи свои речевые единицы, у которых есть определённые соответствия, обусловленные их общим назначением – построением речи, но нет и не может быть тождества, по причине их разного материального выражения и субъективного восприятия.

Одни лингвисты подменили синтагму словом, смешав при этом сферы языка и речи, ибо такой **речевой** единицы, как слово, в строго научном отношении нет. Осознавая это, И. А. Бодуэн де Куртенэ, стремящийся к последовательному разграничению сфер языка и речи, не находил слову места в речи. Идея разграничения языковых и речевых единиц, высказанная Бодуэном, убедительна,

но его тезис (*синтагма – это слово в предложении*) не совсем точен и нуждается в корректировке. Синтагма может быть представлена одним словом, но обычно её представляет группа слов с общим ситуативным значением, спонтанно возникающая в сознании в качестве исходного компонента речи. Другие лингвисты (Н. Н. Прокопович, Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова) заменили синтагму словосочетанием, в результате чего получили неубедительное отражение речевой деятельности.

Если проанализировать особенности личного мышления и его отражение в речи, можно выяснить, как реально порождается речь, из каких единиц она формируется. Говоря о порождении речи, мы имеем в виду прежде всего синтаксический аспект. Речь появляется в процессе последовательного линейного наращения лингвистических единиц. Вопрос в том, какие это единицы – звуки, слова, словоформы, словосочетания или предложения? Что выступает в качестве **реальных исходных единиц**, непосредственно формирующих речь? Одна ли это тип-структура или несколько разных? Языковые это единицы или речевые?

Языковые – это системные, заданные, общие для всех носителей языка, единицы с обобщённым или абстрактным значением. Речевые же – индивидуальные структуры с ситуативным значением, создаваемые каждым человеком и обусловленные его личным восприятием мира, особенностями его психической деятельности, его знаниями, умениями, а также конкретной ситуацией общения. Пока на эти вопросы в науке нет общепринятых ответов.

Линейность единиц характерна как для языка, так и для речи (она существует на уровне звуков, морфем, слов, например, в составных терминах и номенклатурных наименованиях). Линейность языковых единиц – объективная, заданная, изначально закреплённая реальность по отношению ко всем носителям языка. Линейность в сфере речи тоже закреплена, но устанавливается она субъектом речи, т. е. имеет индивидуальное закрепление. Она обусловлена особенностями его психической деятельности, языковой компетенцией, речевыми навыками, а также передаваемым содержанием. Но она столь же обязательна для всех адресатов речи, как и языковая линейность.

Индивидуальная закреплённость речевых единиц линейного ряда должна соответствовать законам и требованиям языкового кода и культурно-речевой традиции, что позволяет не просто воспринимать речь, но *адекватно* её воспринимать, добиваться её полного понимания. Так что авторская заданность линейных речевых единиц обязательна для каждого читателя.

Освоение человеком общего арсенала языковых средств и хорошее знание культурно-речевой традиции выступают в роли ключа при восприятии как устной, так и письменной речи. Индивидуальное в речи распознаётся и осмысливается на основании общего, а также на фоне речевой традиции. Наблюдая за делимитацией исходных единиц устной речи, можно прийти к выводу, что в качестве основной структуры порождения и восприятия речи выступает минимальная, одномерная речевая структура, представляющая собой единую конкретную лексическую группу. Те случаи, когда паузами в речи выделяются отдельные слова, не могут быть основанием для утверждения, что именно отдельные слова являются исходными единицами речи. По мнению Л. В. Щербы, выделяемое в речи слово, выполняет такую же функцию, что и единая группа слов, поэтому оно должно иметь аналогичную речевую квалификацию, как и упоминаемая группа, т. е. это уже не слово, а однокомпонентная синтагма.

Обычно лингвисты, выделяя синтагму, определяют её как **единицу восприятия** и ничего не говорят о её роли в организации речи, создавая впечатление, что она является порождением читателей при восприятии текста. Например, в «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой в статье «Синтагма» говорится, что речь воспринимается на уровне синтагм, а строится из словосочетаний. Трудно разделить это мнение, особенно если учитывать, что строится (шифруется) речь одним человеком, а воспринимается (дешифруется) другим и при этом у них разные единицы шифровки и дешифровки.

Нынешняя синтаксическая теория утверждает, что процесс построения речи применительно к формированию предложения осуществляется на основе двух единиц — слова и словосочетания, а применительно к тексту — на основе

предложений. Однако наблюдения за речью, осуществляемой на разных языках, её порождением и восприятием показывают, что такое утверждение не совсем соответствует действительности, противоречит процессу порождения речи и формированию текстов, т. е. не подтверждается верификацией. Та речевая единица, которая организует фразу (или предложение), создаёт и сообщение в целом (или текст – в письменной речи), постепенно формируя его в завершённое структурно-содержательное единство. Если обратить внимание на строительство здания (т. е. текста), которое сооружается из кирпичей или блоков (т. е. реального строительного материала), на то, как строится этаж за этажом (т. е. предложение за предложением), можно увидеть, что здание строится не из этажей, а поэтажно. Именно так строится текст – не из предложений, а с последовательным выделением предложений по мере наращивания синтагм. Иными словами, с развитием содержания текста в нём автором **выделяются** предложения как традиционные структуры его оформления, с помощью которых последовательно представляются все мысли. Устное общение исчерпывается уровнем синтагм и фраз. В письменной речи используются не только единицы её порождения, но и структуры традиционного оформления текста с целью выделения и упорядочения его мыслей и облегчения его восприятия. В этом несложно убедиться, обратив, например, внимание на изменение графического выделения речевых структур со времени написания «Слова о полку Игореве».

Если связывать синтагму лишь с восприятием текста, то упускается тот факт, что прежде чем воспринимать текст на основе каких-то единиц, его сначала нужно составить из этих единиц. Устная речь воспринимается в момент её порождения на основе тех структур, из которых она непосредственно составляется. Благодаря их чёткой интонационной делимитации, она однозначна и не предполагает содержательных вариантов. Но чтобы адекватно понять её письменную форму, читателю необходимо осознать авторскую интонацию и авторское разграничение исходных единиц. Все мы бываем авторами тех или иных текстов, и, естественно, в нашем исполнении текст не имеет содержательных вариантов. У него одно конкретное содержание (если это не особая речевая игра).

Развитие синтагматической теории стимулировано идеей разграничения сфер языка и речи, которую поддерживали В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня, Г. Пауль, Ф. де Соссюр, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба. Мысли о синтагматике появились одновременно в разных языках, что отмечено В. В. Виноградовым, В. А. Звегинцевым, Г. И. Скепской, М. В. Влавацкой и другими исследователями. В европейской лингвистике их связывают прежде всего с именем Ф. де Соссюра. В восточно-славянском языкознании учение о синтагме зарождается с публикаций И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы, С. И. Карцевского, В. В. Виноградова и других лингвистов. Синтагмой интересовались А. А. Реформатский, А. Н. Гвоздев, Е. В. Кротевич, Г. Р. Тукумцев, Е. А. Брызгунова, М. И. Матусевич, Г. И. Носова, Л. Л. Буланин, А. А. Холодович, С. Г. Тер-Минасова, Т. В. Шустикова, Н. В. Бардина, О. С. Родионова, Л. М. Жданова, М. В. Влавацкая, Г. Кундротас, В. А. Филатов и другие лингвисты. Но при её освещении высказывались противоречивые мысли о её сущности, статусе и признаках, сфере её функционирования и функциях. До сих пор нет единства даже в её определении. Так что многие вопросы синтагмы, а вместе с ней и речи остаются нерешёнными, что делает проблему актуальной.

Актуальность исследования обусловлена теоретической и практической значимостью синтагмы, её ролью в формировании и развитии всех видов речевой деятельности. Растёт число исследователей, у которых теория построения речи из слов и словосочетаний вызывает сомнения и вопросы, побуждает к поиску нового решения проблемы. Апробация результатов нашего исследования отражает, что интерес к рассматриваемой теме учёные проявляют не в какой-то одной стране, а во многих странах: Англии, Беларуси, Германии, Китае, России, США, Турции и др., и это является объективным свидетельством её актуальности и важности.

Связь исследования с научными темами. Работа связана с важными лингвистическими проблемами, изучаемыми учёными факультета иностранных языков («Сопоставительные лингвокогнитивные и лингвокультурологические исследования») и филологического факультета ДонНУ («Функциональные и внутривидовые процессы в современном русском языке»). Она осуществляется путём сравнительного анализа речевого материала русского,

украинского и английского языков. Привлекаются факты французского, немецкого и испанского языков. На кафедре английского языка для естественных и гуманитарных специальностей ДонНУ исследуются «Вопросы изучения английского языка на синтагматической основе». На кафедре русского языка изучается синтагматическая структура речи и синтагма как её исходная единица. По сути, данное диссертационное исследование – это начало изучения серьёзной научной проблемы, относящейся к фундаментальным вопросам лингвистики, её теоретического осмысления и практического освоения. Результаты нашей работы заинтересовали специалистов более чем из 30 стран мира – Европы, Азии и Америки, что подтверждается сведениями об их обращении к нашим публикациям в электронных средствах научной информации. Исследуемая тема теснейшим образом связана с практикой преподавания языка и переводческой деятельностью.

Тема диссертации в уточнённой её формулировке утверждена на заседании учёного совета ДонНУ (протокол № 1 от 25.01.2013 г.).

Цель работы. Опираясь на сопоставительный анализ русской, украинской и английской речи, на основе её авторской делимитации выяснить её реальную (т. е. индивидуально-авторскую) структуру, установить подлинную исходную единицу порождения и восприятия речи, определить её сферу, морфологическую природу, статус, признаки, функции и особенности использования.

Для достижения цели предполагается решить следующие **задачи**:

- 1) вскрыть противоречия в теории построения и восприятия речи;
- 2) дифференцировать лингвистические единицы по их отношению к языку или речи; разграничить речевые единицы по признаку их отношения к устной или письменной речи, а также по их участию в порождении речи или её оформлении;
- 3) на основании интонационной делимитации речи её субъектом осуществить её синтагматическую запись, отразив в ней всё, что воспринимается на слух, тем самым объективно выделив в ней реальные исходные речевые единицы (синтагмы);
- 4) выяснить характер порождения синтагм, их структурные, смысловые, интонационные и синтаксические признаки; определить сферу их применения,

назначение и конкретные функции; выяснить место синтагмы в системе речевых единиц; определить её роль в устной и письменной речи;

5) определить виды синтагм русской речи по объёму и морфологической природе, выяснить частотность их употребления в зависимости от их объёма и морфологической природы (на фоне их активности в речи разных языков);

6) выявить роль синтагмы в формировании предложений в тексте;

7) рассмотреть внутрисинтагмные синтаксические и смысловые связи компонентов, а также отношения между теми компонентами, которые связаны опосредованно; выяснить характер и причины этой связи; определить межсинтагмные связи и их особенности; установить причины возникновения в речи межсинтагмной опосредованной смысловой связи;

8) соотнести синтагматическую структуру речи с предложенческой её структурой, с системой членов предложения и порядком слов в нём;

9) выяснить прагматическую роль синтагмы в формировании и развитии речевой деятельности человека;

10) в результате сопоставительного анализа делимитации речи в разных языках выяснить частотность использования их синтагм.

Объект исследования – сфера речи и её единицы.

Предмет исследования – синтагматическая структура речи и синтагма как её реальная единица.

В качестве **материала исследования** послужили художественные, научные, публицистические тексты, фольклорные материалы, записи диалектной и разговорной речи. Всего **около 500 текстов и более 250 тысяч синтагм**. В диссертации для наглядности представлены лишь образцы нашей работы. Полное отражение результаты исследования нашли в опубликованных статьях и монографиях, совместный объём которых составляет более 130 п. л.

Научная новизна результатов исследования. На основе объективных аргументов, при опоре на устную речь, как первичную форму общения, **впервые** в лингвистической науке представлены следующие результаты:

- вскрыты противоречия в теории порождения речи, что является важным для лингвистики и психолингвистики;

- определена реальная единица порождения и восприятия речи – синтагма, её сущность, статус, грамматические и смысловые признаки и функции; в связи с чем выяснена истинная структура речи;

- обозначена сфера и особенности функционирования синтагмы;

- последовательно разграничены единицы устной речи и письменной, единицы порождения речи и единицы её оформления;

- освещены структура, объём и морфологическая природа русских синтагм на фоне синтагм английской и украинской речи; выявлена частотность употребления их в разных видах речи в зависимости от их объёма и морфологической структуры.

Теоретическая значимость работы. В процессе исследования выяснено, что:

1) в современной теории построения речи имеются противоречия в отношении исходной речевой единицы и отнесении её к конкретной лингвистической сфере;

2) исходной речевой единицей является синтагма, обычно представляющая собой группу слов с ситуативным значением, объединённых интонационно, по смыслу, структурно и грамматически;

3) синтагме как исходной речевой единице присущи: спонтанность, **конкретность структуры, значения и места в речи, одномерность и однозначность.**

Все речевые единицы дифференцируются по следующим принципам:

- по их роли в порождении и восприятии речи (подразделяются на единицы порождения / восприятия речи и единицы её традиционного оформления);

- по отношению к конкретной форме речи (подразделяются на единицы устной речи – **синтагмы, фразы, полное сообщение** – и единицы письменной речи – **синтагмы, предложения, высказывания, текст**);

- по роли в восприятии письменной речи (подразделяются на единицы непосредственного восприятия – **синтагмы** – и единицы, способствующие осознанию синтагматической структуры речи и выяснению её интонации (**простые и сложные предложения, высказывания**)).

На основании синтагматической теории порождения и восприятия речи становятся очевидными следующие положения:

1) утверждение о том, что предложение строится на основе структурной схемы путём её распространения отдельными словами, вызывает сомнения относительно его соответствия речевой деятельности, а следовательно, и научной истине;

2) слова обычно попадают в предложение комплексно, в структуре синтагм, в которые они органически входят; если отдельное слово входит в предложение самостоятельно, оно приобретает статус однокомпонентной синтагмы;

3) так как структуру и содержание предложения составляют не отдельные слова, а синтагмы, целесообразно говорить о порядке синтагм в структуре предложения, а на уровне синтагм уместно говорить о порядке слов в них.

С позиций синтагматической теории речи **впервые** рассмотрены:

1) верификация утверждения об отношении структурной схемы предложения к его построению;

2) соотношение традиционных членов предложения с его реальными структурно-смысловыми компонентами;

3) вопрос о порядке слов в предложении в сопоставлении с его реальной конструктивной природой.

Практическое значение полученных результатов. Результаты исследования важны в развитии теории речи и речевой деятельности, всех её видов. Сведения о синтагматической основе речи способствуют адекватному пониманию текста, гарантируют эффективное изучение учебных дисциплин, т. е. непосредственно влияют на качество знаний. Прагматический аспект теории синтагмы важен в лингвистическом развитии человека, в формировании и развитии его речевой деятельности. Сведения о синтагме важны при изучении русского языка при осознании исходных структурно-смысловых групп, их сочетания друг с другом, а также при формировании умений и навыков синтаксического анализа и разбора.

Успехи в изучении иностранных языков зависят от того, насколько умело и компетентно изучающие будут определять в конкретной иноязычной речи её исходные компоненты, выясняя, что с чем в ней сочетается и образует

грамматические объединения, какие сочетания создают единые структурно-смысловые группы с конкретным ситуативным значением. Практика преподавания иностранного языка показывает, что эти вопросы часто вызывают затруднения при изучении языка. Особенно важны знания о синтагматической основе речи при чтении текста, когда чёткое представление синтагматической структуры каждого его предложения способствует точному его пониманию. Включение в практику вузовского и школьного преподавания сведений о синтагме, синтагматическом членении речи, предложенческих и синтагматических структурах текста будет способствовать развитию теории и практики речевой деятельности, совершенствованию речевых умений и навыков учащихся, студентов и аспирантов развитию умений качественного перевода.

Однако синтагма ещё не изучается ни в школе, ни в вузе. Ни в отечественном, ни в зарубежном языкознании ещё нет всестороннего её исследования. Нет даже единого понимания этой важнейшей в прагматическом отношении речевой единицы. Не упоминается она и в таких научных ориентирах, как универсальная десятичная классификация и библиотечно-библиографическая классификация в сфере лингвистики и психолингвистики. Тем не менее объективно она основная единица речевой деятельности каждого человека, важнейшая структура речи и главная опора при чтении и восприятии текста, в связи с чем её изучение является важной и давно назревшей задачей.

Методологической основой исследования стали мысли о соотношении языка и речи В. Гумбольдта, Г. Пауля, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы, Ф. де Соссюра, В. В. Виноградова, Ф. Микуша.

В работе использованы следующие **методы и приёмы**:

- метод наблюдения за устной и письменной речью в разных языках и сферах;
- метод системного анализа, позволяющий осознать любую речь как **авторскую систему** конкретных исходных речевых единиц, на основе которых представлены и воспринимаются мысли, сочетания мыслей и содержание в целом;
- сопоставительный метод – при анализе порождения речи в разных языках, при делимитации разных форм и сфер речи, определении её реальной структуры и

исходных единиц; наиболее уместным был сопоставительный метод при выяснении особенностей функционирования синтагм, их структуры и объёма, зависимости частотности их употребления от их объёма и морфологической природы;

- приём верификации полученных результатов;
- анализ собственной речевой деятельности;
- приём синтагматической записи речи;
- метод компонентного (в частности, синтагматического) анализа;
- приём наглядности, при котором на основе интонационной делимитации речи последовательно записываются все выделяемые в ней синтагмы; причём для очевидности и доступности каждой синтагме отводится отдельная строка; при последовательном чтении синтагм точно воспринимаются все авторские фразы; появляется возможность сопоставить фразы и авторские предложения, выяснить их соответствия и несоответствия.

- описательный метод.

Применялись методы опроса, эксперимента, трансформационного анализа – при трансформации устной речи в письменную, а также дистрибутивный метод с такими его этапами, как сегментация речевого потока, идентификация выделенных единиц и выяснение отношений между ними.

Использовались **методы** логического мышления – **дедуктивный** и **индуктивный** – при всех интерпретациях.

На защиту выносятся следующие принципы и положения:

1. Уместность применения принципа исследования, согласно которому на основе каких единиц речь воспринимается, из них непосредственно она и составлена.
2. Реальная структура речи и её минимальные единицы чётко определяются на основе их авторского интонационного разграничения.
3. Адекватное восприятие устной речи осуществляется благодаря авторской делимитации всех её исходных единиц, т. е. минимальных индивидуально-авторских речевых образований, разграничиваемых паузами и представляющих собой структурное, интонационное и смысловое единство.

4. Синтагма обычно включает несколько слов, но может состоять из одного слова, если его достаточно для передачи конкретного фрагмента содержания; основными характеристиками синтагм являются: 1) минимальность структуры и значения, 2) объём, 3) внутренние и внешние связи и отношения, 4) морфологическая природа, 5) функции, 6) отношение к устной и письменной формам речи, 7) отношение к другим речевым единицам, 8) частотность в речи.

5. Функции слов как номинативных средств языка исчерпываются на синтагматическом уровне при их спонтанном, мгновенном объединении в синтагму.

6. Устная речь строится субъектом из синтагм и одновременно воспринимается слушателем, т. е. устное общение осуществляется на синтагматическом уровне.

7. Письменная речь представляет трансформацию устной (или внутренней) формы в графическую путём соответствующего преобразования синтагм как реальных единиц порождения речи; при этом речь в целях адаптации традиционно оформляется в виде предложений и текста.

8. В основе устной и письменной речи лежат разные единицы: **синтагма** и **предложение**; для слушателя очевидна синтагма, а для читателя – предложение; но если синтагма – единица непосредственного порождения и восприятия структуры и содержания речи, то предложение – единица письменного оформления речи, поэтому читателю, чтобы разобраться в содержании текста, необходимо в каждом предложении идентифицировать все авторские синтагмы.

9. Предложения – единицы оформления письменной речи, они выделяются на основе фраз при трансформации устной речи в письменную по мере разграничения всех мыслей, создавая предложенческую структуру текста, которая способствует осознанию синтагматики текста, интонации и содержания.

10. Авторская синтагматическая структура текста является основой содержания; осознать её – значит правильно понять содержание текста.

11. Внутрисинтагмные связи свидетельствуют, что слова в предложении – это компоненты синтагм, из которых оно составлено, в связи с чем к структуре

предложения и его содержанию они не имеют непосредственного отношения и соотносятся с предложением через синтагму, в которую входят.

12. Межсинтагмные связи отражают, что именно синтагмы являются исходными единицами речи и её содержания, они объединяются в связную речь на основе своих ключевых слов; игнорирование этого факта при выделении членов предложения ведёт к нарушению целостности синтагм и деформации реальной структуры предложения.

13. Синтагматическая структура предложений порождает сомнение в том, что они строятся путём распространения структурных схем с помощью отдельных слов; она побуждает сомневаться в учении о членах предложения, которые выделяются и квалифицируются без учёта реальной единицы порождения речи, истинных связей и отношений – внутрисинтагмных и межсинтагмных, т. е. без учёта реальной структуры предложения.

14. Частотность синтагм в речи обусловлена их объёмом и морфологической природой, что подтверждает сопоставительный анализ речи разных языков.

Личный вклад диссертанта. Работа является самостоятельным исследованием, выполненным без соавторов.

Апробацию результаты исследования проходили:

- на 20 международных научных конференциях – в Украине и России – на русском, английском и украинском языках;
- при чтении спецкурса «Синтагма как исходная единица речи» студентам специальности «русский язык» в Донецком национальном университете.

Многие наши публикации размещены на десятках сайтов: «Cyberleninka» Российской государственной библиотеки, «Студопедия», «library.ru» Российской государственной библиотеки для молодёжи, «CORE» Научной библиотеки НАН Украины, «allbest», «textologja.ru», «Docplayer.ru», «Studydoc.ru», «MemTrick», «VetVitus.ru» и др.

Статья «Функции синтагмы в структуре предложения и текста» (2011 г.) была внесена в список литературы Программы вступительного экзамена в магистратуру в 2012 г. по специальности «Русский язык» Крымского

гуманитарного университета, а также была перепечатана российским сайтом (textologja.ru), предназначенным для оказания помощи учащимся и студентам.

Статья «Синтагма в сложном предложении» (2011) была перепечатана по инициативе редакции в сб.: «Наукові записки Бердянського державного педагогічного університету» (2014. Випуск II).

В Германии по инициативе издательства LAP LAMBERT Academic Publishing была опубликована монография «Словосочетание и синтагма» (2012, 612 с.).

На сайте «Студопедия» представлена монография «Синтагма как реальная единица порождения и восприятия речи». Она размещена также на сайте «Om.net.ua – Освітні матеріали для українських студентів» в переводе на украинский язык владельцами сайта.

Статистику и географию апробации результатов исследования отражают следующие данные по некоторым статьям:

1. Электронный вариант статьи «О некоторых противоречиях в теории порождения речи» просмотрели 2567 человек, скачали – 1286. Из 26 стран.
2. Статью «Вопрос о порядке слов в предложении в свете синтагматической теории речи» (Филологические трактаты, 2012, т. 4, № 3) просмотрели 1430 человек, скачали – 617. Из 16 стран.
3. Статью «Синтагма как единица порождения и восприятия речи, её смысловые и грамматические признаки (Актуальні проблеми слов'янської філології: лінг-ка та літ-ство.– Вип. XXIII, ч. 3. – Бердянськ: БДПУ, 2010) просмотрело 710 человек, скачало более 2260.
4. Статью «Смысловая связь как основа построения речи» (Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – Ростов н/Д, 2016, № 3) просмотрели и скачали специалисты из 12 стран.
5. Статью «Структура, объём и активность синтагм в русской и английской речи» (Вестник Брянского государственного университета, № 2 (28), 2016) просмотрели и скачали более 300 специалистов.

В список литературы по курсу «Психолингвистика» включены три публикации (<http://forum.dialog-21.ru/actualpost.aspx?bid=19&tid=648&mid=0&p=1>):

- 1) статья «О некоторых противоречиях в теории порождения речи»;
- 2) монография «Синтагма как реальная единица порождения и восприятия речи».
- 3) статья «Авторская делимитация речи как способ представления её реальных исходных единиц».

Компьютерные возможности позволяют узнать реакцию специалистов в области лингвистики и психолингвистики на сам факт наших публикаций по исследуемой теме, чтобы сделать вывод о том, что рассматриваемая проблема существует и она весьма актуальна.

Публикации. Результаты исследования отражены в 79 публикациях общим объёмом более 130 п. л. Из них:

- 4 монографии: одна вышла в Германии в издательстве LAP LAMBERT Academic Publishing (объём – 25 п. л.), две – в Украине (общий объём – 25 п. л.) и две в Донецкой Народной Республике (объём соответственно – 24 и 20 п. л.);
- 31 статья в научных изданиях, которые входят в список изданий ВАК Украины;
- 7 статей в научных изданиях, которые входят в список изданий ВАК ДНР;
- 7 статей в научных изданиях России, которые входят в перечень изданий ВАК РФ;
- 7 статей в научных журналах РФ, которые включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и др.

Структура. Диссертация состоит из вступления, семи разделов, отражающих содержание и объективные результаты исследований, заключения, выводов, списка источников и словаря используемых терминов. Она насчитывает 465 страниц; из них: 406 страниц основного текста. Список литературы включает 473 наименования, список терминов насчитывает 65 наименований.

Глава 1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАГМЫ

1.1. Неопределённость в понимании и толковании синтагмы

В античные времена синтагму относили к области синтаксиса (*Syntagma* – с греч. “вместе построенное, соединённое”). Под влиянием античных теорий к области синтаксиса относил её М. Смотрицкий, когда в начале семнадцатого века описывал, как нужно строить “Грамматики Славенския правильное Синтагма”. Он даже включил её в название своей известной грамматики, и этим подчеркнул важность данной лингвистической единицы. Затем постепенно термин вышел из употребления, так как интерес учёных переключился на словосочетание и предложение.

Возвращение термина **синтагма** в науку отражает стремление лингвистов завершить изучение синтаксической теории при чётком разграничении единиц языка и речи. Однако занимались они этим эпизодически. По крайней мере, объём и результаты исследований никак не соответствуют той роли, которую синтагма реально исполняет в процессе речевой деятельности.

Возвращение интереса к синтагме отмечается с начала XX века, и связано оно с именами Ф. де Соссюра, И. А. Бодуэна де Куртенэ, С. И. Карцевского, Ш. Балли, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова и других учёных. Лингвисты соотносят её с разными языковыми уровнями и фактами. Они объясняют синтагму не как реальную лингвистическую единицу, а как признак лингвистической единицы при объединении двух (и более) компонентов на фонетическом, морфемном, морфологическом или синтаксическом уровнях, заключающийся в выражении отношений определяемого и определяющего.

Развитие теории синтагмы в русской и зарубежной науке находит отражение в работах В. В. Виноградова, Г. Р. Тукумцева, М. В. Скепской, Ф. Микуша, С. Г. Тер-Минасовой, Л. М. Ждановой, О. С. Родионовой, М. В. Влавацкой, В. А. Филатова и других исследователей.

Рассматривая синтагму на фонетическом уровне, соотнося, а часто отождествляя её с речевым тактом [16; 43; 67; 75; 76; 167 и др.], учёные добились того, что получили ещё один синоним известного языкового явления, для которого уже существовал общепринятый термин **такт**. Стремясь осветить один проблемный вопрос, они затемнили другой, уже достаточно ясный, так и не сумев убедительно разъяснить, чем же различаются речевой такт и синтагма.

Некоторые лингвисты рассматривали синтагму как синтаксическую структуру, но квалифицировали её в качестве структурно-смысловой единицы языка, а не как единицу речи, что свидетельствовало о смешении лингвистических сфер языка и речи, а также об отсутствии чётких критериев разграничения лингвистических единиц по сферам их функционирования. Это привело к тому, что появились сложности при объяснении, чем синтагма отличается от члена предложения или словосочетания. Пришлось остановиться на том тезисе, согласно которому каждое предложение делится на синтагмы, что тоже далеко не всегда соответствовало действительности. Как, например, могут делиться на синтагмы такие однокомпонентные предложения, как *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. Темно.*

Так что вопросы о том, что такое синтагма, каковы её природа, сфера функционирования и назначение, остаются проблемными и актуальными.

1.2. Синтагма у Ф. де Соссюра и Ш. Балли

Учение о синтагме в зарубежной науке развивалось под влиянием идей Ф. де Соссюра, его учеников и единомышленников. Его влияние испытали и многие наши отечественные языковеды, автоматически повторяя некоторые сомнительные положения швейцарского лингвиста, не замечая у него очевидных противоречий. Главный парадокс в деятельности этого известного учёного состоял в том, что он, декларируя в теории необходимость разграничения языка и

речи, на практике нередко смешивал эти сферы. Так, относя синтагму, исключительно речевую структуру к сфере языка, он тем самым смешивал речевые единицы и языковые, а следовательно, смешивал сферы языка и речи, на что в своё время обратил внимание один из его учеников – Альбер Сеше. Ошибку учителя повторили затем многие его последователи: Ш. Балли, Э. Бенвенист, С. О. Карцевский, Ф. Микуш, Г. И. Скепская, С. Г. Тер-Минасова и другие.

Под синтагмой Соссюр понимал “соединение или слияние двух или нескольких знаков, образующих некий комплекс (гр. *syn-tagma*)” [226, с. 267], “внутренне связанные ряды последовательных единиц, входящих в состав отдельного слова, словосочетания, предложения” [323, с. 157].

Как видим, объединив слово, словоформу, словосочетание и предложение, т. е. лингвистические единицы разных сфер, Ф. де Соссюр, декларируя тезис о необходимости разграничения сфер языка и речи, сам смешивает эти сферы, не разграничивая их типичных единиц. Синтагма у него представляет собой связь двух смежных линейных языковых (или речевых) элементов, между которыми устанавливаются и существуют отношения определяемого и определяющего. Например: *дом-ик* (*дом* – определяемое, *-ик* – определяющее); *счастливая жизнь* (*жизнь* – определяемое, *счастливая* – определяющее); *жить душа в душу* (*жить* – определяемое, *душа в душу* – определяющее). Таким образом, синтагма у Соссюра всегда бинарна и трактуется как некая языковая универсалия, охватывающая все уровни языка и речи, при этом обязательно соответствующая схеме: “определяемое – определяющее”. Этой схемой обусловлено утверждение о её бинарности, хотя в речи далеко не всегда возникает потребность в определяющем компоненте, что совершенно не учитывается ни Соссюром, ни его единомышленниками. Синтагму учёный находит как на уровне сочетания звуков или морфем отдельного слова, так и в словосочетаниях, предложениях: в одной и той же функции на всех уровнях языка и речи, в связи с чем ему потребовалась конкретизирующая дифференциация термина: **внутренняя синтагма** и **внешняя синтагма**. Обращаясь к синтагме, Соссюр пытался установить очередную языковую универсалию. Он полагал, что любая, в том числе и синтаксическая

синтагма, является единицей языка, а не речи. Отнесение синтагмы к языку стало уже на начальном этапе её изучения серьёзным тормозом в развитии учения о ней. Учитывая авторитет учёного, многие его ученики не только не смогли критически отнестись к мыслям учителя, но даже приняли их в качестве исходных постулатов в своей научной деятельности, стали развивать и пропагандировать. Например, Ш. Балли, рассматривая синтагму, полностью придерживался взглядов своего учителя, оценивая в качестве научно достоверных и два сомнительных его тезиса. Согласно первому синтагма – единица языка, а согласно второму она всегда бинарна, в связи с чем для образующих её слов характерно одно из синтаксических отношений: определительных, объектных, обстоятельственных и т. д. Балли отвергал существование однокомпонентной синтагмы, что привело к дублированию синтаксических фактов при их изучении и освещении: синтаксические отношения изучались в словосочетании и в предложении – при анализе членов предложения, а теперь и в синтагме. Для Балли синтагма – “продукт грамматического отношения взаимозависимости между двумя лексическими знаками, принадлежащими к двум дополняющим друг друга категориям” [43, с. 116].

1.3. Синтагма у С. О. Карцевского

Многие мысли Ф. де Соссюра о синтагме разделял С. О. Карцевский. В «Повторительном курсе русского языка» (1928) он писал: “Знаменательные слова в фразе не просто поставлены подряд, но связаны между собой синтагматически, т. е. как определяемые и определяющие” [168, с. 116]. В предложении *Маленький мальчик читает большую книгу* Карцевский выделяет такие синтагмы: *маленький мальчик, мальчик читает, читает книгу, книгу большую*. Такое синтагматическое членение указывает на то, что учение о синтагме на рассматриваемый период находилось на начальном уровне. Данное предложение **нельзя однозначно**

расчлени́ть на синтагмы в соответствии с авторским пониманием содержания и его смысловыми акцентами, так как недостаточно материала, чтобы однозначно сделать это. Возможны разные варианты его синтагматической структуры.

Адекватная синтагматика (т. е. соответствующая авторскому членению речи на синтагмы) и соответствующая интонация – это способ интерпретации содержания речи. В устной речи благодаря однозначной интонации говорящего не было бы никаких проблем с восприятием данного речевого фрагмента. Если подходить к приведённому Карцевским предложению как к метаязыковой единице, привлечённой в целях лингвистического экспериментирования, в нём возможна одна синтагма:

(1) *Маленький мальчик читает большую книгу* (при передаче единого факта, например, при ответе на вопрос: *Что ты видишь?*).

Возможны две синтагмы:

(2 а) *Маленький мальчик* / *читает большую книгу* (в ответе на вопрос: *Кто читает большую книгу?*).

(2 б) Две синтагмы будут и в ответе на вопрос: *Что делает маленький мальчик?* Но они с точки зрения актуальности значения будут совсем иного качества: *Маленький мальчик* / *читает большую книгу*. В данном случае синтагматическое членение ответов одинаковое, но коммуникативное качество синтагм – в отношении известного и нового – разное.

(2 в) Две синтагмы будут и в ответе на вопрос: *Что читает маленький - Маленький мальчик читает / большую книгу*.

В данном речевом фрагменте возможны также и три синтагмы:

(3) *Маленький мальчик* / *читает* / *большую книгу* (при ответе на вопрос: *Что делает маленький мальчик с большой книгой?*).

Примечательно, что лаконичные ответы на каждый из этих вопросов будут состоять только из содержательно основных синтагм, отражая тот факт, что в каждом случае передаётся разное содержание.

(1) *Маленький мальчик читает большую книгу;*

(2 а) *Маленький мальчик;*

(2 б) *Читает большую книгу;*

(2 в) *Большую книгу;*

(3) *Читает.*

Как видим, рассматриваемое предложение может иметь разное содержание. Какое именно передаётся оно в том или ином случае, в устной речи легко понять по интонации субъекта речи, а в письменной – на основании контекста. Но в этой речевой структуре нет и не может быть синтагм *мальчик читает* и *книгу большую*, выделяемых Карцевским. Невозможно интонационно выделить синтагму *мальчик читает* без определения *маленький*. Перед нами ситуация, когда невозможно произнести то, что написано и что утверждается. Сочетание слов *маленький* и *мальчик* в данном случае может существовать в речи в смысловом и интонационном отношениях только в неразрывном единстве, как грамматическое, интонационное и смысловое целое. Даже при ответе на вопрос: *Какой мальчик читает большую книгу?* (в котором первые два слова обязательно образуют одну синтагму) – полный вариант будет представлен двумя синтагмами: *Мáленький мальчик / читает большую книгу*. При кратком же ответе в нём останется только содержательно важный компонент первой синтагмы: *Какой мальчик / читает большую книгу? Мáленький*.

При любом возможном варианте синтагматической структуры слова *маленький* и *мальчик* могут быть только в одной и той же синтагме.

Что касается выделяемой автором синтагмы *книгу большую*, вообще неясно, откуда она появилась. Такой синтагмы в приведённом предложении нет. При соответствующей коммуникативной цели и необходимой интонации возможна лишь синтагма *большую книгу*. Неясно, на каком основании исследователь поменял **авторский порядок слов** в предложении. Синтагматическое членение – это не изымание отдельных частей речи и деформация их по своему усмотрению, с изменением порядка слов, а **точное их воспроизведение** на основании авторской интонации. Никакие перестановки недопустимы. Синтагматика конкретной речи – это членение её на те линейные структурно-смысловые лексические единства (синтагмы), из которых она была составлена автором. Было

бы странно, если бы слушатель, воспринимая устную речь, менял выделяемые говорящим синтагмы на какие-то варианты, Точно так же странно, когда читатель меняет авторскую структуру синтагм на свою. Это равносильно тому, как, увидев сочетание двух цифр, например 37, человек воспринимает их как 73. Письменная речь – это предельно точная трансформация устной речи и её фраз в графическую форму – в предложения, высказывания и текст с передачей адекватного содержания.

Кроме того, вызывает сомнение и то, что одни и те же слова предложения (*мальчик* и *книгу*) одновременно отнесены учёным сразу к двум разным синтагмам. Слово в речи может входить в одну и только одну синтагму – в ту, в которой оно у автора вошло в речь при линейном наращении синтагм.

Наличие у какого-либо слова синтаксической связи с несколькими словами вовсе не свидетельствует, что все они входят в одну синтагму. Только интонация субъекта с её паузами, отражая коммуникативную цель, показывает, в какую именно синтагму входит то или иное слово. Осознание авторской делимитации (разграничения) синтагм слушателем – важнейшее условие адекватного понимания речи, её реальной структуры и содержания.

Далее С. О. Карцевский утверждает, что любая фраза – это цепной ряд синтагм. Трудно что-либо возразить против этого. Но когда он начинает рассматривать выделенные синтагмы и связи в них между отдельными компонентами, указывая на согласование, управление и примыкание, то становится ясно: автор направился в сторону синтагм, но повернул к хорошо знакомым словосочетаниям и рассматривает не конкретные смысловые и грамматические отношения в синтагмах, что соответствовало бы речевому аспекту, а известные синтаксические связи между отдельными словами, смешивая при этом внутрисинтагмные и межсинтагмные объединения. Вместо синтагматического, т. е. речевого, аспекта мы видим исключительно языковой подход. Синтагма рассматривается как аналог словосочетания.

Обращает на себя внимание мысль Карцевского, согласно которой “предикативным синтагмам принадлежит главная роль **в языке**, потому что

подобные синтагмы выражают законченную мысль и **готовы в любой момент служить фразой**” (выделено нами – Е. Ф.). Произошло окончательное смешение языка и речи. Весьма примечательны последние слова: “**готовы в любой момент служить фразой**”. Однако быть **готовыми служить фразой** и **быть фразой** – в мире лингвистики совершенно разные вещи, между которыми существует довольно чёткая граница. Все без исключения содержательные элементы языка и их сочетания “готовы в любой момент служить фразой”, но ни один из них не является синтагмой, тем более предикативной.

Чтобы языковому фрагменту стать компонентом фразы, ему сначала нужно стать синтагмой, т. е. речевым компонентом. Фразы появляются в момент линейного наращения синтагм. Если перед нами фраза, то это уже сфера речи, и каждая её синтагма является минимальным исходным речевым компонентом, но если структура ещё не фраза и не синтагма, то служить она может чем угодно.

Такой грамматический признак, как предикативность, не является главным для синтагмы, но если он ей присущ, то определяется не столько её формой, сколько той ролью, которую отводит ей субъект речи. Так, учитывая регулярное использование в речи неполных структур, предикативность или непредикативность синтагмы часто определяется на основе контекста. Предикативную синтагму может образовать в конкретной речевой ситуации даже предлог, выполняющий функцию самостоятельной синтагмы. Например: – *Ты будешь чай с сахаром или без сахара?* – **Без**.

Взятая отдельно, реплика **Без**, пожалуй, никого не надоумит утверждать, что перед ним предикативная структура. Но в контексте это предикативная синтагма с ситуативным значением. Её квалификация должна осуществляться с учётом речи и имплицитно представленных компонентов: **Без** = *Я буду чай без сахара*.

Вместе с тем часто предикативная синтагма не может рассматриваться в качестве “фразы” (или предложения), даже при наличии подлежащего и сказуемого. Представим ситуацию: наблюдая, как поют под тёплыми лучами мартовского солнца прилетевшие скворцы, два человека обменялись фразами:

– *Скворцы прилетели.*

– *А в прошлом году / скворцы прилетели / ещё в феврале.*

Ради тождества предикативных центров во второй фразе использовано не более уместное местоимение *они*, а повторилось существительное. В первой фразе, которая соотносится с отдельным предложением, сообщается, что конкретные исполнители действия (*скворцы*) совершили определённое действие (*прилетели*), т. е. имеет место констатация факта. Используются два слова, но они образуют самостоятельную, грамматически и содержательно завершённую структуру, состоящую из одной синтагмы, выполняющей в письменной речи функцию предложения. Во второй фразе в смысловом плане важен уже не факт прилёта конкретных птиц, который передаётся адекватным предикативным центром (*скворцы прилетели*). Здесь важно сопоставление – то, что прошлогоднее их действие было совершено раньше. Подлежащее и сказуемое здесь образуют такой же предикативный центр, как и в первом случае. Но в первом случае это самостоятельное предложение, содержащее главную информацию. Во втором же *скворцы прилетели* – это лишь синтагма, т. е. конкретная единица конкретной незавершённой речи, которую мы не можем квалифицировать как предложение, хотя формально она полностью совпадает с первой. Но её содержание уже не является ни законченным, ни основным. Это лишь часть предложения. К тому же не она несёт основную информацию.

Эксплицитный признак предикативности синтагмы совершенно не существен для того, чтобы квалифицировать её в качестве фразы (или предложения). В системе языка – да, такая структура, безусловно, соответствует минимальной схеме предложения и может квалифицироваться в качестве модели предложения. Но в речевом отношении это необязательно предложение. Так, во второй фразе предикативная синтагма выполняет не столько содержательную (смысл ясен из ситуации), сколько структурную, обычную “упаковочную” функцию. Главную же смысловую роль выполняют остальные компоненты – так называемые структурно второстепенные члены. Мало того, эту синтагму можно заменить различными речевыми вариантами (*они прилетели, они были здесь, это произошло*) или вообще опустить. Во втором речевом фрагменте предикативная

синтагма *скворцы прилетели* не имеет и не будет иметь никакого иного статуса: она лишь часть структуры и содержания предложения, соответствующая его предикативному центру. Она содержит уже известную участникам общения информацию, что позволяет в некоторых речевых ситуациях её вообще опустить. Ср.: *Тоже мне удивил: рано скворцы прилетели! В марте. А в прошлом году – ещё в феврале.* Так что предикативная синтагма в конкретной речи структурно может соответствовать предложению в языке (точнее, структурной схеме предложения), не являясь при этом предложением в речи. В этом принципиальное отличие синтагмы как речевой единицы от обобщённых языковых единиц и в первую очередь от предложения как типичной модели.

1.4. Синтагма в понимании И. А. Бодуэна де Куртенэ и академика Л. В. Щербы

У некоторых отечественных лингвистов учение о синтагме получило иное направление, чем у Ф. де Соссюра и его единомышленников. В качестве его пионеров выступили И. А. Бодуэн де Куртенэ и его ученик Л. В. Щерба.

В русское языкознание, как отмечает академик В. В. Виноградов, термин **синтагма** вернул И. А. Бодуэн де Куртенэ. Его возвращение было связано с необходимостью разграничения сфер языка и речи, с осмыслением разного качества значения одного и того же слова в языке и в речи. Синтагмой Бодуэн де Куртенэ называл **слово** в речи, точнее в предложении, противопоставляя его тем самым слову в системе языка, для которого он использовал термин **лексема**. “Предложение, – писал он, – как целое распадается на синтагмы или слова как синтаксические единицы, синтаксические элементы. Отделение синтагм в писанно-зрительном языке достигается... посредством пауз” [59, с. 222].

Кроме того, этим термином Бодуэн де Куртенэ завершил свою систему минимальных лингвистических единиц для каждого уровня (фонема – морфема –

лексема – синтагма). Для него синтагма – это минимальная, недифференцированная конструктивная часть предложения как речевой единицы (слово или неделимое сочетание в качестве единого компонента). Он видел, что одно и то же слово в функциональном и содержательном отношении выступает в системе языка и в предложении (в сфере речи) в виде качественно разных единиц, которые нельзя отождествлять. Они различаются грамматически и содержательно. В связи с этим утверждение, что, дескать, речь (предложение) строится из слов, вызывает вполне обоснованные сомнения. В языке в значении слова отражён сущностный признак реальности, отличающий её от всех иных реальностей мира, но объединяющий по наличию данного признака со всеми однотипными предметами, т. е. слово в языке отражает реальность-тип, имеет несколько значений, и все они носят обобщающий характер. В речи в слове актуализируются самые разные акцидентные признаки конкретной реальности, очень часто – случайные, выделяющие её среди всех однотипных реальностей, оно осложняется появлением у него различных грамматических значений и, таким образом, приобретает ситуативное значение. По сути, это была первая попытка реального чёткого и последовательного разграничения двух лингвистических сфер и их единиц.

Однако в данном значении термин **синтагма** не закрепился в науке. С ним в тень ушли важные научные и методологические идеи – о необходимости чёткого и последовательного (не декларативного, а реального) разграничения сфер языка и речи, языковых единиц и речевых. Но термин не исчез, его стал использовать Л. В. Щерба. Для него, как отмечает В. В. Виноградов, было очевидно, что речь членится её субъектом не на слова, а на простейшие речевые структуры, обычно включающие в себя несколько слов. “Отдельные слова... не даны нам в “речи”. Кратчайшими отрезками этой последней являются “группы слов” (могущие, конечно, состоять и из одного слова), выражающие в процессе речи-мысли единые “отдельные предметы”, в данной ситуации далее неделимые”. Это – синтагмы. Вполне определённо высказывается Щерба о словах и их месте в речи: “Кратчайшие отрезки синтагм, которые в том или другом контексте, в той или другой ситуации, могут... играть роль самостоятельных синтагм, а то и

целых, хотя бы и неполных предложений, мы называем отдельными словами” [95, с. 48]. Так что слова, по мнению Щербы, – это компоненты синтагм, и попадают они в речь не в отдельности, а комплексно, в структуре своих синтагм. По мнению учёного, кратчайшие фонетические отрезки речи как минимальные типичные речевые единицы, на которые её можно расчленить, это синтагмы, тогда как кратчайший элемент языка, который соответствует отдельному понятию, выработанному в данном коллективе, это слово. Щерба чётко разграничивал слова и синтагмы, так как у них разные статусы. Синтагма – это единица речи, принципиально отличная от слова (единицы языка), хотя она может материально совпадать со словом, сохраняя при этом статус синтагмы. Но чаще она состоит из нескольких слов. Исследуя французскую речь, Щерба отмечал, что “французские синтагмы находят себе полную параллель в русских” [421, с. 77], порождая мысль о синтагме как общеречевой единице. Интересуясь вопросами структуры речи и минимальной речевой единицы, Щерба ещё при исследовании восточно-лужицкого наречия определил термином **группа слов** первичную фонетическую единицу речи, “выражающую одно понятие”. В качестве средств организации такой группы он называл порядок слов, их формы и интонацию, в частности, ударение, которое в каждой группе всегда на самом важном в смысловом отношении слове.

Но у термина **группа слов** был недостаток: он не соотносился с теми случаями, когда минимальная речевая единица была выражена одним словом. Поэтому Щерба вскоре заменил его термином **фраза**, но эта замена тоже не устраивала его по причине многозначности данного термина. Наконец, он остановился на термине **синтагма**, позаимствовав его у Бодуэна де Куртенэ. С его точки зрения, это наиболее удачное наименование. Синтагма напоминает ему “дыхательную группу”: в ней тоже нельзя сделать паузу для вдоха, так как будет разрушено её содержание. У Л. В. Щербы нет ни одной отдельной работы, посвящённой синтагме (не считая небольшого доклада «О синтагме», прочитанного им на семинаре в Московском институте иностранных языков в 1943 г.). Отдельные весьма лаконичные мысли о ней высказывались им в разных

работах в виде попутных замечаний. Наиболее полно они представлены в «Фонетике французского языка» (1937 г.). Здесь синтагма – “фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли и могущее состоять из слова, словосочетания и даже группы словосочетаний” [421, с. 80]. Здесь уже точнее определено значение синтагмы: она обозначает у автора уже не одно понятие, а представляет собой единое смысловое целое. Для Щербы синтагма – категория речевой деятельности. Её нельзя смешивать со словосочетанием. Она элемент речевой, индивидуальный, тогда как словосочетание – элемент языковой, общий, отражающий установившуюся сочетаемость слов в языке. Синтагмы расчленяют речь на единые структурно-смысловые отрезки, в то время как словосочетание – “сцепление слов” – существует в языке в качестве номинативного средства.

Данное положение нуждается в уточнении. Так как речь порождается в результате *последовательного* наращивания синтагм, то на эти же синтагмы она и членится при восприятии. Причём только письменная речь, так как при устном общении порождение и восприятие речи, осуществляемые разными людьми, протекают одновременно и сливаются в единый процесс общения, в котором последовательное разграничение синтагм в речи говорящего представлено весьма наглядно. Словосочетание не соотносится с идеей *последовательности* речевых единиц. Поэтому расчленить речь на словосочетания нельзя, их можно из неё только вычленить, если они вообще в ней имеются (Ср.: *Ночь, улица, фонарь, аптека...*). Так что речепорождающая функция словосочетаний, которые, по мнению некоторых лингвистов [50; 97; 305 и др.], наряду со словами являются готовым номинативным средством для построения предложений, сомнительна.

Как отмечает В. В. Виноградов, у Щербы нет чёткого разграничения синтагм и словосочетаний. Но справедливости ради нужно сказать, что такого размежевания нет в науке и сейчас, так что это замечание касается всей лингвистики и всех лингвистов, в том числе и самого Виноградова. Некоторые языковеды из числа учеников Виноградова используют эти термины как абсолютные синонимы (например, Н. Н. Прокопович).

Не всегда чётко разграничиваются у Щербы синтагма и речевой такт. Нельзя не согласиться с замечанием Виноградова, что «изложение учения о синтагме в «Фонетике французского языка» в общем было противоречиво. Оно могло подать повод к смешению синтагмы с “речевым тактом” и “дыхательной группой”» [99, с. 500]. Это действительно так, но применительно лишь к данной работе, где Щерба говорит о синтагме как **фонетическом** объединении. Однако, если рассматривать его взгляды на синтагму в их развитии, с учётом его неопубликованных рукописей, то, пожалуй, никто до него и после него не осветил её в такой полноте, как это сделал он, применительно к своему времени, с учётом того, каким арсеналом располагала тогда научная теория. Главное, что последние мысли учёного о синтагме вполне соответствуют речевой практике и научной истине. По сути, Щерба первым из лингвистов осознал основы синтагматической теории речи.

Наиболее глубоко и объективно синтагма представлена у Л. В. Щербы в его последних ненапечатанных докладах и рукописных заметках. Здесь он квалифицирует её уже как минимальную **синтаксическую единицу речи**, исходную речевую структуру, подчёркивает прагматическую роль синтагмы, справедливо видя в ней основу адекватного понимания читаемого текста. “В связной речи слышна лишь делимость на синтагмы и вовсе нет чёткой делимости на слова”. Он утверждает: чтобы правильно понять текст, нужно осознать авторские синтагмы. Но эти мысли остались в рукописях учёного.

На наш взгляд, весьма симптоматично, что сведения о синтагме как минимальной лингвистической единице были помещены у Щербы в книге о **фонетике**, в результате чего уже традиционно синтагма рассматривается лингвистами не в синтаксисе, где она реально представлена в виде важнейшей структуры речевой деятельности, а в фонетике как фонетическая единица. Её нередко сближают или смешивают с речевым тактом. При этом ссылаются на Щербу, но почему-то не упоминают, как он квалифицировал данную единицу в последние годы жизни. Тем самым сознательно или невольно искажается его окончательное мнение о ней.

Действительно, синтагма появилась у Щербы как **фонетическая единица**, как минимальный звуко-смысловой отрезок речевого потока. Но потом она трансформировалась у него в синтаксическую недифференцированную единицу порождения и восприятия речи. И это естественно: ведь прежде чем членить речь (по крайней мере, письменную) на исходные минимальные содержательные единицы, её сначала нужно составить из этих единиц. Тогда членение будет естественным, очевидным и закономерным. К тому же можно будет проверить его соответствие авторскому варианту. Рукописи Л. В. Щербы свидетельствуют о том, что он переквалифицировал её из фонетической (языковой) единицы в синтаксическую (речевую).

Многие мысли Л. В. Щербы о синтагме и её функциях – особенно последние – глубоки и весьма важны в научном отношении, поэтому заслуживают самого пристального внимания и дальнейшего развития. К сожалению, они не представлены у автора в единстве в виде системы, а находятся в его работах, докладах, стенограммах различных выступлений, не все они опубликованы и часто носят характер попутных замечаний. Но есть у него и такие высказывания, которые вызывают сомнения. Например, касаясь синтагматического ударения, Л. В. Щерба отмечал, что ударение в синтагмах всегда на последнем слове. Такое утверждение вызывает сомнения. Лучшим способом его проверки на соответствие истине будет обращение не к отдельной синтагме, а к конкретной речи с акцентированием внимания на том, на каких словах находится ударение в её синтагмах. Рассмотрим следующий речевой фрагмент, отметив жирным шрифтом слова в его синтагмах, на которые падает синтагматическое ударение:

... **Проснувшись** рано, //

В окно **увидела** Татьяна //

Поутру побелевший **двор**, //

Куртины, / **кровли** / и **забор**, //

На стёклах лёгкие **узоры**, //

Деревья в зимнем серебре, //

Сорок весёлых на дворе //

И мягко устланные горы //

Зимы блистательным ковром.

В данном речевом фрагменте 11 синтагм. Три из них однокомпонентные. Ударения в остальных синтагмах падает на слова, находящиеся в разных позициях. В первой синтагме оно на первом слове, во второй, состоящей из трёх компонентов, – на втором, в третьей – на последнем, в седьмой – на последнем, в восьмой и девятой – на первом, в десятой – на последнем и в одиннадцатой – на предпоследнем. Как видим, место синтагматического ударения определяется не формальным признаком, а смысловым.

Уместно отметить: ещё А. А. Потебня предполагал существование минимальной исходной единицы порождения речи. И. А. Бодуэн де Куртенэ попытался определить эту единицу, Он назвал её синтагмой, под которой понимал слово (и неделимые словосочетания) в речевой функции. И только Л. В. Щерба представил реальную исходную речевую единицу. Тем не менее высказывания Щербы о синтагме касаются, в основном, не порождения речи, а восприятия её. Так что вопрос синтагмы как минимальной исходной единицы порождения речи остаётся открытым.

1.5. Синтагма в освещении В. В. Виноградова

Весьма наглядно представлена пестрота мнений о синтагме в обзорной статье академика В. В. Виноградова [98, с. 88-154]. Уместно обратить внимание на то, что уже само название статьи свидетельствует, что автор по традиции, идущей от Ф. де Соссюра, относит синтагму к системе языка, а не к сфере речи. Виноградов определяет её в соответствии с мнением Соссюра как двучленную структуру, образуемую соединением двух и более знаменательных слов, связанных между собой подчинительной связью.

Но если “*двух и более*”, то признак обязательной двучленности структуры становится декларативным. Ведь членами синтагмы являются слова, и речь идёт о членах синтагмы, а не об отношениях между ними. Выходит, не каждое знаменательное слово в структуре синтагмы является её компонентом.

Синтагма не просто структура, это речевая единица. Определяется она Виноградовым как двучленная, но тут же о ней говорится, как о многочленной. Никаких пояснений по этому поводу автор не даёт. В его толковании синтагмы отразилось смешение не только сфер языка и речи, но и понятий **синтагма** и **словосочетание**. Чётких границ между ними мы у него не найдём.

Синтагма, по мнению Виноградова, не имеет признака интонации, хотя, как известно, любая знаменательная единица при её произношении обязательно характеризуется интонацией и ударением. Что же касается речевых единиц, то каждой из них, даже минимальной, исходной, присуща интонация как неотъемлемый её признак. Если нет интонации у минимальной исходной речевой структуры, то откуда она берётся при сочетании структур, не имеющих интонации? Интонация характерна для речи как обязательный её атрибут, она присуща любой, в том числе и предельно минимальной речевой единице. Другое дело, что она может быть качественно разной, что естественно. Например, даже служебное слово в диалоге может выполнять функцию синтагмы и фразы (на письме – предложения). А значит, у него должна быть соответствующая интонация. Обратите внимание на интонацию реплики в приводимом ранее речевом фрагменте: – *Тебе позвонить до перерыва или после него?* – **После**.

В ответной реплике **После** не просто интонация синтагмы, а интонация фразы (в устной речи) и интонация самостоятельного предложения (в письменной). Так что синтагма характеризуется формой, содержанием и интонацией, которая взаимосвязывает форму и содержание.

Отнесение синтагмы как речевой единицы к бинарным структурам, основанным на подчинительной связи, неизбежно приводит в тупик и автора, и его читателя, так как в данном случае остаются неясными сущность синтагмы, её

грамматические признаки, сфера функционирования и функции. Вызывают сомнения мысли, ограничивающие синтагму рамками подчинительной связи.

В. В. Виноградов не поясняет, чем различаются словосочетание в его интерпретации и синтагма, что было бы естественно и уместно после его утверждения, что “словосочетание и синтагма могут не совпадать по объёму и по функциональному употреблению” [98, с. 88]. Если “**могут** не совпадать”, то выходит, что могут и совпадать – и по объёму, и по функции. Но иллюстраций таких совпадений и несовпадений у него нет, поэтому высказывание остаётся декларативным. Словосочетание и синтагма вообще относятся к разным лингвистическим сферам, у них разные статусы, разные признаки, в том числе и несоотносительные. У них разные функции.

В. В. Виноградов упрекает Л. В. Щербу в том, что им “не описаны разные типы синтагм в синтаксической системе русского языка” [98, с. 114]. Однако в “синтаксической системе русского языка”, как, впрочем, и любого другого, синтагм нет. Синтагмы – индивидуальные реалии речи, а не языка. Нельзя описать то, чего в языке нет. Л. В. Щерба высказался предельно ясно: для него синтагма – категория речевой деятельности. Но В. В. Виноградов, справедливо критикуя Соссюра, тем не менее, дублирует его основную ошибку: настойчиво объединяет язык и синтагму, что подтверждается, например, следующей его цитатой: “...дело было не только в неисследованности синтагматического строя русского языка...” [98, с. 114]. Он говорит о “синтагматическом строе языка”, тогда как реален только синтагматический строй речи. Смещение языковых и речевых единиц – одно из проявлений неразличения языка и речи. Когда в теории говорят о необходимости разграничения сфер языка и речи – это теоретическая истина, а когда при этом на практике смешивают единицы языка и речи – это уже реальное отношение к проблеме. Эти несоответствия позже проявились у некоторых учеников Виноградова. Например, Н. Н. Прокопович, говоря о словосочетании, тут же после данного термина в скобках уточнял: “синтагма”, а говоря о синтагме, в скобках поясняет: “словосочетание”, т. е. он пользовался ими как синонимами [294, с. 11].

Понятия **синтагма, синтагматическая структура** приложимы к речи, к тексту – к той сфере, в которой появляются и существуют синтагмы, возникающие в результате спонтанного использования средств языка. Они автоматически создаются субъектом речи при передаче конкретного содержания, что выливается в конкретное сообщение в устной речи или в конкретный текст – в письменной. Читатель должен расшифровать текст, чтобы осознать и понять его содержание.

Таким образом, В. В. Виноградов представил в статье сведения об истории изучения синтагмы, хотя при этом не всегда точно отражал мнение того или иного исследователя, например Л.В. Щербы, – не все его оценки и выводы относительно мыслей Щербы о синтагме можно разделить.

1.6. Синтагма в интерпретации А. Н. Гвоздева

А. Н. Гвоздев также уделяет внимание синтагме [118]. Однако представлена она у него весьма неопределённо. Не совсем ясны её сущность и функции. Автор говорит о синтагмах применительно к устной речи и к членению предложения на письме, в связи с его чтением и восприятием, определяя их в качестве “наименьших единств слов, тесно связанных по значению и следующих одно за другим внутри предложения” [118, с. 38]. Из такого определения неясно, чем функционально синтагма отличается от слова или от словосочетания, к которому Гвоздев постоянно обращается и которое тоже представляет собой “единство слов, тесно связанных по значению”. Они тоже “следуют одно за другим”. В любой речи слова “следуют одно за другим”. Линейность речи – заданный факт.

Однако даже при такой неопределённости А. Н. Гвоздев даёт убедительные образцы деления речи на синтагмы, но что такое синтагма, в чём её сущность и назначение, так и не объясняет. Он весьма точно говорит о роли интонации в формировании и разграничении синтагм, о связи синтагм в предложении (точнее

сказать – в тексте, так как нередко синтагма совпадает по объёму с простым предложением или предикативной единицей сложного). Он ничего не говорит о сфере её функционирования. Значит, она не представлялась ему актуальной.

А. Н. Гвоздев объединяет в предложении синтагму и словосочетание, находя место каждой из этих единиц. Для читателя остаются загадками многие вопросы. Когда появляются синтагмы? Откуда они берутся? В связи с чем? С какой целью? К какой сфере они относятся? Какова сущность синтагмы? Каковы их функции? Чем они функционально отличаются от слова, словосочетания, членов предложения и самого предложения? Автор объединяет синтагму и словосочетание, не различая того, что словосочетание – теоретическая единица языка и его основная функция метаязыковая, а синтагма – исходная единица речи, основная структура всех видов речевой деятельности, что её функции – организация речи и её восприятие.

Синтагмы – минимальные единицы речи, они спонтанно порождаются субъектом речи. Синтагматический уровень речи – это уровень её порождения и восприятия. В устном общении синтагмы разграничиваются говорящим паузами и тем самым наглядно и однозначно представляются слушателям. Такая делимитация исходных речевых единиц обеспечивает адекватное понимание речи. В письменной речи, появляющейся в результате общепринятой шифрации устной, авторские синтагмы восстанавливаются читателем. Адекватность их восстановления способствует осознанию заложенной в тексте интонации и правильному пониманию текста. Если словосочетание можно назвать наглядным приёмом, отражающим то, как слова сочетаются, то синтагму следует определить как реальную исходную речевую единицу построения конкретной речи.

Вызывает сомнение мысль А.Н. Гвоздева, которую он повторяет вслед за Л. В. Щербой, о том, что в синтагме ударение падает на последнее её слово. Но это не соответствует действительности, в чём мы уже убедились. Позиция ударения в синтагме зависит от её конкретного содержания, от смысловых нюансов, назначения речи, её стилистических особенностей.

Обратите, например, внимание на синтагматику следующего предложения:

В полемической речи, / в зависимости от её смысловых акцентов, / синтагматическое ударение / может быть на любом слове, / независимо от его позиции в синтагме.

Предложение состоит из пяти синтагм. Если произносить данный речевой фрагмент с ударениями на отмеченных жирным шрифтом словоформам, такое произношение вполне естественно. Оно, например, будет характерно для возражения, основанного на объективных показателях. Если же делать ударение в синтагмах на последнем слове, содержание речи будет соответствовать констатации факта или передаче мнения. Ср.:

В полемической речи, / в зависимости от её смысловых акцентов, / синтагматическое ударение / может быть на любом слове, / независимо от его позиции в синтагме.

Так что ударные слова могут занимать любую позицию в синтагме, потому что такая позиция определяется не только значением самой синтагмы, но и содержанием речи в целом, её эмоциональным характером и назначением.

Мелодика речи и такие составляющие интонации, как паузы и ударения, – это основные средства представления содержания, его интерпретации. Интонация – такой же важный элемент структуры и содержания речи, как и сочетания слов. Знаменательные средства, используемые в речи, важны, но не менее важно, как они сказаны, с какой интонацией. Она главный ключ к их ситуативному значению и идентификации содержания слушателем.

Далее А. Н. Гвоздев пишет: “Синтагмы раскрывают, как группируются слова в предложении: в непрерывной цепи словосочетаний (выделено нами – Е. Ф.), охватывающей все слова предложения, они выделяют отдельные звенья особенно тесно связанных по значению слов; выделение такого звена в синтагму, подчёркивает его, придаёт ему относительную самостоятельность внутри предложения. В синтагму может быть выделена как группа слов, так и одно слово. Часто / наблюдаемые факты / не обобщаются. В том случае если часто будет объединено со словами наблюдаемые факты, предложение получит другой смысл” [118, с. 38-39]. Теоретически это верно, но ведь автор имел в виду какое-

то одно из отмеченных Гвоздевым значений. И читателю необходимо найти именно авторский вариант содержания. Данный пример свидетельствует о том, что содержание речи воспринимается не на предложенческом уровне, а на синтагматическом при опоре на контекст. Предложение не однозначно и само нуждается в расшифровке,

На наш взгляд, *“непрерывной цепи словосочетаний, охватывающей все слова предложения”*, о которой пишет А. Н. Гвоздев, реально нет. Словосочетание не соотносится с идеей последовательного наращения исходных единиц речи. Поэтому речь нельзя расчленить на словосочетания. Порождение речи из синтагм функционально не имеет никакого отношения к словосочетаниям: синтагмы (многокомпонентные и однокомпонентные), последовательно наращиваясь субъектом речи, сочетаются между собой благодаря смысловым, интонационным и синтаксическим связям их грамматически ключевых слов.

У Гвоздева словосочетание и синтагма – единицы предложения. Причём словосочетание у него даже первичная структура, потому что, по его мнению, именно на его основе выделяются синтагмы. Но почему это делается на основе словосочетаний, автор не поясняет.

Не замечает он и следующих причинно-следственных отношений: если синтагмы в тексте выделяются (пусть даже на любой основе), значит, **они были заложены в него изначально при организации речи**. Нельзя выделить в речи те единицы, которые в неё не заложили. Кроме того, неясно, почему речь (предложение) сначала нужно разбить на словосочетания, а потом на их основе выделять синтагмы. На наш взгляд, решать вопрос о синтагмах нужно, опираясь не на синтаксический анализ предложений, а на реальную речь и её интонацию. Логично выделять в ней те минимальные речевые компоненты, из которых она и её содержание были непосредственно составлены. Исходный принцип вполне очевиден: **из каких речевых единиц речь составляется, на их основе она и воспринимается**. Это соответствует требованиям кода.

А. Н. Гвоздев в данном случае не разграничивает сфер языка и речи, не осознаёт, что в речи словосочетаний как самостоятельных речевых единиц

вообще нет. Это метаязыковые структуры, и остались они в области методики изучения синтаксической теории языка, отражающей национальную специфику смыслового и грамматического объединения слов. Знание этой теории и развитые до автоматизма соответствующие речевые умения и навыки позволяют человеку свободно и легко порождать и использовать в своей речи синтагмы как индивидуальные исходные речевые структуры, как ситуативные лингвистические отражения конкретных фрагментов конкретного содержания. Их порождение осуществляется в непринуждённой речевой обстановке автоматически, спонтанно как естественное психическое действие речевого поведения. При каком-либо психологическом дискомфорте, когда происходит сознательное построение синтагм, речь будет иметь минимальное воздействие на адресата или вообще вызывать у него негативную реакцию.

А. Н. Гвоздев утверждает, что “выделение синтагм осуществляется на основе имеющихся в предложении словосочетаний” [118, с. 39]. Смешение сфер функционирования синтагмы и словосочетания приводит к тому, что автор даёт сомнительные рекомендации, сводя синтагматическое членение предложения к дроблению словосочетаний. Хотя при этом его образцы деления речи на синтагмы заслуживают внимания.

Деление текста на синтагмы – это вовсе не установление “возможных структурно-смысловых вариантов” отдельных предложений, как полагает Гвоздев. Это **установление авторского варианта содержания текста**. Из конкретных синтагм автором была организована конкретная речь с конкретным содержанием. Чтобы её правильно понять, читателю необходимо осознать авторскую структуру всех его синтагм, границы между ними и их интонацию. А традиционное членение текста на предложения призвано помочь ему в решении этой задачи.

Как видим, интерпретация синтагмы А. Н. Гвоздевым содержит много противоречий, вызывая сомнения и вопросы.

1.7. Вопрос синтагмы в освещении Г. И. Скепской

Проблеме синтагмы посвящена книга Г. И. Скепской «Введение в синтагматику» [313]. Автор пытается решить актуальную научную проблему применительно к французскому языку. Но уже исходные принципы и направление исследования Скепской вызывают сомнения, так как она рассматривает и определяет “синтагматику как составную часть внутрисистемных отношений **единиц языка**” (выделено нами – Е. Ф.) [312, с. 3]. Безусловно, синтагма относится к области лингвистики, но сфера её существования, как убедительно показали И. А. Бодуэн де Куртенэ и Л. В. Щерба, конкретная **речь**, а не система **языка**. К “внутрисистемным отношениям единиц языка” она не имеет непосредственного отношения. Поэтому сразу же появляются сомнения относительно каких-либо перспектив в рассмотрении синтагматики как составной части внутрисистемных отношений единиц языка.

Автор ставит своей задачей “определение синтагмы, её функциональных и семантико-синтаксических свойств, вскрытие механизма построения синтагмы, а также описание её функционирования на уровне простого и сложного единств” [312, с. 3]. Отсутствие чёткого и последовательного разграничения сфер языка и речи приводит к тому, что даже приемлемые мысли в рассуждениях автора, читателю приходится переосмысливать.

Г. И. Скепская не только разделяет тезисы Ф. де Соссюра и Ш. Балли, но и руководствуется ими в своей деятельности. Она, как и упоминаемые её предшественники, полагает, что, во-первых, синтагма всегда бинарна и, во-вторых, она относится к языку. Говоря о бинарности как обязательном признаке синтагмы, она не замечает противоречия, содержащегося в определении, даваемом ею данной единице: синтагма – это “объединение двух **и более** следующих друг за другом слов, связанных отношениями подчинения, сочинения или предикативности” [312, с. 3].

Но если синтагма – объединение двух слов и более (а это могут быть три, четыре и т. д.), то какое отношение ко всему этому имеет бинарность? И как быть с однокомпонентными синтагмами, о которых говорил Л.В. Щерба? Чтобы убедительно описать синтагму, нужно исходить в первую очередь из того, к какой лингвистической сфере принадлежит эта единица и каковы её функции. Но Скепская не учитывает ни того, ни другого. Рассматриваемая единица освещается ею на основании представления разных мнений о ней, а не в процессе анализа результатов речевой деятельности.

Автор повторяет общую ошибку большинства исследователей: говорит не о конкретных синтагмах конкретной речи (с последующими выводами и обобщениями), а о синтагме вообще, как единице языка, о какой-то виртуальной единице, которой не существует в природе. Но в отличие от В. В. Виноградова, говорившего об одном виде связи в синтагмах, она называет уже три вида синтаксической связи.

Если мы проанализируем синтагматику любой конкретной речи, то сможем убедиться, что утверждение о бинарной структуре синтагмы не соответствует действительности. Ср.:

Пруды, речку, озеро и болото – / всё сковал мороз / в течение нескольких часов.

Скепская признаёт существование синтагм с сочинительной связью. Но вместе с тем говорит, что синтагма всегда бинарна. Тогда как соотносится у неё с этим положением синтагма *Пруды, речку, озеро и болото*, которая представляет единство четырёх компонентов? Вторая синтагма состоит из трёх компонентов. Третья тоже состоит из трёх компонентов.

Субъект речи, передавая картину в деталях и делая акцент на каждом называемом объекте, мог представить четыре компонента первой синтагмы подчёркнуто раздельно:

Пруды, / речку, / озеро / и болото – / всё / сковал мороз / в течение нескольких часов.

Но и в этом случае возникает конфликтная ситуация с тезисом Скепской о бинарности синтагмы. Сейчас вполне закономерно появляются четыре однокомпонентных синтагмы, и бинарность как их сущностный признак снова превращается в фикцию.

Г. И. Скепская оставляет без внимания два важнейших вопроса: сферу функционирования синтагмы и её конкретные функции. Без них невозможно установить реальный статус лингвистической единицы. Известно, что статус любой лингвистической единицы устанавливается на основании именно этих признаков, а не на основании количества её компонентов или синтаксических связей. Синтагма, синтагматическая структура, синтагматическое членение соотносятся с речью, а не языком. Поэтому необходимо в достаточном объёме исследовать все разновидности речи с целью выяснения особенностей их синтагматического строя, а уже потом делать выводы и обобщения, касающиеся синтагмы, которые и станут основой для её теории. Но это будет теория не языка, а речи: теория порождения (построения) и восприятия речи. Путь должен быть не от гипотетической теории синтагм с виртуальной единицей к поискам аргументов и доказательств для своих представлений, а от текстов с их конкретными исходными минимальными единицами – к научной теории как системному описанию реальной картины порождения и функционирования речевых структур, независимо от чьих-либо мнений, предположений, гипотез.

Г. И. Скепская определяет три вида синтагм: 1) субординативные, с подчинительной связью между компонентами; 2) координативные, с сочинительной связью и 3) предикативные. В такой классификации однокомпонентным синтагмам места нет. Она отмечает, что “синтагме и речи (наконец-то, синтагма сближается с речью – Е. Ф.) в качестве одного из основных признаков свойственна неограниченная линейность, в то время как языковым единицам она или вообще не свойственна, например фонемам, или выступает как резко ограниченная характеристика, например, количество и последовательность морфем в слове”. Но что значит “неограниченная линейность”? Во-первых, синтагма объединена интонационно, в ней нет пауз и она произносится на одном

дыхании, так что “неограниченной линейности” у неё просто не может быть. Во-вторых, если кто-то пытается сообщить конкретную информацию в виде реального факта (например, *Завтра еду в командировку*), то о какой “неограниченной линейности” можно здесь говорить? Информация передана одной синтагмой, выполняющей функцию предложения. Так что сомнительное словосочетание (“неограниченная линейность”) нельзя считать ни термином, ни какой-либо объективной характеристикой. Ни языку, ни речи вообще не свойственна “неограниченная линейность”. Линейность любой единицы речи, в том числе и максимальной (текста), всегда ограничена конкретным содержанием, объёмом информации. Линейность же синтагмы обусловлена её однозначностью, одномерностью, т. е. недифференцированностью, а также единым дыханием. В синтагме не должно быть пауз. Поэтому она имеет чёткие границы и конкретное значение. Именно этим и определяется её линейность. Ещё, опираясь на личный ораторский опыт, сделал интересное наблюдение, касающееся объёма (линейной протяжённости) синтагмы: “Самое длительное сочетание слов [в ораторской речи] – это то, какое может быть произнесено на одном дыхании” [402, с. 242].

Г. И. Скепская сначала безоговорочно относит синтагму к языковым единицам, потом – пусть даже на основании “неограниченной линейности” – соотносит её с речью и даже противопоставляет языковым единицам. В результате такой непоследовательности неясно, к какой всё-таки сфере – к языку или речи – относится синтагма? Сфера функционирования – сущностный признак любой лингвистической единицы. В качестве характерных признаков синтагмы Скепская на основе работ Соссюра, Балли и Микуша называет “*линейность, бинарность, взаимообусловленность составляющих её частей и способность к интеграции*” [312, с. 130].

Думается, что характерные признаки – это сущностные показатели, а не акцидентные. Если это так, то выводы автора относительно признаков синтагмы уязвимы. Обратимся к следующему конкретному речевому фрагменту: *Свет погас, / и в комнате стало темно*. Соотнесём его с признаками синтагмы, названными Скепской. Характерна ли **линейность** для данного речевого

фрагмента? Безусловно. Соотносится ли он с **бинарностью**? Безоговорочно: в данной структуре два компонента. **Взаимообусловлены ли эти компоненты?** Вполне очевидно. Перед нами два структурно-смысловых компонента, между ними сочинительная связь, соединительные отношения и причинно-следственное значение. Не откажешь этому фрагменту и в **способности к интеграции** в соответствующем тексте.

Таким образом, все “характерные” признаки синтагмы присущи данному речевому фрагменту, но никто не станет утверждать, что этот фрагмент – синтагма, а не сложносочинённое предложение, состоящее из двух предикативных единиц, каждая из которых соответствует отдельной синтагме.

Таким образом, проблема синтагмы как лингвистической единицы после работы Г. И. Скепской не только не прояснилась, но, скорее, осложнилась.

1.8. Синтагма в работах современных лингвистов

Терминами **синтагма**, **синтагматический** свободно оперирует Н. Д. Арутюнова [260, с. 259–343]. Она не объясняет, что именно понимает под этими терминами, активно используя их как термины широкого употребления. Мы найдём у неё сочетания **синтагматические отношения**, **синтагматический ряд**, **синтагматический механизм**, **синтагматические связи**, **синтагматические приёмы**. Однако данные термины не приобрели общепризнанного значения, поэтому пользоваться ими следовало бы осторожнее, иначе они создают ситуацию, при которой трудно понять, что же пытается автор сказать. Любая речь (особенно научная) должна быть направлена не на затруднение взаимопонимания, а, наоборот, на максимальное облегчение его. Но каков будет уровень понимания при обильном использовании неоднозначной терминологии?

Исходя из общего содержания авторской концепции, со значительной долей вероятности можно предположить, что термин *синтагма* Арутюнова использует в качестве синонима термина *словосочетание*, а *синтагматический* – в качестве синонима слова *сочетательный*. Но ни то ни другое непосредственно не соотносится с рассматриваемыми нами лингвистическими реалиями.

Неопределённо предстаёт синтагма и в интерпретации М. И. Матусевич. Она пишет: “Членение фразы на синтагмы, *более подробное или менее подробное* (выделено нами – Е.Ф.), отражает мысль говорящего в данной ситуации” [227, с. 229]. Интересно, как *говорящий*, который в процессе речепорождения может представить лишь один вариант интонации, может членить фразы на разные по объёму синтагмы? Его синтагматика речи, отмеченная паузами, может иметь только один-единственный вариант – тот, который обусловлен передаваемым содержанием. Так что уже первое высказывание М. И. Матусевич о синтагме и её сущности вызывает вопросы и сомнения. Обращаясь к работе Е. А. Брызгуновой «Практическая фонетика и интонация русского языка», Матусевич пишет: “В книге Е. А. Брызгуновой даются убедительные примеры такого членения. Фразу *В двух километрах от города начинался лес, / а за лесом проходила железная дорога*, состоящую из двух синтагм, можно расчленить на более мелкие (? – Е.Ф.), например: *В двух километрах от города / начинался лес, / а за лесом / проходила железная дорога*. Во втором членении более чётко выступают отдельные отрезки – синтагмы. Е. А. Брызгунова называет их **минимальными синтагмами**, они не подлежат дальнейшему расчленению, если учитывать синтаксические связи между словами. Синтагмы более крупные, как в первом случае, она называет *основными*, так как “они передают лишь основное членение мысли и выделение их поэтому необходимо”. С последней цитированной мыслью можно согласиться” [227, с. 229 – 230].

Если М. И. Матусевич может согласиться с цитируемой мыслью, то нам трудно согласиться с мыслями Брызгуновой и с комментарием Матусевич, потому что совершенно неясно, как их мысли соотносятся с конкретным членением самого автора, у которого существует один вариант интонации речи (а

значит, и одно синтагматическое её членение). Так что не может быть крупных синтагм, которые в свою очередь членятся на минимальные. Это противоречит основным структурно-смысловым признакам рассматриваемой единицы – её минимальности, недифференцированности, одномерности и единству. Это противоречит речевой деятельности. Есть синтагма, и есть сочетание синтагм. Если разговор идёт о сочетании синтагм, то группу синтагм нельзя называть синтагмой. Пусть даже крупной. Ибо это ***сочетание*** синтагм.

Синтагму можно определить как минимальную единицу измерения речи. Метр – единица измерения длины. Килограмм – единица измерения веса. И синтагма, и метр, и килограмм – единицы измерения. Как нельзя утверждать, что, дескать, есть крупный метр, который членится на более мелкие метры, или весомый килограмм и менее весомый, точно так нельзя утверждать, что есть крупные синтагмы, которые членятся на минимальные, или есть крупный градус для измерения температуры и есть мелкий градус – для тех же целей. Синтагма – это одномерная речевая единица, в которой минимальному компоненту единого ситуативного значения соответствует единство (речевая нерасчленённость) структуры.

Таким образом, в интерпретации Е. А. Брызгуновой и М. И. Матусевич происходит размывание самого понятия синтагмы. Если синтагма – *минимальная* структурно-смысловая единица речи, то как она может быть “более мелкой” или “более крупной”, минимальной или максимальной (*основной синтагмой* – по терминологии Е. А. Брызгуновой). Она может быть только такой, какой она предполагалась **автором**.

Е. А. Брызгунова и М. И. Матусевич пытаются разобраться в синтагме не на уровне конкретной содержательной речи, а на уровне отвлечённого предложения, даже псевдопредложения (по терминологии В. А. Звегинцева), которое может иметь несколько вариантов членения, потому что оно не входит ни в одну речь. Оно представляет собой метаструктуру с потенциальным, никого ни к чему не обязывающим содержанием. Это материал для рассуждений общетеоретического характера. В любой же конкретной речи может быть только одно-единственное

содержание – авторское и одна синтагматическая структура – авторская, которая его представляет.

В устной речи синтагматическая структура отчётливо отражается самим говорящим благодаря интонации и разделительным паузам, а в письменной читатель должен осознать её самостоятельно (с учётом контекста, структуры его предложений, пунктуации и развивающегося содержания).

Современные исследователи обычно рассматривают синтагмы как единицы, на которые членится устная речь или текст при его восприятии. Ими активно изучаются различные фонетические аспекты синтагмы (Н. В. Бардина, Ю. В. Ванников, О. Ф. Кривнова, Т. М. Николаева, Г. И. Носова, Р. К. Потапова, Т.Х. Потемина и др.) [44; 177; 202].

Н. В. Бардина исследовала синтагму в русской спонтанной монологической речи [43, с. 3–248]. В частности, были рассмотрены интонационные особенности оформления синтагм в спонтанной неподготовленной речи. Выводы делаются на основании структурного принципа. На наш взгляд, уместно было бы делать их и с учётом содержательного принципа. Ведь основная цель речи не в том, чтобы построить те или иные синтаксические структуры (с субъектами и предикатами), а в том, чтобы адекватно передать актуальное содержание, которое при использовании средств родного языка обычно **автоматически выливается в конкретные структуры**. Передаваемое содержание определяет структуру синтагм как в устной, так и в письменной речи. Так что делимитация синтагм осуществляется исключительно по содержательному принципу. Обратившись к любому предложению (даже такому простейшему, как *Мальчик прочитал книгу*) и рассматривая его в качестве возможных ответов на ряд вопросов, в этом несложно убедиться.

По мнению некоторых исследователей, в тексте возможны разные варианты синтагматического членения. Очевидно, что в данном случае учитывается лишь одна функциональная сторона синтагм – восприятие. Но совершенно не уделяется внимания полному формату общения, который предполагает сначала речепорождение, т. е. формирование автором с помощью синтагм текста

конкретного содержания, конкретное структурирование его в целях адаптации в виде предложений, а потом уже восприятие его читателем. Сначала текст создаётся субъектом из синтагм, с последовательным выделением в нём предложений, а потом, при восприятии, он делится читателем на синтагмы с опорой на предложение и его пунктуацию. Синтагмы определяются автором, а читателем они должны восстанавливаться в их авторском варианте. Задача каждого читателя – понять авторское содержание, а не заменять его своим. Что касается мыслей о возможных вариантах членения и поиска различных смысловых нюансов, то трудно предположить, что в научном, учебном, официальном, публицистическом или даже в обычном повседневном общении субъект речи будет занят тем, что станет инкрустировать в свою речь содержание с множеством вариантов и нюансов, создавая некий смысловой калейдоскоп, игровую речевую структуру. Синтагматическая структура его текста представляет конкретное содержание, осознать которое – задача читателя.

Синтагму следует рассматривать как минимальную речевую единицу, на основании которой автор формирует текст (1), выделяет в нём предложения с целью разграничения и представления всех передаваемых мыслей (2), после чего текст воспринимается читателем (3) на основании осознания авторской интонации, синтагматической структуры и структуры предложений (4). Точное понимание текста возможно не в результате “поиска различных выразительных вариантов и смысловых нюансов”, а благодаря осознанию его авторской синтагматической структуры и её интонации. Общее содержание текста представлено в виде последовательного наращения значений всех его синтагм. И любое несоответствие между границами синтагм, из которых он составлен, ведёт к искажению авторского содержания.

В настоящее время учение о синтагме является в значительной степени проблемным. Если синтагма – основная единица построения речи и её восприятия, то трудно разделить мысль, часто повторяемую многими современными лингвистами, согласно которой “в синтагматическом членении речи выявляются тонкие смысловые и стилистические оттенки сообщения” [177].

В устном общении синтагматическое членение речи осуществляет сам говорящий, который представляет всегда какой-то один интонационный и смысловой вариант сообщения. Естественно, что и в его письменный вариант автор тоже закладывает один вариант содержания. Задача читателя – правильно понять авторское содержание. Если автор создаёт из синтагм синтагматическую структуру текста, тем самым материализуя предназначенное для передачи содержание, то только адекватное осознание этой материи позволит читателю правильно понять содержание.

“Синтагму можно рассматривать как психолингвистическую единицу порождения речевого потока. С одной стороны, она участвует в порождении “речи-мысли”, а с другой – является “предельной (минимальной) единицей речи”. Поскольку синтагма выделяется в связной речи и образует её, то естественно считать, что она является единицей уровня речи” [177, с. 1].

В. К. Колобаев безоговорочно относит синтагму к единицам речи, поэтому вполне логичным и последовательным представляется его утверждение о том, что синтагма является одной из основных единиц коммуникации. Можно добавить: минимальной (предельной) и исходной коммуникативной единицей при построении речи и её восприятии. Однако для него она прежде всего единица **членения речи**. Совершенно верно отмечая, что синтагма – вовсе не национальное явление и не уникальное, он видит разницу в языках “лишь в том, как происходит членение на синтагмы и от чего оно зависит”. “Синтагма – единица речи, линейная единица, которая возникает как результат естественного членения потока речи” [177, с. 2].

Но если членение речи на синтагмы составляет национальную специфику языка, то обусловлена эта специфика вовсе не членением речи, ибо членение – это следствие. Обусловлена национальная специфика особенностями сочетания слов в структуре синтагм и наращением последних в процессе порождения речи. Но этот факт выпал из поля зрения исследователя.

Чтобы членить речь на синтагмы, её, во-первых, нужно сначала из них составить. Во-вторых, что́ следует понимать под “естественным” членением речи,

о котором говорит Колобаев? Членение речи на слова – естественно оно или нет? А членение на предложения? Очевидно, что нужно говорить о членении речи на те её однотипные речевые единицы, на основании которых происходит её восприятие. А восприятие осуществляется на основе тех единиц, из которых речь непосредственно составлена. В-третьих, учитывая, что существует несколько типов речевых единиц (синтагма, простое предложение, сложное предложение, высказывание, текст), членение потока речи при изучении её возможно на уровне любой из её однотипных единиц. И каждое такое членение будет правомерным. Однако естественным членением при восприятии речи будет такое членение, которое соответствует характеру порождения текста, т. е. синтагматическое членение.

У речевых единиц разные функции. У синтагм – функция порождения речи (для её субъекта) и функция восприятия (для слушателя и читателя). У предложений – функция структурирования текста и его содержания на уровне отдельных мыслей. У высказываний – функция структурирования текста на уровне его микротем. Членить речь можно на те речевые структуры, из которых она была составлена или с помощью которых была традиционно оформлена.

Синтагмы **возникают** не при членении текста, как полагает В. К. Колобаев, а при его порождении. Представленные автором, они идентифицируются читателем, что обеспечивает ему точное понимание содержания. Убедителен предлагаемый В. К. Колобаевым смысловой принцип членения текста на синтагмы, который должен выступать в качестве основного. Но кроме него, учитываются ритм, интонация, а также синтаксические, графические и другие показатели, способствующие осознанию авторской интонации, заложенной в тексте.

Освещение синтагмы и её функций не лишено у В. К. Колобаева противоречий. Так, он утверждает: “В зависимости от интенции говорящего или читающего синтагма может состоять из разного числа компонентов, и в случае если таких компонентов насчитывается достаточно много или, наоборот, слишком мало, **говорящий** или **читающий** (выделено нами: странное объединение лиц,

осуществляющих разные речевые действия и причём в разных сферах – Е. Ф.) вынуждены будут сделать паузы внутри синтагмы или произнести на одном дыхании одну или несколько синтагм. Следующее предложение, например, можно условно, если исходить из всего текста, рассматривать как одну синтагму: *Diana Sedleigh was a small slim woman with almost black straight hair which was cut short and dung to her small head sweeping in a little neat pointed curve round her face on each side...* Целое предложение может быть синтагмой, если его рассматривать не само по себе, а как компонент или смысловую часть более сложного единства, когда необходимо понять его смысл в контексте сложного целого. Правомерно рассматривать приведённое предложение как одну синтагму, являющуюся компонентом более сложного целого, например главы” [177, с. 1-2].

Данное утверждение воспринимается не без сомнения. Причина его появления, на наш взгляд, в том, что для Колобаева синтагма – это единица членения текста при восприятии. Но чтобы воспринимать текст, его нужно сначала **составить**. Но Колобаев лишь попутно упоминает о “порождении речевого потока”, тогда как порождение текста – основа его понимания.

Такое расширительное понимание синтагмы вносит путаницу в её изучение. Особенно это странно после предыдущих рассуждений автора о том, что, дескать, синтагма – “предельная единица речи”.

Цитированное В. К. Колобаевым сложное предложение английской речи ни при каких условиях не может соответствовать одной синтагме. Ссылка на авторитет не делает его утверждение истинным. Мнение авторитета – вовсе не аргумент, а лишь совпадающая точка зрения, которая, как известно, может быть истинной, но может быть и ошибочной. В данном случае структуры приводимого Колобаевым сложного предложения недостаточно, чтобы однозначно определиться в количестве синтагм в нём. Но то, что оно включает нескольких синтагм, очевидно и не подлежит никакому сомнению.

Таким образом, чтобы синтагмам “возникнуть в процессе членения речи”, им необходимо несколько ранее “возникнуть” при организации текста. Читатель не создаёт синтагмы, а лишь идентифицирует их в тексте, чтобы адекватно понять

содержание, он не создаёт свой вариант синтагматической структуры текста, потому что это будет вести к своему варианту содержания. Понимать содержание текста по-своему, а не так, как его понимал автор, – значит искажать его. Безусловно, в тексте автор может представить ошибочное решение вопроса, выразить неубедительные мысли и идеи, но прежде чем с ним дискутировать, читателю нужно правильно понять его.

Исследованию текстообразующей роли синтагмы посвящена диссертационная работа **Л. М. Ждановой**. Автор вполне обоснованно высказывает мысль о том, что минимальной единицей текста является синтагма, которая обладает “смысловой, лексико-синтаксической и просодической целостностью”. Эта мысль вполне соответствует реальности. Однако этого не скажешь об утверждении автора о синтагме, согласно которому “все [её] свойства и параметры... устанавливаются самим текстом” [138, с. 23], ибо всё в тексте, как и сам текст, устанавливается автором.

Данное утверждение противоречит логике автора диссертации: если синтагма, по утверждению автора, является ‘текстообразующей единицей’, то очевидно, что не текст определяет её параметры, а наоборот, сам определяется её свойствами и качествами. “Минимальные единицы текста, синтагмы, зарождаясь и оформляясь в условиях текста, приобретают статус функционирующих единиц, действия которых направлены на оформление текста как коммуникативного и смыслового целого” [138, с. 23]. Однако синтагмы не оформляют текст, они его порождают, создают. Традиционно оформляется он при помощи совсем иных речевых единиц. Только при опоре на реальные единицы его оформления можно разобраться в его синтагматической структуре и содержании.

Изучением синтагмы активно занимается **О. С. Родионова** [299–302]. В многочисленных публикациях она говорит о синтагме как универсальной единице **членения текста**, уделяет внимание её интонированию, коммуникативным и информационным функциям, соотнесённости с определённым дискурсом и фоностилем. Родионова пытается выявить влияние системы языка на интонационную подсистему, на просодическую делимитацию текста, основной

единицей которого, по её мнению, является синтагма. Исследователь уделяет внимание восприятию синтагмы в структуре текста, но ничего не говорит о том, что восприятие синтагм обусловлено тем, что именно из них был составлен текст. Поэтому не совсем ясно, на какие именно синтагмы следует членить текст: на те, из которых непосредственно была создана автором синтагматическая структура текста как смысловнесущая его основа, или на те, которые установлены читателем.

Естественно, реальными единицами восприятия текста могут быть только те структуры, из которых он составлен. Но этой мысли и такого подхода мы не находим в работах Родионовой. Поэтому появляются некоторые сомнения, что можно убедительно рассматривать синтагматику текста и его восприятие, не заинтересовавшись тем, как эта синтагматика была определена самим автором.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» в статье «Синтагма», написанной **Н. Д. Светозаровой**, представлены три значения термина. Одно из них отражает мнение Ф. де Соссюра о синтагме как сочетании “определяемого” и “определяющего” компонентов в языке или речи, другое соответствует мнению Л. В. Щербы на начальном этапе его интереса к синтагме, когда он определял её как “фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли”¹. Однако в статье ничего не сказано об эволюции взглядов учёного на синтагму, а они у него существенно изменились. Истинные взгляды Щербы не нашли отражения в словаре. Согласно третьему толкованию синтагма – “интонационно-смысловое единство, которое выражает в данном контексте и в данной ситуации одно понятие и может состоять из одного слова, группы слов и целого предложения”.

На начальном этапе изучения синтагмы Л. В. Щерба трактовал синтагму с заметным креном в область фонетики: как “единство смысловой и звуковой сторон при доминирующей роли первой”. Но позже он пришёл к мысли, что синтагма – явление структурно-содержательное, синтаксическое. Она присуща как устной, так и письменной речи, где её роль в организации и адекватном

¹ Светозарова Н. Д. Синтагма / Н. Д. Светозарова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 441.

восприятию содержания текста становится первостепенной. Об этом он говорит в последних своих рукописных работах и в выступлениях на конференциях ²[См. об этом: 95, с. 31–62; 99, с. 488–516].

Н. Д. Светозарова пишет: “Поскольку синтагму составляют слова, тесно связанные по смыслу, она **обычно** (выделено нами – Е. Ф.) представляет собой и синтаксическое единство” [309, с. 441]. Данная мысль нуждается в уточнении: синтагма представляет собой синтаксическое единство не “обычно”, а **постоянно, всегда и обязательно**. Это её грамматическая, смысловая и функциональная сущность: быть структурно-смысловым единством при организации речи и квалифицироваться именно так при её восприятии.

Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова представляют синтагму в своём словаре как результат членения читателем предложения, которое “строится из слов и словосочетаний” [303, с. 281–282]. Такое утверждение не может не вызвать сомнений, ибо получается, что текст составляется (шифруется) одним человеком, а воспринимается (дешифруется) другим, и при этом у них разные (?) единицы шифровки и дешифровки.

С. Г. Тер-Минасова в монографии «Синтагматика речи: онтология и эвристика» уделяет внимание сочетаемости языковых единиц, в том числе и синтагме. Как поясняет автор, в монографии “ставится вопрос о важнейшем аспекте механизма речеобразования (порождения речи) – синтагматике как учении о способах соположения минимальных значащих единиц языка в речи. Рассматриваются все виды синтагм – от производных и сложных слов до предикативных синтагматических единиц. В центре внимания – словосочетание как важнейшая уникальная единица языка и речи, теория и методы изучения словосочетания, его стилеразличительные возможности, роль в разработке методики преподавания иностранных языков, а также в повышении культуры речи” [337, с. 5].

Как видим, у С. Г. Тер-Минасовой своё понимание синтагмы и синтагматики, сфер языка и речи, языковых единиц и речевых. Но если она собирается говорить

² См.:

“о соположении минимальных значащих единиц **языка в речи**”, не совсем ясно, какое отношение к организации речи имеет синтагматика сложных и производных слов? Какое отношение к ней имеет сочетание морфем в слове? После убедительного и чёткого разграничения слова как единицы языка и слова как единицы речи, представленного И. А. Бодуэном де Куртенэ и Л. В. Щербой, трудно разделить мысли и взгляды, касающиеся языка и речи, когда при этом названные сферы не разграничиваются и не дифференцируются их единицы.

Очевидно, что не все лингвистические единицы принадлежат одновременно обеим сферам и реализуют в них свои функции. Выделение словосочетания в качестве самостоятельной единицы **языка** и **речи** и наделение его речеорганизующей функцией не соответствует речевой действительности и речевой практике. Речепорождение носит линейный характер и представляет собой последовательное наращение речевых единиц. Следовательно, на эти единицы речь можно и расчленить. Однако словосочетание не соотносится с принципом последовательного наращения речи, её нельзя расчленить на словосочетания: их из конкретной речи можно только вычленить (если они вообще в ней есть). И это опровергает утверждение о речепорождающей функции словосочетания.

В описании словосочетания С. Г. Тер-Минасова разделяет мысли академика В. В. Виноградова, не задаваясь при этом естественным для исследователя вопросом: а насколько они соответствуют речевой практике и, в частности, её личной речевой деятельности. Действительно ли, она строит свою речь из словосочетаний.

Под "общей синтагматикой" С. Г. Тер-Минасова понимает “учение о всех вообще способах линейного соположения элементов в любом языке, независимо от того, носят они лексический, словообразовательный (соположение морфем), морфологический (соположение компонентов аналитических форм слова) или синтаксический (соположение слов) характер”. Она следует за Ф. де Соссюром, он говорил о необходимости разграничения языка и речи, но сам этого почему-то

не делал. Относя синтагму к языку и к речи, он тем самым на практике смешивал те лингвистические сферы, которые в своей теории призывал различать.

С. Г. Тер-Минасова разделяет распространённое мнение о том, что слово является основной, “**предельной** единицей построения речи”, и это выглядит несколько странно после её утверждения о рчеорганизирующей функции словосочетаний. Кроме того, слово в языке имеет обобщающее значение, в то время как у единиц речи значения конкретные, ситуативные. Возникает естественный вопрос: как слово с таким качеством значения вписывается в совершенно иную сферу? Этот вопрос остаётся без ответа. Кроме того, если речь строится из отдельных слов, как знаменательных единиц, почему её содержание не воспринимается на уровне значений этих слов?

Вспомним пушкинскую строку: *Мой дядя самых честных правил...* Можно ли на уровне слов понять её адекватно авторской интерпретации? Восприятие этой строки на уровне слов, как “предельных единиц речи”, гарантирует ошибочное её понимание. Чтобы правильно её понять, нужно ориентироваться не только на словарь и отражённые в нём значения слов, а на речевую деятельность народа, на культурное его наследие. Словарных значений слов недостаточно для точного её понимания (*Мой + дядя + самых + честных + правил...* = искажение содержания). Но многие современники поэта поняли его, потому что увязали содержание этой строки не только со словарными значениями отдельных слов, но и с опубликованной накануне басней Крылова о ретивом, исполнительном Осле, которого крестьянин нанял охранять огород и который так усердно гонял птичек при их приближении, мчась через огород, что вскоре всё на нём вытоптал. В басне говорилось: “*Осёл был самых честных правил...*”. Речевой фрагмент басни Крылова стал аллюзивным материалом, ключом к адекватному пониманию строк романа Пушкина. Сочетание *самых честных правил* должно рассматриваться как единая содержательная структура, оно должно войти в общую синтагму с определяемым словом. Данный пример отражает одну из бесчисленных ситуаций формирования конкретного, ситуативного значения синтагмы. Любая речь воспринимается на уровне тех минимальных речевых единиц, из которых она

непосредственно составлена. И если она понимается не на уровне слов, то следует признать, что не из отдельных слов как самостоятельных единиц языка она и составляется.

Выводы к главе 1

1. Анализ литературы свидетельствует:

- многие лингвисты осознают необходимость выделения синтагмы в качестве лингвистической единицы;
- среди них нет единого мнения в вопросе об отнесении этой единицы к языку или речи;
- нет единства мнений о сущности синтагмы, её структуре, объёме, функциях.

2. Некоторые лингвисты, смешивая словосочетание и синтагму, определяют последнюю как **единицу восприятия** речи и ничего не говорят о её роли в организации речи, создавая впечатление, что синтагма является порождением читателей при чтении текста.

3. В настоящее время термин **синтагма** по-разному понимается лингвистами.

1) *Синтагма* – это бинарное объединение языковых или речевых единиц с установлением между ними отношений определяемого и определяющего на морфемном, словесном, морфологическом или синтаксическом уровнях (Ф. де Соссюр, Ш. Балли и их последователи);

2) *Синтагма* – это слово в речи, в структуре предложения, в отличие от слова – лексемы – как единицы системы языка (И. А. Бодуэн де Куртенэ);

3) *Синтагма* – единица членения предложения, которое строится при помощи слов и словосочетаний, а воспринимается на основе синтагм (А. Н. Гвоздев, Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова);

4) *Синтагма* – это синоним термина *словосочетание* (Н. Н. Прокопович);

5) *Синтагма* – фонетическое единство, выражающее смысловое целое в процессе речи-мысли (ранний Л. В. Щерба, Л. Р. Зиндер, Л. Л. Буланин и др.);

6) *Синтагма* – результат членения текста читателем на мелкие или более крупные речевые структуры при чтении (Е. А. Брызгунова, М. И. Матусевич, В. К. Колобаев, Г. Кундротас, Б. М. Лобанов);

7) *Синтагма* – синтаксическая единица; минимальный интонационно выделяемый структурно-смысловой компонент речи, осознание которого способствует адекватному пониманию содержания (поздний Л. В. Щерба, Н. В. Черемисина).

4. Существуют и другие толкования синтагмы. Такое разнообразие мнений и обилие интерпретаций указывают на то, что изучение данной лингвистической единицы находится ещё на начальном этапе, в стадии поиска. Сведения о ней, по утверждению В. В. Виноградова, в настоящее время ещё не представляют концептуальной системы знаний, несмотря на то, что синтагма – общеречевая единица, основная структура речевой деятельности.

В связи со сказанным необходимо целенаправленное исследование синтагмы как в речи отдельного языка, так и в речи разных языков. Вопрос даже не столько в том, какой единицей является синтагма – языковой или речевой, сколько в том, что именно она **предельно минимальная, недискретная единица порождения и восприятия речи** и всех составных речевых структур.

Глава 2

СФЕРЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ МИРА

2.1. Язык и речь как самостоятельные лингвистические сферы

Даже при обычном лингвистическом развитии личности, не говоря уже о научных исследованиях, необходимо учитывать бинарную структуру лингвистического мира, которая представлена **сферой языка** и **сферой речи**. О необходимости их осознания и разграничения говорили многие лингвисты, начиная с В. фон Гумбольдта [124, с. 100], Г. Пауля [269, с. 441] и Ф. де Соссюра [323, с. 56].

Но среди них мало было тех, кто в своей деятельности именно так и поступал. Если человек говорит о важности разграничения лингвистических сфер, но при этом сам объединяет или смешивает единицы разграничиваемых сфер, как это делал, например, Ф. де Соссюр и его многочисленные последователи, то его призывы представляются неубедительными. Наиболее последовательно разграничивали эти две сферы И. А. Бодуэн де Куртенэ и Л. В. Щерба.

При освещении лингвистических проблем необходимо придерживаться целого ряда принципов. И первый из них – чёткое и последовательное разграничение языка и речи. Смешивая эти сферы или их единицы, нельзя представить никакой убедительной лингвистической концепции, так как любая из них уже изначально будет деформирована.

Язык – это статическая система, код, номинация, общенародный арсенал установившихся лингвистических средств, парадигм, предписаний, правил и требований. Его единицы предполагают: *существование до речевой деятельности субъекта, отдельность, самостоятельность, всеобщность, заданность структуры, обобщённость значения, воспроизводимость*.

Так, слово как языковая единица называя предмет, определяет его по сущностному признаку, противопоставляя всем другим предметам, у которых

иные сущностные признаки. Оно обозначает любую из бесчисленных однотипных реалий, независимо от их индивидуальных признаков и качеств.

Речь – это динамика, лингвистический способ формирования, выражения и передачи мыслей, чувств, тончайших движений души. Её единицы предполагают: *индивидуально-креативный характер порождения в процессе продуцирующей речевой деятельности, субъективную заданность структуры и содержания, коммуникативное назначение, структурно-смысловую сочетаемость, конкретность структуры и ситуативность значения.*

Речевые единицы, отражая реалии, разграничивают их не только по сущностным свойствам, но и по актуальным акцидентным признакам, даже ситуативным показателям, порой совершенно случайным, выделяя данный предмет не только из всех существующих предметов, но и из бесконечного ряда аналогичных, делая его предельно узнаваемым.

Таким образом, единицы языка и речи – это качественно разные лингвистические реалии, их смешение ведёт к автоматическому смешению сфер языка и речи, что неизбежно приводит исследователя в тупик.

2.2. Единицы языка и единицы речи и их назначение

Лингвистические сферы языка и речи – объективная реальность. Естественным, если существуют две сферы, то существуют и две группы присущих им единиц. Все лингвистические единицы дифференцируются по нескольким признакам, первым из которых является их отношение к языку или речи. По этому признаку все они подразделяются на **языковые** и **речевые**.

Речевые единицы тоже разграничиваются по нескольким признакам:

- по материальному выражению (на звуковые и графические);
- по отношению к устной и письменной форме (на: присущие обеим формам речи; присущие только устной речи; присущие только письменной речи);

– по отношению к порождению и оформлению речи (на речепорождающие и речеооформляющие);

– по составу (на недискретные и дискретные);

– по значению (на одномерные и многомерные) и по функциям.

Сфера языка охватывает единицы, которые относятся к общенародному арсеналу лингвистических средств. Это **звуки, буквы, морфемы, слова** как номинативные единицы словарной системы, **словоформы** как конкретные члены морфологической парадигмы конкретной лексемы, схемы **словосочетаний** как метаструктур и **структурные схемы предложений**.

Сфера речи – область функционирования лингвистических средств, она включает бесчисленные факты индивидуального, обычно автоматического использования этих средств при отражении различных фактов действительности, в том числе мыслей, их оттенков, чувств, различных состояний и движений души.

Минимальной единицей речи является **синтагма** (греч. *syntagma* – "вместе построенное, соединенное"). Синтагма – конкретное индивидуально-авторское речевое образование, обычно автоматически, спонтанно возникающее в сознании, представляющее собой интонационное, грамматическое и смысловое объединение нескольких слов, воспринимаемых в качестве минимального речевого компонента, отражающего единый факт ситуативного содержания. Это одномерная единица, в которой единой (недискретной) структуре соответствует один компонент содержания.

Даже будучи графически составной, синтагма предельно минимальна и как речевая единица неразложима. Речевой единицы меньше синтагмы нет. Это исходная речевая структура.

Благодаря синтагмам можно лингвистически отразить любой из бесчисленных минимальных фрагментов мира с учётом его актуальных акцидентных признаков, т.е. передать те фрагменты, которые лингвистически можно отразить только сочетанием слов в качестве единого целого.

Кроме синтагмы, к речевым единицам относятся **фраза** и **сообщение** – в устной речи, а также **простые и сложные предложения, высказывание** (в иной

терминологии: **сложное синтаксическое целое, межфразовое единство, предикативно-релятивный комплекс**) и **текст** – в письменной речи.

Все лингвистические единицы функционально дифференцированы и закреплены за той сферой, в которой реализуются их функции. Важно учитывать, что применительно к языку и речи существуют две формы – устная и письменная.

Естественно, что одни единицы характерны только для устной формы (**звук** – в языке, а **фразы** и **сообщение** – в речи), другие – только для письменной (**буква** – в языке, а **предложения, высказывания** и **текст** – в речи), а третьи присущи обоим формам (**морфемы, слова, словоформы** – в языке, **синтагмы** – в речи).

Обе группы лингвистических единиц можно представить следующим образом.

1. **Единицы языка** как общего для всех носителей арсенала лингвистических средств.

Звук (на письме – **буква**) – элементарные единицы, в которых материализуются морфемы, слова и словоформы. **Морфемы** – минимальные структурно-смысловые компоненты слов и словоформ.

Слова – единицы языковой номинации.

Словоформы – единицы морфологических парадигм.

Схемы словосочетаний – абстрактные метаязыковые образцы семантической и синтаксической сочетаемости слов.

Схемы предложений – абстрактные метаязыковые образцы структур предикативных единиц.

2. **Единицы речи** как индивидуально-креативные образования в процессе устного и письменного общения.

Таким образом, дифференциация лингвистических единиц на языковые и речевые, а речевых – на единицы устной речи и единицы письменной речи – объективная реальность, без учёта которой невозможно получить адекватные научные данные при исследовании речи. Их соотносительность и взаимоотношения можно отразить на схеме 1.

Речевые единицы устной и письменной форм речи

Все типичные речевые компоненты образуют систему **регулярных речевых единиц**. Синтагмы в ней – элементарные структуры, предельно минимальные, исходные, спонтанно появляющиеся в сознании человека, представляющие лингвистическое отражение конкретных недискретных фактов воспринимаемого мира. Непосредственно из них путём их линейного наращения составляются все остальные единицы устной и письменной речи. Только синтагма является недискретной, т. е. предельно минимальной и не членимой на более мелкие речевые структуры, единицей, все остальные речевые единицы – дискретные структуры. В процессе последовательного наращения синтагм в устной речи выделяются фразы, а в письменной – простые и сложные предложения. С дальнейшим наращением синтагм в устной речи формируется полное сообщение, а в письменной – текст. Сообщение и текст – соотносительные единицы: они идентичны по содержанию и различны по форме и материалу представления.

Фразы и предложения как речевые формы выражения мысли соотносительны, но не тождественны, что отмечал Л. В. Щерба. Нельзя

использовать эти термины как синонимы, ибо они отражают разные по материальному выражению лингвистические реалии соответственно в устной и письменной речи, часто не совпадающие по структуре и содержанию.

Все единицы речи – коммуникативные структуры. Коммуникативность фраз, предложений, высказываний и текста очевидна, коммуникативность синтагм не столь наглядна, но это её не отрицает и не устраняет. Если главный признак речи – коммуникативность, он должен быть присущ каждой её отдельной самостоятельной единице, в том числе и минимальной.

Коммуникация начинается с синтагмы как исходной структуры речи. Коммуникативное значение у одних синтагм наглядно, у других – менее отчётливо. Так, в следующем речевом фрагменте оно выражено весьма чётко. Ср.:

– Ты придёшь до перерыва или после него? – **После.**

– Ти прийдеши до перерви чи після неї? – **Після.**

Ответ представлен одним словом. Речевая практика свидетельствует, что слово *после*, сочетаясь с существительными, выполняет функцию предлога, а с глаголами – функцию наречия. Здесь оно является предлогом (*после перерыва*). Согласно языковой компетенции предлог *после* способствует образованию предложно-падежной формы существительного и передаче конкретного грамматического значения. Но в ответе в качестве речевой единицы **После** является самостоятельной синтагмой, выполняющей в устной речи функцию фразы, а в письменной – отдельного предложения с конкретным содержанием, по сути, выполняет функцию лаконичного полного сообщения: **После** = Я приду *после перерыва*. В данном случае это его речевое значение. В сфере языка ничего подобного у него нет. Речевое значение всегда обусловлено конкретной ситуацией. Говорить о значении конкретной синтагмы нужно, не вырывая её из речи, в которую она органически вписана и является только её компонентом. Коммуникативность однокомпонентной синтагмы **После** здесь очевидна.

Коммуникативность – общее качество речи и всех её регулярных единиц. Было бы нелогично утверждать, что в одних случаях синтагма является коммуникативной, а в других – некоммуникативной. Признаки у неё постоянны.

Другое дело, насколько отчётливо они проявляются в той или иной речевой ситуации. Значение синтагмы (особенно однокомпонентной) становится вполне ясным при её сочетании с другими синтагмами. Ср.:

Зря они туда не ходят (следовало бы ходить) – одна синтагма и

Зря / они туда не ходят (имеют какой-то интерес) – две синтагмы.

В традиционном графическом отражении это тождественные структуры, но в синтагматическом и содержательном отношениях они разные. Перед нами разная делимитация исходных речевых единиц. Первое предложение представлено одной синтагмой, без пауз. Второе включает две синтагмы, разделённые паузой. Синтагма *Зря* имеет значение: ‘без какого-то личного интереса’. Проясняется оно на фоне второй синтагмы, чем и подтверждается её коммуникативность, т. е. она проявляется в сфере **конкретной** речи. А появилась она в сознании субъекта речи именно в этом речевом значении.

Когда слова в процессе речи автоматически объединяются в синтагму и включаются в сферу речи, их индивидуальные значения, создав смысловое единство, способствуют формированию и передаче общего ситуативного содержания, минимального коммуникативного фрагмента.

Таким образом, синтагма как минимальная речевая структура выступает в качестве одномерного, недифференцированного фрагмента коммуникации. И это естественно, так как основной признак речи – коммуникативность и он присущ каждой каждой речевой единице, в том числе и минимальной.

Иными словами, синтагма – речевая единица, следовательно, коммуникативная структура. Как капля отражает сущность воды, так и синтагма отражает сущность речи. Если допустить, что синтагма — некоммуникативная структура, возникает курьёзная ситуация, связанная с появлением в речи коммуникативности в условиях, когда основная единица её порождения некоммуникативная. Как из капель состоят все реки, так из синтагм состоят все предложения и тексты.

2.3. Субъекты речевой деятельности

Очевидно, что решать вопросы речи безотносительно к видам речевой деятельности (продуцирующим и рецептивным) и её субъектам (субъекту порождения и субъекту восприятия), без учёта её форм (устной и письменной), а также отношения её единиц к порождению речи или её оформлению, к устной форме или письменной – некорректно. Существуют четыре вида речевой деятельности: два – в устной форме (говорение и слушание) и два – в письменной (письмо и чтение). Если учитывать её разные виды и формы, а также то, что в ней участвуют разные субъекты, у которых разные цели и разные речевые действия, представляется естественным, что ограничиваться каким-то одним универсальным решением рассматриваемой проблемы недостаточно.

В устном общении будет одна картина порождения и восприятия речи, а в письменном – несколько иная. В устной речи в момент её порождения и интонационного выделения всех её исходных речевых единиц одновременно происходит и её восприятие – с появлением каждой очередной синтагмы. Направления действий субъекта речи и субъекта её восприятия совпадают и синхронно продвигаются от начальной точки общения к конечной.

Говорящий идёт от содержания к речевым формам его воплощения, а слушатель в это же время продвигается на уровне синтагм от их форм к значению и в результате наращивания значений – к общему содержанию.

Для устной речи актуальны одни единицы (синтагмы, фразы, сообщение), для письменной – другие (синтагмы, предложения, высказывания, текст). У автора – одни речевые действия, у читателя – другие. Действия автора направлены от содержания к отражающим его речевым структурам, но уже к тем, которые характерны для письменной речи, а речевые действия читателя, как и слушателя, направлены от речевых структур к содержанию. Так что у субъекта речи и субъекта её восприятия разная речевая деятельность, обусловленная разными их коммуникативными целями и разной направленностью.

Порождение речи – вовсе не выборочное распространение некой абстрактной схемы отдельными словами или заполнение каких-то виртуальных синтаксических позиций членами предложения, как это настойчиво внушает нам современная концепция, создавая впечатление, что речь строится ради предложений с их различными синтаксическими позициями и с эксплицитными или предполагаемыми их заполнителями. Порождение речи – это спонтанный, автоматический процесс, вызванный необходимостью передачи какого-то актуального содержания. И осуществляется он на основе доведённых до автоматизма речевых умений и навыков путём последовательного наращивания минимальных, спонтанно возникающих в сознании исходных речевых единиц.

Восприятие письменной речи осуществляется путём осознания синтагматической структуры текста и её интонации на основе структур его предложений, выделяющих все его мысли и тем самым позволяющих быстро и эффективно проводить работу последовательного осмысления содержания текста на уровне выделенных в нём предложений.

2.4. Противоречия в теории порождения речи

В лингвистике и психолингвистике существует несколько концепций построения (точнее, порождения) речи [97; 106; 147; 212; 401], в связи с чем возникает естественный вопрос: почему процесс порождения речи у всех людей один, а его интерпретаций несколько? Такая ситуация вызывает сомнения относительно своей логичности, объективности и соответствия исследуемому объекту, заставляет размышлять о её причинах и необходимости надёжной верификации предлагаемых концепций. С убедительными и эффективными её методологическими принципами, вполне уместными методическими способами и приёмами. Очевидно, что если научная концепция порождения речи строится на

основе речевой деятельности, с учётом всех её видов – и продуцирующих, и рецептивных, – то ею же она должна и проверяться при верификации.

Вспомним наиболее известные из этих концепций.

В своё время Н. Хомским была предложена стохастическая модель порождения речи. Она представляла речь в виде цепочки непосредственно составляющих её **языковых** компонентов. Автор утверждал, что речь строится на основе элементарных “ядерных предложений”, которые он квалифицировал как непосредственно составляющие “базовые” **языковые** элементы. Появление в речевой цепи каждого нового элемента обусловлено предыдущими компонентами.

Модель была разработана на основе принципа, согласно которому язык является особым механизмом, создающим правильные фразы.

Но если у одних носителей языка эти фразы правильные, а у других – не очень, то, по-видимому, дело здесь не только в языке, якобы “создающем правильные фразы”, хотя грамматические правила представляют систему, позволяющую порождать и понимать бесконечное число предложений.

По отношению к структуре предложения Хомский активно пользуется понятиями *поверхностная структура, глубинная структура, ядерная структура*.

Поверхностная структура, по его представлению, та, которую слышат или воспринимают при чтении. Глубинная отражает смысл высказывания. А ядерная – элементарная структура. Гипотетичность и субъективность такой дифференциации очевидны.

Эти мысли Хомского, безусловно, интересны, но они совершенно не проясняют вопрос о реальном построении речи и её исходной единице, они не соотносятся с какой-либо верификацией, оставаясь исключительно гипотетическими утверждениями, и интересны как попытки, направленные на изучение тех или иных сторон речевой деятельности. Исследователь не ставит своей целью определить реальную исходную единицу речи, выяснить её сущность и признаки, подтвердить это фактами речевой деятельности. В своей концепции он устанавливает и распределяет роли для единиц речи, которые сам же и определяет. Обращает на себя внимание тот факт, что при построении своей

классификации Хомский использует разные принципы: не разграничивает лингвистические сферы языка и речи, в результате чего им смешиваются единицы этих сфер, что сразу порождает сомнения в правомерности такого подхода и в результатах исследования.

Коллега Хомского Дж. Миллер, опираясь на результаты экспериментов, делает вывод о том, что человек при восприятии речи оперирует единицами, которые больше, чем отдельное слово. Однако ещё за полвека до этого подобное наблюдение сделал Л. В. Щерба и учитывал его при выяснении реальных единиц речи. Этот вывод Щербы-Миллера весьма важен в том отношении, что речевые единицы восприятия одновременно являются и единицами порождения речи, так как именно из них составлены её структура и содержание, понять которое можно только на основе единиц его непосредственного порождения.

Иными словами, из каких единиц речь составляется, на их основе она и воспринимается. И наоборот, на основе каких единиц речь воспринимается, именно из них она непосредственно и составлена.

Основу теории порождения речи, предложенной Л. С. Выготским, составляют постулаты о единстве процессов мышления и речи, о соотношении понятий “смысл” и “значение”, а также учение о структуре и семантике внутренней речи. Согласно его теории, процесс перехода от мысли к слову осуществляется: **от мотива, порождающего мысль, к её оформлению, сначала отражению ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, в самих словах.**

Интересно отметить, что все слова, используемые автором при пояснении, вполне понятны, но мысль его не совсем ясна и не убеждает. Его утверждение о том, что “мысль не выражается, а совершается в слове”, воспринимается в качестве афоризма: такое же лаконичное и образное. Но оно не соответствует речевой практике.

Мысль не совершается и не может совершаться в слове, ибо она всегда отражает динамику, движение и время, предполагает сочетание её компонентов, тогда как слово – обобщённый, самодостаточный знак. Каждое слово лексической

системы языка отражает какую-то реалию в языковой картине мира. По мнению А. А. Потебни, слово носит вневременной характер и вне речи статично (“мертво”), представляя отдельную обобщённую единицу наименования предмета, действия, качества, состояния. С этим мнением нельзя не согласиться. Так что мысль не совершается в слове, она выражается (и передаётся) в спонтанно появляющихся в сознании человека единых сочетаниях слов с конкретным ситуативным значением.

А. А. Леонтьев строит свою концепцию порождения речи на основе структуры акта речевой деятельности. Главное место в ней занимает модель порождения речевого высказывания. Процесс его порождения включает пять этапов. Первый этап – это *мотивация, порождающая речевую интенцию, направленность сознания, воли, чувства субъекта на конкретный предмет*. Второй этап составляет *замысел, преобразующийся в обобщенную смысловую схему высказывания с чётким определением темы и ремы*. Третий этап – это *внутреннее программирование, предполагающее процесс построения определённой схемы порождаемого высказывания*. Реализуется он благодаря операции определения основных смысловых элементов, установления иерархии смысловых единиц в контексте высказывания и последовательности их в высказывании. Четвёртый этап отражает *лексико-грамматическое распространение высказывания и знаменует переход от внутренней речи к семантическому отражению*. Происходит переход к языковым единицам как средству объективного кода. Пятый этап завершает *реализацию высказывания во внешней речи*.

Эта концепция с поэтапной основой тоже мало что разъясняет и совсем не убеждает. Если мы станем проверять её основательность, опираясь на метод верификации, например, при обращении к речевой деятельности дошкольников, многие из которых говорят не хуже взрослых и образованных людей, даже не подозревая о пятиэтапном характере своей речи, то не найдём никаких соответствий у этой концепции и порождением детской речи.

При решении рассматриваемой проблемы психолингвисты уделяют психологическому аспекту порождения речи, схемам и предполагаемым этапам больше внимания, чем живой речи, в связи с чем их концепции носят гипотетический “досинтаксический” характер. В вопросе восприятия речи у них, несмотря на выводы Дж. Миллера, единое мнение: единицей её восприятия является слово, что после мыслей И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы об исходной речевой единице выглядит неубедительно. К тому же если содержание речи составляется не из последовательного наращения значений слов как самостоятельных смысловых единиц языка, что признаётся всеми лингвистами, то как может отдельное слово быть единицей восприятия содержания, к составлению которого оно не имеет непосредственного отношения? Общий недостаток упоминаемых концепций порождения речи с их моделями, схемами и алгоритмами в том, что они, игнорируя разграничение сфер языка и речи, не только не прояснили вопрос о порождении речи, но и не определили её реальную исходную единицу. Трудно представить убедительную концепцию, не разграничивая сфер языка и речи, языковых единиц и речевых.

Размышления над современной синтаксической теорией порождения речи, неизбежно приводят к мысли, что некоторые её положения выглядят недостаточно обоснованными, а следовательно, неубедительными. Так, согласно господствующей концепции предложение как коммуникативная структура строится путём целенаправленного последовательного наращения слов и словосочетаний как готовых самостоятельных смысловых единиц языка на основании структурной схемы предложения, которое является минимальной речевой единицей, имеющей чёткие границы и выступающей в качестве основы построения текста [50; 82; 96; 122; 305 и др.]. В то же время высказываются мысли об “открытых и закрытых структурах предложений” [50] как единицах построения текста, что противоречит господствующей концепции речепорождения и положению о строгих и чётких границах предложения, ибо логически не согласуется с утверждением об открытых предложенческих

структурах и не соотносится с представлением о единой научной теории как системе взаимосвязанных знаний.

Во-первых, с одной стороны, декларируется исключительная роль отдельного слова в построении предложения (речи), с другой же – это слово интонационно теряется в речи, в разграничиваемых паузами лексических группах. Во-вторых, утверждается, что для предложения характерны чёткие границы, но в то же время, оказывается, в него можно включать не одну, а несколько дополнительных предикативных единиц. Как видим, весьма странное представление о чёткости и строгости границ, как, впрочем, и о научной теоретической системе.

Что же касается построения предложения (а следовательно, и речи) на основе структурной схемы при помощи отдельных слов-распространителей, эта мысль полностью опровергается тем, что любое предложение, как и речь в целом, воспринимается не на уровне отдельных слов. В данном случае нарушается логическая обусловленность, смысл которой в том, что предложение и текст должны восприниматься на основе тех речевых единиц, из которых непосредственно были составлены их структура и содержание. Если речь воспринимается не на уровне слов, следовательно, не из них она и составлена.

Чтобы разобраться в проблеме, обратимся к самому надёжному источнику – к устной речи и выясним, **какие минимальные речевые единицы интонационно выделяются в ней, позволяя понимать её в момент порождения** и тем самым увидим, из чего она реально составляется.

В устной речи каждый говорящий разграничивает паузами её истинные исходные единицы. И это в подавляющем большинстве случаев не отдельные слова, а группы слов: единые интонационно-структурные лексические комплексы с общим ситуативным значением. В непринуждённой речевой ситуации общения или в творческой речевой деятельности они появляются в сознании говорящего не в результате осознанного и целенаправленного строительства речевых структур, а спонтанно, причём мгновенно как естественная психоречевая реакция на

ситуацию и желание отразить в речи какое-то актуальное для субъекта речи содержание.

Интонационное разграничение порождающихся единых лексических групп подчёркивает их структурную и содержательную самостоятельность, можно сказать, исключительную важность. Благодаря этому достигается их понимание. Слушатели воспринимают каждую такую лексическую группу в качестве отдельной одномерной речевой единицы. Последовательное восприятие значений каждой из них при их наращении – единственный путь осмысления общего содержания речи.

То, что речь порождается из конкретных групп слов, представляющих собой единые структурно-смысловые речевые компоненты, очевидно. Их делимитация (интонационное разграничение паузами) говорящим вполне однозначна. Содержание речи составляется из последовательного наращения значений этих лексических блоков, которые воспринимаются и осознаются слушателями одновременно с их появлением.

Устное общение осуществляется на уровне синтагм одновременно с их порождением. Этим уровнем оно и исчерпывается – и порождение речи, и её восприятие. В процессе восприятия развивающегося содержания в устной речи фиксируются фразы. Но паузами чётко разграничиваются только синтагмы. Границы фраз в устной речи и границы предложений – в письменной приходятся на границы между синтагмами. Их объём и границы обусловлены содержанием и структурой порождающих их синтагм.

Применительно к спонтанной устной речи есть основания говорить о двух компонентах: 1) содержании и 2) синтагматической структуре (синтагматической цепи) как основной форме его передачи. Наращение синтагм в устной речи выливается в появление фраз (т. е. таких сочетаний синтагм, которые соответствуют завершённым мыслям). На основе восприятия каждой из таких мыслей фиксируется фраза в качестве её лингвистического отражения. Передача содержания в целом соответствует завершённому устному сообщению.

При необходимости использования письменной формы речи она выливается в предложения, высказывания и текст. Таким образом, порождение речи одно, но она может иметь разные формы: устную – естественную, первичную и письменную – искусственную, вторичную. Наблюдения за письменной речью подтверждают, что она, как и устная форма, имеет не словесную и не предложенческую основу, так как порождается в результате последовательной трансформации звуковой формы синтагм в графическую их форму.

Звуковое воспроизведение любого письменного текста требует такой интонации, которая полностью исключает мысль о том, что речь составляется из отдельных слов на основе структурных схем или на основе отдельных предложений.

У абсолютного большинства людей речь спонтанна. Их речевая деятельность носит автоматический характер. Люди, в том числе и дети, не имеющие ещё никаких сведений о лингвистике, могут легко передавать необходимую информацию с её различными логическими и грамматическими отношениями (противопоставления, времени, условия, цели, причины, следствия, уступки и т. д.). Но когда попытаешься направить их речевую деятельность в сознательное русло и попросишь передать конкретное грамматическое значение, то даже студенты-филологи часто испытывают затруднения и лишь немногие справляются с заданием.

Таким образом, в своей речевой жизни они легко передают все значения, а когда подключают сознание, у них появляются проблемы. Это свидетельствует о том, что концепция сознательного построения предложений путём распространения тех или иных схем отдельными словами не соответствует речевой деятельности, в связи с чем вызывает естественные сомнения в отношении своей научной основательности.

Первичная форма речи порождается в результате последовательного наращивания минимальных **речевых единиц**. В неё ничего нельзя вставить. Можно только линейно дополнить – в целях разъяснения или уточнения. Но в

письменной речи во время её оформления можно вставить в любом её месте дополнительные компоненты. На то она и искусственная, вторичная форма.

Слова (в отдельности) не являются речевыми единицами, но в тех или иных речевых ситуациях могут выполнять функцию речевой единицы, например синтагмы или предложения. Их функции исчерпываются на уровне синтагмы. А через неё они соотносятся с предложением. Когниция отдельного слова как единицы языкового кода отражает потенциальные его возможности. Оно, во-первых, является обобщённым обозначением реалии-типа, во-вторых, адресуется как средство в равной степени всем носителям языка, отражая некий запас чётко не очерченных его смысловых возможностей, что подтверждается употреблением его в речи в разных значениях, в том числе и метафорических. Большинство слов языка многозначно (например, в русском языке таких слов около 85 %).

Отдельно взятые слова обладают смысловыми возможностями, но становятся они реально знаменательными только в комплексном их использовании. Уже этот факт заставляет усомниться в словесной основе речи.

Так что слово в системе языка является единицей гипотетических когнитивных возможностей, тогда как когниция синтагмы при порождении и восприятии речи носит конкретный характер, отражая не вероятностное, а реальное ситуативное содержание, основанное на актуальных акцидентных признаках, свойствах, качествах реалии в широком смысле этого слова. Синтагма отражает единичный фрагмент конкретной ситуации.

Текст порождается из синтагм, но традиционно в нём **выделяются** предложения, отражающие и упорядочивающие все его мысли. Он не строится из предложений, а **членится** на предложения, которые выступают в нём в качестве единиц его традиционного оформления. Причём такое членение носит субъективный характер. Окончательный его вариант обычно появляется после тщательного обдумывания автором границ между предложениями на завершающем этапе работы над текстом. Но авторский вариант членения не является единственно возможным, о чём будет разговор впереди.

В существующей теории порождения речи мысли о минимальной речевой единице, о построении предложения и его текстообразующей (т. е. речепорождающей) функции не соответствуют речевой практике, в результате чего данная проблема требует дальнейшего изучения.

2.5. Лингвистические единицы и их отношение к порождению речи

В современной науке вопрос об исходном инструментарии речи не имеет однозначного решения, ибо решается на разных основах и принципах, при смешении сфер языка и речи, проявляющемся прежде всего в неразличении единиц этих сфер. Закрепилось мнение, согласно которому речь *строится*, но его нельзя принимать без оговорок. Обычно речь носит индивидуально-креативный характер и *не строится*, а *спонтанно порождается*, – по Гумбольдту, “*течёт непрерывным потоком*”. Её исходные единицы автоматически (мгновенно) возникают в сознании говорящего с последующим их линейным наращением.

В языке народа существуют миллионы слов, называющих все актуальные для народа реалии окружающего мира, их признаки, качества, действия и состояния и тем самым образующих **языковую** (словесно-предметную) картину мира.

Многие из этих слов имеют обобщённые значения: нередко одно слово называет миллиарды однотипных реалий. Так, слово *дерево* обозначает не какое-то одно растение с твердым стволом и ветвями, образующими крону, а все соответствующие растения мира; слово *книга* соотносят не с каким-то отдельным экземпляром тиража, а с любым из многих миллиардов однотипных предметов, представляющих собой отпечатанные листы, сброшюрованные и переплетённые в единое целое.

Так как минимальным средством номинации является слово и в любой речи легко обнаружить слова – в тексте они разграничены пробелами, – утвердилась мнение, что речь строится из слов как смысловых единиц языка. Но вполне

очевидно, что даже миллионов слов недостаточно, чтобы каждое из них в речи было **своим** обозначением для конкретной реалии, конкретного элементарного факта как неразложимого компонента речевой ситуации.

Поэтому слова в речи в подавляющем большинстве случаев используются не самостоятельно, не в отдельности, а комплексно, в единых сочетаниях, спонтанно возникающих в сознании субъекта речи, отражая реалию и её отличительные признаки, делая её максимально конкретной и узнаваемой.

Речь порождается и протекает в соответствии с принципами комбинаторики – путём автоматических лексических размещений и сочетаний, обеспечивающих конкретное общение [104, с. 244].

Слово имеет обобщённое значение, оно называет предмет без указания на его акцидентные признаки, тогда как в речи представлена *вполне узнаваемая реалия*, отличительные признаки которой позволяют выделить её из бесчисленного множества однотипных предметов, что часто невозможно отразить одним словом. Существующая теория порождения речи с помощью слов и структурных схем предложения не соответствует характеру восприятия человеком предметов окружающего мира и не соотносится с речевой деятельностью. В соответствии с ней получается, что воспринимается сначала предмет, потом последовательно – его признаки: форма, назначение, цвет, размеры и т. д.

Однако человек воспринимает ту или иную конкретную реалию комплексно, т. е. одновременно реалию и её очевидные, в том числе ситуативные, акцидентные признаки. В его сознании в результате психоречевой реакции автоматически возникает в качестве простейшей речевой единицы интонационно единая структурно-смысловая группа слов – **синтагма**, – сочетание, отражающее предмет с его отличительными признаками или какой-то единый фрагмент конкретной ситуации.

Такое сочетание не имеет ничего общего с сознательным последовательным наращением слов как “самостоятельных строительных единиц”, заполняющих “типичные синтаксические позиции”. Для субъекта речи оно мгновенно появилось в сознании как составной, но единый, минимальный (недискретный)

речевой компонент, отражающий комплексное восприятие актуального фрагмента содержания. Не следует переносить начальный, словесно-предметный, этап речевого развития ребёнка на всю его последующую речевую жизнь. Никакое терминологическое насыщение изложения при этом не сделает эту концепцию убедительной, потому что вовсе не слова как самостоятельные кодовые единицы языка составляют основной инструментарий речи.

На первый взгляд сущность речи как бы словесная: в любом тексте мы видим разграниченные слова. Но механизм её порождения не словесный и в устной речи, т. е. в первичной, естественной форме, мы слышим и воспринимаем не отдельные слова, а единые структурно-смысловые группы слов, разграничиваемые паузами. Таким образом, природа речи не словесная, а **синтагматическая**. Окружающий мир воспринимается человеком в единстве: реалия вместе с её сущностными и акцидентными признаками. Если **слово называет реалию-тип** бесчисленного ряда однотипных предметов, то **синтагма отражает конкретную реалию** на основании указания её отличительных, нередко случайных признаков, которая выделяется не только из бесчисленного множества предметов окружающего мира, но и из круга однотипных предметов своего ряда.

На основе сопоставительного анализа делимитации речи в разных языках можно выяснить авторскую структуру минимальных компонентов и установить истинную единицу восприятия речи. Она и является исходной её структурой. Из них речь составляется и на их основе воспринимается. Устная форма выступает как надёжная опора в исследовании речи. При восприятии письменной речи читателю необходимо определить те речевые компоненты, из которых были составлены структура и содержание текста. И здесь сопоставление с устной формой не просто уместно, а весьма важно, даже необходимо. Нарастиваемые и разграничиваемые паузами синтагмы – единицы речепорождения. Все остальные речевые сочетания появляются на основе наращивания синтагм: это **единицы традиционного выделения структурно-содержательных частей текста и его оформления**.

Осознание читателем речепорождающих единиц, их границ, интонации и значения гарантирует ему правильное (т. е. авторское) понимание содержания. Речевые структуры выделения и оформления, разграничивая мысли, способствуют осознанию читателем авторской делимитации текста, делают текст более доступным для восприятия. При чётком разграничении языка и речи, языковых единиц и речевых, устной речи и письменной, при осознании авторской делимитации речи, можно выяснить, **из чего** и **как** порождается устная и письменная её разновидности, а также **как** они оформляются.

Порождение речи как вид психической деятельности одновариантно, и, хотя её формы разные, единица её порождения является общей для обеих форм. Человек выдаёт один содержательный вариант информации, независимо от того, как он это делает – в устной или внутренней речи. Хотя особых различий здесь нет. Ибо что такое внутренняя речь? Это то же, что и устная речь, только с выключенной громкостью. Знания, речевые умения и навыки обеспечивают каждому человеку приемлемую письменную форму. При этом единицы оформления речи в связи с разным материальным её выражением будут, естественно, разными.

2.5.1. Звуки речи и их отношение к её порождению

Современная синтаксическая теория рассматривает построение речи весьма отвлечённо, без учёта конкретного вида речевой деятельности и её субъектов, независимо от форм речи – устной или письменной и дифференциации лингвистических единиц на языковые и речевые, без разграничения речевых единиц устной и письменной форм речи, единиц её порождения и оформления.

Так, при освещении предложения совершенно упускается из виду тот факт, что оно единица письменной речи, а не универсальная структура и с единицами устной речи у него соотносительные отношения, на что указывает даже

сочетаемость термина **предложение** с другими словами. Предложение можно *написать, прочитать, выписать, подчеркнуть, переписать*, но нельзя *произнести*. Перед нами пример того, как интуиция и речевая практика корректируют научный поиск: *произносят* фразы, а предложения *записывают и читают*.

Американские лингвисты, освещая вопрос построения речи, начинают рассматривать его с уровня звуков как *непосредственно составляющих* предложения [314, с. 41]. Подобный подход в какой-то степени наблюдается у некоторых российских учёных. В частности, он нашёл отражение в словаре когнитивных терминов: "... порождение речи... один из двух главных процессов речевой деятельности (другой – понимание речи), состоящий в планировании и реализации речи в звуках или графических знаках" [129, с. 130]. Однако очевидно, что реализация речи осуществляется не в звуках, а в **звуковой**, или устной, **форме**, а также в **графической**, или письменной. То есть в данном случае недостаточно разграничены лингвистический материал и способ его представления в речи. Следовало бы более чётко разграничить понятия **форма** (устная, звуковая или письменная, графическая) и **лингвистическая единица** порождения речи. В определении есть ещё одна неточность: "другой" процесс речевой деятельности не "понимание", а **восприятие** речи. Понимание и непонимание – это качество восприятия как вида речевой деятельности.

Хотя звуки и буквы являются единицами языка, а морфемы и слова представляют конкретные сочетания звуков (или букв) и их легко расчленить на эти единицы, но ни языковые, ни речевые единицы из них не строятся. Они (морфемы и слова) изначально *представлены* в конкретных сочетаниях звуков или букв. Порождение речи обусловлено вовсе не звуками или соотносительными графическими знаками, а последовательным наращением исходных минимальных **речевых** единиц с ситуативным значением. Ни звуки, ни буквы ими не являются. Звуки лишены значения, они не отличаются самостоятельностью, а, главное, имеют общепринятое закрепление в знаменательных лингвистических единицах и попадают в речь как нерасчленяемое единство этих единиц. В речи они отражают

акустические и артикуляционные её признаки и качества, даже могут вызывать (обычно в стихотворной речи) какие-то смысловые ассоциации. Но никакой самостоятельной роли в её построении у них нет.

Если речь можно расчленить на звуки, слоги, слова или словоформы, вовсе не значит, что именно из них она и строится. Это лишь указывает на то, что перед нами **линейные** лингвистические единицы и не более того.

2.5.2. Слова и их отношение к построению речи

Как уже отмечалось, в современном языкознании господствует мнение, согласно которому предложение как минимальная коммуникативная, т. е. речевая, единица строится в результате распространения его структурной схемы с помощью отдельных лексических распространителей – отдельных слов. А из предложений составляются тексты.

Связная речь представлена в виде системы отдельных предложений, которые строятся из слов и словосочетаний как готовых номинативных строительных средств языка [97, с. 231]. При этом слова выступают в качестве членов предложения, которое представляет собой структуру с определённым позиционным составом компонентов, отвечающим принципу функциональной эквивалентности [221, с.254].

Слова – самостоятельные единицы наименования предметов, признаков, качеств, свойств, действий, состояний и различных обстоятельств. В предложении они чётко разграничиваются пробелами. В связи с этим делается якобы очевидный вывод: предложения строятся именно из них. К тому же в языке существуют структурные схемы, которые являются основой для построения предложений путём распространения каждой из схем словами, заполняющими в ней типичные синтаксические позиции.

Существует ряд фактов, которые свидетельствуют, что данный вопрос является не таким простым, каким может показаться на первый взгляд, что его нынешнее освещение противоречит логике, речевой практике, а следовательно, и научной истине, в связи с чем его решение вызывает естественные сомнения.

Во-первых, если речь строится из отдельных слов, почему она воспринимается не на уровне отдельных слов? В соответствии с логикой она должна восприниматься на основе тех единиц, из которых непосредственно была составлена, ведь именно их значения определили её содержание.

Во-вторых, слова в языке многозначны, тогда как в речи они однозначны. В языке слово является общим кодовым средством для всех носителей, оно обладает некоторым запасом когнитивных возможностей, у него обобщённый характер значения (одним и тем же словом можно назвать любой предмет в бесконечном ряду однотипных предметов), тогда как речь всегда индивидуальна, конкретна и носит креативный характер.

В-третьих, против речепорождающей функции слов, которые, дескать, сочетаясь в качестве самостоятельных единиц языка, образуют речевую цепь, свидетельствуют те многочисленные факты, когда в речи между рядом стоящими словами отсутствует синтаксическая и смысловая связь. Странная цепь, если её отдельные соседствующие звенья как **основные её компоненты** никак не связаны между собой. Утверждается, что речь строится из слов, а соседствующие слова между собой не связаны.

В-четвёртых, далеко не всегда возможно появление предложения из слов, последовательно связанных грамматически и по смыслу. Например, в следующей структуре каждая словоформа имеет грамматическую и смысловую связь с обеих сторон: **Работает на заводе был аквариум мой ответ не слышу*. Между словами существует синтаксическая и смысловая связь как в прямом, так и обратном направлениях. Тем не менее эта словесная цепь бессодержательна и не является предложением. Так что не отдельные слова с возникающими между ними синтаксическими и смысловыми связями являются основой порождения предложения и речи в целом.

В-пятых, если обратиться к устной речи, как естественной, первичной форме общения, несложно заметить, что говорящий выделяет в ней и разграничивает паузами не отдельные слова, а единые интонационно оформленные структурно-смысловые группы слов (лексические комплексы, блоки слов с общим ситуативным значением). Это, по мнению Л. В. Щербы, вызывает вполне обоснованные сомнения относительно структурной и смысловой самостоятельности слова в предложении.

И последнее, слово называет отдельный предмет на основании его сущностного признака, но восприятие этого предмета в процессе речи не ограничивается сущностным признаком. Человек видит предмет, осуществляет его словесную идентификацию и одновременно воспринимает другие его признаки – цвет, размеры, объём, положение и т.п. Воспринимает всё это не в отдельности, а в единстве. Поэтому в его сознании автоматически возникает не одно слово, а группа слов, достаточная для того, чтобы предельно отразить для собеседника конкретную ситуацию – и сам предмет, и его “личные” качества. Вместе с названием предмета появляются и слова-идентификаторы, которые делают его предельно узнаваемым. И все это представляет собой единое структурно-смысловое и интонационное целое, один минимальный исходный **речевой** компонент. В речи весьма активно используется речевая структура типа *у него (неё) мелькнула мысль...* Часто речевой опыт, чутьё, интуиция делают больше, точнее и лучше, чем многие логические попытки сознательно сделать это. Если предложение будет строиться из последовательно наращиваемых слов, то никогда ни одна мысль не сможет *мелькнуть*.

Что касается структурных схем предложений и их роли в порождении речи, то не строительство предложений является следствием структурных схем, а, наоборот, структурные схемы стали следствием анализа и обобщения устройства реальных предложений, одним из способов их систематизации на основании их строения. Первичны не структурные схемы, якобы обеспечивающие носителям языка построение речи, а предложения как реальные речевые структуры.

Странно, что её сторонники не замечают явного курьёза. Их концепция порождения речи предполагает изначальность не речи как природной человеческой деятельности, а структурных схем предложения. Несмотря на широкое распространение данной концепции и авторитет её создателей, нам не удалось найти ни одного человека, даже среди её представителей, у которого бы личная речевая деятельность протекала в соответствии с данной концепцией. Утверждается теория порождения речи, которая не соответствует речевой деятельности даже её разработчиков, не говоря уже о речи народа в целом.

Слова – это лингвистический способ отражения реалий окружающего мира. Совокупность всех слов языка представляет собой языковую картину предметного мира. Функция слова как самостоятельного компонента языковой картины мира – назывная, а не речепорождающая. Одним и тем же словом называют любой предмет в бесконечном ряду однотипных предметов, оно общий элемент лингвистического кода для бесчисленного множества однотипных реалий с общим сущностным признаком. Поэтому слова как отдельные обобщённые знаменательные единицы лингвистической картины мира не предполагают самостоятельного использования. Только в сочетаниях, спонтанно появляющихся в сознании, они отражают конкретные мельчайшие факты действительности.

Слово характеризуется конкретным объёмом смысловых возможностей. Но в речи мы имеем дело не с какими-то виртуальными значениями, а с конкретными ситуациями находящегося в движении мира. В нём постоянно происходят изменения – ни в одном языке не хватит слов для их обозначения. Поэтому отражение конкретных ситуаций осуществляется в виде лексических комплексов – спонтанного, автоматического объединения слов, совместно отражающих актуальную элементарную ситуацию как единый содержательный фрагмент. Возникающая речевая структура становится предельно конкретной и является исходной в процессе порождения речи и отражения речевой картины мира.

Безусловно, слова произносятся и пишутся последовательно одно за другим, но не как **способ порождения речи** путём наращивания их в качестве самостоятельных строительных единиц. Они произносятся и пишутся

последовательно в их конкретном порядке и связях как взаимосвязанные компоненты единой исходной речевой структуры – синтагмы, автоматически возникающей в сознании человека как лингвистический способ отражения недискретного фрагмента ситуации. Эти индивидуально-креативные структуры являются исходными компонентами речи.

Таким образом, в качестве исходной минимальной единицы порождения речи выступает не слово, не словоформа, а группа слов, получивая при этом статус речевой единицы. Именно она позволяет сделать речь предельно конкретной.

2.5.3. Словосочетание и построение речи

Перейдём к словосочетанию и утверждению о том, что словосочетания выполняют функцию построения предложений [97, с. 231]. Здесь сомнений возникает ещё больше.

Во-первых, словосочетания не соотносятся с идеей линейной последовательности речевых единиц, т. е. с основным речепорождающим принципом. Речь нельзя расчленить на словосочетания, их из неё можно только вычленить (если они в ней вообще имеются), но она легко членится на реальные исходные единицы, а также на структуры традиционного её оформления. В устном общении легко воспринимается интонационная делимитация речи, что позволяет адекватно понимать её содержание.

Во-вторых, если предложение *Вчера он долго работал в читальном зале* построено из словосочетаний *Вчера **работал**, долго **работал**, **работал** в читальном зале* с использованием предикативного центра *он **работал***, то как объяснить, что в словосочетаниях словоформа **работал** представлена четырежды, а в предложении использована только один раз? Выходит, оно построено вовсе не из словосочетаний, а скорее из их осколков.

Из каких **единиц** речь составляется путём их линейного наращения (или оформляется в результате их последовательного выделения в тексте), на эти же **речевые единицы** она членится. Если она не членится на словосочетания, то не из них она и составлена. Соотносить словосочетание с порождением речи – значит утверждать, что она строится по принципу заплаток, в качестве которых выступают словосочетания.

Межсинтагмная связь ключевых слов разных синтагм не образует словосочетаний, так как эта связь объединяет не отдельные слова двух синтагм, а синтагмы в целом – как единые самостоятельные структурно-смысловые речевые блоки. При этом она способствует возникновению опосредованных смысловых отношений между компонентами синтагм, которые не имеют между собой непосредственной грамматической связи, и тем самым развивает связную речь в целом.

Словосочетание – явление метаязыковое, искусственное. Оно приложимо к лексикологии, морфологии, синтаксису – к методике изучения языка. В лексикологии к нему прибегают при определении семантической сочетаемости и конкретного значения слов, в морфологии – при изучении аналитических форм слов, а в синтаксисе – при освещении видов синтаксической связи между отдельными словами и словоформами, а также при выяснении синтаксических отношений между словами при их сочетании. А сочетать слова в процессе общения каждому его участнику приходится мгновенно, причём автоматически, так что типичные и возможные связи и отношения между словами должны быть максимально освоены.

Таким образом, к словосочетанию, как к метаструктуре, обращаются тогда, когда изучают язык, его лексическую и грамматическую системы.

Поэтому более уместно полагать, что словосочетание не единица языка, а скорее методический приём при его изучении. Такой реальной речевой синтаксической единицы, как словосочетание, нет, так как у него нет рчеорганизующей функции – ни порождающей, ни оформляющей.

Не случайно среди лингвистов нет единого мнения относительно словосочетания, нет однозначной его оценки. Например, разное отношение к словосочетаниям у американских лингвистов. Л. Блумфилд относит к ним любые объединения двух и более слов (ср. *yes, sir*), в том числе и аналитические формы слова, сочетание существительного с предлогом, глагола с послелогом [57, с. 187], тогда как Д. Слобин даже не использует термин **словосочетание**. Для него не существует такой лингвистической единицы. По его утверждению, существуют “поток речи, сложное предложение, простое предложение, синтагма, слово, часть слова, отдельные бессмысленные звуки” [314, с. 41].

Д. Перлмуттер и П. Постал в своём совместном исследовании тоже не упоминают о словосочетаниях, они выделяют в предложении терминальные и нетерминальные узлы. Под первыми понимают лингвистические единицы, начиная с морфем, а под вторыми – различные “синтаксические обороты” и “синтаксические группы слов” [270, с. 76].

В немецком языкознании словосочетание – недостаточно определённая структура. Данный термин (*Wortverbindung*) отсутствует даже в известных немецких словарях лингвистических терминов [443].

Ш. Балли считает, что роль словосочетаний сводится к тому, что в них наглядно “находят своё отражение главные типы грамматических отношений” [42, с. 108], что весьма важно в метаязыковом отношении.

По мнению А. Гардинера, описавшего противопоставление языка и речи с их главными единицами, словосочетанию нет места среди них [116, с. 13].

Так что словосочетание как лингвистическая единица вызывает у многих языковедов разных стран вопросы и сомнения. И уже сам этот факт, естественно, требует тщательной верификации утверждения о том, что словосочетания являются материалом для строительства предложений.

Весьма часто понятие **словосочетание** отождествляется с понятием **синтагма** [294, с. 11] и противопоставляется понятию **предложение**. Такие действия некорректны. Синтагмы – реальные исходные компоненты речи,

конкретные индивидуально-авторские элементы своего текста и всех его предложений.

Выводы к главе 2

1. При лингвистических исследованиях необходимо разграничивать сферы языка и речи, особенно это важно при исследованиях речи как индивидуальной лингвистической деятельности личности.

2. Предполагается не только осознание наличия двух сфер, но и последовательное разграничение их единиц, в связи с тем что они представляют собой качественно разные лингвистические реалии с точки зрения их функционирования, отношения к субъектам общения, заданности структуры, обобщённости или ситуативности значения, воспроизводимости или производности.

3. Сфера языка охватывает единицы, которые относятся к общенародному арсеналу лингвистических средств.

4. Сфера речи – область, включающая бесчисленные факты мгновенного, индивидуального, обычно автоматического использования языковых средств при отражении различных фактов действительности, в том числе мыслей, их оттенков, чувств, различных состояний и движений души.

5. Существующая концепция порождения речи путём построения предложений на основе структурных схем и их распространения отдельными словами не соответствует речевой деятельности, т. е. не подтверждается в процессе её верификации.

6. Данная концепция смешивает сферы языка и речи и их единицы; исходной структурой порождения речи может быть только **минимальная речевая единица** (не языковая).

7. Форма речи может быть звуковой (т. е. устной), но звуки не являются единицами построения речи. Звуки – незначительные единицы, к тому же они изначально являются заданными компонентами слов и попадают в речь именно как компоненты значительных единиц.

8. Слова как компоненты словарной системы языка тоже не являются непосредственными единицами построения предложений: они многозначны, имеют обобщённый характер значения и попадают в речь только как компоненты конкретных минимальных речевых единиц (синтагм).

Глава 3

АВТОРСКАЯ ДЕЛИМИТАЦИЯ РЕЧИ КАК СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИСХОДНЫХ РЕЧЕВЫХ ЕДИНИЦ

3.1. Формы речи: устная речь как основа верификации результатов речевых исследований

В данной главе мы коснёмся принципов и приёмов исследования намеченных задач. Они не объёмны, но настолько важны, что их уместно представить в отдельной главе.

При исследовании речи и верификации его результатов в качестве опоры должна выступать устная форма речи, потому что она является первичным и естественным способом общения, который дан человеку от природы. Устной речью самостоятельно овладевает каждый человек уже в раннем детстве. Для этого достаточно, чтобы ребёнок находился в сфере звучащей речи, слышал её интонацию и ритм.

Письменная речь, несмотря на её исключительную цивилизационную роль, является вторичной, искусственной формой, созданной людьми, она представляет трансформацию звуковой (естественной) речи в графическую (искусственную). Чтобы овладеть ею, каждому человеку необходимо долго и целенаправленно обучаться, хорошо освоить приёмы такой трансформации, а также сформировать и развить навыки дешифрации её при чтении, умение чувствовать авторскую интонацию и ритм.

В устной речи говорящий интонационно выделяет и разграничивает все исходные минимальные речевые единицы, благодаря чему речь воспринимается слушателями. Если она воспринимается на основе этих индивидуально-авторских единиц, — что вполне очевидно, — следовательно, из них она непосредственно и составлена, ведь именно они определили её структуру и содержание.

Некоторые исследователи отмечают, что основная задача общающихся субъектов состоит в том, “чтобы, с одной стороны, построить и выразить нужный

смысл (для говорящего), с другой стороны, реконструировать и понять его (для слушающего)” [249, с. 88]. Неясно, о какой реконструкции идёт речь при устной форме общения, в которой говорение и восприятие сливаются в единый процесс, ибо восприятие осуществляется с появлением каждой очередной синтагмы.

Объективный и убедительный ответ на вопрос об исходной единице построения речи возможен только при обращении к устной, т. е. природной, её форме, к её авторской делимитации. Впрочем, и многие другие важные выводы и решения можно получить только при обращении к устной речи (к непосредственному устному общению или к озвучиваемому тексту) [269, с. 441].

3.2. Речевые единицы и их отношение к устной и письменной речи

В современной лингвистике нет чёткого разделения речевых единиц по их отношению к устной и письменной формам речи. Хотя вполне естественно, что разным формам речи должны быть присущи и разные речевые единицы, что обусловлено не только их разным материальным выражением (звуковое или графическое), но и разным характером их порождения, оформления и назначения. По мнению исследователей, “существует ещё не познанная речевая реальность, для осмысления которой рамки ... синтаксиса узки, но и вне синтаксиса она не может быть объяснена” [15, с. 19].

При устном общении происходит непосредственное автоматическое спонтанное порождение синтагм, содержание которых воспринимается в процессе их порождения и представления. При письменном общении осуществляется трансформация этих структур в соответствующие единицы письменной речи, после чего происходит их восприятие с опорой на предложения, как на относительно завершённые структурно-смысловые единицы текста.

Речевые структуры обычно объединяются исследователями в единую группу лингвистических единиц или вообще смешиваются, тогда как различать и

последовательно разграничивать единицы устной и письменной речи методологически важно, что отмечают С. В. Андреева и В. А. Филатов. В связи с этим обратим внимание на реальную дифференциацию речевых единиц не только в зависимости от их отношения к порождению речи (единицы порождения речи) и к её оформлению (единицы оформления речи), но также по их отношению к конкретной форме речи – устной или письменной. Данный вопрос недостаточно изучен: монографии и научные статьи, словари и справочники, учебники и учебные пособия по современному языку (например, русскому или украинскому) вообще о нём не упоминают. В диалектологии совершенно безосновательно объединяются в единую группу речевые единицы как устной, так и письменной речи, хотя при этом однозначно утверждается, что диалекты имеют устную форму реализации, в связи с чем данная лингвистическая наука занимается исследованием именно **живой** народной речи. Так откуда взяться в ней речевым единицам, которые типичны исключительно для письменной формы, если эта форма не свойственна диалектам?

В одной из редких публикаций на данную тему [14, с.192] описываются единицы устной формы речи. Хотя автор акцентирует внимание на том, что им рассматриваются *речевые единицы устной речи*, в работе объединяются единицы языка и единицы речи, лингвистические и нелингвистические (жесты, мимика и др.) средства коммуникации. Однако если осуществляется дифференциация именно речевых единиц и осуществляется она по принципу их отношения к устной и письменной формам речи, то привлечение *языковых компонентов* и *нелингвистических средств коммуникации* представляется неуместным. Чтобы выяснить, какие именно *речевые средства* выступают в процессе устного общения в качестве компонентов речи, необходимо опираться не на литературные тексты, как это делает автор, и не на записи разговорной или диалектной речи. Опирайтесь нужно непосредственно на звучащую речь, на то, какие именно структурно-смысловые компоненты интонационно (а значит, и содержательно) выделяются в ней субъектом речи. Ведь именно из них он порождает её, из их значений составляет её содержание. Осмысление значений этих единиц

слушателем и последовательное наращение их значений помогает ему адекватно понимать речь на уровне передаваемых мыслей и сообщения в целом.

Применительно к устному общению разговор может идти о трёх речевых единицах: минимальной исходной структуре, т. е. синтагме, фразе, соответствующей отдельной мысли, и полном сообщении. Говорящий, разграничивая свою речь паузами, выделяет в ней в качестве самостоятельных речевых компонентов не отдельные слова или словоформы, а структурно-смысловые группы слов с единым ситуативным значением. Отражая единичные фрагменты содержания, эти группы (**синтагмы**) объективно являются минимальными исходными речевыми компонентами. Путём их последовательного линейного наращения по мере формирования мыслей (т. е. на основе смыслового принципа) выделяются **фразы**, а вся передаваемая информация соответствует **сообщению**.

Письменная речь появляется в результате трансформации звуковой формы (или внутренней речи) в графическую, в связи с чем можно утверждать, что исходная речевая структура у них общая, хотя имеет разное материальное выражение: **звуковое**, сопровождающееся однозначной интонацией, и **графическое**, с шифруемой интонацией.

Кроме общих для обеих форм речи синтагм, существуют и другие речевые единицы. Они делятся на структуры, которые характерны только для устной формы, и структуры, которые присущи только письменной речи. Основное их назначение состоит в традиционном оформлении конкретной формы речи.

В устной форме, как уже отмечалось, это фразы, отражающие самостоятельные мысли, и полное сообщение. При записи устной информации фразы трансформируются в **предложения** (простые и сложные), **высказывания**, т. е. группы предложений, отражающих микротему, и **текст** как завершённую речевую единицу.

Известно, мысль может быть простой, даже простейшей. Обычно такая мысль отражается одной предикативной синтагмой. Таков, например, ответ *“Письмо принесли”*, который дан на вопрос: *“Что случилось?”*. В этом случае

синтагма и фраза совпадают в одном и том же речевом фрагменте. Но мысль может быть сложной, с различными отношениями между её частями. В соответствии с её составной структурой отражающая её фраза включает уже несколько синтагм. Вместе с тем фраза может передавать исчерпывающую информацию (например, ответ на одиночный вопрос). В таком случае она соответствует лаконичному сообщению. Так что границы между синтагмой, фразой и сообщением в известной степени условны.

Статус любой из них определяется не по количественному показателю или по виду связи, а на основании конкретной речевой ситуации, передаваемого содержания и коммуникативной цели, т. е. на основании выполняемой функции.

При изучении речи к ней возможны два подхода – **речевой** и **языковой**. При **речевом** подходе речь делится на единицы её непосредственного порождения и восприятия или на структуры её традиционного оформления (фразы, предложения, высказывания). И те и другие – это реальные речевые единицы, т. е. установившиеся типичные структуры речи. Нарастание синтагм в зависимости от формы речи выливается во фразы и в предложения (т. е. в отдельные мысли), а также в сообщение и текст (т. е. в полную информацию – устную или письменную). Границы между фразами обязательно совпадают с границами между какими-то двумя синтагмами, относящимися к разным фразам.

Безусловно, каждая фраза имеет интонацию, позволяющую правильно её понять, но основной принцип их выделения – содержательный. Когда при общении в результате последовательного линейного нарастания синтагм формируется отдельная мысль, она чётко фиксируется слушателем и квалифицируется им как фраза. Её содержание – сущностный признак, а интонация – техническое средство, инструмент интерпретации содержания, представленный самим говорящим.

Принцип порождения письменной речи тот же: последовательное нарастание синтагм. Она появляется в результате трансформации устной (первичной, естественной) формы речи в письменную (вторичную, искусственную). Это происходит с помощью графических средств, выработанных способов и приёмов,

установленных культурно-речевой традицией, законами и правилами. Единицами оформления письменной речи являются предложения (простые и сложные), высказывания, представленные в виде абзацев (в иной терминологии: сложное синтаксическое целое, межфразовое единство, предикативно-релятивный комплекс и др.), и текст.

При **языковом** аспекте исследования речь может последовательно члениться на языковые единицы, которые легко обнаружить в составе всех речевых структур, но которые нельзя назвать единицами порождения речи (например, звуки, слоги, отдельные слова). Звуки могут стать объектом исследования, например, при выяснении фонетической выразительности стихов. Но это сопутствующее качество речи, а не сущностные её показатели.

В системе языка есть такие единицы, на которые речь вообще не членится, потому что членить любую составную речевую структуру можно только на те компоненты, которые в составе этой структуры представлены в определённой последовательности. Если же её компоненты не соотносятся с принципом последовательности, то их из речи можно лишь вычленять. Так, имеющиеся в предложении словосочетания можно из него только вычленить, потому что они не представляют в нём последовательности.

На отдельные звуки могут члениться компоненты синтагм (например, при изучении изменений звуков в речевом потоке). Речь в целом со всеми её синтагмами может члениться на слоги как естественные акустико-артикуляционные компоненты слов (с учебной или логопедической целью), но это вовсе не значит, что из звуков и слогов она составлена.

Во всех многокомпонентных синтагмах можно выделить слова и словоформы. Но не следует забывать, что слова в речи сгруппированы в синтагмы автоматически, спонтанно, а уже синтагмы стали единицами порождения речи. Так что в речи слова изначально используются комплексно, поэтому их взаимосвязи и отношения правомерно рассматривать только на уровне синтагм. Именно на уровне синтагм исчерпываются их функции.

Если не учитывать этого, можно прийти к ошибочной мысли о том, что речь, в частности предложение, строится из звуков, слогов, отдельных слов. Такую мысль легко опровергнуть тем, что, во-первых, членится речь её субъектом при её порождении на синтагмы и, во-вторых, восприятие её осуществляется не на уровне звуков, слогов или слов, а на уровне синтагм. Получается, что интуитивно совершаются конкретные речевые действия, которые при попытке их сознательного объяснения не находят адекватного отражения. Таким образом, все речевые единицы можно разделить на:

- структуры, присущие обеим формам речи (синтагмы);
- структуры, присущие только устной речи (фразы, полное сообщение);
- структуры, присущие только письменной речи (простые и сложные предложения, высказывания, тексты).

Последовательное разграничение языка и речи, языковых единиц и речевых, а также дифференциация речевых единиц по их отношению к порождению речи и к её оформлению, к устной речи и письменной позволяет определить синтагмы как исходные минимальные единицы речи, являющиеся общими как для устной, так и для письменной формы. На их основе осуществляется и восприятие речи. По мере наращивания синтагм и появления самостоятельных мыслей в устной речи фиксируются фразы, на основе которых при трансформации устной речи в текст в нём выделяются предложения.

3.3. Речь и характер её порождения

Язык является общим для всех его носителей – это их кодовая система, общий арсенал, – в то время как речь у каждого из них – своя. Но именно она выступает в качестве личного инструмента мышления, способа самовыражения и эффективного воздействия на людей. Так что изучение речи – это изучение

способов, приёмов и особенностей взаимопонимания и вербального воздействия на людей.

Если задаться вопросом, как порождается (строится) речь, возможны два распространённых в лингвистической науке ответа. Насколько они научны и объективно состоятельны – в этом каждый интересующийся данной проблемой должен разобраться самостоятельно. Его решение данного вопроса может стать для него надёжным средством ориентации в необъятном лингвистическом поле, но может стать и тяжёлой телегой заблуждений и ошибок, которую ему придётся тащить за собой, затрудняя движение для себя и других. Напомним эти решения.

1. Речь порождается (**строится**) из номинативных единиц, т. е. из отдельных слов (или слов и словосочетаний – как вариант этой концепции), которые распространяют конкретную структурную схему предложения как минимальной коммуникативной единицы, заполняя те или иные его типичные синтаксические позиции.

Далее по мере необходимости мы будем неоднократно обращаться к этой концепции. В настоящее время она является господствующей в науке и лингвистическом образовании. Однако странно, что её сторонники не замечают в ней противоречий. Данная концепция построения речи путём распространения структурных схем предложения предполагает **изначальность** не речи как объективной природной деятельности человеческой психики, а **структурных схем предложения и бесконечного перечня синтаксических позиций**.

Если предложения (т. е. речь) строятся на основе структурных схем, то никакого иного вывода и не может быть: схемы первичны по отношению к речи. Но откуда появились эти схемы и позиции, когда и почему они стали исходными атрибутами порождения речи? К тому же если структура предложения и его содержание в большинстве своём имеют составной характер, что подтверждается, например, актуальным его членением, то вряд ли правомерно считать предложение минимальной коммуникативной единицей.

2. Речь в родном языке порождается непринуждённо, автоматически, спонтанно как естественная, свойственная человеку от природы психоречевая

реакция на окружающую действительность, на события, факты, конкретную речевую ситуацию. При этом, по мнению В. фон Гумбольдта, не речь строится из слов, а, наоборот, “из речи появляются слова”; сама же речь “течет непрерывным потоком”.

Показательно также, что Л. В. Щерба, утверждая, что синтагмы как минимальные речевые структуры *возникают* в сознании говорящего человека, использовал глагол *возникают*, а не *строятся*, подчёркивая спонтанный, автоматический характер порождения речи.

“Появляются” из речи не только те слова, которые существуют в языке и закрепились в сознания каждого его носителя, но и те, которые легко создаются носителями языка в процессе их речевой деятельности в той или иной речевой ситуации.

Отдельные сомнения относительно первого решения вопроса, мы найдём у А. А. Потебни, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского. Этим лингвистам уже сама мысль, которая начиналась тем, что, дескать, речь (предложение) *строится из...* внушала сомнение. Любое **строительство** предполагает сознательные, тщательно продуманные действия, в то время как речь обычно появляется мгновенно, спонтанно, автоматически как вид интеллектуальной психической деятельности человека.

По Гумбольдту, субъектом общения обдумываются мысли, а их лингвистическое отражение в речи течёт непрерывным потоком.

Вполне убедительное утверждение, что в процессе речи люди обычно контролируют только передаваемое содержание, которое выливается в конкретные ситуативные речевые структуры. В сознании субъекта речи не возникает никаких мыслей о структурных схемах, синтаксических позициях и их конкретных компонентах. Он всецело поглощён передаваемым содержанием. Таким образом, глагол **строить** как-то плохо соотносится с речью. Она порождается, составляется, но если мы действительно начнём её **строить**, то вряд ли кого-либо сможем ею заинтересовать, о чём свидетельствует речь любого человека, испытывающего психологический дискомфорт (например, когда

говорящий чрезмерно опасается ошибиться при употреблении той или иной грамматической структуры и начинает в ущерб содержанию болезненно следить за всеми употребляемыми формами).

3.4. Авторская делимитация и её цели

Вполне очевидно, что звуки, слоги, слова и словосочетания не являются единицами порождения речи. Интонационно они не разграничиваются в устной речи, и это свидетельствует о том, что к её порождению они не имеют непосредственного отношения.

Авторская интонационная делимитация речи, отражая синтагматическое членение речи, является убедительным способом представления её подлинной структуры и её реальных исходных единиц. Исходными компонентами речи выступают единицы, которые интонационно выделяются её субъектом путём разграничения их паузами, что способствует их точному восприятию и осмыслению, благодаря чему они адекватно понимаются её адресатом.

Предложение тоже нельзя считать речепорождающей структурой. Во-первых, оно не минимальная и обычно дискретная структура, составленная из нескольких речевых компонентов, тогда как речепорождающая единица как исходная структура должна быть предельно минимальной, недискретной и одномерной. Во-вторых, предложение само нуждается в расшифровке.

Предложения – единицы оформления письменной речи. Выделяя в тексте отдельные относительно завершённые фрагменты содержания, они способствуют повышению его доступности для читателя. Предложение – результат развития содержания текста и его адаптации. В зависимости от характера передаваемой информации, в тех или иных речевых ситуациях оно может получать достаточно широкий функциональный диапазон, выполняя при необходимости функции от минимальной речевой единицы до максимальной (например, в пословице).

В звучащем тексте предложения вообще не воспринимаются как речевые единицы с чёткими границами. В нём воспринимаются фразы как речевые структуры, последовательно отражающие все мысли, на основе которых при записи текста и были выделены предложения. Л. В. Щерба подчёркивал, что фразы в устной речи и предложения в письменной – соотносительные, но не тождественные единицы.

Количество фраз в звучащей речи в большинстве случаев не совпадает с количеством предложений в записанном её варианте. При записи устной речи фразы **субъективно** трансформируются пишущим в предложения, которые выделяются с целью последовательного представления и разграничения относительно законченных мыслей. Но при озвучивании текста предложения реорганизуются в свои первоначальные структуры – фразы.

Существуют разные мнения относительно синтагматического членения речи. Так, Т. М. Насонова считает, что “синтагматическое членение является одним из воздействующих просодических средств и обладает большим иллокутивным потенциалом благодаря возможности варьировать длину вычленяемых отрезков и соответственно, степень дробности сегментации” [249, с. 87]. Однако ситуация с интонационным синтагматическим членением речи, т. е. с авторской её делимитацией, несколько иная. Авторская делимитация речи, в результате которой осуществляется её синтагматическое членение – вовсе не одно из воздействующих средств, а **основной способ** однозначной передачи сообщаемого содержания, так как с помощью интонации и ритма субъект речи *интерпретирует* содержание, а слушатели и читатели благодаря ей *идентифицируют* его. Первые это делают, непосредственно воспринимая авторскую интонацию, вторые же могут точно понять содержание только на основе личного восстановления авторской интонации, вписанной в текст.

При этом **недопустимо** никакое варьирование авторских синтагм, ибо оно приведёт к искажению передаваемого содержания. Любое варьирование “длины вычленяемых отрезков” неизбежно меняет авторскую интонацию, а она у субъекта речи всегда одна, без вариантов. Задача адресата речи – слушателя и

особенно читателя – точно понять авторское содержание, а не искать дополнительные смыслы и нюансы. Возникает вполне уместный вопрос: “Чьи это смыслы и нюансы?” В связи с этим вызывает сомнение и основная функция, которую отводит интонации Т. М. Насонова (и некоторые другие лингвисты): “оказание речевого воздействия на реципиента” [249, с. 88]. По-видимому, основная функция интонации заключается для субъекта речи в точной передаче содержания, а для слушателя и читателя – в точном его понимании.

Т. М. Насонова исследует синтагматическое членение речи на основе слогоделения [249, с. 90]. Уместность такого принципа сомнительна. Синтагма – минимальная структурно-содержательная единица речи. Но слог не является содержательной единицей. Поэтому к синтагматическому членению, порождению речи и передаче содержания слоги не имеют никакого отношения, в связи с чем не могут быть в речи определяющими компонентами.

При восприятии содержания синтагм читателю необходимо ориентироваться не на дробное синтагматическое членение речи, к чему призывает Т. М. Насонова, определяющая три вида синтагматического членения: крупное, нейтральное и дробное. Объективно авторские синтагмы – это минимальные, недискретные, неразложимые речевые единицы, имеющие индивидуально-авторскую заданность. Они возникают в сознании автоматически, спонтанно как единые структурно-содержательные исходные речевые единицы. Поэтому субъект речи и разграничивает их паузами, т. е. осуществляет их заданность. И эта заданность является обязательной для слушателя и особенно для читателя, ибо она обеспечивает связную речь и адекватное её понимание. Безусловно, в процессе чтения у читателя может появляться несколько вариантов синтагматического членения, **но только один из них** ведёт к точному пониманию содержания. Это авторский его вариант, что убедительно доказывается восприятием научной или учебной речи.

Так что разговор о дробном или каком-либо ином синтагматическом членении речи не убедителен. Объективно прагматически значимым является только то её членение, которое установил автор, и, чтобы в нём разобраться,

необходимо в соответствии с основной целью чтения – а она в том, чтобы правильно понять передаваемое содержание, — ориентироваться на сочетания синтагм, на развитие содержания, а не возвращаться к слогам.

Например, чтобы точно понять пушкинскую синтагму *Мой дядя самых честных правил*, необходимо обращаться не к её компонентам, а к синтагматике и развитию содержания всей первой строфы и только по её окончании на основе аллюзии становится ясно, что она имеет даже не иронический, а скорее саркастический характер. Герой не только не хвалит своего родственника, но намекает, что его дядя подобен крыловскому Ослу.

3.5. Синтагматическая запись речи

Обратимся к устной речи и запишем её на слух со всеми её особенностями. Но делать это будем не так, как обычно пишут диктанты, не в соответствии с традиционными требованиями орфографического и пунктуационного оформления, а без структур предложений и знаков препинания. Знаки препинания, во-первых, полифункциональны, а во-вторых, не всегда соотносятся с интонационным членением речи и её содержанием.

Что же касается предложений, их в устной речи (или при озвучивании текста) слушатели не разграничивают и при записи текста на слух начинают раздумывать над их структурой, границами, выделяют их субъективно, ориентируясь на установленные культурно-речевой традицией требования оформления текста. Не случайно при написании диктантов так часто возникает вопрос: «Это уже новое предложение?». Он свидетельствует, что в устной речи границы между предложениями на слух не воспринимаются, что предложения и устное общение – явления разных сфер.

И это естественно, потому что устное общение протекает на синтагматическом уровне. Слушатели благодаря интонации говорящего и его

делимитации речи легко воспринимают в ней исходные единицы порождения её структуры и содержания и осознают их значения. Этого им вполне достаточно для адекватного восприятия информации и всех её мыслей, осознаваемых и выделяемых в виде фраз при последовательном восприятии синтагм.

Метод системного анализа речи позволяет осознать любую речь как авторскую **систему конкретных исходных речевых единиц**, которые определяются авторской интонацией и ритмом. На основе этих единиц представлены и воспринимаются мысли, сочетания мыслей и содержание в целом.

Существуют разные способы записи речи: обычные тексты разных стилей и жанров, фонетическая транскрипция, фонематическая транскрипция. Но при изучении многих вопросов, относящихся к синтагме, уместно воспользоваться **синтагматической записью речи**. Это весьма важный метод исследования реальной структуры речи и системы её исходных единиц. Он позволяет отразить всё то, что мы реально слышим и воспринимаем в устной речи:

*Была уже по́лночь / / напра́во / было ви́дно всё село // / длинная у́лица /
тяну́лась далеко́ / ве́рст на пя́ть // / всё́ было погружено / в тихий глубокий со́н
// / ни движе́ния ни зву́ка /// / даже не ве́рится / что в приро́де / мо́жет быть
так тихо /// / когда в лунную но́чь / видишь широкую сельскую у́лицу / с её изба́ми
/ стога́ми / уснувшими и́вами // то на душе становится ти́хо /// / в этом своём
поко́е // укрыви́сь в ночных те́нях / от трудо́в / забо́т / и го́ря // она кротка́ /
печа́льна / прекра́сна /// / и ка́жется // что и звёзды́ смотрят на неё ласково и с
умиле́нием / и что зла́ уже нет на земле / и всё́ благополу́чно /// / нале́во с края
села / начина́лось по́ле // / оно́ было ви́дно далеко́ / до горизон́та // / и во всю ширь
этого по́ля / за́литого лунным светом // то́же / ни движе́ния ни зву́ка / /*

Перед нами синтагматическая запись речи. В ней нашли отражение следующие факты: 1) все синтагмы как минимальные исходные компоненты структуры и содержания речи (они разграничены наклонными линиями); 2) их последовательность; 3) границы между ними; 4) паузы на месте этих границ; 5) продолжительность пауз (отмечена количеством линий); 6) компоненты в синтагмах, выделяемые ударением, а следовательно, и по смыслу; 7) все фразы (разделены вертикальными линиями); 8) сообщение в целом.

Даже непродолжительной тренировки достаточно, чтобы быстро осуществлять и понимать такую запись, так как она фиксирует всё, что мы слышим и что способствует адекватному восприятию устной речи. Такая запись вполне отражает синтагматическую природу речи, подтверждая, что исходными её единицами являются не слова как самостоятельные единицы языка, не словосочетания и не предложения – их в записи вообще нет, потому что их нет в устной речи, – а синтагмы с их ситуативным значением. Она свидетельствует, что общение осуществляется на синтагматическом уровне в момент порождения речи.

Объём каждой синтагмы ограничен физиологическими возможностями человека, в частности его дыханием. Паузы между ними позволяют осознать их в качестве отдельных речевых единиц. В результате последовательного наращения синтагм формируется синтагматическая структура сообщения. Благодаря интонации синтагмы разграничиваются субъектом в процессе их появления, легко осознаются и осмысливаются слушателями.

Устное общение не только осуществляется на синтагматическом уровне, но и исчерпывается им. В связи с особенностью восприятия устной речи, которое осуществляется в момент её порождения – синтагма, будучи минимальной, недискретной речевой единицей, становится основным компонентом, наглядно отражающим дискретный характер речи и делимитацию её исходных единиц. Синтагмы предстают в ней в виде последовательного линейного наращения конкретной *синтагматической структуры*, образующей полное *сообщение*. Устная речь характеризуется мгновенностью. Она существует в виде озвученного процесса наращения синтагм с их одновременным восприятием слушателем.

3.6. Интонация как средство интерпретации содержания речи при её порождении и опора при его идентификации

Как уже отмечалось, некоторые лингвисты, рассуждая об интонации, видят её основное назначение в “оказании речевого воздействия на реципиента”.

Однако вполне очевидно, что, прежде чем оказывать воздействие “на реципиента”, интонация должна выполнить совсем другую функцию, без которой вообще не мыслится какое-либо воздействие. Она должна внести порядок и осмысление в содержательный строй речи, чётко разграничив все авторские (индивидуально-креативные) исходные речевые единицы, которые составляют структуру и содержание речи в целом и всех её дискретных структурно-смысловых компонентов в частности. Главная задача интонации и всех просодических средств – осуществление авторской делимитации речи, т. е. интонационное разграничение с помощью пауз всех исходных речевых единиц, что сделает предельно доступным значение каждой из них. В авторском исполнении существует только один вариант интонации, ибо одновременно два варианта передать невозможно. Задача читателя – найти единственный вариант интонации – авторский. Если у читателя появляется несколько вариантов синтагматического членения текста, например три, то минимум два из них ошибочны. К тому же при таком подходе нет никаких гарантий, что и третий вариант соответствует авторскому членению.

Таким образом, основной инструмент делимитации речи – интонация. В устной речи она очевидна, поэтому идентификация передаваемого содержания не представляет для слушателя никаких проблем. В связи с этим членение текста как завершённой единицы письменной речи с целью выявления его реальных речепорождающих компонентов должно опираться на его устный (авторский) вариант, как первичную и естественную форму, на авторское интонационное членение, как единственный вариант, максимально точно отражающий передаваемое содержание. Все другие подходы к членению читаемого текста и

его предложений, например, на состав подлежащего и состав сказуемого носят общетеоретический характер и обычно не соотносятся с реальным содержанием предложений. Только восстановленная авторская интонация может считаться надёжной основой для выявления реальных исходных речевых единиц конкретного текста. Для наглядности на уровне предложения сравним разные варианты интонационной делимитации речевого фрагмента и обратим внимание на то, как при этом варьируется передаваемое содержание.

Друг видел эту книгу в библиотеке (никаких пауз в этом фрагменте нет, передаётся один нерасчлененный факт, например, при утверждении, что книга есть в библиотеке).

Друг / видел эту книгу в библиотеке (передаётся два факта, например, при аргументации, что есть человек, который видел книгу в библиотеке).

Друг видел / эту книгу в библиотеке (т. е. друг видел, что эта книга есть в библиотеке, он не просто знает, а видел её).

Друг видел эту книгу / в библиотеке (так что не будем искать её по магазинам, а обратимся в библиотеку).

В зависимости от передаваемого содержания возможны и другие варианты интонации и членения этой речевой структуры. Так что вполне очевидно, что членение этого речевого фрагмента в каждом случае разное, разная у него интонация, разные смысловые акценты. И это свидетельствует о том, что реальное членение речи осуществляется её субъектом вовсе не по структурно-грамматическому принципу, когда выделяются структурно главные члены предложения, состав подлежащего, состав сказуемого, второстепенные его члены и даже факультативные (!), – а на основании конкретной интонационно-смысловой обусловленности, конкретной коммуникативной цели, конкретной интерпретации содержания. Такой вывод вполне соответствует и характеру порождения речи.

Интонация для субъекта речи – это **способ** отражения её реальной структуры и **интерпретации** содержания, представляющий собой наглядное (в устной речи) или зашифрованное (в письменной речи) выделение автором конкретных

исходных речевых единиц, что позволяет осознать структуру и значение каждой из них. Для адресата речи интонация выступает в качестве средства **идентификации** авторского содержания.

Она характеризуется конкретной **мелодикой** (с её темпом, ритмом и тембром), **паузами**, отражающими делимитацию наращиваемых исходных единиц, и **ударением**. В речи, помимо языкового (словесного), представлены три вида речевого ударения – **внутрисинтагмное** (выделяет в синтагме основной смысловый компонент), **синтагматическое** (выделяет во фразе основную по смыслу синтагму) и **фразовое** (выделяет фразу). Все они определяются субъектом речи. Таким образом, интонация – важнейший многофункциональный атрибут речи. Она выполняет такие функции:

- представительную (начиная с первой синтагмы субъектом речи интонационно представляется каждая очередная наращиваемая единица);
- делимитативную (все синтагмы разграничиваются паузами);
- выделительную (разграничиваясь, они тем самым выделяются как отдельные минимальные речевые структуры с единым ситуативным значением, благодаря чему речь адекватно осмысливается);
- интерпретационную (отражает авторское значение каждой синтагмы с выделением её основного смыслового компонента);
- объединительную (разграничивая синтагмы, интонация отражает отношения между их значениями, последовательно объединяет эти значения и тем самым представляет общее содержание речи);
- различительную (вписанная в текст интонация структурно и по смыслу различает графически одинаковые речевые единицы);
- коннотативную (отражает эмоционально-экспрессивный характер речи и оценку её субъектом передаваемого содержания).

Иными словами, интонация осуществляет однозначную интерпретацию содержания с его конкретными нюансами и оттенками, обеспечивая адекватное его понимание. Тем не менее, несмотря на исключительную теоретическую и практическую значимость, многие вопросы интонации, порождения и восприятия

речи остаются проблемными. Нередко высказываются мысли, вызывающие сомнения и даже возражения.

Во-первых, не всегда чётко различаются фонетический и синтаксический аспекты интонации, языковое и речевое её проявление. Во-вторых, отсутствует чёткость при описании её компонентов, характера их проявления и степени важности. Так, Н.В. Черемисина выделяет в своей работе в качестве важнейших компонентов интонации “ударение и мелодику” (именно в такой последовательности), что придаёт мыслям автора элемент случайности [419, с. 15]. Устная речь как первичная форма общения интонационно начинается вовсе не с ударения, а с мелодики, представления, делимитации и выделения исходных синтагм, в которых главный в смысловом отношении элемент несёт на себе ударение. Он может находиться в синтагме на любом месте. Так что ударение – отнюдь не начальный компонент интонации.

В-третьих, трудно согласиться с утверждением, часто повторяемым лингвистами (в том числе и упоминаемым автором), что речь интонационно членится на слова и предложения. Оно в такой же степени соответствует действительности, как и утверждение о том, что *Солнце всходит и заходит*. Безусловно, в речи (уточним: в письменной речи, так как разговор идёт о предложении) **графически** выделяются слова и предложения. Но это не значит, что звучащая речь интонационно членится на эти единицы, на что в своё время указывали Л. В. Щерба и В. В. Виноградов [95, с.48].

В устном общении (и при чтении текста вслух) ни слова, ни предложения интонационно не выделяются. А если какие-то отдельные слова выделяются в речи, то они или выполняют функцию синтагм, или их выделение обусловлено какой-то особой причиной (учебной, логопедической и т.п.).

Занимаясь изучением восточно-лужицкого наречия, Л. В. Щерба обратил внимание на то, что устная речь интонационно не членится на слова и предложения. Она членится на минимальные речевые единицы, из которых непосредственно и составляется субъектом. Что касается слова, оно не речевая единица, о чём писал ещё двести лет назад В. фон Гумбольдт: “... речь строится

не из предшествующих ей слов, а, наоборот, слова возникают из речи” [124, с. 100]. Это мнение разделяли А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба, Г. В. Колшанский. Показательно, что Бодуэн де Куртенэ разграничивал слово как обобщённый, самодостаточный номинативный знак языка и слово как конкретную минимальную речевую единицу и даже ввёл для них разные термины [83, с. 222; 388, с. 348].

В речи слова обычно используются в сочетаниях, в спонтанно появляющихся в сознании единых минимальных речевых блоках – синтагмах, которые разграничиваются паузами. Если же в ней выделяется паузами отдельное слово, оно выполняет функцию однокомпонентной синтагмы, и у него уже не языковой, а речевой статус. И знаменует оно не **обобщённую** номинативную единицу системы языка, для которой показательны **отдельность** и **самодостаточность**, а минимальную единицу речи, которая предполагает **конкретность**, линейную **сочетаемость** с аналогичными структурами и **ситуативный смысл**.

Речь – самостоятельная лингвистическая сфера со своими единицами. Её естественное членение осуществляется субъектом не на языковые, а на речевые единицы, т. е. на непосредственные компоненты её порождения – синтагмы или на единицы её традиционного оформления: фразы – в устной форме, предложения и высказывания (сложное синтаксическое целое) – в письменной. Разумеется, в речи несложно найти языковые единицы, но их выделение не будет соответствовать ни её порождению, ни её реальной структуре. К членению речи они не имеют непосредственного отношения. Но если не из них порождается её структура и содержание, – следовательно, они не могут быть единицами её **речевого членения**. Естественное интонационное членение речи представлено говорящим в устном общении при делимитации исходных её единиц. Именно на него нужно ориентироваться при изучении как устной, так и письменной речи. Особенно важно его учитывать при чтении текстов.

При написании диктантов, когда интонация становится опорой для индивидуального восстановления текста на слух, часто возникает вопрос: “Это уже новое предложение?”. Если бы речь интонационно членилась на

предложения, такой вопрос был бы неуместен. Но исследователями почему-то не делается никаких выводов относительно причин его появления. Они с удивительным постоянством продолжают говорить о чётких границах предложений в тексте, не задаваясь вопросом: почему слушатели благодаря интонации легко воспринимают звучащую речь и её содержание, но не воспринимают структур и границ предложений звучащего текста и нуждаются в предупреждении о начале нового предложения? Речь – это динамика, процесс и способ формирования и передачи мыслей. Она предполагает линейную сочетаемость порождающих и оформляющих её единиц. Слово как **статическая номинативная единица языка** предполагает отдельность: предмет – название.

Разумеется, речь опирается на лексическую систему, но это не основание считать слова самостоятельными речевыми единицами. В процессе общения при лингвистическом оформлении мыслей, в сознании выделяются не слова, а получающие актуальность предметы, понятия как объекты мысли. Они конкретизируются путём указания на их акцидентные, нередко случайные признаки, свойства и качества, в результате чего в сознании субъекта возникают не отдельные слова, а лексические единства с ситуативным значением, являющиеся исходными компонентами при порождении речи и при её восприятии.

Предложения не могут выделяться в устной речи, так как являются принадлежностью письменной её формы – текста. В устной речи предложений нет, в ней – фразы (уместно различать устную и письменную речь не только на уровне звука и буквы). Безусловно, текст можно озвучить, прочитав все его предложения. Можно прочитать в нём какое-то отдельное предложение, создавая *иллюзию* его чёткой структуры. Но это вовсе не значит, что в устной речи появились предложения и они имеют строгие, чёткие границы. В этом случае предложения преобразуются в те фразы, на основе которых ранее они были выделены в тексте при его составлении, о чём почти полтора века назад говорил Г. Пауль.

Для субъекта речи интонация – обязательный атрибут оформления своей речи и представления содержания. Она у него **определяется** содержанием, а для

адресата речи интонация субъекта **определяет** содержание, идентифицирует его. Она основа для осознания и осмысления каждой отдельной синтагмы и синтагматической структуры речи в целом.

Если интонация – средство интерпретации речи, а речь имеет устную и письменную формы, то интонация, естественно, должна соотноситься с обеими формами. В устной речи она представлена однозначно. В письменной она тоже предполагает эту особенность и для идентификации содержания текста должна как-то в нём отражаться, чтобы читатель смог её **восстановить** и понять автора.

Восстановить в тексте можно лишь то, что в нём заложено, подразумевается и при опоре на конкретные средства может быть воспринято. В тексте читателю самому приходится разбираться в его синтагматической структуре и, восстанавливая авторскую интонацию, добиваться точного понимания содержания. По мнению Н. И. Жинкина, автор старается “вписать” интонацию в текст, способствуя осознанию её читателем. Нередко автор вслух проговаривает записываемую речь, контролируя так интонационную делимитацию исходных единиц и тем самым удерживая и развивая передаваемые мысли [141, с. 21].

Интонация шифруется в тексте с помощью существующих средств и способов, с учётом культурно-речевой традиции его оформления. В древности слова и предложения в тексте не разграничивались (например, в «Слове о полку Игореве»), отражая тот факт, что носители языка интонационно не разграничивали их в устной речи, поэтому сначала не разграничивали их и на письме.

Последующее разграничение в текстах слов вовсе не означало, что их в речи начали интонационно разграничивать. Оно стало графическим способом чёткого представления минимальных номинативных единиц. Выделение предложений с их знаками препинания содействовало последовательному отражению передаваемых мыслей, помогало восприятию в речи единых минимальных структурно-смысловых лексических групп (синтагм) как исходных речевых единиц. Это способствовало восстановлению авторской интонации, осмыслению всех реальных речевых единиц, что значительно ускорило восприятие текста.

Связи и отношения между структурой текста и интонацией представлены в работах В. А. Артемова, И. И. Ковтуновой, А. М. Пешковского, Н. В. Черемисиной, И. П. Распопова, Н. Д. Светозаровой, В. Е. Шевяковой и многих других исследователей. Интонация входит в структуру предложения и текста в качестве обязательного компонента и находит выражение благодаря “системе интонационных фиксаторов” [419, с.190]. В качестве последних называют различные структуры предложений, само выделение предложений в тексте, знаки препинания, строчное и ступенчатое членение стиха, различные ритмические фигуры и другие графические, лексические, грамматические и стилистические средства и приёмы, которые прямо или косвенно указывают на границы синтагм, на синтагматическое ударение в многокомпонентных синтагмах и на характер мелодики. Отметим, что некоторые лингвистические науки строятся на восстановлении интонации письменных памятников. Так, успехи в исторической и диалектной фонетике появились благодаря осмыслению интонации, заложенной в исследуемых текстах и в записях диалектной речи.

Чтение – основной способ получения знаний. Их качество зависит от качества чтения. Осознание интонации, закодированной в тексте, – главное условие адекватного его восприятия. Отклонение от неё ведёт к нарушению авторской синтагматической структуры текста, меняет нюансы содержания или вообще деформирует мысли.

3.7. Теоретическая и прагматическая важность изучения синтагмы

Необходимость тщательного и всестороннего изучения синтагмы и синтагматической структуры речи обусловлена многими причинами. Главная из них в том, что синтагматическая концепция в полном объёме соответствует речевой деятельности — как продуцирующей, так и рецептивной.

Сведения о синтагме способствуют осознанию:

1) истинной природы порождения и восприятия речи — того, что именно синтагмы являются исходными минимальными её единицами;

2) необходимости чёткого разграничения сфер языка и речи, единиц языка как обобщённых или абстрактных его общенародных средств и единиц речи как индивидуально-креативных структурно-содержательных её компонентов с ситуативным значением; а также того, чем языковые единицы отличаются от речевых и почему их нельзя смешивать;

3) важности разграничения единиц устной и письменной речи;

4) реальной структуры предложения, что способствует точной и аргументированной квалификации его компонентов;

5) факта, что вовсе не из звуков, слов и словосочетаний составляется предложение и формируется его содержание;

6) неубедительности утверждения о том, что предложение строится путём распространения структурной схемы отдельными лексическими распространителями;

7) противоречия в традиционном и новом учении о членах предложения, когда они устанавливаются и квалифицируются без учёта характера связи — внутрисинтагмной или межсинтагмной, — в результате чего происходит разрушение целостности синтагм как реальных компонентов структуры и содержания предложения;

8) особенности отражения значения предикативности — односоставности или двусоставности — в предложенческих структурах с инфинитивом в роли главного компонента.

Рассматриваемые вопросы весьма важны для развития теории и практики речевой деятельности, устной и особенно письменной форм речи. Поэтому необходимо системное и основательное их изучение в школе и вузе.

Синтагматическая концепция речи важна и в прагматическом плане, она способствует выработке таких умений и навыков чтения, которые максимально способствуют адекватному восприятию передаваемого содержания, что весьма важно при работе с учебными, научными и другими текстами, требующими

абсолютно точного их понимания. Для читателя весьма важно чётко и последовательно разграничивать авторские синтагмы, определять их реальные границы и осознавать их интонацию. Только при таком подходе возможно точное понимание авторского содержания текста. Знания о синтагме как исходной речевой единице и её объёме весьма важны для развития речевых умений и навыков. Они способствуют быстрому установлению реальной авторской синтагматической структуры текста, следовательно, помогают адекватному пониманию его содержания при чтении или переводе его на другие языки.

Не менее важны они при изучении языков, способствуя выяснению того, какие слова в предложении сочетаются в единые грамматические или структурно-смысловые группы с конкретным ситуативным значением, составляющие реальную его структуру и определяющие его содержание. Естественно, что более объёмные синтагмы в английской речи вызывают больше затруднений при определении их реальных границ, создавая тем самым серьёзную учебно-методическую проблему, успешное решение которой без осознания синтагматической природы речи и опоры при чтении на авторскую интонационную делимитацию невозможно.

3.8. Синтагматическая основа чтения

Сущность и цель чтения не в том, чтобы узнавать графически представленные слова и их значения, а в том, чтобы на основе сочетаний слов, предложений и развивающегося содержания идентифицировать авторскую интонацию и тем самым выяснить реальную синтагматическую структуру текста, в результате чего точно понять его авторское содержание.

Касаясь чтения, можно отметить два противоречия. Первое связано с порождением и восприятием речи. В школьных и вузовских учебниках

утверждается, что речь строится из слов как самостоятельных смысловых единиц языка путём их наращения. Однако при этом совершенно не обращается внимания на тот факт, что содержание текста и всех его предложений воспринимается не в результате последовательного сложения значений этих слов. Так что процесс восприятия содержания речи не соответствует процессу и характеру его порождения. В любом тексте по мере его развития автором выделяются предложения. Абсолютное большинство предложений, даже такое элементарное, с которого начинало учиться чтению не одно поколение, как *Мама мыла раму*, имеет составной характер и нуждается в расшифровке. Чтобы его **правильно** понять, осознав его конкретный **авторский смысл**, недостаточно прочесть слова и понять каждое из них. В разных речевых ситуациях оно будет иметь разную интонацию, разные акценты, а следовательно, разную структуру и разное содержание.

Правильно понимать мысли автора — главная задача каждого читателя. Правильно — значит так, как представлял их автор. Есть немало людей даже среди специалистов, которые говорят о поисках при чтении различных вариантов мысли, её оттенков, нюансов. Говорят громко, уверенно, только, к сожалению, неубедительно. Какие варианты мысли? Какие нюансы и оттенки? Разве можно в устной речи при одной интонации её субъекта передать хотя бы два содержания? Так почему в этой же речи после её записи должны появляться два содержания, нюансы, оттенки? И это второе противоречие, связанное с чтением и его целями.

Если при чтении появляются варианты мысли, то несомненно, что среди всех вариантов только один (авторский) истинный, а остальные ложные.

Зададимся естественным вопросом: насколько такой подход соотносится с успешным освоением учебных дисциплин, когда нужно максимально точно понять то, о чём говорится в учебнике, а не исправлять, не дополнять его и не искать дополнительные мысли — нужно точно понять те, которые излагает автор. Правильное понимание предложения (как и текста в целом) достигается осознанием его авторской структуры и авторской интонации. Из каких минимальных речевых единиц составлено предложение, на их основе оно должно

и восприниматься. Любой вариант, не соответствующий авторской структуре, ведёт к деформации содержания, к потере цели.

Так что осуществление смыслового анализа речи представляется важной и актуальной задачей лингвистического развития человека. Авторское содержание составлено на основе последовательного наращения значений конкретных речевых единиц. Задача анализа — правильно определить эти единицы, осознать их структуру, интонацию, грамматико-смысловые отношения между ними и ситуативное содержание каждой из них.

Если обратим внимание на устную речь как первичную и естественную форму общения, то увидим, что в ней интонационно — с помощью мелодики, ударений и пауз — разграничиваются и выделяются единые структурно-смысловые группы слов — синтагмы — с общим ситуативным значением. Их интонационное разграничение указывает на то, что именно из них говорящий составляет свою речь и каждая синтагма выступает в ней в качестве единого самостоятельного структурно-смыслового компонента. Они обычно возникают в сознании в виде мгновенного автоматического слияния слов в единые смысловые лексические блоки как средство отражения элементарных фрагментов содержания или простейших фактов ситуации. Разграничение синтагм способствует точному восприятию их значений.

Слова в отдельности обозначают те или иные предметы, признаки, качества, свойства, действия, состояния. Но однотипных предметов в мире бесчисленное множество. Для их различения приходится указывать на их ситуативно важные признаки, что можно сделать путём сочетания нескольких слов, которые возникают не в результате последовательного строительства, а путём мгновенного автоматического слияния необходимых лексем. Такими сочетаниями автоматически пользуется каждый человек. Именно из них составляется речь, и на их основе она воспринимается.

Для автора вписанная в текст интонация — способ интерпретации содержания, а для читателя она средство его идентификации, т. е. понимания в полном соответствии с авторской целью. Так что при обучении чтению следует

опираться на синтагмы и их интонацию. Опора на слово чревата различными деформациями содержания.

Любое чтение характеризуется *техникой*, предполагающей набор приёмов, правил и положений, развивающих навыки и умения, а также *целью* и *результатом*. При развитии навыков чтения уделяется внимание всем этим характеристикам. Но главным ориентиром является *цель*. Она очевидна: предельно точно понять текст и добиться желаемого *результата*.

Структурная и содержательная сущность речи состоит в её линейности, в последовательном наращении всех её синтагм и их значений. Многие лингвистические единицы изначально имеют заданную последовательность, общую и обязательную для всех людей. Так, в словах последовательны звуки — в устной речи, а буквы — в письменной; в составных наименованиях последовательны слова. Они попадают в речь в строго закреплённом составе. Это **единицы языка**, они общие для всех его носителей.

Но для речи тоже характерна заданность, только она здесь индивидуальная, авторская. Последовательность, структуру и содержание всех авторских сочетаний (синтагм, фраз, предложений) определяют говорящий и пишущий. Это **единицы речи**, индивидуальные структуры, составляющие её содержание. Читателю необходимо их идентифицировать и осознать их значение. Важно выявить все смысловые объединения слов в каждом предложении текста, что позволит правильно понять все авторские мысли, с их авторскими оттенками и нюансами, а не схватывать значения отдельных слов и по-своему домысливать содержание.

Человек видит тот или иной предмет, о котором хочет что-то сообщить, воспринимает его сущностный признак, по которому этот предмет отличается от всех других предметов. Но вместе с тем у предмета есть и несколько индивидуальных особенностей, часто случайных, ситуативных, на основании которых он легко выделяется среди всех аналогичных реалий.

Например, в сочетаниях *крайний стул*, *раскрытая книга* — *крайний* и *раскрытая* для названных предметов не являются важными признаками, но

становятся существенными, чтобы быстро и безошибочно определить эти предметы среди аналогичных, т. е. сделать их узнаваемыми.

Использование в речи в качестве исходных её компонентов единых групп слов отражает её сущность. И сущность эта **синтагматическая**, указывающая на то, что единицей порождения и восприятия речи является синтагма. В связи с этим синтагма должна стать основной опорной единицей при чтении – как при обучении чтению, так и при любой работе с книгой как основным способом получения реальных знаний.

Единицы языка имеют общую (т. е. объективную) линейную последовательность, а единицы речи имеют установленную автором (субъективную) последовательность, но она обязательна для всех читателей, если они хотят правильно понять автора. Осознание авторских минимальных объединений слов и их интонации гарантирует читателю правильное их понимание. Будучи индивидуальными, они предполагают восприятие в строгом соответствии с их авторским построением. Последовательное наращение синтагм является основным способом построения устной и письменной речи. Этим обусловлен и характер её восприятия: последовательное осмысление каждой авторской синтагмы. Различие в том, что говорящий интонационно разграничивает их паузами, что позволяет слушателям однозначно его понимать, а читатель сам должен определить их в тексте, для чего ему нужны знания, умения и навыки. Их можно приобрести в результате целенаправленных занятий по смысловому анализу речи.

Смысловой анализ речи должен стать одним из основных направлений освоения родного языка и речи, так как он способствует развитию и совершенствованию мышления и всех видов речевой деятельности.

Выводы к главе 3

Данная глава отражает принципы и приёмы освещения исследуемой темы и выполнения всего комплекса поставленных задач. Её содержание не объёмно, но в методико-методологическом плане настолько важно, что его уместно представить в отдельной главе. Содержание главы предполагает следующие **выводы**.

1. Добиться результатов исследования, соответствующих реальной речевой деятельности, можно только при условии использования наиболее уместных принципов и приёмов его проведения.

2. Истинная структура речи отражается в интонации говорящего субъекта, на основании которой воспринимаются все исходные единицы конкретной речи.

3. Содержание устной речи выражается в минимальных, возникающих в сознании говорящего речевых структурах – синтагмах, с конкретным ситуативным значением.

4. Авторская интонационная делимитация речи является важнейшим атрибутом, так как содержание речи понимается слушателями на основе последовательного восприятия значений всех выделяемых синтагм; именно они составляют структуру и содержание речи.

5. При записи речи единицы её порождения трансформируются из звуковой формы в графическую; достаточно полно особенности речепорождения отражаются в синтагматической записи речи.

6. В синтагматической записи находит отражение всё то, что слушатель воспринимает в звучащей речи: 1) все синтагмы как минимальные исходные единицы структуры и содержания речи; 2) их последовательность; 3) границы между ними; 4) паузы на месте этих границ; 5) продолжительность пауз; 6) компоненты в синтагмах, выделяемые ударением, а следовательно, и по смыслу; 7) все фразы; 8) сообщение в целом.

Глава 4

СИНТАГМА – ЕДИНИЦА ПОРОЖДЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ

4.1. Инструментарий речи

Как уже отмечалось ранее, в современной науке вопрос об исходной единице речи не имеет однозначного решения, ибо решается на основе разных принципов, при смешении сфер языка и речи и их единиц. Закрепилось мнение, согласно которому из слов строятся словосочетания, из слов и словосочетаний строятся предложения, а из предложений – тексты [97, с. 231; 305, с. 7 и др.]. Но языкознание как наука, появилось не по причине внимания к синтезу, а в результате анализа речи, которая, по Гумбольдту, “течёт непрерывным потоком, и говорящий, прежде чем задуматься над языком, имеет дело только с совокупностью подлежащих выражению мыслей” [124, с. 100].

Речевое общение носит индивидуально-креативный характер, обычно речь не строится, а спонтанно порождается. Её исходные единицы мгновенно возникают в сознании говорящего с их последовательным автоматическим линейным наращением. При изучении речи уместен анализ, а не синтез. Так что более правомерен вопрос не о том, из каких единиц строится речь, а на какие единицы интонационно она расчленяется её субъектом? Осознание этого вопроса помогает нам разобраться в том, что именно мы воспринимаем в речи говорящего и как.

В языке народа существуют миллионы слов, называющих все актуальные для народа предметы окружающего мира и тем самым образующих языковую словесно-предметную картину мира. Слова имеют обобщённые значения: нередко одно слово называет миллиарды однотипных реалий. Так, слово *дерево* обозначает не какое-то одно растение с твердым стволом и ветвями, образующими крону, а любое из соответствующих растений, слово *книга* соотносят не с каким-то одним экземпляром тиража, а с любым из миллиардов однотипных предметов, представляющих собой отпечатанные листы, сброшюрованные и переплетённые в единое целое.

Минимальным средством номинации является слово, и в речи можно легко обнаружить слова. В тексте они вообще разграничены пробелами. В связи с этим утвердилось мнение, что речь строится из слов как знаменательных единиц языка. Однако вполне очевидно, что даже миллионов слов недостаточно, чтобы каждое из них в речи было **своим** обозначением для конкретной реалии в конкретной ситуации. К тому же содержание речи определяется не суммой значений всей цепочки слов. Слова в речи изначально употребляются не самостоятельно, не в отдельности, а комплексно, в единых сочетаниях, спонтанно возникающих в сознании субъекта речи, мгновенно отражая реалию и её отличительные признаки, делая её максимально конкретной и узнаваемой. Речь порождается и протекает в соответствии с принципами комбинаторики – путём автоматических лексических размещений и сочетаний, обеспечивающих конкретное общение [104, с. 33]. Слово в языке называет предмет без указания на его признаки, тогда как в речи представлена *вполне узнаваемая реалья*, отличительные признаки которой позволяют выделить её из бесчисленного множества однотипных предметов, что часто невозможно отразить одним словом. Причём эти опознавательные признаки обычно являются ситуативными.

Существующая теория порождения речи (последовательное распространение структурной схемы предложения отдельными словами) не соответствует характеру восприятия человеком предметов окружающего мира. Она не соотносится с речевой деятельностью. В соответствии с ней получается, что воспринимается сначала предмет и его действие или состояние, потом последовательно – его признаки: форма, назначение, цвет, размеры и т. д., а также различные обстоятельства его действия или состояния. Но человек воспринимает любую реалью комплексно, одновременно с её сущностными и акцидентными признаками. В его сознании в результате психоречевой реакции автоматически возникает в качестве простейшей речевой единицы интонационно единая смысловая группа слов – **синтагма**. Она отражает предмет с его отличительными признаками или какой-то единый фрагмент конкретной ситуации.

Такое сочетание не имеет ничего общего с сознательным последовательным наращением слов как “самостоятельных строительных единиц”. Для субъекта речи оно мгновенно появилось в сознании как составной, но единый, минимальный (недискретный) речевой компонент, отражающий целостное восприятие актуального фрагмента содержания. Не следует переносить начальный, словесно-предметный, этап речевого развития ребёнка на всю его последующую речевую жизнь.

Сущность речи вроде бы словесная: в любом тексте мы видим слова, разграниченные пробелами. Но механизм порождения речи не словесный, что вполне очевидно в устной речи, т. е. в первичной, естественной форме. В речи говорящего мы слышим и воспринимаем не отдельные слова, а единые структурно-смысловые группы слов. Это указывает на то, что природа речи не словесная, а **синтагматическая**. Окружающий мир воспринимается человеком в единстве: реалия вместе с её сущностными и акцидентными признаками. Если слово называет реалию-тип бесчисленного ряда однотипных предметов, то синтагма отражает конкретную реалию на основании указания на её отличительные ситуативные признаки, которая выделяется не только из бесчисленного множества предметов окружающего мира, но и из круга однотипных реалий своего ряда; “синтагма служит... квантом смысла (поскольку человек порождает речь не пословно, а комплексами, группами слов)... синтагма есть основная ритмическая единица... Но синтагма представляет собой и основную элементарную интонационную единицу” [419, с.31].

На основе сопоставительного анализа делимитации речи в разных языках можно выяснить авторскую структуру минимальных компонентов и установить истинную единицу восприятия речи. Она и является исходной её структурой. Из них речь составляется и на их основе воспринимается.

Устная форма выступает как надёжная опора в исследовании речи. При восприятии письменной речи читателю необходимо самостоятельно определить все те авторские речевые компоненты, из которых были составлены структура и содержание текста и всех его составных единиц. Нарращиваемые и

разграничиваемые паузами единицы – это **структуры речепорождения**, тогда как все остальные речевые сочетания (составные, или дискретные) – это **структуры традиционного оформления** текста как завершённой в структурном и содержательном отношении единицы письменной речи. Осознание читателем речепорождающих единиц, их интонации и значения гарантирует ему точное (т. е. авторское) понимание содержания. Речевые структуры выделения и оформления, разграничивая мысли, способствуют быстрому осознанию читателем авторской интонации, в частности делимитации текста, делая его более доступным для восприятия. При чётком разграничении языка и речи, языковых единиц и речевых, устной речи и письменной, при осознании авторской делимитации речи, можно выяснить, **из чего и как** порождается устная и письменная её разновидности, а также **как** они оформляются.

Порождение речи как вид психической деятельности одновариантно, и, хотя её формы разные, единица её порождения является общей для обеих форм. Человек передаёт один вариант информации в устной или внутренней речи. Его речевые умения и навыки обеспечивают ему её трансформацию в приемлемую письменную форму. При этом единицы оформления речи в связи с разным материальным её выражением будут разными. Чтобы адекватно разобраться в процессе порождения речи и в её составных единицах, необходимо руководствоваться следующим:

- осознанием сфер языка и речи и их единиц,
- тезисом о том, что устная речь – первичная, основная форма, которая выступает в качестве объективного средства верификации выводов,
- авторской делимитацией заданных минимальных речевых единиц,
- учётом их интонации, структуры и смысла,
- их линейной последовательностью.

4.2. Реальные единицы порождения речи и их статус

Для выявления исходных единиц речи, необходимо определиться в её структуре, в ее реальных компонентах, в том, **как и на основании чего осуществляется восприятие речи**. Сделать это на основе только письменной формы трудно. Опирается нужно на звучащую речь, как природную, первичную форму общения [269, с. 441]. Читая текст, нужно научиться “слышать” его – предложение за предложением. Но при восприятии озвучиваемого текста, мы имеем дело уже с фразами, потому что предложения в данном случае, будут преобразовываться во фразы, на основе которых все они были в свое время выделены. Опираясь на диктофонные записи выступлений на собраниях, заседаниях кафедры, заседаниях учёного совета, а также на разговорную и диалектную речь, можно прийти к выводу, который сделал в своё время Л.В. Щерба при исследовании восточно-лужицкого наречия: речь представляет собой цепочку не отдельных, самостоятельных слов, а единых лексических комплексов. «Отдельные слова... отнюдь не даны нам в “речи”. Кратчайшими отрезками... последней являются “группы слов” (могущие, конечно, состоять и из одного слова), выражающие в процессе речи-мысли единые “отдельные предметы”, в данной ситуации далее неделимые» [95, с. 48]. Это – синтагмы. Синтагма в понимании Щербы – «кратчайший отрезок» восприятия речи, а слово – компонент синтагмы. В связи с этим вполне логичен вывод, что речь составлена из тех единиц, на основе которых она воспринимается, ибо именно в них автор воплотил содержание.

Синтагма – индивидуальная структура речи, смысловое, интонационное и грамматическое единство нескольких слов. Это недифференцированная, одномерная единица, в которой единой структуре соответствует единый компонент содержания. Нарастание синтагм и их значений выливается в устной речи в мысли (фразы) и сообщение, а на письме – в предложения и текст. При этом почти всегда приходится корректировать весь речевой поток. Даже если

взять такое, казалось бы, элементарное предложение, как *Мальчик потерял ключ*, можно убедиться в том, что в разных речевых ситуациях оно будет восприниматься как однокомпонентное, двухкомпонентное или даже трёхкомпонентное. Достаточно проанализировать делимитацию его речевых единиц в ответах на некоторые вопросы.

Что случилось? – *Мальчик потерял ключ* (одна синтагма);

Кто потерял ключ? – *Мальчик* / *потерял ключ* (две синтагмы);

Что сделал мальчик? – *Мальчик* / *потерял ключ* (тоже две синтагмы, но уже иного качества в отношении их интонации и актуальности значений);

Что потерял мальчик? – *Мальчик потерял* / *ключ* (тоже две синтагмы, но совсем иные, чем в двух предыдущих случаях);

Что сделал мальчик с ключом? – *Мальчик* / *потерял* / *ключ* (три синтагмы).

Ответы представлены графически одной и той же структурой, но имеют разное содержание, ибо состоят из разного количества синтагм, у них разная интонация и разная актуальность значения синтагм, разное его качество. Синтагмы, выделенные жирным шрифтом, могут самостоятельно выполнять функцию фраз в устной речи и предложений в письменной. Ср.:

Что случилось? – *Мальчик потерял ключ*;

Кто потерял ключ? – *Мальчик*;

Что сделал мальчик? – *Потерял ключ*;

Что потерял мальчик? – *Ключ*;

Что сделал мальчик с ключом? – *Потерял*.

Совершенно разные по содержанию ответы свидетельствуют, что перед нами разные предложения – как по интонации, так и по реальной структуре их исходных компонентов и актуальности их значений.

Аналогичная ситуация – в английской и украинской речи. В английской:

What happened? – *The boy lost the key* (одна синтагма);

Who lost the key? – *The boy* / *lost the key* (две синтагмы);

What did the boy do? – *The boy* / *lost the key* (две синтагмы, но иного качества);

What did the boy lose? – *The boy lost* / *the key* (две синтагмы);

*What did the boy do with the key? – The boy / **lost** / the key* (три синтагмы).

В украинской:

Що трапилося? – Хлопчик загубив ключ (одна синтагма);

Хто загубив ключ? – Хлопчик / загубив ключ (две синтагмы);

Що зробив хлопчик? – Хлопчик / загубив ключ (тоже две синтагмы, но у них теперь иное качество);

*Що загубив хлопчик? – Хлопчик загубив / **ключ*** (тоже две синтагмы, но они отличаются от предыдущих актуальностью и смысловыми качествами);

*Що зробив хлопчик з ключем? – Хлопчик / **загубив** / ключ* (три синтагмы).

Эти структурные и функциональные параллели подводят к мысли о синтагме как общеречевой единице. Все варианты предложения в каждом из языков имеют один графический вид: все они включают одни и те же слова (или словоформы) в одной и той же последовательности. Но все передают разное содержание. Появляются сомнения в том, что слова как отдельные номинативные знаки с обобщённым значением имеют непосредственное отношение к порождению речи. Мы видим, что слово и предложение соотносятся через синтагму. Однако, может, такая ситуация характерна лишь для элементарных трёхкомпонентных структур предложения? Обратимся к речевой структуре, графически состоящей уже не из трёх, а из пяти слов:

Брат подарил своему другу альбом.

Рассмотрим данную структуру и её содержание в качестве ответа на ряд вопросов, но при этом не будем менять ни количество её компонентов, ни их форму, ни их последовательность.

– *Какие новости? Что нового?*

– **Брат подарил своему другу альбом** – предложение представлено одной синтагмой, в нём нет никаких пауз, сообщается один элементарный факт в качестве новой информации.

– *Кто / подарил своему другу альбом?*

– **Брат / подарил своему другу альбом** – в предложении уже две синтагмы, разделённые паузой; первая из них несёт новую информацию.

– *Что / сделал брат?*

– *Брат / подарил своему другу альбом* – в данном случае в предложении тоже две синтагмы, графически они такие же, но у них уже иное качество: теперь вторая синтагма несёт главную информацию.

– *Что / брат подарил своему другу?*

– *Брат подарил своему другу / альбом* – сейчас в предложении тоже две синтагмы, но у них совершенно другие объём и качество; теперь новую информацию содержит синтагма **альбом**, которая ранее не выделялась вообще.

– *Кому / брат подарил / альбом?*

– *Брат подарил / своему другу / альбом* – теперь же в предложении уже три синтагмы, в ответе они чётко разграничиваются паузами; новую информацию несёт вторая синтагма.

– *Что / брат сделал с альбомом?*

– *Брат / подарил своему другу / альбом* – в этом случае, как и в предыдущем ответе, в предложении три синтагмы; вторая синтагма несёт новую информацию, но она здесь совсем иная по объёму и значению.

Обратим внимание на то, что в ответах все содержательно важные синтагмы могут самостоятельно выполнять функцию фраз в устной речи и предложений – в письменной. Ср.:

– *Что нового? – Брат подарил своему другу альбом.*

– *Кто / подарил своему другу альбом? – Брат.*

– *Что / сделал брат? – Подарил своему другу альбом.*

– *Что / брат подарил своему другу? – Альбом.*

– *Кому / брат подарил / альбом? – Своему другу.*

– *Что / брат сделал с альбомом? – Подарил своему другу.*

Примеры объективно отражают тот факт, что речевой фрагмент *Брат подарил своему другу альбом* в разных речевых ситуациях передаёт совершенно разное содержание. Одни и те же слова в одних и тех же формах в одной и той же последовательности в речи одного и того же человека имеют разные форматы содержания. Думается, этот факт не только вызывает сомнение, он опровергает

утверждение о том, что предложение строится из отдельных слов как самостоятельных значимых единиц словаря.

Но если оно строится не из отдельных слов, то и восприниматься оно должно не на основе значений отдельных слов, а на основе тех речевых единиц, из которых оно каждый раз реально составлялось и что подтверждалось его интонацией (в частности, разграничительными паузами, мелодикой и ударением). Так что и чтение должно осуществляться не на словесной основе, а на синтагматической.

Рассмотрим более сложный пример:

Неприятности того или иного человека, / оказавшегося среди сложных для него проблем, / являются закономерными для людей, / лишённых ответственности и самоконтроля.

В предложении четыре синтагмы. Однокомпонентных среди них нет. Путём их наращения составлены его структура и содержание (S):

	1		2		3		4
S =	Неприятности	+	оказавшегося	+	являются	+	лишённых
	того или иного		среди сложных		закономерными		ответственности
	человека		для него проблем		для людей		и самоконтроля

Подобная картина в украинской речи:

	1		2		3		4
S =	Неприємності	+	яка опинилася	+	є	+	які позбавлені
	тієї чи іншої		серед складних		закономірними		відповідальності
	людини		для себе проблем		для людей		та самоконтролю

Аналогичная ситуация и в английской речи:

	1		2		3		4
S =	Troubles	+	who found himself	+	are	+	deprived of
	of one or another		in complicated		natural		responsibility
	man		problems		for people		and self-control

Слова не просто распределены по синтагмам – они закреплены в них и не имеют **непосредственного** отношения ни к структуре, ни к содержанию предложения, так как они компоненты своих синтагм. Они соотносятся с

предложением только через свою синтагму. Ни одно из них нельзя оторвать от его синтагмы и перенести в другое место. А уже синтагмы как минимальные речевые единицы с ситуативным значением стали составными частями предложения. Таким образом, функции слов реализуются, даже исчерпываются на уровне синтагмы, в которую они входят. Когниция отдельного слова как единицы языкового кода отражает его потенциальные возможности, что способствует употреблению его в бесчисленных ситуациях и разных значениях, в том числе и метафорических. Эти примеры позволяют сделать несколько выводов:

– речь имеет синтагматическую природу: исходной единицей её порождения и восприятия является не отдельное слово, а синтагма;

– адекватное восприятие речи обеспечивается авторской её делимитацией, а правильное понимание текста достигается точным восстановлением его авторской синтагматической структуры и интонации;

– синтагма – минимальная индивидуально-авторская речевая структура.

Синтагматическая сущность речи – объективная реальность, поэтому её осознание способствует формированию и развитию как продуцирующих, так и рецептивных видов речевой деятельности, совершенствованию речевых умений и навыков, развитию чтения с точным пониманием читаемого текста, успешному изучению родного и иностранных языков.

Размышляя о синтагме, Л. В. Щерба высказал мысль о том, что в синтагме ударение всегда на последнем её слове. Однако его гипотеза не подтверждается речевой практикой. Ср.:

... Просну́вшись рано, //

В окно уви́дела Татьяна //

Поутру побелевший двóр, //

Курти́ны, / крóвли / и забóр, //

На стёклах лёгкие узóры, //

Дерéвья в зимнем серебре, //

Сорóк весёлых на дворе //

И мягко устланные го́ры //

Зимы блистательным ковро́м.

В данном речевом фрагменте все слова с синтагматическим ударением выделены жирным шрифтом. Как видим, у четырёх из восьми многокомпонентных синтагм синтагматическое ударение не на последнем компоненте.

4.3. Признаки синтагмы: первичность, минимальность и одномерность

Как уже выяснилось, строй речи по своей сущности синтагматический, ибо реальными единицами её порождения и восприятия являются синтагмы. Они выделяются интонационно и разграничиваются в устной речи субъекта паузами, что позволяет слушателям адекватно понять значение каждой из них и на основании этого осознать общее содержание речи. Любой текст как явление письменной речи тоже имеет синтагматическую структуру. Чтобы понять его содержание, читателю нужно разобраться в ней – во всех её исходных компонентах.

И. А. Бодуэн де Куртенэ и Л. В. Щерба первыми из лингвистов XX века увидели в синтагме реальную единицу речевой деятельности. Л. В. Щерба определил её как типичную недифференцированную речевую структуру, выражающую конкретные представления, понятия и смыслы. По его мнению, слова в синтагме могут быть связаны любым видом синтаксической связи, отражая тем самым весь спектр связей и отношений между реалиями окружающего мира. Но они могут объединяться и без грамматической связи – на основании “сложения смыслов”, которые не исключают друг друга. И это обусловлено коммуникативными целями речи. Особенно ценными являются мысли Л. В. Щербы, нашедшие место в последних докладах, стенограммах выступлений, рукописных статьях и сообщениях, большинство из которых осталось не опубликовано.

Вместе с тем в его опубликованных работах они представлены в виде попутных замечаний и часто носят гипотетический характер. Тем не менее их значение для развития теории речи и речевой деятельности огромно. Щерба высказывается о природе синтагмы, причинах её появления, её структуре, содержании, интонационном оформлении, назначении и функциях. Он отмечает её первичность как единицы речевосприятия. Эту её особенность подтверждают наши наблюдения за порождением и развитием детской речи.

Занимаясь исследованием предложения и его функционирования, одни лингвисты, утверждали, что исторически в речевой жизни народа первичны предложения (А. А. Шахматов). Учёные, наблюдавшие становление и развитие речи у детей, считали, что ребёнок осваивает речь, начиная с предложения (А. Н. Гвоздев) [117].

Однако существуют сомнения относительно первичности предложений в речи народа и в детской речи. Весьма странно, что и дети, и народ в целом *на исходном этапе своего речевого развития* начинают общаться (причём это **устное** общение, в котором функционируют фразы, а не предложения) на уровне составной речевой структуры. Выходит, речь у них развивалась не от примитивных форм общения к сложным в соответствии с общим законом любого развития, а от сложных к простым.

Наши наблюдения за порождением и развитием детской речи начиная с первых попыток ребёнка что-то высказать убеждают в мысли, что её строй по своей сущности вовсе не предложенческий, а синтагматический, потому что единицей порождения речи у них является не предложение, а простейшая синтагма. Да он не может быть предложенческим ещё и потому, что предложение – **единица письменной речи**, в то время как детская речь с первых её попыток и до полного становления реализуется исключительно **в устной форме**.

В речи ребёнка первичны именно синтагмы как единицы отражения простейших фактов действительности. Причём не всегда это предикативные синтагмы. Они в его сознании связаны с самым главным в его начинающейся жизни – с едой, игрушками, играми, первыми желаниями и волевыми

проявлениями. Ребёнок начинает своё общение в этом мире при помощи простейших синтагм, т. е. речевых единиц с ситуативным содержанием. Сначала они структурно и по смыслу элементарны, состоят из одного – двух слов (с предельно конкретным, ситуативным значением), потом его синтагмы приобретают форму сочетания большего количества слов. Он постепенно уточняет и осложняет свои синтагмы структурно и содержательно.

Первые наивные, предельно примитивные речевые структуры ребёнка конкретны, ситуативно содержательны, они сопровождаются интонацией, дополняются моторикой, в частности жестами, мимикой, эмоциями – всем поведением ребёнка при общении с ним. Общепринятые средства и приёмы передачи предикативности появляются в его речи позже – на этапе освоения более сложных синтагм, фраз, связной речи. А с предложением он впервые “встретится”, когда начнёт учиться читать.

Вот типичные речевые структуры ребёнка на начальном этапе развития его речи (часто сопровождаемые жестами): *Туда!; Там; На водопадик!; На качели!; К бабе в гости; На кухню* (указывая, куда ему хочется попасть или куда его нужно нести); *Дай хлеба!; Не хочется; Дай попробовать!; Зелёная коробочка* (в значении ‘дай зелёную коробочку’); *Мама уйдёт!; Баба уйдёт!* (в значении ‘пусть уйдёт’ – в зависимости от того, кто ему не понравился в данный момент), *Деда домой!; Баба домой!* (в смысле ‘уйди домой’, когда они запрещают ему что-то делать).

Почему эти первые попытки детской речи следует квалифицировать не словами, не словосочетаниями, а синтагмами? Почему даже отдельные слова в речи ребёнка точнее квалифицировать как простейшие по структуре и значению синтагмы? Потому что они всегда имеют конкретные, ситуативные значения, являясь речевыми единицами конкретного общения, тогда как в лексической системе языка слова – статические единицы, они многозначны и имеют обобщающее значение.

Мышление ребёнка – предметно-словесное. Его простейшие речевые структуры являются единицами общения и относятся к сфере речи. Даже

отдельные, единичные слова в его речи функционально значимы и имеют ситуативное содержание. Они у него не средство номинации, а средство и способ коммуникации. Так что есть основания говорить о том, что хотя первые попытки детской речи представлены недостаточно ясно, не всегда чётко, а нередко и синтаксически некорректно, они, тем не менее, всегда конкретны и однозначны. Они выступают в роли минимальных речевых структур общения. И эти показатели относятся к качеству коммуникации, а не к её сущности. То, что первые попытки детской речевой деятельности – явление коммуникативное, несомненно. Нет оснований считать эти структуры номинативными единицами, потому что последние имеют обобщённое значение, в то время как структуры детской речи являются ситуативно значимыми компонентами. Они соотносятся с конкретной действительностью, с конкретными участниками общения и для них характерна модальность. В речи ребёнка это первые попытки формирования синтагм как основных речевых структур. Они сначала единичны, потом у него в речи начинают формироваться более объёмные речевые структуры.

Синтагма как речевая единица **одномерна**, т. е. в ней представлен один компонент значения, которому соответствует единство структуры, выступающей в роли одного речевого компонента. Поэтому в речи она, несмотря на свой составной характер, выступает в качестве одного структурно-смыслового элемента. Таким образом, синтагмы – недифференцированные минимальные речевые структуры, являющиеся индивидуальными исходными единицами при порождении речи.

Детская речь даёт основание для вывода о том, что выбор слов и их использование в речи обусловлены не лингвистическими причинами (например, частеречными особенностями слов или их лексическими и грамматическими качествами и показателями). Детям ещё неведомы даже азы лингвистики, тем не менее у них чётко происходит становление речи и её развитие. Такой выбор обусловлен у них исключительно окружающей действительностью, психическими и, в частности, волевыми их действиями, т. е. внеязыковыми причинами – как объективными, так и субъективными.

Речь появляется как результат психической реакции ребёнка на окружающий мир и на своё отношение к нему. Его первые речевые опыты вызваны различными волевыми проявлениями, желаниями и потребностями, стремлением сообщить о них тем, от кого зависит выполнение его требований, просьб и желаний. Слова и их сочетания в его речи становятся зеркально-лингвистическим отражением реалий и его к ним отношения в соответствии с его стремлениями и волей. Они становятся для него реальным фрагментом этой действительности, как и сами реалии.

Порождая сочетания с ситуативным значением, отражающие появившиеся в его сознании взаимосвязи предметов, их признаков или качеств и своё отношение к ним, ребёнок даже не подозревает о существовании словосочетаний как “готовых номинативных единиц, предназначенных для строительства предложений” [97, с. 231], как, впрочем, и самих предложений. Ничего он не знает о частеречных особенностях используемых им слов, о существовании частей речи и типичных схем предложения.

Часто на начальном этапе становления речи ребёнок даже не связывает слова синтаксически, а сочетает их по смыслу, отражая тем самым факт, что смысловая связь в речи является первичной и основной. Он соотносит реалию, вызвавшую у него интерес, и слово, которое её обозначает. Для него слова связаны с заинтересовавшими его предметами. У него наглядно представлено предметно-словесное восприятие мира. Оно начинает получать отражение в речевой форме. Смысловую связь слов он уже осознаёт, но ещё не осознаёт того, что в речи обязательно должна быть грамматическая связь слов, требующая их конкретных грамматических форм.

Таким образом, основная причина объединения слов в детской речи – содержательная. И эта причина будет сопутствовать речевой деятельности человека в течение всей его речевой жизни, независимо от того, осознаёт он её или нет.

Когда человек получит достаточные лингвистические знания, она станет для него менее заметной, но по-прежнему будет оставаться естественной и основной.

Внеязыковую потребность объединения слов ребёнок осознаёт раньше, чем потребность их грамматического оформления. Так что говорить о предложении как первичной речевой структуре у детей, как, впрочем, и у народа на ранних этапах его развития, на наш взгляд, нецелесообразно и неубедительно. В то же время вполне очевидно также, что любой разговор о словосочетаниях в детской речи как “объективно существующих номинативных” компонентах её “строительства” можно квалифицировать как попытку искусственно прикрепить к ней то, чего к ней нельзя ни прикрепить, ни приклеить. Детская речь – наглядный росток речи взрослых людей.

Причины порождения речи у детей и взрослых одни и те же: это потребность в общении в процессе совместной деятельности. Их речь различается качеством, а не причиной порождения, сущностью или назначением. Так что реальные особенности формирования и развития детской речи заставляют усомниться в таких теоретических положениях концепции словосочетания, как изначальное существование словосочетаний в качестве самостоятельных номинативных единиц, а также назначение их быть строительным материалом для предложения.

Не отдельные слова сами по себе, не словосочетания и не предложения, а именно синтагмы первичны в речи, они выполняют в ней коммуникативную функцию. Детская речь, в которой отсутствуют предложения в их традиционном понимании, по причине своей ситуативности легко воспринимается взрослыми, в результате чего достигается взаимопонимание, т. е. *осуществляется коммуникация.*

Становится очевидным тот факт, что уже синтагма как первичная речевая единица является коммуникативной структурой, впрочем, как и любая другая единица речи. И это закономерно, потому что если нечто целое характеризуется каким-то сущностным качеством, то этим качеством должна характеризоваться и любая его отдельная однотипная единица, в том числе и минимальная.

Исследования структур устной разговорной речи, а также живой речи диалектов укрепляют в мысли, что основа речи не предложенческая, а синтагматическая.

4.4. Связи и отношения внутри синтагм и между ними

Продолжим разговор о грамматических и смысловых связях в речи. Изучение устной речи убеждает в мысли, что речь имеет синтагматическую основу, так как главной единицей её организации и восприятия является синтагма. Формирование предложений и речи в целом при порождении текста осуществляется не на словесном уровне и не на уровне словосочетаний, а путём линейного наращения синтагм как минимальных однозначных структурно-смысловых речевых единиц. Предложения последовательно выделяются в тексте в качестве его самостоятельных мыслей, что в значительной мере облегчает восприятие его содержания.

В каждой синтагме есть грамматически ключевое слово, вокруг которого объединяются все другие её слова в единый структурно-смысловой блок. С помощью этого слова синтагма устанавливает синтаксические и смысловые связи с одной или несколькими другими синтагмами. В грамматическом отношении ключевое слово является главным, выступая в качестве основы внутрисинтагмных связей и отношений. Часто оно является главным и в смысловом плане, но далеко не всегда. Всё определяется смысловыми акцентами и коммуникативными целями. Оно является важным и для межсинтагмных связей.

Содержательно актуальным может быть любой компонент, независимо от его структурно-грамматической роли в речи и конкретных грамматических показателей. При сочинительной связи в синтагме может быть не одно ключевое слово, а столько, сколько их объединено этой связью, если они не представлены у автора в качестве компонентов отдельных синтагм.

Морфологическая природа синтагмы определяется частеречной принадлежностью её ключевого слова, в связи с чем синтагмы могут быть именные, глагольные, наречные [351, с. 159]. В некоторых языках, например английском, частеречная принадлежность конкретного слова определяется не

самим словом как элементом словарной системы языка, а на основании его речевой функции, с учётом синтаксической позиции в речи. Так, в предложении английской речи грамматический омоним может обозначать глагол, существительное или прилагательное. В позиции подлежащего он будет квалифицироваться как существительное, в беспредложной позиции перед существительным будет прилагательным, а в позиции сказуемого будет глаголом. В других языках, например русском или украинском, благодаря их флективной природе частеречная принадлежность слова определена уже в самой системе языка и не выглядит такой гипотетической, как в английском.

Грамматические показатели синтагмы проявляются в её синтаксических связях и отношениях. Организация связной речи осуществляется с помощью межсинтагмной связи, возникающей между синтагмами в процессе их линейного наращивания. По характеру отношений между синтагмами можно назвать такие виды связи, как **вертикальная и горизонтальная связь**, а по сущности связи можно выделить **грамматическую, интонационную и смысловую** межсинтагмную связь.

Внутрисинтагмные и межсинтагмные грамматические и смысловые связи и отношения свидетельствует, что не все синтаксически связанные слова входят в одну и ту же синтагму. Они могут относиться к разным синтагмам, и тогда их связь следует квалифицировать как межсинтагматическую [382, с.253].

Межсинтагматическая синтаксическая связь позволяет субъекту речи объединить разные синтагмы в более крупные структурно-смысловые объединения (в предложения, высказывания и текст), т. е. в единую связную речь. Во время речепорождения при наращивании синтагм между их ключевыми словами устанавливаются межсинтагматические грамматические и смысловые связи и отношения, в результате чего и формируется речь [352, с. 177].

Учитывая, что рассматриваются совершенно новые явления и факты при организации и восприятии речи, остановимся на них подробнее. Рассмотрим особенности внутрисинтагмной связи в следующем предложении:

... *Проснувшись рано, //*

В окно увидела Татьяна //
Поутру побелевший двор, //
Куртины, / кровли / и забор, //
На стёклах лёгкие узоры, //
Деревья в зимнем серебре, //
Сорок весёлых на дворе //
И мягко устланные горы //
Зимы блистательным ковром.

Перед нами простое распространённое предложение, состоящее из одиннадцати синтагм. Жирным курсивом выделены ключевые слова синтагм. В двух последних синтагмах подчёркнуты слова, связывающие эти синтагмы межсинтагматической связью, именно для них они являются ключевыми. Морфологическую природу каждой из синтагм данного предложения, а также их внутрисинтагмные синтаксические связи и отношения можно охарактеризовать следующим образом:

Проснувшись рано – по ключевому слову глагольная синтагма, компоненты её связаны по смыслу и подчинительной синтаксической связью (примыкание), с передачей обстоятельственных временных отношений;

в окно увидела Татьяна – глагольная синтагма, ключевой её компонент *увидела* связан предикативной связью со словом со значением субъекта (*Татьяна*) и подчинительной (именное примыкание) – со словоформой *в окно*, а также отношениями субъекта-действия и способа действия;

поутру побелевший двор – именная синтагма с подчинительной связью (*побелевший двор* – согласование; *поутру побелевший* – примыкание), качественно-обстоятельственные отношения;

куртины, кровли и забор – три однокомпонентных именные синтагмы, которых, по мнению субъекта речи, в окружении других синтагм достаточно для передачи конкретно-ситуативного речевого значения;

на стёклах лёгкие узоры – именная синтагма, ключевое слово *узоры* имеет два неоднородных определения *лёгкие* и *на стёклах*, согласованное и

несогласованное; согласованное определяют ключевое слово (*лёгкие* + *узоры*), а несогласованное определяет словосочетание с ключевым словом (*на стёклах* + *лёгкие узоры*), определительные отношения;

деревья в зимнем серебре – именная синтагма, ключевое слово в ней *деревья*, оно имеет несогласованное определение, выраженное сочетанием *в зимнем серебре*; определительные отношения;

сорок весёлых на дворе – именная синтагма, ключевое слово *сорок*, которое имеет постпозитивные согласованное (*весёлых*) и несогласованное (*на дворе*) определения; определительные отношения;

и мягко устланные горы – именная синтагма, ключевое слово *горы*, имеющее препозитивное согласованное определение, выраженное сочетанием причастия *устланные* и примыкающего к нему наречия *мягко*; передаются определительно-обстоятельственные отношения;

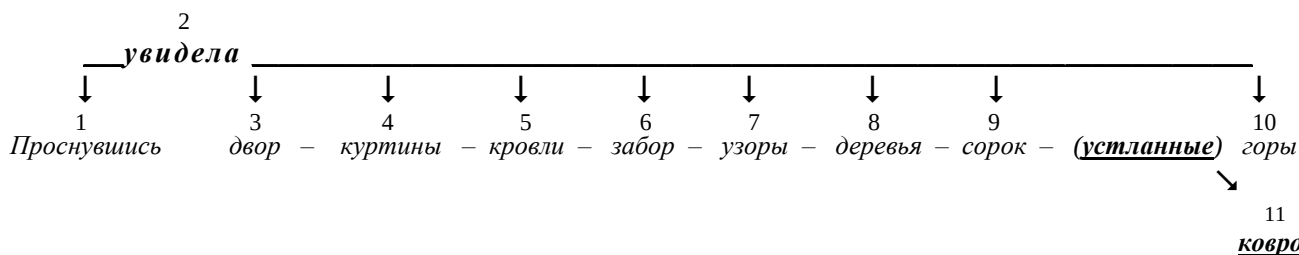
зимы блистательным ковром – именная синтагма, ключевое слово *ковром*, у него два препозитивных определения: согласованное *блистательным* и несогласованное *зимы*; определительные отношения; позицию определения *зимы* можно отметить как инверсию.

Все синтагмы в результате последовательного наращивания образовали структуру и содержание предложения; их ключевые слова указывают на важные узлы межсинтагматической грамматической связи в предложении. Благодаря ей возникает смысловая связь не только между грамматически связанными ключевыми словами, но также между теми компонентами, которые непосредственно не связаны грамматической связью, т. е. возникает ситуативная смысловая **опосредованная** связь. Относительно межсинтагмных связей следует отметить, что первые десять синтагм предложения объединены в общую речевую структуру благодаря ключевому слову второй синтагмы *увидела*, которое является грамматически главным по отношению к ключевым словам всех синтагм, за исключением последней. Последняя синтагма связана с предпоследней на уровне ключевых для них слов *устланные – ковром*.

Следующая схема отражает синтагматическую структуру предложения и его межсинтагмные связи на уровне ключевых слов. Цифрами отмечены синтагмы и их последовательность в предложении

На схеме представлены все синтагмы предложения. В качестве главной из них, объединяющей грамматически и по смыслу все остальные, выступает вторая с её ключевым словом *увидела*. Стрелками обозначена вертикальная межсинтагмная подчинительная связь ключевого слова грамматически главной синтагмы с ключевыми словами зависимых от неё синтагм.

Линиями между синтагмами (с 3 по 10) обозначена горизонтальная межсинтагмная связь. Главную синтаксическую и смысловую позицию среди ключевых слов десяти синтагм занимает ключевое слово второй синтагмы (*увидела*). С первой синтагмой оно связано подчинительной связью (примыкание); отношения обстоятельственные временные. С последующими восьмью синтагмами оно тоже связано подчинительной связью (но уже управлением), придавая им значение прямых объектов. И одновременно – смысловой связью. “сложением смыслов” (определение Л. В. Щербы). Эти отношения не оборвались на десятой синтагме. В ней, помимо ключевого слова (*горы*), связанного со второй синтагмой по вертикали и с предыдущими семью синтагмами через слова *двор, куртины, кровли, забор, узоры, деревья, сорок* – по горизонтали, имеется компонент, связывающий её с одиннадцатой синтагмой.

Это слово устланные, управляющее ключевым словом (ковром) последней синтагмы, устанавливая с ней объектные отношения. Восприятие и осознание интонационной делимитации речи, осмысление всех выделяемых её компонентов помогает осознать, что разграничиваемые лексические комплексы выступают в роли единой исходной речевой единицы, отражающей наблюдаемые предметы и факты с их акцидентными признаками, свойствами и качествами.

Целесообразно различать 1) внутрисинтагмную связь, т. е. связь в пределах синтагмы и 2) межсинтагмную, т. е. связь между синтагмами.

Формирование предложений и речи в целом осуществляется путём линейного наращения синтагм как минимальных однозначных структурно-смысловых речевых единиц. В устном общении вполне достаточно синтагм, образующих фразы, однако при оформлении текста в нём последовательно выделяются предложения с целью выражения и разграничения самостоятельных мыслей, что в значительной мере помогает читателю осознать синтагматическую структуру текста (предложение за предложением) и адекватно понять его содержание.

4.5. Смысловая связь как основа построения речи

Наши наблюдения за письменной и особенно устной связной речью наглядно свидетельствуют о том, что в её организации активно используются четыре вида связи: грамматическая, структурная, интонационная и смысловая. Из них наиболее полно описана грамматическая связь [399, с. 142].

Обычно все эти виды связи используются комплексно, но не всегда. Интонационная, структурная и смысловая связь обязательны во всех речевых проявлениях, тогда как грамматическая связь между сочетающимися словами в речевой структуре (в предложении) в некоторых случаях по тем или иным

причинам может отсутствовать. И тем не менее коммуникация будет возможна. Можно понять человека, например иностранца, который скажет:

Я хотеть купить этот книга или Как я ехать к аэропорт?

В данных речевых структурах ни одна из форм не соответствует требованиям грамматики применительно к ситуации речи, но каждый человек легко поймёт говорящего. Это обусловлено тем, что здесь, несмотря на абсолютно некорректную грамматическую связь, сохранена основная связь – смысловая, подкреплённая интонационной и структурной.

Если учитывать, что назначение речи – быть средством общения, взаимопонимания и воздействия, то естественно, что смысловые связи и отношения между речевыми единицами, лежащими в основе общения, следует считать **главными условиями**, способствующими развитию связной речи. Они в сочетании с техническими средствами – грамматической и интонационной связью – обеспечивают точное восприятие содержания.

Некоторые лингвисты рассматривают термины **структурный** и **грамматический** как синонимы. Однако такой подход представляется неубедительным. Безусловно, речевая структура в родном языке всегда грамматически оформлена. Обратите внимание на приведённые выше примеры, здесь структуры обоих предложений очевидны, однако грамматическое их оформление полностью отсутствует.

Даже в родном языке в устном общении людей, хорошо знакомых с ситуацией, нередко представлена смысловая связь без грамматической. Она возможна в тех случаях, когда слова обозначают предметы, признаки, свойства, действия, которые не исключают друг друга и в той или иной речевой ситуации могут оказаться в соотносительных связях. Ср.:

– *Сообщал ли кто-либо Петрову о конференции?*

– *Да, я ещё месяц назад, причём лично ему по телефону.*

Если бы было невозможным смысловое сочетания субъекта и времени его действия (*Я – ещё месяц назад*) или субъекта и способа его действия, а также инструмента действия (*Я – лично ему – по телефону*), то оказалась бы

невозможной эта так называемая неполная речевая структура. Почему “так называемая”? С информативной точки зрения её нельзя считать неполной, ибо она исчерпывающе передаёт информацию адресату.

Нередко, рассматривая подобные структуры, говорят о неполноте их состава, соотнося их со структурой классических предложений. Однако, во-первых, следует различать устную и письменную речь не только на уровне “звук – буква”, но и по всей линии речевых единиц. Во-вторых, устная речь – это первичная, природная форма, тогда как письменная – вторичная, искусственная. Поэтому при подобных исследованиях нужно опираться не на письменную форму, а на устную, потому что она первооснова. На этом акцентировал внимание ещё Г. Пауль [269, с. 441]. В-третьих, предложение – это единица письменной речи, т. е. искусственной формы, тогда как соотносительной единицей устной речи является фраза.

В своё время Л. В. Щерба призывал не смешивать эти структуры. У них разное материальное выражение и разные функции в речи. Предложения, например, способствуют поэтапному выявлению в тексте синтагматической структуры каждой лингвистически оформленной мысли. Такой функции у фразы благодаря прозрачному интонационному членению речи субъектом на синтагмы нет. Поэтому аргумент, что, дескать, структура предложения *Да, я ещё месяц назад, причём лично ему по телефону* является неполной, является неубедительным. Рассмотрим ещё пример.

Мы в то время, / как уже говорили здесь, / очень часто проводили разные мероприятия, / экскурсии, / походы, / осуществляли поездки по стране. // Ученики на каникулах / обязательно куда-то выезжали – / в Москву, / Ленинград, / Сталинград, / Крым... /

Компоненты первой синтагмы (*Мы в то время*), обозначающие субъекта и время его действия, объединены в единое целое исключительно на основе смысловой связи. Аналогичная ситуация и с синтагмой *Ученики на каникулах*. Кроме того, преимущественно на основе смысловой связи объединены вторая и

третья синтагмы: *как уже говорили здесь и очень часто проводили разные мероприятия.*

Смысловое объединение во всех отмеченных случаях сопровождается интонацией и является главным средством организации данных фрагментов связной речи для передачи отдельных **актуальных фактов** и **акцентов** конкретного содержания, в котором собеседнику неизвестны именно отдельные факты или акценты.

Впервые смысловую связь слов в речи как самостоятельный способ её организации отметил Л. В. Щерба, который утверждал, что построению связной речи успешно служат как грамматическая связь, так и ситуативно-смысловая сочетаемость, которую он понимал как “сложение смыслов” знаменательных единиц [431, с. 24].

Примером речи, основанной на “сложении смыслов”, можно считать фрагмент стихотворения А. Блока, рисуящий картину ночного города:

*Ночь, / улица, / фонарь, / аптека, /
Бессмысленный и тусклый свет.*

В данном речевом фрагменте синтагмы, в том числе и однокомпонентные, сочетаются путём “сложения смыслов”, их “смыслы” не противоречат друг другу, создают общую картину, а их грамматические формы и значения, соответствующие интонации лаконичного представления, *соотносятся* между собой, не отвергают одна другую и дополнительно способствуют организации связной речи. Пять номинативных предложений, связанных интонационно и на основании “сложения смыслов”. Или ещё пример:

*В ближайший выходной / мы решили / навестить друга.
Но он уже завтра, / как выяснилось, / уезжает в командировку*

В этом речевом фрагменте представляет интерес первая синтагма второго предложения: *Но он уже завтра.* Это минимальный составной речевой компонент, появившийся в сознании субъекта речи как единое целое. Структура этой синтагмы такова:

союз *Но* + местоимение *он* + частица *уже* + наречие *завтра*.

Здесь два знаменательных слова: одно со значением действующателя (*он = друг*), второе (*завтра*) имеет значение времени, усиливающееся частицей *уже*. Между ними в результате объединения возникла ситуативная смысловая связь, их сочетание возможно на основании того, что действующатель и время не только не отвергают друг друга, но в определённых ситуациях требуют единства. И в данном случае именно такая ситуация.

Каждому предмету присущи свои качества, признаки, свойства, отношения. Причём есть основные (сущностные) признаки предмета, отличающие его от любых других предметов, и есть его индивидуальные признаки (акцидентные), которые не важны для данного типа предметов, но важны для того, чтобы сделать конкретный предмет **узнаваемым в кругу всех аналогичных реалий**. Предмет совершает те или иные действия или подвергается им, испытывает то или иное состояние или вызывает его.

Всё это протекает в определённое время, в конкретных ситуациях, при конкретных обстоятельствах, которые передаются сочетаниями слов, автоматически возникающими в сознании субъекта речи в качестве исходных самостоятельных речевых единиц, объединённых на основе “сложения смыслов” и весьма часто подкреплённых грамматическими связями и отношениями. Кроме того, в этом речевом фрагменте вторая синтагма (*как выяснилось*) сочетается с первой и третьей тоже по смыслу и интонационно.

Восприятие и осознание интонационной делимитации речи, осмысление всех выделяемых её компонентов позволяет правильно её понимать, помогает осознать, что разграничиваемые лексические комплексы (синтагмы) объединены интонационно, структурно, грамматически и по смыслу, что они выступают в роли единого исходного речевого компонента, отражающего наблюдаемые предметы и факты с их акцидентными признаками, свойствами и качествами. Всё это объективно указывает на то, что сущность речи – синтагматическая. Единицами её порождения и восприятия являются синтагмы, объединённые внутренними и внешними связями и отношениями.

Смысловая связь используется как внутри синтагм, так и меж синтагмами, выступая как **собственно смысловая** (при синтаксически связанных сочетающихся компонентах), **опосредованная** (возникающая между синтаксически не связанными компонентами, группирующимися вокруг ключевых слов, на основании связи этих слов) и **ассоциативная**. Ассоциативная смысловая связь (наряду с другими видами) представлена, например, в следующем речевом фрагменте:

*Предложение не строится непосредственно из слов / или словосочетаний, // оно является промежуточной речевой структурой текста, // занимающей позицию между минимальной речевой единицей / и текстом как абсолютно завершённой структурой речи. // Предложения структурируют текст / с целью облегчения его синтагматического членения и восприятия. // Синтагмы формируют все речевые единицы / и текст в целом. // **Как, укладывая кирпич к кирпичу, / каменщик строит все этажи / и тем самым дом, / так и субъект речи / при помощи синтагм / постепенно формирует все предложения / и одновременно текст как завершённую единицу.***

Последние семь синтагм, отмеченные жирным шрифтом, связаны со всей предыдущей речевой структурой ассоциативной связью, соотносящей их содержание с предыдущим. В данном случае ассоциативная смысловая связь даёт логическое основание для включения отмеченного фрагмента в связную речь, и именно в данном месте речевой структуры.

Грамматическая связь весьма актуальна на синтагматическом уровне (внутри синтагм и между синтагмами). По мере развития связной речи и появления объёмных речевых единиц, она уже не столь наглядна.

Между объёмными синтаксическими структурами, представляющими сложные предложения и высказывания, в качестве основных средств объединения выступают смысловая и интонационная связь.

4.6. Речевые единицы и их отношение к порождению и оформлению речи: синтагма, фраза, предложение и текст

Предложение как речевая единица очень часто имеет составную структуру и такое же содержание, в связи с чем нуждается в расшифровке. Оно является единицей письменной речи, т. е. текста, однако к построению текста имеет косвенное отношение. Хотя предложения всегда представлены в нём чётко и имеют строгие границы, тем не менее они **не строятся в тексте, а выделяются** в нём как важнейший способ шифрации письменной речи. Назначение предложений не строительное, а выделительное, адаптирующее. Результаты опросов, многочисленных экспериментов и анкетирования свидетельствуют о том, что в процессе чтения границы предложений воспринимаются большинством читателей попутно – при последовательной **фиксации** представленных в тексте мыслей. Так что предложение не речепорождающая единица, а структура, выступающая в качестве традиционного способа оформления текста.

Речепорождающая же единица характеризуется такими признаками:

речевая (т. е. индивидуально-креативная, конкретная, с ситуативным значением);

минимальная (т. е. недискретная, предельная, не предполагающая деления на меньшие речевые единицы);

одномерная в отношении формы и содержания (т. е. представляет собой один факт формы и один факт содержания);

однозначная для своего конкретного речевого формата.

Три последних признака не характерны для предложения. Этим параметрам соответствует только синтагма. Слово как знаменательная единица словарной системы языка им тоже не соответствует. Поэтому соотносить слово как обобщённую единицу языка и предложение как единицу речи не корректно. Это единицы разных лингвистических сфер, и соотносятся они только через синтагму, что отмечал ещё И. А. Бодуэн де Куртенэ, вернувший в русское языкознание

термин **синтагма**. Это возвращение было связано с необходимостью чёткого и последовательного разграничения сфер языка и речи, с осмыслением разного качества значения в них одного и того же слова.

Синтагмой Бодуэн де Куртенэ называл **слово** в речи, точнее, в предложении, противопоставляя его тем самым слову в системе языка, для которого он использовал термин **лексема**. Он считал, что предложение как дискретная речевая единица “распадается” не на слова, а на синтагмы как реальные структурно-смысловые компоненты речи. Этим термином Бодуэн де Куртенэ завершил свою систему минимальных лингвистических единиц для каждого уровня (фонема – морфема – лексема – синтагма). Для него синтагма – это минимальный, недифференцированный конструктивный речевой компонент предложения как относительно самостоятельной единицы речи. Он видел, что одно и то же слово в функциональном и содержательном отношении выступает в **системе языка** и в предложении (в **сфере речи**) в виде **качественно разных единиц**, которые нельзя отождествлять, так как они различаются грамматически, содержательно и функционально. Недостатком его концепции было лишь то, что Бодуэн де Куртенэ структурно соотносил синтагму со словом, тогда как в подавляющем большинстве случаев она представлена в речи интонационно единой лексико-грамматической группой.

Слова образуют языковую картину предметного мира. В языке в значении слова отражён сущностный признак реалии, отличающий её от всех иных реалий мира, но объединяющий по наличию данного признака со всеми однотипными предметами, т. е. слово в языке отражает реалию-тип, имеет несколько значений, и все они носят обобщающий характер.

В речи же в слове актуализируются самые разные акцидентные признаки конкретной реалии, нередко случайные, выделяющие её среди всех однотипных. Оно осложняется появлением у него различных грамматических значений и, таким образом, приобретает ситуативное содержание.

По сути, это была первая попытка чёткого и последовательного разграничения двух лингвистических сфер и их единиц. Однако говоря о синтагме

и предложении, Бодуэн де Куртенэ не смог убедительно разграничить слово, синтагму и предложение, в связи с чем термин **синтагма** в данном значении не закрепился в науке. С ним ушли в тень важнейшие научные и методологические идеи – о необходимости чёткого и последовательного (не декларативного, а подлинного) разграничения сфер языка и речи, языковых единиц и речевых, а также мысли о реальной единице порождения речи.

Устная речь порождается её субъектом путём последовательного наращения синтагм. Благодаря их чёткой делимитации слушатели понимают её содержание одновременно с порождением в результате восприятия их значений, а на их основе воспринимают содержание фраз. Интонация говорящего отражает все необходимые смысловые нюансы.

Адресат письменной речи лишён такой помощи со стороны автора. Ему для адекватного восприятия содержания необходимо последовательно – предложение за предложением – определить авторскую синтагматическую структуру текста и осознать заложенную в ней интонацию. Тем не менее в письменной речи имеются средства, способы и приёмы оказания содействия читателю со стороны автора. Главный из них – выделение в тексте предложений, т. е. разделение его на структуры, соответствующие передаваемым мыслям, в результате чего он представлен в виде цепочки предложений. Даже лаконичную записку можно квалифицировать как текст, состоящий из одного предложения, не говоря уже о существовании общепризнанных текстов малого жанра. То есть текст может иметь форму одного предложения, двух, трёх и т. д. – в зависимости от количества его мыслей. В результате наращения синтагм мысли появляются одна за другой и выделяются в форме предложений. Когда говорят о строительстве предложения, это следует понимать условно, потому что в реальной письменной речи (в тексте) предложения не строятся, а выделяются по мере наращения синтагм и изложения содержания, последовательно фиксируя и разграничивая его мысли, чувства и движения души.

Выделяются они графически, с чётким обозначением их границ. Делается это на основе фраз, но в отличие от фраз их выделение носит субъективный характер.

Их количество и границы между ними у разных людей, записывающих одно и то же звучащее сообщение (например, диктант), как правило, разные. Так, в рассмотренном ранее устном сообщении (с. 111) несложно выделить завершённые по смыслу и грамматически структуры, состоящие из одной или нескольких синтагм, передающих вполне самостоятельные мысли. Это фразы, их двенадцать:

- (1) *Была уже полночь //*
- (2) *направо / было видно всё село //*
- (3) *длинная улица тянулась далеко / вёрст на пять //*
- (4) *всё было погружено / в тихий глубокий сон //*
- (5) *ни движения ни звука ///*
- (6) *даже не верится / что в природе может быть так тихо ///*
- (7) *когда в лунную ночь / видишь широкую сельскую улицу / с её избами / стогами / уснувшими ивами //* *то на душе становится тихо ///*
- (8) *в этом своём покое //* *укрывшись в ночных тенях / от трудов / забот / и горя / она кротка / печальна / прекрасна ///*
- (9) *и кажется / что и звёзды смотрят на неё ласково и с умилением //* *и что зла уже нет на земле //* *и всё благополучно ///*
- (10) *налево с края села / начиналось поле //*
- (11) *оно было видно далеко / до горизонта //*
- (12) *и во всю ширь этого поля / залитого лунным светом / тоже ни движения ни звука /*

Фразы – минимальные содержательно завершённые единицы устной речи, соответствующие законченной мысли. Квалифицировать их как предложения или как структуры, адекватные предложениям, нельзя: результаты письменной речевой деятельности не дают для этого оснований.

Тезис, согласно которому текст строится из предложений, по своей логической основательности подобен утверждению о том, что здание строится из этажей. Не из этажей оно строится, этажи в нём выделяются. Тексты, как и любая речь, порождаются из синтагм, которые в результате их наращения создают синтагматическую (смыслонесущую) структуру текста.

Предложение и фраза – речевые единицы, но относятся они к разным формам речи. Они не тождественны, но **соотносительны**: состоят из синтагм, грамматически оформлены, ориентируются на законченную мысль и выделяются на основании содержательного признака. У них – общая функция: структурно-смысловое оформление речи. При трансформации устной речи в письменную количество предложений обычно не соответствует количеству фраз. У разных людей одна и та же устная речь (или текст диктанта) при записи почти всегда имеет разные структуры предложений и разное их количество. Показательно, что синтагматическая структура сообщения у всех – одна и та же, а структура предложений при трансформации устной речи в текст – разная. Иными словами, смысловесущая основа речи (её синтагматическая структура) неизменна, в то время как письменная фиксация её (оформительская, предложенческая структура текста) может быть разной.

В синтагматической записи выделены все фразы. Каждая грамматически оформленная мысль, осознаваемая субъектом речи и её адресатом в процессе наращения и восприятия синтагм, отражается одной фразой.

Границы между фразами всегда приходятся на границы между какими-то двумя синтагмами. Фраза не может разорвать ни одну из синтагм. Между фразами, как и между синтагмами, могут быть паузы разной продолжительности, в связи с чем в речи нет единой межфразовой паузы [373, с.21; 395, с. 173].

Пауза между синтагмами в зависимости от передаваемых оттенков содержания может быть более продолжительной, чем между фразами [386, с. 17]. Не случайно, например, первое наименование тире было “молчанка”, указывающее на весьма продолжительную паузу при чтении.

Синтагмы воспринимаются на основании их интонационного разграничения паузами разной продолжительности, тогда как фразы фиксируются и разграничиваются на основе их содержания. Поэтому в синтагматической записи потребовались два вида разграничительных линий – наклонные и вертикальные, – для синтагм и для фраз. Количество синтагм и фраз в устной речи – величина заданная и постоянная, так как устная речь имеет один вариант интонации,

представленный её субъектом. Принцип выделения фраз не столько интонационный, сколько содержательный (точнее, содержательно-интонационный), при их разграничении превалирует смысловой принцип.

В рассматриваемом речевом фрагменте 12 фраз, в чём несложно убедиться по их содержанию. Но у автора здесь 5 предложений.

(1) *Была уже полночь.* (2) *Направо было видно всё село, длинная улица тянулась далеко, вёрст на пять.* (3) *Всё было погружено в тихий, глубокий сон; ни движения, ни звука, даже не верится, что в природе может быть так тихо.* (4) *Когда в лунную ночь видишь широкую сельскую улицу с её избами, стогами, уснувшими ивами, то на душе становится тихо; в этом своём покое, укрывшись в ночных тенях от трудов, забот и горя, она кротка, печальна, прекрасна, и кажется, что и звёзды смотрят на неё ласково и с умилением и что зла уже нет на земле и всё благополучно.* (5) *Налево с края села начиналось поле; оно было видно далеко, до горизонта, и во всю ширь этого поля, залитого лунным светом, тоже ни движения, ни звука* (А.П. Чехов).

Первое предложение соответствует фразе, представленной одной предикативной синтагмой. Второе состоит из двух фраз (четыре синтагмы). Третье включает три фразы (пять синтагм). Четвёртое тоже состоит из трёх фраз (восемнадцать синтагм). И наконец, пятое представлено тремя фразами (восемь синтагм). Эксперименты со студентами и учителями-словесниками (около 500 человек) показали, что они выделяют в данном фрагменте от 7 до 12 предложений. Нередко (примерно у пятой части респондентов) структуры предложений соответствовали отдельным фразам (причём с выделением абзацев, которых нет у автора):

Была уже полночь. Направо было видно всё село. Длинная улица тянулась далеко, вёрст на пять. Всё было погружено в тихий, глубокий сон. Ни движения, ни звука. Даже не верится, что в природе может быть так тихо.

Когда в лунную ночь видишь широкую сельскую улицу, с её избами, стогами, уснувшими ивами, то на душе становится тихо. В этом своём покое, укрывшись в ночных тенях от трудов, забот и горя, она кротка, печальна, прекрасна. И

кажется, что и звёзды смотрят на неё ласково и с умилением и что зла уже нет на земле и всё благополучно.

Налево с края села начиналось поле. Оно было видно далеко, до горизонта. И во всю ширь этого поля, залитого лунным светом, тоже ни движения, ни звука.

Осмысливая наращиваемые синтагмы, респонденты воспринимали фразы как отдельные мысли и на их основе определяли границы предложений. Получили полное соответствие фраз и предложений. Однако более важным для нас фактом стало то, что при обычной записи этого фрагмента количество предложений у большинства участников оказалось разное. Причём не отмечено ни одного совпадения с авторским вариантом. И не потому, что он чеховский, а потому, что он не единственный из возможных (особенно если учитывать структуры третьего и четвёртого авторских предложений). Думается, он не единственный даже для самого автора, так как при разных эмоционально-психических состояниях вполне возможно у него появлялись бы модификации.

Таким образом, одну и ту же речь разные люди представляют в виде разных предложенческих структур. Это указывает на то, что предложения не являются единицами порождения речи, а выступают как основанный на традиции способ её письменного оформления. Их структура и границы между ними соотносятся с культурно-речевой традицией, но вместе с тем носят индивидуально-креативный характер и обусловлены особенностями речевого поведения человека, его психологией, эмоциональным состоянием, языковой компетенцией, коммуникативной целью, речевыми умениями и навыками.

Если появляются варианты, значит, уместен разговор об их качестве, в результате чего неизбежно возникает мысль о том, что при такой ситуации возможности развития и совершенствования речевых умений и навыков представляются неограниченными. Варианты всегда различаются своим качеством, а совершенствовать качество можно до бесконечности.

4.7. Смысловые функции синтагм в предложении и тексте

Если вслушаться в устную речь, можно осознать, на основе чего появляется фраза в качестве структуры, выражающей законченную мысль. Слушая речь, человек последовательно воспринимает все её синтагмы, в результате чего осознаёт содержание речи в целом. Так что две функции синтагм очевидны: на их основе осуществляется порождение речи и её восприятие.

Всех нас в своё время обучали чтению. Проводилось обучение на уровне слогов, слов и предложений. А тексты мы осваивали уже самостоятельно. Нам советовали (а сейчас советуют другим) искать в тексте варианты мыслей, их нюансы, а также оттенки различных движений души. Но при этом ничего не говорят о том, насколько всё это соответствует авторской коммуникативной цели и реальным задачам чтения.

Какие варианты мыслей и их нюансы можно искать в учебных, научных, официальных или публицистических текстах? Необходимо максимально точное понимание читаемого текста. При существующем подходе к чтению и обучению чтению из поля зрения выпала основная речепорождающая единица – синтагма, при помощи которой речь порождается и **адекватно** воспринимается.

Учитывая, что основной запас знаний о мире человек получает благодаря чтению, весьма важно правильно понимать читаемый текст. А правильно его можно понять только на уровне тех речевых единиц, из которых непосредственно составлены его структура и содержание, т. е. на уровне синтагм. Так что синтагмы являются важнейшими речевыми структурами как для субъекта речи (автора), так и для субъекта её восприятия (читателя). Автор, вписывая интонацию в текст, интерпретирует синтагмы и синтагматическую структуру текста, читатель же на этой основе их идентифицирует.

В речевой деятельности субъекта речи синтагмы выполняют важнейшую функцию порождения речи, в деятельности адресата (слушателя и читателя) они выполняют функцию единиц адекватного восприятия речи.

При устном общении одновременно с их появлением благодаря авторской делимитации речи они однозначно воспринимаются слушателями, в результате чего происходит осмысление передаваемого содержания. Мелодика речи, ударения и паузы способствуют точному восприятию содержания, т. е. такому, каким его представлял автор. Синтагмы разграничиваются паузами, а синтагматические ударения подчёркивают смысловую важность компонентов синтагм. Мелодика отражает смысловые отношения между компонентами синтагмы, а также между синтагмами. Иными словами, интонация выступает как важный способ интерпретации содержания.

Несколько иная картина в письменной речи, когда наращение синтагм осуществляется в процессе трансформации их звуковой формы в графическую. Их последовательное линейное наращение выливается в текст, который традиционно структурируют в виде предложений.

Синтагмы в письменной речи графически специально не выделяются. Каждому читателю необходимо самостоятельно определять их в тексте и восстановить их интонацию, что поможет адекватно понять содержание текста. Точное понимание текста возможно лишь в результате идентификации и осмысления его авторской синтагматики и интонации.

Особенно это важно при чтении тех бесчисленных текстов, которые должны трактоваться однозначно. Даже при чтении лирических стихотворений, которые не исключают субъективного восприятия, возможны перекосы и даже курьёзы в их понимании и толковании.

Для наглядности обратимся к заключительным строкам стихотворения Лермонтова «Нет, я не Байрон...». Нам приходилось слышать такое чтение стихотворения, которое можно оценить как слишком субъективное. Вот как, в частности, осознавалась чтецом синтагматическая структура заключительного фрагмента (соответственно и его содержание):

Кто может, / океан угрюмый, //
Твои изведать тайны? // Кто //
Толпе мои расскажет думы? //

Я – или Бог – // или никто

Чтец объединил в один блок две синтагмы (*Я*) и (*или Бог*), не обращая внимания на то, что поэт при помощи тире чётко разграничивает трёх возможных субъектов действия: *Я*, *Бог* и *никто*. Разграничивает он их так, как позволяют ему существующие лингвистические средства. Но чтец не видит тире и не осознаёт их функций. Он по-своему вжился в образ лирического героя: у него появилась экстравагантно-задорная мысль, согласно которой лирический герой – или Бог, или никто. В последней строке не две, а три синтагмы. Они разграничиваются двумя тире, представляя лаконичный и в то же время исчерпывающий ответ на вопрос о том, кто *может изведать тайны души и поведать окружающим о думах лирического героя*. Синтагматическая структура последней строки здесь такова: *Я – // или Бог – // или никто!* (т. е. или я, или Бог, или никто).

Представлены три возможных действующих лица. Последний из них является чисто грамматическим, фактически его нет. Остаётся два: лирический герой и Бог. Но реальных действующих лиц вообще нет. Герою это не нужно, чтобы не быть осмеянным *толпой* (которой не поверяют своих дум). А *Бог* даёт свободу всем людям и не вмешивается в их дела.

О необходимости осознания синтагматической структуры речи говорит и следующий пример из стихотворения Сергея Есенина «Собаке Качалова»:

*Пожалуйста, голубчик, не лижись,
Пойми со мной хоть самое простое:
Ведь ты не знаешь, что такое жизнь,
Не знаешь ты, что жить на свете стоит*

Все ли читатели понимают его однозначно? Думаю, что нет. Чтецы по-разному его интерпретируют. Остановимся на двух вариантах. Первая интерпретация обусловлена следующим синтагматическим членением:

Пожалуйста, / голубчик, / не лижись, //
Пойми со мной / хоть самое простое: //
*Ведь ты не знаешь, / что такое **жизнь**, //*
*Не знаешь ты, / что жить на свете **стоит**.*

Исполнитель воспринял сам и стремится передать другим мысль о том, что собаке неведомы тайны жизни, доступные человеку: дескать, жизнь – это великое счастье, ниспосланное свыше. Стоит жить, чтобы постичь счастье. В полной мере это может осознать лишь человек, как высшее разумное существо. В последней строке (*Не знаешь ты, / что жить на свете **стоит***) что выступает в качестве изъяснительного союза. Содержание предложения последовательно составляется из значений девяти синтагм:

Обратившись к синтагматической структуре этого фрагмента, можно увидеть: возможен иной вариант членения на синтагмы двух заключительных стихов, при котором передаётся уже совершенно иное содержание:

Пожалуйста, / голубчик, / не лизись, //
Пойми со мной / хоть самое простое: //
*Ведь ты не знаешь, / **что́ такое** / жизнь, //*
*Не знаешь ты, / **что́** / **жить** на свете / **стоит**.*

При таком членении и восприятии речи становится понятно, почему человек разговаривает с собакой. Он не нашёл собеседника среди людей.

В первом варианте синтагматического членения передаётся превосходство человека над животным: в отличие от него лирический герой знает, *что такое жизнь* (с логическим ударением на слове *жизнь*). Союзное слово *что*, воспринимаясь безударным на фоне произношения слова *жизнь*, приближается в этом отношении к безударному изъяснительному союзу. Лирический герой уверен, *что жить на свете **стоит*** (одна синтагма), это счастье даже для тех, кто не понимает, *что такое жизнь* (тоже одна синтагма).

Во втором варианте передаётся содержание, согласно которому в более выигрышной ситуации оказывается собака, потому что она не понимает, *что́ такое / жизнь* (в данном случае логическое ударение уже на относительном местоимении *что*, оно акцентирует внимание на выражаемой мысли), насколько это жестокая, коварная, грязная, опасная и оскорбительная для человека вещь. Беспечное животное, к своему счастью, этого не знает. Не подозревает оно и о том, *что́* (т. е. *чего*, каких усилий, какого нервного, психического и физического

напряжения) *жить на свете стоит*. В последней строке (*Не знаешь ты, / **что́** (!) / *жить на свете / стоит*) **что** уже не подчинительный союз, а относительное местоимение, образующее самостоятельную синтагму, содержание которой становится ключевым для всего речевого фрагмента. В сопоставлении с первым вариантом мысль не просто модифицируется – она становится диаметрально противоположной.*

Степень недосказанности представления о жизни у лирического героя уже значительно выше. Передаётся лишь эмоциональная реакция на её так и оставшуюся не названной сущность. Лирический герой вроде бы никак её не оценивает: нет никаких вербальных оценочных средств, тем не менее, благодаря иному синтагматическому членению речи и коннотативной интонации, его оценка жизни (что это жестокое испытание, унижение и оскорбление человека) проявляется намного ярче. Утверждается мысль, что жизнь – далеко не счастье и совсем не радость для порядочного, мыслящего и чувствующего человека. Гораздо лучше, когда всего, что она содержит и несёт, не знаешь и не осознаёшь. Слабому, незащитному и несведущему животному не нужно этого знать.

Во втором случае представляется весьма красноречивой сама ситуация искреннего общения пьяного человека с собакой. Его доброта по отношению к незащитным и преданным “братьям нашим меньшим” – это отношение человека, осознавшего трагизм жизни, к тем, кто слабее его. Чтобы узнать, какой из содержательных вариантов имел в виду поэт, нужно было услышать его личное чтение, которое отразило бы авторскую синтагматику стихотворения.

Содержание второго варианта предложения составляется уже не из девяти, а двенадцати синтагм. Первые шесть синтагм в обоих вариантах одинаковы. Синтагматические различия начинаются после них. Вместо седьмой синтагмы появляются две (**что́ такое / жизнь**) – с акцентированием содержания предиката. А вместо последней синтагмы (*что жить на свете **стоит***) появились три самостоятельных: (*не знаешь ты*) **что́ / жить на свете / стоит**.

При ошибках в синтагматическом членении текста авторская мысль искажается. Вспоминается случай, когда поэт вынужден был вмешаться и

исправить своего критика. В одной из критических статей цитировались строки из поэмы «Лонжюмо» Андрея Вознесенского:

*Россия,
я – твой капиллярный сосудик:
мне больно когда,
тебе больно, Россия.*

Синтагматика данных строк вполне отражает содержание речи поэта:

Россия, //
я – / твой капиллярный сосудик: //
мне больно когда, //
тебе больно, / Россия.

В синтагме *мне больно когда* поэт поставил связующее слово *когда* в конце синтагмы. Этим он не разрушил синтагму, но интонационно подчеркнул смысловую важность последнего слова синтагмы. Однако критик интерпретировал его строки по-своему, не обращая внимания на то, что запятая находится не перед союзным словом *когда*, а после него. Он определил синтагмы таким образом, что слово *когда* из одной синтагмы попадало в другую, и тем самым он деформировал мысль поэта. Дескать, когда России больно, то больно и лирическому герою.

Россия, //
я – / твой капиллярный сосудик: //
мне больно // когда,
тебе больно, / Россия.

В данном случае мы имеем дело с типичной ситуацией, когда человек смотрит, но не видит, слушает, но не слышит. В этом речевом фрагменте невозможна синтагма *когда, тебе больно*. Критику указали на ошибку. Дескать, поэт акцентирует мысль не на том, *когда больно России*, а на том, *когда больно лирическому герою*, тогда, мол, больно и России, потому что он её частичка, её капиллярный сосудик. Больно частичке – больно всему организму. Завязалась полемика, которую вскоре погасил сам поэт. В повторной публикации он

несколько видоизменил свои строки и вместо запятой, после союзного слова *когда* поставил тире, как более наглядный знак препинания.

Думается, уже этих примеров достаточно, чтобы убедиться в том, что структура и содержание речи формируются не из слов и не из отдельных предикативных единиц, а из синтагм, как единых структурно-смысловых речевых блоков. Только на их основе можно адекватно понять авторское содержание. Факт его многозначности указывает на то, что не предложения являются основными компонентами, порождающими текст и его содержание. Такие компоненты должны быть минимальными, одномерными и однозначными (с конкретным, ситуативным содержанием). Из речевых единиц этим показателям соответствует только синтагма.

Если речь является орудием мышления, общения и взаимопонимания, то естественно, что смысловая её сторона должна стать предметом тщательного изучения в отношении способов и вариантов её лингвистического выражения, а также соответствия передаваемого содержания коммуникативной цели. В своё время Г. Уэллс в статье «Наука и мировое общественное мнение», рассуждая о причинах, не позволяющих людям добиться разумных взаимоотношений и общего согласия, высказал мысль о необходимости тщательного изучения смысловых особенностей речи. Отвлечёмся от причины, породившей его высказывание. Она не столь важна, возможно, даже сомнительна. Но интерес представляет сама мысль писателя об изучении характера содержания. Он предложил «ввести в практику изучения языков в школах и колледжах критическое исследование значения слов» [344, с. 441].

Такое исследование должно дополняться смысловым анализом единиц речи, выяснением того, *каков их смысл, какое реальное содержание они выражают и какие ложные представления могут вызывать*. То есть ставился вопрос о верификации лингвистического отражения передаваемого содержания, что на наш взгляд, представляется важной коммуникативной проблемой. Такой подход к изучению смысловой организации речи будет способствовать формированию и развитию умений и навыков идентификации авторского содержания, что,

например, особенно важно и актуально для такого вида речевой деятельности, как чтение. В устной речи говорящим выделяются и разграничиваются все исходные её единицы. Осознание слушателями их границ, интонации и значений способствует правильному пониманию передаваемого содержания.

При восприятии письменной речи, как и при устном восприятии, опора осуществляется не на слово как обобщённо-знаменательную единицу языка, а на синтагму как реальную исходную речевую единицу с ситуативным значением. Важно в каждом предложении выяснить структуру и объём его авторских синтагм и их интонации, что гарантирует читателю точное понимание авторских мыслей.

Смысловой анализ речи предполагает выяснение конкретного значения исходных речевых единиц – синтагм, а также реальных авторских мыслей, построенных на основе последовательного линейного наращения значений этих единиц и выделенных в виде предложений. Вспомним строки С. Есенина:

Не жалею, / не зову, / не плачу, //
Все пройдет, / как с белых яблонь дым. //
*Увяданья **золотом** охваченный, //*
Я не буду больше молодым.

В этой строфе, состоящей из семи синтагм, вызывает интерес синтагма *Увяданья **золотом** охваченный*. Почему в ней использован компонент **золотом**, хотя стареющий человек седеет и, скорее, он *серебром* охваченный? Но у поэта спонтанно появляется совсем иной “металл”, отражающий его истину и подлинно русскую душу. В его творчестве **золото, золотой** не разовое, не случайное обозначение старения. Ср.:

*Это **золото** осеннее, //*
Эта прядь волос белесых — //
Все явилось как спасенье //
Беспокойного повесы.

Или:

*Отговорила роща **золотая***
Берёзовым весёлым языком...

Естественно, что осенняя, “состарившаяся” берёзовая роща из зелёной превращается в жёлтую, *золотую*, и лирический герой, как истинный представитель *страны берёзового ситца*, в аналогичной ситуации констатирует: *Увяданья золотом охваченный, Я не буду больше молодым.*

Для него многие слова, например, *страна берёзового ситца*, *берёза*, *золото*, *роща золотая* и другие, не просто слова, а символы, квалификаторы и ориентиры в его жизни, в движениях его души. Они такие же живые реалии, как и жеребёнок, пытающийся обогнать паровоз, как собака Качалова Джим, которой можно излить душу, как и многие искренние, истинные люди. Старение человека лирический герой соотносит с аналогичными процессами в родной природе, именно они являются основой для его аналогий.

Таким образом, две важнейшие функции синтагмы очевидны: автору она обеспечивает порождение речи, а читателю – её адекватное понимание.

4.8. Грамматические функции синтагмы

Статус синтагмы как минимальной речевой единицы определяется её функциями:

- 1) быть исходным речевым материалом в структурно-смысловой организации всех составных речевых единиц;
- 2) способствовать точному пониманию речи,
- 3) вносить ясность в структуру предложения, способствуя адекватной грамматической квалификации предложения и его компонентов.

Первые две функции уже рассмотрены. Их можно квалифицировать как основные. Третью функцию можно определить как сопутствующую.

Синтагматическое членение конкретного предложения помогает выяснить его грамматические показатели. Например, при выяснении способа передачи значения предикативности – односоставности или двусоставности. Ср.:

1) *Надо бросать курить* и 2) *На́до / бросать курить*.

Первая структура представлена одной синтагмой, вторая – двумя. Пауза в ней, разграничивая синтагмы, свидетельствует о её двусоставности. У предложений разная интонация, разное содержание, которое в первом случае обусловлено безличной структурой, передающей общее пожелание, никого ни к чему не обязывающее. Во втором предложении отражено действие (*бросать курить*) и высшая степень его обязательности (*Надо*). Изменение порядка следования синтагм во втором предложении не меняет его коммуникативной цели, грамматического значения, а следовательно, и его содержания:

На́до / бросать курить = *Бросать курить / на́до*.

Синтагмы поменялись местами, но предложение осталось двусоставным, его грамматическое значение и содержание остались у него прежними. Перед нами двусоставная структура, передающая обязательность выполнения пожелания. Это уже и не пожелание (в отличие от значения безличной структуры), а настоятельная рекомендация, требование, которое подлежит выполнению.

В известном стихотворении Франсуа Вийона (в переводе И. Эренбурга) читатель сталкивается с трудностями в восприятии содержания и квалификации некоторых грамматических показателей.

*От жажды изнываю над ручьём,
Смеюсь сквозь слёзы и тружусь играя,
Куда бы ни пошёл, везде мой дом,
Чужбина мне – страна моя родная.
Я знаю всё, я ничего не знаю.
Среди людей мне всех понятней тот,
Кто лебедицу вороном зовёт.
Я сомневаюсь в явном, верю чуду.
Нагой, как червь, пышиной я всех господ.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.*

Первые четыре стиха образуют одно сложное предложение. Четвёртый стих (*Чужбина мне – страна моя родная*) не ясен: то ли чужбина является для

лирического героя родной страной, то ли родная страна является чужбиной. Некоторые лингвисты (В. В. Виноградов, А. А. Шахматов и др.) считают, что в таких именных структурах представлен прямой порядок слов, при котором подлежащее предшествует сказуемому. Такой подход продиктован исключительным вниманием к письменной речи и полным игнорированием устной, что, на наш взгляд, недопустимо, ибо устная речь в историческом аспекте главная форма общения и её нельзя игнорировать, наоборот, на неё нужно опираться. Кроме того, в данном случае не учитывается функциональная роль интонации. Если следовать этому мнению, то строку следует понимать так, что чужбина является родной страной, с чем трудно согласиться.

Подлежащее и сказуемое в двусоставном предложении независимо от способа их выражения могут быть как на первом, так и на втором месте. Они различаются интонацией, в частности ударением. На **носителе новой информации**, которым часто бывает сказуемое, оно всегда сильное, что отмечал ещё Г. Пауль в книге «Принципы истории языка» [269, с. 340]. В живой речи совершенно неважно, на каком месте будет сказуемое. Ударение полностью исключает какие-либо заблуждения. При её записи перед нами предстаёт графический её вариант. Состав компонентов и изменение их порядка следования при этом не предусматривается и не допускается.

Было бы странно, если бы при трансформации устной речи в письменную менялся порядок следования главных членов предложения, менялась их квалификация или менялось содержание предложения. В данной письменной структуре не совсем ясны синтаксические статусы отдельных членов предложения, в результате чего непросто правильно понять некоторые грамматические нюансы, а следовательно, и передаваемую мысль.

Обращение к синтагмам этого речевого фрагмента, как основным строительным его компонентам, составляющим содержание, помогает разобраться в мыслях лирического героя и в грамматических особенностях интересующей нас структуры. Сопоставление синтагм и их значений позволяет устранить все неопределённости и трудности.

От жажды / изнываю над ручьём, /
 Смеюсь / сквозь слёзы / и тружусь / играя, /
 Куда бы ни пошёл, / везде мой дом, /
Чужбина мне – / страна моя родная. /
 Я знаю всё, / я ничего не знаю. /
 Среди людей / мне всех понятней тот, /
 Кто лебедицу / вороном зовёт. /
 Я сомневаюсь в явном, / верю чуду. /
 Нагой, как червь, / пышней я всех господ. /
 Я всеми принят, / изгнан отовсюду.

Стихотворение построено на антитезе, как эффективном способе отражения противоречивости человеческой природы и жизни в целом. Уже первые синтагмы дают ключ к пониманию всей речи и её отдельных фрагментов – и содержательных, и грамматических. Натура лирического героя такова, что он от жажды – изнывает над ручьём, смеётся – сквозь слёзы, трудится – играя, куда бы он ни пошёл – везде (т. е. **любая чужбина**) для него родной дом, а чужбиной ему – страна родная. То, что чужбина для героя является родным домом, было сказано в предыдущей строке. Так что сомнительно, что уже в следующей строке – прямой порядок слов и повторяется та же мысль. Следуя общей логике антитез, представленных в виде развёрнутого перечня и нашедших отражение на синтагматическом уровне, если в третьем стихе в сочетающихся синтагмах утверждается, что чужбина является родным домом (*Куда бы ни пошёл, везде мой дом*), то в четвёртом не уточнение высказанной мысли – уточнений здесь вообще нет, – а соотносительная антитеза для завершения противопоставления: *куда бы ни пошёл*, т. е. **любая чужбина – мой дом**, зато чужбиной является родная страна. В данном случае перед нами инверсия главных членов предложения. Постпозитивная синтагма *страна моя родная* представляет состав подлежащего, а препозитивная – *Чужбина мне* – состав сказуемого. При сопоставлении синтагм именно к такому выводу приводит общая логика использования данного приёма и характер развивающихся мыслей.

Как видим, в каждом конкретном случае нужно чувствовать, слышать и учитывать то, что требует речевая ситуация.

4.9. Единица порождения английской речи

Включение нами в исследование фактов речи других языков, в частности английского, представляется целесообразным и потому уместным. Многие студенты-русисты и даже аспиранты при переводе текстов с одного языка на другой часто испытывают трудности, обусловленные неумением определить точные границы синтагм, т. е. единых авторских лексико-смысловых групп, выступающих в роли исходных минимальных речевых единиц, которые в устной речи или при авторском чтении вслух неизбежно разграничиваются паузами. Если студенты не могут точно определить границы авторских синтагм, то, естественно, они не смогут правильно понять авторское содержание текста. Когда же им объяснишь структуру синтагм и обратишь их внимание на наиболее убедительные признаки этих синтагм, они легко справляются с заданием.

При сопоставлении английской речи с русской несложно заметить элементы их сходства и различия. В основе порождения и восприятия английской речи, как и русской, лежит не отдельное слово, а синтагма, что убедительно подтверждается её делимитацией. Например, весьма наглядно отражена роль делимитации речи в известной английской лингвистической шутке. Некий профессор английского языка написал на доске предложение:

A woman without her man is nothing.

Затем он попросил студентов расставить в нём знаки препинания. Все юноши сделали это следующим образом:

A woman, without her man, is nothing.

(Женищина, без своего мужчины, ничто)

У девушек оказался иной результат:

A woman: without her, man is nothing.

(Женщина: без неё, мужчина – ничто)

Поясняется данная ситуация как “великая сила пунктуации”. Но дело здесь не в пунктуации. Пунктуация – средство, способ отражения речевого явления. А само явление – синтагматическая структура предложения, интонация и восприятие (идентификация). Шутка указывает на два предложения, ибо представлены две разные синтагматические структуры и, естественно, две интонации, обусловленные особенностями гендерного восприятия предложения. В первом случае синтагматическая структура такова:

A woman, / without her man, / is nothing.

При чтении предложения вслух у него плавная интонация, не имеющая никаких перепадов и характеризующаяся двумя одинаковыми паузами, между которыми находится синтагма со значением уточнения, определяющего признака субъекта, названного в первой синтагме.

Во втором случае синтагматическая структура и интонация уже иные.

A woman: // without her, / man is nothing.

Здесь тоже три синтагмы, но только начальная по материальному выражению такая же, как и в первом случае, хотя у неё теперь другое ситуативное значение, иная интонация. Две другие синтагмы этого варианта вообще отличаются от синтагм первого. У автора интонация – это **способ** представления структуры и интерпретации содержания, у читателя она **средство** идентификации авторской структуры и содержания. Интонация первой синтагмы второго варианта выполняет функцию представления. Синтагма воспринимается как именительный темы. Пауза после неё продолжительнее, чем между второй и третьей синтагмами.

Тема и содержание данной шутки, по мнению её автора, обусловлены пунктуацией, т. е. сопутствующим средством речевого явления, а не самим явлением. На самом же деле они здесь обусловлены: 1) конкретной авторской информацией, 2) особенностями авторского синтагматического членения предложения, отражающего какое-то одно содержание, 3) письменным оформлением предложения, способствующим точному восприятию читателем

его синтагматической структуры и 4) гендерным характером его восприятия. Комментатором не осознаются первые три фактора, хотя они являются основными. Он рассматривает эту лингвистическую шутку как пример курьёзного характера пунктуации. Данная шутка применима только к письменной речи. В устном общении интонация однозначна, в связи с чем синтагматическая структура фразы очевидна, ибо очевидна коммуникативная цель, и поэтому никаких пунктуационных вариантов при трансформации данной фразы в предложение не может быть. Иное дело, когда данный речевой фрагмент представлен в виде предложения. В этом случае читатель должен определить самостоятельно его синтагматическую структуру и интонацию. Пунктуация становится для него хотя и важным, но всего лишь ориентиром. Роль пунктуации в определении синтагматической структуры английского предложения более значительна по сравнению с её ролью в русском предложении. Это обусловлено тем, что русский язык (в отличие от английского) является флективным, в связи с чем имеет дополнительные средства для опоры при выяснении синтагматической структуры предложения. Компенсация в английском языке происходит, в частности, за счёт усиления роли пунктуации.

Отражению синтагматической структуры предложения способствует не только пунктуация (в том числе и авторские знаки препинания). Для выделения синтагм может использоваться разный шрифт (разрежённый, курсив, жирный, его размер, цвет), размещение их в разных строках в виде лесенки, чем, например, активно пользовался в своих произведениях В. Маяковский. В данном случае речь не о “великой силе пунктуации”, а о важности адекватного синтагматического членения предложения на примере курьёзного гендерного её восприятия.

Английская речь, как русская и украинская, имеет синтагматическую основу. В ней тоже многие простые предложения имеют составное содержание, а значит, и составную структуру. Они включают несколько исходных структурно-смысловых частей — синтагм — в качестве единых минимальных речевых компонентов. Обратимся к такому предложению:

They are checking firemen.

Рассматривая его отдельно от того контекста, в который оно входит, несложно убедиться в том, что оно неоднозначное. Его содержание варьируется в зависимости от того, каким образом будет представлена его синтагматическая структура. Для субъекта речи и слушателя этот речевой фрагмент однозначен. Для пишущего он тоже однозначен. А для читателя оно не однозначно. Но при опоре на текст он сможет выяснить синтагматический состав предложения и правильно его понять. Если ограничиваться рамками отдельно взятого предложения, трудно разобраться в его содержании, потому что возможны два варианта его синтагматической структуры.

(1) *They are / checking firemen* (Они / проверяющие пожарные) и

(2) *They are checking / firemen* (Они проверяют / пожарных)

Возможны два варианта интонации: в одном случае с паузой между словами *are* и *checking* и во втором с паузой между *checking* и *firemen*.

С точки зрения грамматики и содержания это разные варианты. В первом варианте *are* является самостоятельным глаголом, а *checking* – прилагательным, выполняющим функцию определения. Во втором варианте *are* выступает в качестве вспомогательного глагола при образовании формы времени группы Continuous, а *checking* выступает в качестве главного глагола данной временной формы.

Структура предложений при одной и той же структуре синтагм у разных людей может быть представлена по-разному. Речь – явление индивидуальное и креативное, а взаимосвязанность мыслей по-разному отражается в сознании людей, в результате чего границы между предложениями в тексте могут варьироваться, особо не влияя на его содержание. Это можно показать на примере следующей английской пословицы.

When given a gift, / accept it with grace; / when beaten, / be quick to move to your place

(Когда дают подарок, принимай с благодарностью, когда бьют, поспеши убраться на своё место)

Она является аналогом русской пословицы *Дают – бери, а бьют – беги*. В ней четыре синтагмы. На письме представлена одним предложением. Однако при

сохранении её синтагматической структуры без какого-либо изменения значения она могла быть представлена двумя предложениями:

When given a gift, / accept it with grace. // When beaten, / be quick to move to your place.

Или другой пример:

Children / when they are little / make parents fools, // when they are big / they make them mad

(Дети, когда маленькие, делают родителей дураками, когда вырастают, сводят их с ума)

Синтагматическая структура этого предложения включает пять синтагм. Но она может быть представлена двумя предложениями:

Children / when they are little / make parents fools. // When they are big / they make them mad.

Английские тексты, как и русские или украинские, при их записи на слух у разных людей могут иметь разные структуры предложений, передавая одно и то же содержание. Предложенческие структуры в тексте могут варьироваться даже у самого автора – при сохранении неизменной структуры синтагм, подтверждая мысль о том, синтагмы являются единицами порождения речи и её содержания, а предложения – единицами её письменного оформления.

Синтагматика предложения позволяет точнее разобраться в его содержании. Обратимся к такому предложению.

Only the methods known from practical experience to be reliable have been used.

Нередко студенты и аспиранты при переводе подобных осложнённых простых предложений испытывают затруднения, которые, впрочем, легко устраняются в результате выделения в них синтагматической структуры. Адекватное выделение авторской синтагматической структуры способствует правильному переводу:

*Only the methods / **known** from practical experience **to be reliable** / have been used.*

Появляется рабочий вариант перевода с учётом порядка компонентов в английском предложении:

Только методы / известные из практического опыта / как надёжные / были использованы.

После редактирования появляется перевод, соответствующий структуре предложения в русской речи:

Были использованы (или использовались) / лишь те методы, / которые известны из практики / как надёжные.

Обращение к синтагматической структуре текста – вполне надёжный способ правильно разобраться в его содержании. Предложение как структурно-смысловая единица не выполняет кодирующую и декодирующую функции в речи. Оно адаптирующий компонент текста. Ключ к кодированию и декодированию – синтагма. На её основе составляются и постигаются все остальные (составные) речевые единицы, в том числе и предложения. Для наглядности обратимся к следующему предложению минимальной структуры:

(1) *The girl bought the book* (Девочка купила книгу).

Если содержание данного предложения отражает сам факт покупки девочкой книги, то его структура состоит из одной синтагмы. Таким, например, будет она при ответе на вопрос: *What happened?* (*Что произошло?*). Если предложение будет ответом на вопрос: *Who bought the book?* (*Кто купил книгу?*), – оно будет состоять уже из двух синтагм:

(2) ***The girl*** / *bought the book*

Между ними обязательна пауза. Акцентируется внимание на субъекте и его действии. Синтагматическое ударение находится на синтагме со значением субъекта. Если предложение станет ответом на вопрос: *What did the girl buy?* (*Что купила девочка?*), – оно тоже будет состоять из двух синтагм, но совсем иных (и структурно, и содержательно), чем предыдущая:

(3) *The girl bought* / ***the book***.

Между ними обязательна пауза, но теперь она разграничивает синтагму со значением субъекта с его действием и синтагму со значением объекта действия.

Синтагматическое ударение находится на синтагме со значением объекта даже при нисходящей интонации. Внешне одна и та же предложенческая структура в зависимости от коммуникативной цели, при одном и том же лексическом наполнении, без каких-либо пунктуационных различий может передавать совершенно разные форматы содержания.

Это происходит потому, что каждый раз предложение модифицирует свою синтагматическую структуру и интонацию. При помощи синтагматического ударения подчёркивается актуальная, важная в смысловом плане синтагма. Всё это непосредственно свидетельствует о том, что и в английской речи предложения формируются не из отдельных слов, а из синтагм.

Обратимся к научной речи и рассмотрим один из примеров Н. Хомского – предложение, которое он в качестве иллюстрации исследует в работе «Syntactic structures» [438, p. 22], освещая вопрос о предложениях, “вложенных внутрь другого предложения”:

If the man who said that Chomsky has very weak arguments is here then either he has to defend his point or he has to be open to criticism.

Однако нас это сложное предложение будет интересовать не составом и расположением простых предикативных единиц (как оно интересует автора), а своей синтагматической структурой и ролью синтагм в восприятии его содержания. Его синтагматическое членение вполне очевидно: оно включает шесть синтагм, осознание которых делает его содержание прозрачным.

If the man / who said / that Chomsky has very weak arguments / is here / then either he has to defend his point / or he has to be open to criticism.

Если человек, / который сказал, / что аргументы Хомского весьма слабы, / находится здесь, / он должен либо защитить свою точку зрения, / либо быть готовым выслушать критику.

Н. Хомский обращает внимание здесь на разрыв простой предикативной единицы *If the man... is here* и оценивает данную ситуацию как весьма распространённый приём, используемый в большинстве языков мира.

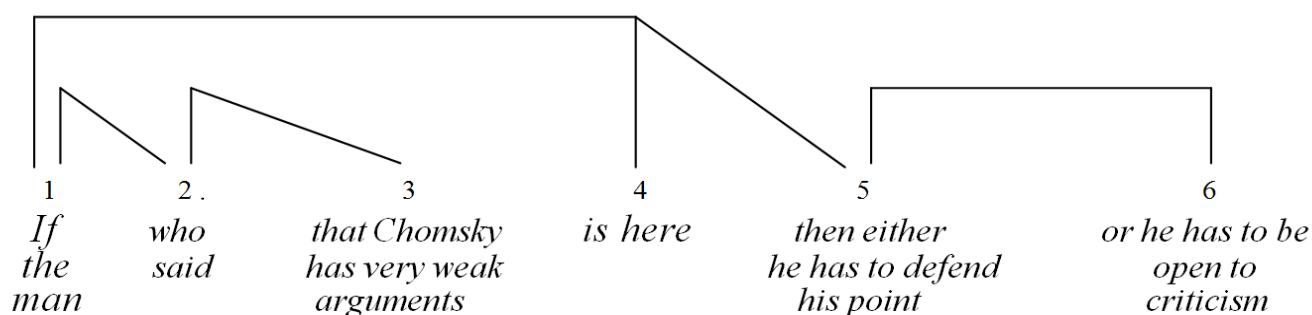
Однако, комментируя ситуацию на уровне синтагм, отметим следующее. Так как слово *man* в первой синтагме, с точки зрения субъекта речи, нуждается в конкретизации, то непосредственно сразу после него появляется развёрнутое определение, состоящее из двух синтагм:

who said и *that Chomsky has very weak arguments.*

Благодаря им синтагма *If the man* получает конкретное содержание, характерное для любой ситуативной речевой единицы. И нет необходимости говорить о разрыве синтагмы, ибо такой разрыв – насущная речевая потребность. Две следующие синтагмы, определяющие первую, указывают на её самостоятельность. Содержание предложения постигается при последовательном восприятии конкретных значений каждой из шести его синтагм.

1	2	3	4	5	6					
S = <i>If</i>	+	<i>who</i>	+	<i>that Chomsky</i>	+	<i>is here</i>	+	<i>then either</i>	+	<i>or he has</i>
<i>the</i>		<i>said</i>		<i>has very</i>				<i>he has to defend</i>		<i>to be open</i>
<i>man</i>				<i>weak arguments</i>				<i>his point</i>		<i>to criticism</i>

Синтагматическая схема данного сложного предложения отражает межсинтагмную связь всех шести указанных синтагм.

Как видим, первая синтагма, соответствующая минимальному составу подлежащего придаточной условной предикативной единицы, связана подчинительной связью со второй синтагмой, которая соответствует придаточной определительной предикативной единице. Вторая синтагма в свою очередь имеет связь с третьей, которая также соответствует отдельной придаточной предикативной единице со значением изъяснения и, кроме второй, она грамматически не связана ни с одной из синтагм. Первая синтагма связана также с

четвёртой, представляющей собой состав сказуемого. Вместе они образуют придаточную предикативную единицу, с которой грамматически и по смыслу сочетаются пятая и шестая синтагмы, соответствующие двум однородным главным предикативным единицам, связанным между собой разделительной синтаксической связью со значением альтернативного действия.

Таким образом, третья синтагма грамматически связана только со второй. Но через неё она содержательно соотносится с первой синтагмой, а уже благодаря ей вторая и третья синтагмы устанавливают смысловую опосредованную связь со всеми другими синтагмами данного сложного предложения, способствуя формированию его содержания. Указав цифрами позицию каждой синтагмы в предложении, его общее содержание, составленное из содержания всех его синтагм, можно представить следующим образом:

$$S = [1 + (2 + 3) + 4] + (5 + 6)$$

Если содержание предложений воспринимается на основе синтагм, то вполне логично заключить: на основе каких единиц воспринимается читателем содержание, именно из них оно было сформировано автором в процессе речи.

Размышления над вопросом порождения английской речи, над тем, какая единица – слово, словосочетание или синтагма – выступает в качестве основного речепорождающего компонента предложения, после соответствующего сравнительного анализа предложенческих структур приводят к мысли, что такая единица должна быть, во-первых, **минимальной**, во-вторых, **одномерной** и, в третьих, **речевой**, т. е. должна иметь не обобщённое смысловое значение, характерное для языковых единиц, а конкретное, ситуативное содержание, а также конкретное грамматическое значение. Языковые единицы вообще далеки от этих требований, а среди речевых только синтагма имеет такие показатели. Отдельно взятое слово в английском языке (в словарной системе) не имеет реального конкретного грамматического категориального значения. Это значение носит у него гипотетический характер. И только в сфере речи можно чётко сказать, к какой части речи оно относится и какие грамматические значения в связи с этим имеет.

4.10. Синтагма в живой народной речи

Учитывая, что живая народная речь реализуется в основном в устной форме, которая, как известно, является первичной, основной формой, уместно обратить на неё внимание. Литературная речь имеет устную и письменную формы. Обе они активно используются носителями языка во всех сферах общественной жизни и по всей территории. В отличие от неё народной речи характерно устное общение. Так что осуществляется она на синтагматическом уровне, за исключением эпистолярных и метаречевых случаев. Этим уровнем она и исчерпывается. Тем не менее при исследовании синтаксиса народных говоров диалектологи привычно пользуются термином **предложение** [421], совсем не обращая внимания на то, что для структуры живой народной речи весьма характерна “разбросанность” компонентов, дистантное их расположение, при котором главными средствами сочетания речепорождающих единиц выступают интонация и смысловые связи.

Так что если говорить о предложении в записанной диалектной речи, то придётся отмечать весьма частые, можно сказать, обычные для неё случаи вставки внутрь предложения слова, группы слов или даже предикативной единицы, иными словами, самые разные деформации предложенческой структуры. Это происходит в ней с целью пояснения или уточнения времени, места, ситуации, различных обстоятельств. В таком виде предложение здесь – весьма сомнительная квалификация. Сопоставьте, например, следующие диалектные структуры, квалифицируемые лингвистами как предложения, с привычными структурами предложений литературной речи:

Хлеба тут / стали нас жалеть / давать.

Напоили нас / шли с торху мужики / вином.

Ей за хватеру / ана только падмятала / сто рублей палажили.

А я вот ноне / у меня сын болеет / лекарства в Бельском купляла / восемь рублей платила.

У меня была тётка / сестра маменькина была / так жила много годов.

В Спасское пойдёшь / там у меня сын живёт / мама / приходи / пятый номер (дом № 5).

Купец вынул ножичек / в кармане у него был / и давай ту руку пилить.

А баба-яга / живёт тут у царевича / услыхала эти речи и стала думать...

А сам книжку вынул / за пазухами у него была / и начал листать [Эти и следующие примеры взяты из: 421, с.31–35] .

На наш взгляд, квалифицировать подобные речевые структуры в качестве предложений вряд ли целесообразно, даже если их и записали, особенно на фоне требований, предъявляемых к структуре и порядку слов в предложении в литературной сфере. Во-первых, диалектная речь имеет устную форму реализации, а во-вторых, будучи записанной, она меняет свой статус и назначение: из средства общения превращается в метаязыковой материал и становится объектом изучения. Для народной речи характерны, например, такие синтагматические структуры, что, если освещать её на уровне сложных предложений, придётся констатировать интерпозицию главной предикативной единицы по отношению к придаточной, которая вообще не характерна для литературного языка. При этом в главной части обычны глаголы восприятия: *знать, ведать, видеть, слышать, чувствовать* и под. Ср.:

А вот нонешний год / совсем не знаю / есть ли она, малина-то.

А тут девка / слышу я / домой повернулась.

Воды / не знаю / где взять.

Он же / не веет / где скрыл их.

Таким образом, своеобразие живой народной речи таково, что она очень часто не соотносится с предложенческими структурами, хотя её синтагматический строй очевиден. Интонационное оформление делает её понятной для слушателей, в том числе и тех, кто не является носителем данного диалекта.

Синтагматический уровень как основа порождения и реализации диалектного общения характерен как для бытовых отношений, так и для устного народного творчества. Фольклорные произведения, бытующие в устной форме, запоминаются народными сказителями на основе их синтагматической структуры

и на её же основе воспроизводятся ими с теми или иными попутными модификациями структуры и содержания.

Структура народной речи формируется в результате линейного наращения синтагм, обеспечивающих передачу информации субъектом речи и восприятие её слушателями. Появление категории предложения при изучении этой речи знаменует ситуацию, при которой используются привычные методы и приёмы изучения речевого материала без учёта того, насколько они соответствуют изучаемому материалу. Вряд ли уместно говорить о каких-либо иных речевых единицах в устной народной речи (например, предложениях, сложном синтаксическом целом и т.п.) как средстве общения в диалектной среде. За исключением синтагм, фраз и сообщений, никакие другие речевые единицы, известные литературному языку и его письменной форме, для участников диалектного общения не актуальны. Что же касается произведений устного народного творчества, они представляют интерес для слушателей прежде всего своим содержанием, выливающимся в процессе речи в конкретную синтагматическую структуру, с конкретным количеством фраз.

Тот факт, что общение в народной речи осуществляется на уровне синтагм, подтверждается фольклорными материалами, в частности пословицами. Они представляют интерес для слушателей как с точки зрения содержания, так и с точки зрения своей формы. Когда произведениями устного народного творчества заинтересовались исследователи фольклора, они стали их записывать с целью их сохранения, систематизации и изучения, в связи с чем пришлось руководствоваться теми требованиями и положениями, которые традиционно предъявляются к оформлению письменных текстов. И в первую очередь необходимостью отражения их предложенческих структур.

Однако в результате наблюдения за предложенческими структурами записанных произведений устного народного творчества можно сделать вывод, что представлены они так, как их определил в своё время при записи тот или иной собиратель фольклора. Но их можно было записать иначе. В качестве примера приведём следующую пословицу:

Был конь, / да заезжен, // был молодец, / да подержан.

Содержание её составлено из четырёх синтагм, и воспринимается оно на их же основе. В устной форме представлена структура пословицы в виде ряда конкретных синтагм, разделённых паузами. Синтагмы образуют две фразы. Будучи записанной, пословица предстаёт уже не в виде синтагм и фраз, а в форме отдельного предложения, которое можно определить как текст малого жанра.

Читая такой текст, адресат осознаёт его синтагматическую структуру и тем самым воспринимает его содержание. Необходимость употребления в данном случае понятий **предложение** и **текст** обусловлена тем, что мы имеем дело уже не с устной, а письменной формой речи, для которой в соответствии с традицией обязательными атрибутами являются предложения и текст. Применительно к устной форме нельзя со всей определённости сказать, какое количество предложений будет в этой пословице в письменной форме – одно или два. Зато можно с полной достоверностью утверждать, что состоит она из четырёх синтагм, которые разделяются паузами, и каждая синтагма имеет своё значение. Основная смысловая и синтаксическая связь здесь – межсинтагмная. Грамматико-смысловые отношения между синтагмами определяют содержание пословицы.

Синтагматическая структура пословицы не допускает никаких вариантов ни в устной, ни в письменной её формах. Что же касается предложенческой структуры, то вполне возможна её модификация: она может соответствовать количеству фраз, но может и не соответствовать. Ср.:

Был конь, / да заезжен. // Был молодец, / да подержан.

Но в обоих случаях читатель, осознавая, что это единый целостный текст, воспринимает содержание однозначно. Несмотря на изменение её предложенческой структуры, её смысл остался прежним. Обычно пословицы представлены одним предложением. Но это не значит, что она должна состоять из одного предложения. Определение жанра пословицы в литературной энциклопедии даётся не на основании её структурных параметров, а на основании её смысловых особенностей. Так что текст данной пословицы может включать как одно, так и два предложения. Или другой пример:

Не вижу — / душа мрёт, // увижу — / с души прёт.

В ней тоже четыре синтагмы. Они составляют и передают конкретное содержание условного и сопоставительного характера. На их основе это содержание и воспринимается. В устной речи синтагматическая структура пословицы и интонация с её паузами между синтагмами полностью обеспечивают сообщение и понимание. В письменной форме она представлена собирателем фольклора в виде текста, состоящего из одного предложения с теми же четырьмя синтагмами, определить которые читателю помогают знаки препинания. Однако в ней могло быть и два предложения, что соответствовало бы количеству её фраз:

Не вижу — / душа мрёт. // Увижу — / с души прёт.

Структура предложений поменялась, но структура и количество синтагм остались прежними, что обеспечило сохранность содержания. Ещё примеры:

Сумел оступиться, / сумей и поправиться, // сумел провиниться, / сумей и исправиться;

Деньги потерял — / ничего не потерял, // время потерял — / многое потерял, // здоровье потерял — / всё потерял.

Функционирование этих пословиц в устной народной речи не вызывает никаких вопросов. При разном содержании обе они имеют одинаковое грамматическое значение (отношения обусловленности и сопоставления). Представленные в словаре пословиц в письменной форме, они отражают субъективное их оформление теми людьми, которые их впервые записали, устанавливая тем самым их традиционное письменное оформление. Вполне очевидно, что они записаны разными людьми. Их не мог записать один и тот же человек. Например, что касается пунктуации при передаче условных отношений, то вторая пословица не вызывает никаких вопросов, ибо в бессоюзных структурах для этого действительно используется тире. В первой же пословице в аналогичной ситуации использованы запятые. Их уместность весьма сомнительна на фоне требований правил пунктуации в бессоюзном предложении с условными отношениями между его предикативными единицами. Тем не менее пословица существует в письменной форме именно в таком виде уже десятки лет, что, в

принципе, реально подтверждает общую мысль о возможности вариантов письменного оформления.

Каждая из этих пословиц оформлена в виде сложного предложения. Но структуры обеих могли быть представлены и несколькими предложениями:

Сумел оступиться – / сумей и поправиться. // Сумел провиниться – / сумей и исправиться;

Деньги потерял – / ничего не потерял. // Время потерял – / многое потерял. // Здоровье потерял – / всё потерял.

Последняя пословица включает уже не два, а три предложения, что соответствует количеству её фраз в устной форме её функционирования. Мало того, на наш взгляд, такое их письменное оформление в большей степени соответствует народной речи, которой не свойственны громоздкие структуры. Интонация пословиц осталась прежней, потому что их синтагматические структуры как носители конкретного содержания остались без изменений. Изменились их предложенческие структуры, как варианты их письменного оформления, что никак не повлияло на их интонацию. Но если интонация не изменилась, то не изменилось и содержание, ибо интонация – это способ интерпретации содержания. Аналогичная ситуация и в украинской народной речи:

Де сніг буде – / хліба прибуде, // де вода розіллється – / сіна набереться.

Пословица состоит из четырёх синтагм. В письменной форме она представлена в виде предложения. Но её содержание можно передать в виде двух предложений с теми же сопоставительными отношениями между ними, что соответствовало бы количеству их фраз:

Де сніг буде – / хліба прибуде. // Де вода розіллється – / сіна набереться.

Таким образом, изменения в структуру предложений можно внести без каких-либо осложнений для передаваемого содержания. Но изменить границы между синтагмами нельзя, потому что именно из них составлено содержание пословиц – путём последовательного наращивания значений всех её синтагм.

Письменное оформление этих пословиц, как и многих других произведений устного народного творчества, определялось личными психологическими

характеристиками, умениями, навыками, языковой и речевой компетенцией тех людей, которые их записывали. Иными словами, содержание их – общее, народное, а письменное оформление – индивидуальное. И если познакомимся со сборником русских пословиц и поговорок, структурой предложений и особенно пунктуацией бессоюзных сложных структур с условными, причинными и следственными отношениями, с использованием при этом не характерных для них знаков препинания, то лишь утвердимся в таком мнении.

А теперь рассмотрим в сравнительном плане несколько соотносительных по содержанию пословиц в разных языках. Например, известная русская пословица: *Любишь кататься – / люби саночки возить.*

Она состоит из двух синтагм и передаёт обобщённое значение в виде вывода, заключения при оценке действий того или иного человека – чаще собеседника. В письменной речи эта пословица оформляется в виде сложного бессоюзного предложения, в котором каждая синтагма выполняет функцию отдельной предикативной единицы.

В устной речи в зависимости от интонации её можно рассматривать как одну или две фразы, которые будут соответствовать таким структурам:

- 1) *Если любишь кататься, то люби саночки возить* и
- 2) *Ты любишь кататься. Так люби саночки возить.*

В письменной речи первый вариант (с передачей условных отношений) будет представлен сложным предложением: *(Если) Любишь кататься – (так) люби саночки возить*, а второй вариант (с передачей причинно-следственных отношений) может быть передан как сложным предложением, так и двумя простыми:

- 1) *Любишь кататься – люби саночки возить* или
- 2) *Любишь кататься (дескать, это твоё желание и право). Люби саночки возить* (а это неизбежная обязанность, следствие).

В английской речи соответствующий смысл передаётся следующей пословицей:

He / that would have eggs / must endure the cackling of hens (Тот, кто хочет есть яйца, должен примириться с кудахтаньем).

В ней три синтагмы, но их общий смысл соответствует смыслу русской пословицы. Он передаётся одной фразой – в устной речи и одним сложным предложением – в письменной.

Французская пословица аналогичного содержания *Si tu veux du beurre, / il en faut battre* (Если хочешь масла, нужно его сбить) включает две синтагмы, каждая из которых выполняет функцию предикативной единицы.

Испанская пословица: *Quen quiere igos de Lepe / que trepe* (Кто хочет инжир из Лепе, пусть залезает на дерево).

Немецкая пословица *Wer will fahren, / zieh' auch den Karren* (Хочешь ехать – тащи тачку) также состоит из двух синтагм, и обе выполняют функции отдельных простых предикативных единиц, подтверждая мысль о том, что коммуникативность проявляется уже на уровне минимальных речевых единиц – синтагм.

Русская пословица *На Бога надейся, / а сам не плошай* состоит из двух синтагм. Она оформляется в виде сложного предложения, в котором каждая синтагма соответствует простой предикативной единице. В устной речи в зависимости от интонации и нюансов содержания это может быть как одна, так и две фразы.

Английская пословица *Every tub / must stand on its own bottom* (Каждая кадка должна стоять на собственном днище) тоже состоит из двух синтагм, в устной речи представлена одной фразой, а в письменной – простым предложением, в котором синтагмы соответствуют составу подлежащего и составу сказуемого.

Французская пословица *Aide-toi, / et le ciel t'aidera* (Помоги себе сам, и небеса тебе помогут) тоже состоит из двух синтагм, которые, как и русская пословица, в письменной речи представляют сложное предложение.

Испанская пословица *Si no me guardo yo, / no me guarda nadie* (Если я себя не поберегу, никто меня не убережет) включает две синтагмы и на письме оформляется в виде сложного предложения.

Немецкая пословица *Hilf dir selbst, / so wird dir geholfen* (Помоги себе сам, вот тебе и будет помощь) состоит из двух синтагм, которые на письме представляют сложное предложение.

Русская пословица *Не говори «гон!», / пока не перепрыгнешь* состоит из двух синтагм, образующих в устной речи одну фразу, которой на письме соответствует сложное предложение.

Английская пословица *There is many a slip / between the cup and the lip* (Между чашкой и губами можно много раз пролить (то, что пьешь)) также состоит из двух синтагм, образующих одну фразу, которая соответствует простому предложению в письменной речи.

Французская пословица *Il ne faut pas se moquer de chiens / avant d'être sorti du village* (Не нужно смеяться над собаками, пока не будешь за деревней) тоже представлена двумя синтагмами, которые в устной речи соответствуют одной фразе, а в письменной – сложному предложению.

Аналогичная картина с испанской пословицей *Antes que acabes, / no te alabes* (Пока не завершишь дело, не хвали себя), а также с немецкой.

Немецкая пословица: *Verkaufe nicht das Fell, / ehe du den Bären hast* (Не продавай шкуру, пока у тебя не будет медведя).

Таким образом, общение в живой народной речи осуществляется на синтагматическом уровне, который вполне обеспечивает взаимопонимание. Исходными единицами в ней являются синтагмы. Выстраивая синтагматическую структуру, они позволяют адекватно передать содержание, смысловые нюансы и различные оценки.

Записи произведений устного народного творчества свидетельствуют, что предложенческие структуры могут иметь варианты, которые, собственно, и возможны потому, что предложения не являются единицами порождения речи, их функциональное назначение – быть традиционным способом письменного оформления речи с целью выделения и разграничения передаваемых мыслей, которые обычно воспринимаются в единстве и поэтому их не всегда можно чётко и однозначно разграничить при записи.

4.11. Средства и приёмы синтагматического членения текста

В устной речи синтагмы легко выделяются и разграничиваются с помощью мелодики, пауз и ударений. Субъект речи осуществляет их делимитацию, позволяющую быстро осознать значение каждой из них, а последовательное наращение их значений помогает понять общее содержание речи. В письменной речи для наглядного и убедительного их разграничения автором нет специальных средств: каждому читателю приходится определять структуру синтагм и границы между ними самостоятельно. Он это делает на основании **единиц оформления**, а также **сопутствующих функций** используемых лингвистических средств, с учётом развития содержания каждого из предложений и контекста в целом. Насколько точно он это сделает, настолько правильно поймёт содержание. Правильно – значит адекватно авторской коммуникативной цели.

На основании изложенного можно заключить, что обоснованное синтагматическое членение текста осуществляется читателем с учётом многих факторов и средств, среди которых можно отметить следующие:

1. Опору на окружающий контекст и развитие общего содержания текста, соотнесение с ним содержания отдельных его фрагментов;
2. Семантическую сочетаемость слов, обусловленную отношениями между реалиями, признаками и действиями, которые обозначаются этими словами;
3. Структурно-семантические объединения слов, выступающих в речи в качестве одной смысловой единицы (номенклатурные номинативные единицы, составные термины, устойчивые словосочетания, устойчивые синтаксические структуры, например, *что касается* + существительное, на котором акцентируется внимание, всегда будут в одной синтагме);
4. Морфологические сочетания слов, представляющие аналитические формы (степени сравнения прилагательных, структуры составных числительных, различные аналитические глагольные формы и др.);

5. Семантико-синтаксические объединения слов, образующие единую форму (аналитические формы сказуемых, страдательных конструкций, а в английском языке аналитические формы различных времён, пассивных конструкций, притяжательных структур и т. д.), интонационное их единство;

6. Выделение в тексте предложений и высказываний (в форме абзацев), благодаря чему выделяются все завершённые мысли и освещение микротем;

7. Тип предложений по цели высказывания и эмоциональной окраске – повествовательные, вопросительные, побудительные и восклицательные; структуры общего, специального и разделительного вопросов; характер речи: размышление, полемика, степень эмоциональности;

8. Знаки препинания как средства грамматического, интонационного и смыслового членения речи;

9. Внутрисинтагмные и межсинтагмные связи и отношения между отдельными единицами речи, подтверждаемые средствами связи – окончаниями, союзами, частицами, предлогами, интонацией, смысловыми отношениями;

10. Логическое ударение;

11. Порядок слов в синтагме и порядок синтагм в предложении как отражение не только структурного контактирования, но и стилистического, смыслового;

12. Учёт смысловой связи слов, которые не связаны грамматически, но их значения не исключают их объединения, а интонация это подтверждает;

13. Установившиеся сочетания слов с частицами;

14. Учёт опосредованной смысловой связи слов, не имеющих между собой синтаксической связи;

15. Вопросительные слова и их отношение к предложению в целом или к отдельным его членам;

16. Обособленность речевых фрагментов;

17. Инфинитивные группы слов;

18. Вводные слова и их отношение к тем или иным конкретным компонентам предложения или к предложению в целом;

19. Наличие параллельных структурных и смысловых конструкций [419].

Выводы к главе 4

Порождение речи как вид психической деятельности одновариантно. Хотя речь имеет две формы – устную и письменную, – единицей порождения обеих форм является синтагма.

В сознании человека существует один смысловой вариант информации, которая может быть передана устно или письменно. Процесс её лингвистического оформления обычно осуществляется спонтанно и мгновенно.

Устная форма является первичной, естественной. На её основе – оформляется письменная форма путём трансформации звуковой или внутренней речи в графическую. Речевые умения и навыки человека обеспечивают ему такую трансформацию. При этом единицы оформления речи в связи с разным материальным её выражением будут разными. Чтобы адекватно разобраться в процессе порождения речи и в её составных единицах, необходимо руководствоваться следующим:

- осознанием сфер языка и речи и их единиц;
- тезисом о том, что устная речь – первичная, основная форма, которая выступает в качестве объективного средства верификации выводов;
- авторской делимитацией заданных минимальных речевых единиц;
- учётом их интонации, структуры и смысла;
- их линейной последовательностью.

Из содержания главы 4 вытекают следующие **выводы**.

1. Исходными единицами речи выступают **не слова как номинативные обобщённые единицы языка**, а синтагмы, спонтанно появляющиеся в сознании человека в результате психоречевой реакции на актуальное содержание или

ситуацию речи; это предельно минимальные, конкретные недискретные речевые структуры применительно к конкретной речи.

2. Синтагма представляет структурно-смысловое лексическое единство, что подчёркивается ритмом, интонацией и разграничительными паузами; в ней нет внутренних пауз: они деформировали бы её структуру и значение; пауза в речи указывает на границу между синтагмами.

3. Обычно синтагма объединяет несколько слов, но может состоять из одного слова, если субъект речи считает, что его при сочетании с другими синтагмами достаточно для передачи элементарного смыслового фрагмента.

4. В каждой синтагме есть грамматически (структурно) ключевое слово, с которым непосредственно или опосредованно связаны все остальные её слова.

5. Речь порождается путём линейного наращения синтагм, образующих её синтагматическую структуру как речевое воплощение конкретного содержания; опорными компонентами связи синтагм являются их ключевые слова.

6. Объём синтагм обусловлен дыханием: каждая синтагма произносится на одном дыхании, без пауз.

7. Устная речь строится из синтагм и одновременно воспринимается слушателями; устное общение осуществляется на синтагматическом уровне; интонация субъекта речи является для него способом выделения синтагм и интерпретации передаваемого содержания, а для слушателей она средство идентификации авторской синтагматической структуры речи и содержания.

Глава 5

СИНТАГМА, ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ТЕКСТ

5.1. Предложение как единица речи

Исторически так сложилось, что исходной точкой в развитии теории построения речи стало предложение, как весьма наглядная коммуникативная единица. Грамматические понятия и представления “складывались под влиянием письменной речи, и основной коммуникативной и синтаксической единицей считалось предложение-высказывание. Однако членение потока устной речи на предложения оказывается довольно затруднительным” [419, с. 19]. Но почему-то этот факт остаётся вне поля зрения абсолютного большинства лингвистов. Возможно, это объясняется тем, что в любом тексте у каждого предложения чёткие границы, а пробелы между словами просто вынуждают делать вывод о том, что предложение построено из слов и в свою очередь оно является строительным материалом для текста. В настоящее время это утверждение носит аксиоматический характер.

Но при верификации этих мыслей мы не находим им подтверждения. Они не соответствуют речевой деятельности, а потому и не убеждают. Предложение – явление письменной речи, которая является вторичной формой, искусственной, созданной людьми. В связи с этим, чтобы получить объективную картину построения речи в целом и предложения в частности, следует опираться на устную её форму, так как она первична, естественна, а главное, именно на её основе появилась письменная форма, в которой фразы устной речи были *субъективно* трансформированы пишущим в предложения. Между фразами и предложениями при их известной соотносительности нет соответствия, нет идентичности. Предложение, например, может включать несколько фраз. Но в тексте невозможно одновременно отразить даже двух вариантов предложенческой структуры, не говоря уже о всех возможных его вариантах. В этом отношении практическая речевая деятельность опередила развитие

теоретической мысли. Так, она свидетельствует, что предложение можно *написать, исправить, прочесть, откорректировать, вычеркнуть, изъять*, но его нельзя *произнести*, что говорит о том, что с устной формой речи оно не соотносится, ибо произносят фразы.

Многие лингвисты квалифицируют предложения как минимальные коммуникативные единицы, утверждая, что именно из них строится речь. Но по какому параметру предложение квалифицируется ими как минимальная единица? По структуре? Содержанию? Или предикативности? По структуре предложения могут быть однокомпонентные и многокомпонентные, односоставные и двусоставные. По предикативности – монопредикативные и полипредикативные. Квалификация их как “минимальных единиц” не соответствует их реальной структуре и содержанию, которое может отражать один фрагмент, но чаще оно отражает их несколько. Так что и в отношении содержания его нельзя считать минимальной речевой единицей. Что касается предикативности, её при необходимости может получить в речи любая речевая единица, и необязательно, чтобы в ней были главные члены предложения. Ср.: – *Решил задачу?* – *Увы*; – *Ты позвонишь мне утром или после перерыва?* – *После*.

В общем, ни по структуре, ни по содержанию, ни по основному грамматическому значению и по способу его выражения предложение нельзя признать минимальной речевой единицей. Обратимся к такому предложению: *Весьма удивили его мысли старого друга*. Оно простое, но его нельзя понять однозначно. В нём просматриваются две группы слов, между которыми невозможно провести чёткую границу:

Весьма удивили его / мысли старого друга (его удивили мысли друга) и
Весьма удивили его мысли / старого друга (он удивил друга).

Данная речевая структура имеет составной характер и нуждается в расшифровке, в связи с чем не может считаться минимальной речевой единицей. Даже если взять такое простое предложение, как *Мальчик бросил мяч*, легко убедиться в том, что в разных речевых ситуациях оно имеет разные значения и по синтагматической структуре будет восприниматься как однокомпонентное,

двухкомпонентное или трёхкомпонентное. Достаточно проанализировать ответы на вопросы: *Что случилось? Кто бросил мяч? Что сделал мальчик? Что сделал мальчик с мячом?*

Ответ на первый вопрос будет состоять из одной синтагмы (**Мальчик бросил мяч**), на второй – из двух (**Мальчик** / *бросил мяч*), на третий – тоже из двух, но уже иного коммуникативного качества (*Мальчик* / **бросил мяч**), а на четвёртый – из трёх однословных синтагм (*Мальчик* / **бросил** / *мяч*). Синтагмы, выделенные жирным шрифтом, несут новую информацию и могут самостоятельно выполнять функцию фраз в устной речи и предложений в письменной, что характерно для речи участников общения, хорошо знакомых с ситуацией. Можно убедиться в том, что структура и содержание предложения носят синтагматический характер. Так как предложение – это уже речь, то можно сделать вывод: структура и содержание речи имеют индивидуально-авторскую синтагматическую основу. Содержание любого текста закреплено в виде конкретной синтагматической структуры. Она создаётся автором.

По мере развития информации текста в нём выделяются предложения. Не из предложений строится текст, а в тексте по мере его развития выделяются предложения. Структурируя его в виде предложений, автор помогает читателю на основе смыслового членения текста разобраться в его содержании, осознать его синтагматическую структуру и заложенную в ней интонацию. Делать это при опоре на предложения (т. е. на выделенные самостоятельные мысли) легче и быстрее.

Понять правильно текст – значит разобраться в его смысловесущей структуре, в синтагматике и интонации. Назначение предложений не в составлении содержания и не в построении текста, а в том, чтобы последовательно выделить в нём все его мысли (т. е. структурировать его на уровне передаваемых мыслей), представить его читателю в соответствии с требованиями культурно-речевой традиции и тем самым сделать его более доступным для чтения и понимания.

Таким образом, предложения появляются как традиционный способ оформления и адаптации текста. Некоторые учёные (Л. В. Щерба, М. Н. Петерсон и др.) несколько скептически относились к категории предложения и к утверждению, что оно центральная единица языка, а среди писателей многократно делались попытки создания произведений, из которых предложение вообще исключалось. Весь текст представлял собой одно предложение. Такая позиция объясняется не тем, что учёные и писатели не признавали существования предложения как речевой единицы, а тем, что они небезосновательно сомневались в его речепорождающей функции и универсальности. Обратимся к следующему минимальному тексту.

Хорошо, когда молодость души соответствует возрасту человека. Обнадёживающе, если она осознаёт его. И весьма комично, если она забывает о нём.

Он состоит из трёх предложений, но его можно представить в виде одного. Три предложения легко преобразуются в одно, при этом содержание его остаётся прежним. Становится очевидным, что предложение не является минимальной речевой структурой порождения текста. Его конкретные границы определяются автором. Поэтому трудно согласиться с той квалификацией, которая даётся ныне предложению: “Определение предложения как *минимальной*, грамматически организованной единицы... является в настоящее время наиболее распространённым” [82, с. 17].

Речевыми следует считать все содержательные единицы, которым присущи основные речевые признаки и функции, а именно: индивидуальное порождение, конкретность структуры и содержания в конкретном тексте или устном сообщении. Все речевые единицы – это структуры индивидуального порождения, тогда как языковые единицы являются заданными и всеобщими.

Предельно минимальной речевой единицей можно считать лишь ту структуру, которая характеризуется *одномерностью, ситуативностью, речепорождающей функцией* в формате текста, в который она входит в качестве его исходного компонента и выступает в нём в роли опорной единицы при

восприятию его содержания или содержания любого составного его фрагмента (например, предложения). Если предложение не отличается структурной и смысловой устойчивостью в речи и возможны различные структурные и смысловые его модификации, его нельзя квалифицировать в качестве рчеорганизующей единицы, и к тому же минимальной. Расчленим рассматриваемый текст на синтагмы.

*Хорошо / когда молодость души / соответствует возрасту человека //
обнадёживающе / если она осознаёт его // и весьма комично / если она забывает
о нём /*

Мы сознательно не использовали знаки препинания и не указали границ между предложениями, определив лишь границы между синтагмами и продолжительность пауз на месте этих границ. Тем не менее речь воспринимается легко и однозначно.

Таким образом, перед нами текст, который состоит из таких фрагментов, которые в одних случаях совпадают с границами предикативных единиц, в других же – меньше этих единиц. А главное, эти речевые отрезки – синтагмы – характеризуются единством структуры и содержания. Это позволяет квалифицировать их как минимальные одномерные речевые единицы. Ни одну из них нельзя видоизменить. В тексте синтагмы существуют в том виде и в той последовательности, которые определил им автор. Они создают единую синтагматическую структуру текста, которая формирует и сохраняет его содержание, делая его однозначным. Синтагмы непросто поменять местами в речи, так как нужно обязательно учитывать границы каждой из них, их ритмико-интонационные и смысловые связи и отношения, их роль в формировании логической структуры текста. При передаче некоторых синтаксических отношений их вообще нельзя поменять местами, место каждой из них становится строго фиксированным. Например, фиксированными являются все семь позиций синтагматической структуры рассматриваемого текста:

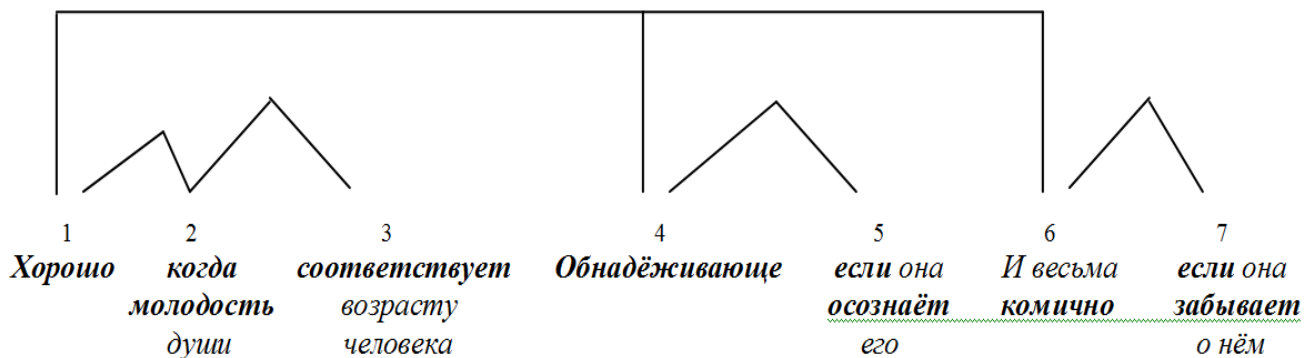
- 1) *Хорошо,*
- 2) *когда молодость души,*

- 3) *соответствует возрасту человека.*
- 4) *Обнадёживающе,*
- 5) *если она осознёт его.*
- 6) *И весьма комично,*
- 7) *если она забывает о нём.*

Вполне очевидно, что не предложения, а названные синтагмы стали основой организации данного текста. Из них он составлен, каждая из них представляет собой конкретное речевое структурно-смысловое единство, т. е. **конкретный фрагмент конкретной структуры, конкретного содержания и конкретного места** в тексте. И совершенно не существенно, сколько в этом тексте предложений – три или одно. Его содержание составлено из ситуативных значений всех его синтагм. Каждая из семи синтагм отражает определённый элементарный единый фрагмент мысли. Даже первый фрагмент (*Хорошо*), представленный одним словом, нельзя в данном случае квалифицировать в качестве слова как представителя языковой лексической системы. Это уже нечто большее и, главное, качественно совершенно иное. Его следует квалифицировать как синтагму, получившую свой речевой статус с учётом связи с другими аналогичными единицами. С ними она связана интонационно, грамматически и содержательно (со второй единицей у неё подчинительная связь, с изъяснительными отношениями, осложнёнными значением времени и условия; с четвёртой и шестой – сочинительная, с сопоставительными отношениями). Мало того, данная однокомпонентная синтагма выступает в речи в качестве самостоятельной предикативной единицы. Так что внешне это – вроде бы слово лексической системы языка, но по функции, по характеру содержания и своему конкретному статусу это однокомпонентная синтагма, выполняющая функцию главной предикативной единицы в составе сложноподчинённого предложения.

Данную ситуацию можно соотнести с окружностью на плоскости. Такая окружность напоминает слово в языке. Но если она будет перенесена в пространство, т. е. в иную сферу, и начнёт двигаться вокруг своего диаметра, это уже не окружность. Она отражает уже геометрическое тело – шар. Чтобы слово

языка превратилось в речевой компонент, оно должно начать “вращаться” с другими словами или синтагмами в речевом пространстве, отражая фрагмент конкретной действительности. А отражать его может только конкретная речевая единица. И порождается такая единица не для того, чтобы существовать самостоятельно, в отдельности. Как сущность отдельного человека проявляется только в обществе, в единстве с другими людьми, так и сущность синтагмы проявляется только в речи – в сочетании с другими синтагмами. Схему межсинтагмных грамматических и смысловых связей в данном тексте можно отразить следующим образом:

В тексте три сложноподчинённых предложения. Главную часть каждого из них составляет одна синтагма. Эти синтагмы связаны между собой параллельным развитием мысли, следовательно, параллельными структурами предложений, сочинительной связью (*Хорошо... Обнадёживающе... И комично...*) и сопоставительными отношениями.

В тексте можно обнаружить три звена синтагм. Первое звено составляют 1, 2 и 3 синтагмы. Второе представлено 4 и 5 синтагмами. А третье – 6 и 7 синтагмами. Первая синтагма связана со второй и третьей. Структуру и содержание этого звена можно отразить математически:

Хорошо + (*когда молодость души* + *соответствует возрасту человека*).

Второе звено можно представить так:

Обнадёживающе + *если она осознаёт его*.

А третье:

И весьма комично + если она забывает о нём.

Если выразить ситуацию математически, что позволяет сделать принцип последовательного наращения синтагм, то все семь синтагм объединены следующим образом:

$$[C_1 + (C_2 + C_3)] + (C_4 + C_5) + (C_6 + C_7)$$

Синтагмы всех звеньев, представляющие придаточные предикативные единицы, не связаны между собой ни грамматически, ни по смыслу, но благодаря синтаксическим и смысловым связям между первой, четвёртой и шестой синтагмами, с которыми они соответственно сочетаются, между ними возникает межсинтагмная опосредованная смысловая связь, в результате чего формируется связное содержание текста.

Что касается графического выделения в этом тексте предложений, то их функция в том, чтобы помочь читателю быстрее разобраться в синтагматической структуре текста. Если обратиться к текстам малого жанра, состоящим из одного предложения (пословицы, афоризмы, парадоксы, эпитафии, стихотворения и т.п.), можно утвердиться в мысли, что они строятся из синтагм как минимальных речевых единиц. Синтагматическая и предложенческая структуры взаимообусловлены. При написании текста смысловнесущая его структура позволяет автору на основе языковой и речевой компетенции, благодаря речевым умениям и навыкам, доведённым до автоматизма, в соответствии с традицией выделить все мысли в виде предложений, которые, по его мнению, будут наиболее соответствовать смысловнесущей структуре.

Так что сегментация текста в виде предложений – это первый шаг на пути к его синтагматике. Этот шаг делается самим автором. Читатель же на основе предложенческой структуры текста пытается осознать авторскую синтагматику и интонацию, которые стали основой для отражения содержания.

5.2. Синтагма и предложение

Автоматически объединяя в синтагму слова лексической системы, носители языка тем самым спонтанно привлекают их к лингвистическому отражению конкретной речевой ситуации, к конкретным реалиям и их признакам, качествам, свойствам, действиям или состояниям – ко всему тому, о чём собираются говорить. Наблюдаемые предметы и качества одни люди соотносят со словами, а другие (слушатели и читатели) услышанные или прочитанные последовательные минимальные единства слов (синтагмы) соотносят с предметами и качествами, т. е. с конкретными фрагментами окружающего мира. Синтагмы становятся речевыми единицами, отражающими эти фрагменты и объединяющими их в единое содержание. Сочетания слов в синтагмах используются в качестве индивидуальных, ситуативных смысловых квалификаций. Включая в себя несколько слов, синтагма объединяет их в единый структурно-смысловой блок. При необходимости можно сделать уточнения, пояснения, в результате чего появляются другие синтагмы, тесно связанные с первой. Слова в синтагмах приобретают конкретный характер и единый смысл, а синтагмы, последовательно сочетаясь одна с другой, порождают речь и её содержание.

При возникновении синтагмы сущностный признак значения слова даёт основание для его использования, а различные актуализированные акцидентные признаки обозначаемой реалии способствуют конкретизации содержания синтагмы. При сочетании слов в синтагме между ними возникают синтаксические связи, а также особые смысловые отношения, обогащённые различными грамматическими значениями. Возникающие в сознании автора синтагмы приобретают ситуативное значение. Благодаря их линейному наращению составляется актуальное содержание, которое выливается в конкретную синтагматическую структуру сообщения или текста, который оформляется в виде предложений и высказываний (абзацев).

В устной речи предложение выпадает из сферы речепорождения и речевосприятия. Звучащую речь слушатели воспринимают на уровне синтагм, вне категории предложения, на основе интонации говорящего субъекта. Анализируемый текст с точки зрения количества предложений можно представить в различном оформлении. Предложений в нём могло быть больше или меньше. Текст можно представить и в виде одного предложения. Но и такой его графический вариант будет передавать то же самое содержание. Различия в вариантах предложенческих структур обычно обусловлены индивидуальной причиной – разным психологическим восприятием фрагментов содержания текста. Одни люди воспринимают их в качестве единого целого, другие же – как нечто целое, представленное в виде объединения нескольких частей, – порой настолько специфических, что статус некоторых предложений в таких случаях определяется скорее по их месту и роли в контексте, чем по их грамматическим показателям. Лишь в контексте происходит осмысление структуры и содержания таких предложений. В этом отношении весьма показательны структуры предложений в произведениях современного писателя-публициста Михаила Веллера, например, в его книге «Великий последний шанс» [М., 2008, с. 133].

*Жителю России / ежедневно / формируют мировоззрение катастрофического периода. // Он уже свыкся / с выживанием среди наводнений, / ограблений, / обрушений / и взрывов. // Посёлки смывает, / здания горят, / самолёты падают, / автомобили сталкиваются, / поезда сходят с рельс, / а вот интервью с вором, / а это трупы боевиков. // **Теперь про погоду.***

Стоп, / ребята, / стоп. // Цифирьки дайте-ка. ///

Итак. / В России. / Ежегодно. / Гибнет. // На дорогах – / 30 000. // Тонут – / 15 000. // Опиваются спиртным – / 40 000. // Убивают – / 30 000. // Пропадает без вести – / 30 000. // Падают с крыш, / балконов, / окон, / деревьев, / столбов – / десятки человек по стране в день. // Суют в станки все части тела и отрывают – / ежедневно. // Кусаются псами, / бодаются быками – / что ни час. // Съедаются крысами / и травятся крысиным ядом – / десятки в неделю. // Кончают самоубийством, / вешаются, / вскрывают вены, / бросаются под поезд

– / 25 000 в год. // Съедаются свиньями и медведями, / а также товарищами по побегу из зоны. // Сосульками с крыши по голове – / десятки трупов по стране / каждую весну. // Бьёт током в ваннах – / чище электрических стульев / в старой Америке. // Ещё можно насмерть подавиться шапкой / и запариться в сауне. ///

То есть. // Независимо от экстраординарных событий / телевидению хватит в любой миг / и ординарных, // чтобы выпуск новостей / превратить в репортаж / из гибнущей цивилизации. // Ресурс несчастий у нас – / единственный, / которому не грозит истощение. // Кажется, / что Россия / закончит своё существование, / а несчастья / всё ещё будут продолжаться. ///

Однако. // **Вот в Америке.** // Там торнадо / и ураганы / просто беспрерывно. // Сдувает и смывает / ежедневно / целыми посёлками...// Однако страстей в США / по ящику / куда и куда меньше наших...//

То есть. // Цензура сменилась / «антицензурой». // Произошла смена вех и знаков / при сохранении системы отношения...//

И. / И. / У нас был / тоталитаризм / и социализм, / были запрещены / тупыми и непререкаемыми правителями – / демократия, / либерализм, / права человека, / свобода слова, / капитализм. // И жили мы / плохо. // А «там» / люди жили / гораздо лучше, / свободнее, / богаче, / разнообразнее. // **И?** ///

Слова, / термины / и понятия / стали фетишами русской интеллигенции! // Демократия, / рынок, / свобода! // Это благо, / это хорошо, / это правильно. ///

Гайдар. // **Чубайс.** // Сгорели сбережения. // **Нищета.** // **Как жить?**///.

В данном контексте 126 синтагм, которые составляют 50 предложений. Несомненно, все выделенные жирным шрифтом структуры являются предложениями с конденсированным содержанием и такой же структурой, характерной для живой речи людей, хорошо знакомых с освещаемой ситуацией.

Обратимся к цепочке следующих предложений: **Итак. В России. Ежегодно. Гибнет. На дорогах – 30 000.** Предшествующий абзац представляет собой утверждение автора о психологической атаке на население с целью отвлечь его от социальных проблем и стремительной криминализации страны. Цепочка приведённых предложений представляет собой вступление к доказательству

высказанного утверждения. Эти и многие другие аналогичные предложенческие структуры возможны и ясны только в данном речевом контексте. Причём ясны они лишь для людей, знакомых с развитием социальной ситуации в России в 90-е годы. Например, предложение *То есть* по содержанию после перечисления всех возможных трагических случаев с летальным исходом, освещаемых в СМИ, воспринимается следующим образом: *‘Иными словами, даже если ничего не случится, в новой России найдут, чем поугаать население, отвлечь его внимание от насущных социальных проблем и сделать равнодушным, безучастным, разрозненным, развивая у него стадное самосознание’*.

Повторяющееся предложение *И. И.*, во-первых, отражает эмоциональное состояние автора, а во-вторых, передаёт конденсированное содержание *‘И вот к чему мы пришли. И вот что мы получили в связи с этим’*.

Вопросительное предложение *И?* передаёт контекстуальное значение: *‘И что же из этого следует?’* Основу содержания предложения *И?*, представленного соединительным союзом, определяет одно из конкретных грамматических значений, характерных при сочинении предложений, соединяемых этим союзом. Отношения – соединительные, но возможно несколько грамматических значений. Это значения одновременности действий, последовательности, причинно-следственные, неожиданного результата или быстрой смены событий, а также противительные или уступительные значения. Как видим, довольно наглядное разнообразие значений. И любое из них может составить основу содержания конденсированного предложения, которое определяется предыдущим и последующим контекстом. Предложение получает сопоставительное содержание :

У нас был тоталитаризм и социализм, были запрещены тупыми и непререкаемыми правителями – демократия, либерализм, права человека, свобода слова, капитализм. И жили мы плохо. А «там» люди жили гораздо лучше, свободнее, богаче, разнообразнее. И?

В данном случае предложенческая вопросительная структура *И?* соотносится с очевидным вопросом: *И что же из этого сопоставления следует?*

Содержание конденсированного предложения **И?** поясняется автором следующим образом: *[И следует из этого то, что] Слова, термины и понятия стали фетишами русской интеллигенции! Демократия, рынок, свобода! Это благо, это хорошо, это правильно.*

Аллюзивный момент в том, что читатель хорошо знаком с описываемой ситуацией и уже реально её оценивает. Он осознаёт, что вместе с тем всё это было настолько ошибочно – для одних и лживо – для других, что стало социально уродливым фарсом. Вместо реальных действий, реального изменения жизни народа к лучшему, была всего лишь шулерская игра в красивые, правильные слова, преследующая личные интересы. Всё вылилось в обман, в очередной способ личного обогащения кучки людей, играющих словами. Подобные предложенческие речевые структуры в системе языка не имеют никакого статуса. Потому что в языке они не освещались даже как гипотетические предложения. Но в конкретной речи функционально это, несомненно, предложенческие структуры. Они ситуативно содержательны. Их предложенческий статус определяется только в речи, т. е. в той сфере, в которой они порождены и функционируют. Квалифицируются они по уже упоминаемой формуле:

сфера употребления → функции → речевой статус
(речь) (на основании контекста)

Однако вернёмся к речи М. Веллера (с. 133):

Русский писатель – / совесть нации / и мозг интеллигенции. // Авангард интеллигенции. // Поэт в России / больше, / чем поэт. // Где, / укажите нам, / отечества отцы, / которых мы должны принять / за образцы? // Не эти ли, / невежеством богаты?! ///

Первый поэт СССР Евгений Евтушенко. // Свалил к чёрту в США / на заработки. // Лекции читать // тамошним славистам. // Знаменитый коммунистический драматург Шатров. // В Америку! // Продолжательница традиций «красного графа» Алексея Толстого однофамильная писательница-внучка. // В Америку! // Десять лет с правом переписки. // И никто из

эмигрантов проклятого брежневизма, // заметьте, // не поторопился вернуться / на свободную родину! // В гости, / в отпуск, / на смотрины – // пожалуйста, / а так – // нет... // Ага. ///

Здесь 35 синтагм и 16 предложений. Все отмеченные жирным шрифтом предложения структурно каждое соответствует одной синтагме. Но эти синтагмы графически оформлены в качестве предложений. Потому что каждая такая синтагма выполняет функцию предложения. В речи синтагма всегда однозначна. В связи с этим все отмеченные предложения однозначны, как формулы. По авторскому замыслу, а скорее авторской интуиции, содержание каждого из них – вне какого-либо сомнения. Они представлены как истины, которые невозможно опровергнуть по причине их очевидности. Однозначные факты, аксиомы. Абсолютное соответствие действительности. Автором использованы предложения минимальной структуры, а эффект от их недосказанности максимальный. Все они как выстрелы. Подготовленному, сведущему читателю они дают простор для мышления и ассоциаций, способствуют динамизму речи, эмоциональной оценке происшедшего. Вспомним при этом, что стремление к эмоциональности и экспрессивности – одна из основных тенденций, объективно действующих в речи.

Конечная предложенческая структура *Ага*, имеющая междометную природу, передаёт контекстуальное содержание: *‘Ага, не такие мы дураки, чтобы это делать’*. В нём с сарказмом представлено конденсированное выражение жизненного опыта, позиции и социального приспособленчества тех людей, которые говорят о себе как об интеллектуальной элите общества, но на самом деле являются обычными ушлыми прохвостами: *В гости, в отпуск, на смотрины, подзаработать, чем-то поживиться – пожалуйста, а так – нет... Ага (= мы не дураки!)*.

На материале речевых структур Михаила Веллера мы видим, что у него не синтагмы ориентируются на структуру и развёрнутое содержание предложений, а, наоборот, предложения для убедительности передаваемого содержания ориентируются на структуру **однозначных синтагм**. В результате этого

достигается высокая степень однозначности речи и её убедительность. Используются не только логические, но и речевые, структурные средства аргументации. Это максимально связывает речевые структуры с отражаемой ситуацией, усиливает коннотативную оценку ситуации при адекватном восприятию речи.

Синтагма часто выполняет функцию предложения. Причём часто оно имеет такие конденсированные формы, которые в отдельности не могут претендовать ни на статус предложения, ни на его главное грамматическое значение – предикативность. Но в речи, каждая из них коммуникативна и, безусловно, выполняет функцию предложения, а значит, имеет его статус и значение предикативности, передаваемое окружающим контекстом. В контексте их речевая форма и содержание воспринимаются читателем без особых затруднений. В речи это такие же естественные и закономерные предложенческие структуры, как и ответная реплика из приводимого ранее диалога: – *Ты будешь пить чай с сахаром или без сахара?* – *Без.* Данные речевые структуры свидетельствуют о том, что конденсированные предложения в форме одной синтагмы возможны не только в диалоге, но и в монологе.

5.3. Порядок слов в предложении в свете синтагматической теории речи

Синтаксистами часто обсуждается вопрос о порядке слов в предложении. В учебниках и учебных пособиях по синтаксису он обычно выносится в виде самостоятельных глав. Их авторы объясняют это тем, что “порядок слов в русском языке играет важную роль и в организации словосочетания, и в строении предикативной конструкции, предложения, высказывания, поэтому имеет смысл рассмотреть его в самостоятельной главе” [312, с. 124]. Но предикативная конструкция, о которой в данном случае говорит автор, часто может иметь в речи

форму словосочетания или даже отдельного слова, а её предикативность может передаваться контекстуально.

При обращении к связной речи становится очевидным факт, что вовсе не форма, а функция определяет лингвистический статус той или иной структуры. Ср.: *Шёпот, робкое дыханье, Трели соловья, Серебро и колыханье Сонного ручья*. Перед нами четыре предикативные единицы, хотя в отдельности формы у них не совсем предикативные. Их статус определяется контекстом, подтверждается сферой речи. Так что оппозиция “словосочетание – предложение”, о которой говорит О. Б. Сиротинина безотносительно к сферам языка и речи, в отрыве от функций рассматриваемых структур, на наш взгляд, не совсем корректна, потому что автором не учитывается функция конкретной структуры, рассматриваемой в отрыве от сферы её функционирования и реального лингвистического бытия.

Лингвистические единицы могут быть языковые, метаязыковые и речевые. Говорить о каждой из них (особенно о речевой единице) следует с учётом её сферы, назначения и конкретных функций. Кроме того, речевая единица индивидуальна. Поэтому несколько странным выглядит разговор о речевой единице без учёта всех этих факторов. О. Б. Сиротинина отмечает, что порядок слов может выполнять три функции: 1) коммуникативную (при выражении актуального членения и степени коммуникативной значимости слова); 2) грамматическую (при выражении синтаксической организации предикативной конструкции, обособлении ряда членов, парцелляции, сегментации); 3) стилистическую (в экспрессивных высказываниях, при их стилистической окраске) [с. 124].

Порядок исходных речевых компонентов (не будем спешить квалифицировать их **словами**) при их наращении в речи выполняет в качестве основной логико-смысловую функцию. Этим и обусловлена актуальность данного вопроса.

Любая речь появляется с целью передачи конкретного содержания. Порядок наращения исходных речевых единиц в ней всецело подчинён этой задаче. Если бы разговор шёл о синтаксической единице как метаязыковой структуре, то, естественно, можно было бы априори говорить о порядке сочетающихся в ней

слов, но когда рассматривают предложение как конкретную речевую единицу, то говорить о порядке слов в нём вряд ли уместно и правомерно.

Во-первых, как мы уже выяснили, не из отдельных слов как обобщённых единиц словарной системы языка составляются структура и содержание предложения. Во-вторых, порядок *компонентов* в нём зависит от коммуникативной цели, он соотносится со стилем и жанром, ритмом, интонационным фоном, коннотативными показателями, с ситуацией общения, речевым окружением, т. е. с тем, **что не входит в функции отдельных слов**. Наконец, слова в предложении хотя и пишутся с пробелами, но представлены не в отдельности, не сами по себе, а комплексно, в синтагмах, о чём убедительно свидетельствует интонационная их делимитация в устном общении, когда речь членится её субъектом не на слова, а на структурно-смысловые группы с единым ситуативным значением. Вырывать отдельные слова из таких групп и говорить о порядке их в предложении совершенно неуместно и неубедительно.

Слово как знаменательная обобщённая единица языка и предложение как коммуникативная единица речи непосредственно между собой не соотносятся. Они контактируют только через синтагму как минимальную, исходную единицу речевой деятельности. Можно говорить о месте слов в синтагме и месте синтагм в предложении. Место слов в синтагме обусловлено внутрисинтагмными факторами, а место синтагм в предложении определяется их структурно-смысловыми контактами между собой, логикой и последовательностью передаваемого содержания.

Так как исходными единицами предложения являются синтагмы (а не слова), то и говорить нужно именно о порядке синтагм в нём. Если, рассматривая порядок слов в речи, решать этот вопрос не на основании предложений типа *Мама мыла раму*, а с привлечением более сложных предложенческих структур, то легко обнаружить, что не всё так просто, как это представляется в соответствующих разделах учебников и учебных пособий.

Обратимся к предложению, обозначим его синтагматическую структуру и укажем количество и порядок его синтагм:

Все они (1), / ещё совсем юные (2), / беззаботные (3), / со счастливыми лицами (4), // размеренно качаясь (5) / и азартно размахивая руками (6), / пели какую-то весёлую песню (7).

В нём семь синтагм. Отдельные слова как компоненты синтагм принадлежат только своей синтагме. Ни одно из них нельзя оторвать от его синтагмы и перенести в какое-либо другое место. Чтобы речь о порядке исходных единиц данного предложения соответствовала реальности, нужно говорить о синтагмах, так как именно они стали исходными речевыми компонентами порождения его структуры и содержания, непосредственно из них оно составлено.

Первая синтагма состоит из двух слов (*все* и *они*). Их порядок (*все они* или *они все*) никак не соотносится с другими словами и синтагмами. Он относится к внутрисинтагмному уровню. Место этой синтагмы в структуре предложения зависит от развития передаваемого содержания, а также тех синтагм, с которыми она непосредственно связана.

Вторая, третья и четвёртая синтагмы являются однородными; они определяют первую синтагму. По отношению друг к другу они, контактируя, могут располагаться в любом порядке, а по отношению к определяемой синтагме могут находиться в постпозиции или препозиции.

Главная синтагма может находиться в интерпозиции определяемого её ряда синтагм. Но при этом не должно быть нарушений целостности каждой из них как нерасчленённой (недифференцированной) структурно-смысловой единицы. Для наглядности приведём некоторые из возможных вариантов их расположения:

Ещё совсем юные, / беззаботные, / со счастливыми лицами, / все они...

Ещё совсем юные, / все они, / беззаботные, / со счастливыми лицами...

Со счастливыми лицами, / ещё совсем юные, / беззаботные, / все они...

Все они, / беззаботные, / ещё совсем юные, / со счастливыми лицами...

Аналогичная ситуация и с остальными синтагмами. Порядок следования пятой (*размеренно качаясь*) и шестой синтагм (*азартно размахивая руками*) можно изменить – и по отношению друг к другу, и по отношению их к последней синтагме (*пели какую-то весёлую песню*), которой они грамматически подчинены.

Возможны также варианты с дистантным расположением синтаксически связанных синтагм. Ср.:

Все они, / размеренно качаясь / и азартно размахивая руками, // ещё совсем юные, / беззаботные, / со счастливыми лицами, // пели какую-то весёлую песню.

Все они, / размеренно качаясь / и азартно размахивая руками, // пели какую-то весёлую песню – /// ещё совсем юные, / беззаботные, / со счастливыми лицами.

Как видим, ни одно слово в предложении, относящееся к конкретной синтагме, нельзя от неё оторвать и перенести в иное место или в другую синтагму. Поэтому любой разговор о **порядке слов** в этом предложении вызывает естественные сомнения относительно своей корректности и уместности. Очевидно, что вовсе не слова стали исходными единицами его организации.

Но может, такая ситуация характерна лишь для данного предложения? Рассмотрим ещё одно:

Психическое состояние спортсмена, / участвующего в своём первом соревновании, / является естественным состоянием человека, / желающего проверить свои возможности и способности.

В этом (тоже простом) предложении четыре синтагмы. В результате их последовательного наращения составлены его структура и содержание (S):

1	2	3	4
<i>S = Психическое</i>	<i>+</i>	<i>участвующего</i>	<i>+</i>
<i>состояние</i>		<i>в своём первом</i>	
<i>спортсмена</i>		<i>соревновании</i>	
		<i>является</i>	<i>+</i>
		<i>естественным</i>	<i>желающего</i>
		<i>состоянием</i>	<i>проверить свои</i>
		<i>человека</i>	<i>возможности</i>
			<i>и способности</i>

Как видим, каждое слово здесь закреплено в своей синтагме и не имеет никакого самостоятельного отношения ни к структуре, ни к содержанию предложения в целом. Функции слов исчерпываются исключительно на уровне своей синтагмы.

Предложение составлено из единых лексических блоков – синтагм – с конкретным, ситуативным содержанием. Слова – компоненты этих синтагм. Если бы предложение формировалось при помощи отдельных слов, распространяющих некую абстрактную схему, то на их уровне оно и воспринималось бы читателями.

Однако воспринимается оно на уровне синтагм и их значений. Нет никаких оснований говорить о порядке слов в этом предложении.

Кроме того, если бы предложение представляло собой последовательную цепочку самостоятельных слов, то у каждого появляющегося в данной цепи слова с обеих сторон должна была бы быть синтаксическая и смысловая связь. Но этого очень часто не бывает, что свидетельствует о том, что слова входят в предложение не в отдельности, а как-то иначе, а именно в синтагмах – в лексических группах, представляющих собой структурное, смысловое и интонационное единство.

Восстанавливая интонацию и тем самым разграничивая синтагмы паузами, которые определил автор, читатель осознаёт авторское значение каждой из них. Это способствует точному пониманию предложения. Только разграничив и осознав значение всех синтагм, можно понять их общее содержание. Таким образом, разграничивая исходные структурно-смысловые единицы предложения, интонация выступает для автора в качестве способа интерпретации передаваемого содержания, а для читателя – как средство его идентификации.

Естественно, что если предложение сформировано из синтагм и на их основе оно воспринимается, то и говорить нужно о порядке синтагм в нём, так как именно они являются его исходными минимальными структурно-содержательными компонентами. В рассматриваемом предложении, как и в предыдущем, ни одно слово не является его самостоятельной единицей: все они вошли в предложение в структуре своих синтагм (или в качестве самостоятельной однокомпонентной синтагмы). Так что говорить об их порядке в предложении – значит не видеть его реальной структуры. Порядок синтагм в нём изменить нельзя, что обусловлено характером его содержания, типом сказуемого, а также синтаксическими отношениями между синтагмами.

Родным языком каждый человек обычно пользуется автоматически, и синтагмы в его речи появляются мгновенно, на основе его лингвистического развития, а также сформированных и доведённых до автоматизма речевых умений и навыков. Они появляются в сознании в процессе речи спонтанно, в результате

естественной психоречевой реакции на актуальное содержание, как индивидуальное лингвистическое отражение мира в одномерных цельных смысловых фрагментах.

Сознательно синтагмы строятся только при использовании чужого языка, которым человек владеет в недостаточном объёме, или родного – когда человек испытывает психологический дискомфорт. Каждый фрагмент воспринимается им комплексно (что находит отражение в единстве сочетающихся в синтагме слов), а не в минимальных его составляющих (т. е. не на основе значений отдельных слов).

Так в процессе речи в сознании возникают лексические объединения как исходные минимальные речевые компоненты. Минимальность понимается в данном случае и структурно, и содержательно. Синтагма всегда одномерна, т. е. представляет единый компонент структуры и один компонент значения. Как возникают в сознании слова языка, являющиеся обобщёнными наименованиями понятий и реалий окружающего мира, точно так автоматически возникают в нём в процессе речи и синтагмы как единые минимальные речевые единицы, отражающие однозначные фрагменты актуальной речевой ситуации. Они характеризуются конкретностью структуры и ситуативным характером содержания.

В устном общении синтагмы соотносятся с полным сообщением, в которое входят, а в письменном – со своим текстом и своим предложением.

Теперь обратимся к примеру из научной речи:

(1) Если не разграничивать языковые и речевые единицы, / вопрос исходной структуры порождения речи / ещё долго / останется дискуссионным.

Очевидно, что его синтагматическую структуру составляют четыре синтагмы, разделяемые паузами:

- 1) *Если не разграничивать языковые и речевые единицы;*
- 2) *вопрос исходной структуры порождения речи;*
- 3) *ещё долго;*
- 4) *останется дискуссионным.*

Первая синтагма выполняет в предложении функцию отдельной предикативной единицы. Изменение порядка слов в ней (можно поменять местами слова *языковые* и *речевые*) – вопрос внутрисинтагмный, он не связан с остальными синтагмами или их компонентами. Не связан он и с предложением в целом. Внутрь этой синтагмы нельзя включить ни одну из оставшихся синтагм, не говоря уже об отдельных словах в их составе. Они все принадлежат только своей синтагме. Она объединяет в один структурно-смысловой компонент семь слов, но при этом остаётся непроницаемой структурой для других синтагм и их слов.

Вторая синтагма также характеризуется единством структуры и содержания. Перестановка компонентов в ней невозможна. Обе они непроницаемы по отношению одна к другой. Но можно изменить порядок их следования:

Если не разграничивать языковые и речевые единицы, / вопрос исходной структуры порождения речи... или

Вопрос исходной структуры порождения речи, / если не разграничивать языковые и речевые единицы...

Вполне естественно выделение третьей синтагмы со значением неопределённого, но длительного периода времени (*ещё долго*). Это важный в смысловом отношении фрагмент, поэтому он выделяется паузами в отдельную синтагму. В ней объединены два слова, порядок которых можно изменить. Её структурно-смысловая самостоятельность, помимо пауз, подчёркивается тем, что она может занимать любое место в ряду четырёх синтагм предложения.

Четвёртая синтагма имеет значение состояния, она завершает формирование вывода, сделанного на основании конкретного условия. Она связана со второй и третьей синтагмами и тоже может занимать любое место в общем ряду синтагм. Так что в данном предложении возможны различные варианты порядка синтагм. Вот некоторые из них:

(2) *Если не разграничивать языковые и речевые единицы, / вопрос исходной структуры порождения речи / останется дискуссионным / ещё долго.*

(3) *Если не разграничивать языковые и речевые единицы, / ещё долго / останется дискуссионным / вопрос исходной структуры порождения речи.*

(4) Если не разграничивать языковые и речевые единицы, / останется дискуссионным / ещё долго / вопрос исходной структуры порождения речи.

(5) Ещё долго / останется дискуссионным / вопрос исходной структуры порождения речи, / если не разграничивать языковые и речевые единицы.

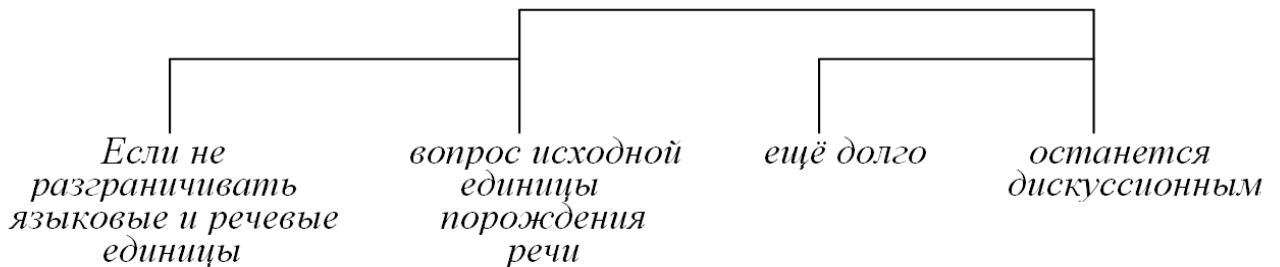
(6) Ещё долго / вопрос исходной структуры порождения речи, / останется дискуссионным / если не разграничивать языковые и речевые единицы.

(7) Вопрос исходной структуры порождения речи, / если не разграничивать языковые и речевые единицы, / ещё долго / останется дискуссионным.

(8) Вопрос исходной структуры порождения речи, / ещё долго / останется дискуссионным, / если не разграничивать языковые и речевые единицы.

(9) Вопрос исходной структуры порождения речи / останется дискуссионным / ещё долго, / если не разграничивать языковые и речевые единицы.

Возможны и другие варианты. Но все они связаны не с порядком слов, а с порядком синтагм. Межсинтагмные грамматические и смысловые связи синтагм в предложении (1), можно отразить следующим образом:

Как видим на схеме, непосредственными реальными компонентами данного предложения являются не отдельные слова, а конкретные структурно-смысловые блоки слов с единым ситуативным значением – синтагмы. Каждая из четырёх синтагм предложения может находиться на любой из четырёх их позиций. Но ни одно слово нельзя изъять из его синтагмы и перенести в какую-либо другую синтагму. Рассмотрим ещё одно предложение:

Давно уже все ребята, которые играли здесь в футбол, разошлись по домам.

В нём четыре синтагмы – одна четырёхкомпонентная и три двухкомпонентные:

Давно уже / все ребята, / которые играли здесь в футбол, / разошлись по домам.

Первая синтагма (*Давно уже*) состоит из наречия *давно* со значением неопределённого времени и относящейся к нему частицы *уже*. Совместно они представляют лексическое единство, в котором частица усиливает смысловую значимость первого компонента. Компоненты в этой синтагме могут находиться в любой последовательности: *Давно уже* или *Уже давно*.

Вторая синтагма (*все ребята*) указывает на действующих лиц и подчёркивает полноту их состава. Предпочтительный порядок компонентов в ней с препозитивным определением.

Третья синтагма (*которые играли здесь в футбол*) определяет вторую. Для них характерно то, что они должны располагаться только в том варианте, который здесь представлен: во-первых, должны контактировать, во-вторых, третья синтагма в любом случае должна находиться в постпозиции ко второй.

Порядок компонентов в третьей синтагме может варьироваться: *которые играли здесь в футбол – которые здесь играли в футбол – которые играли в футбол здесь – которые в футбол играли здесь*.

Четвёртая синтагма (*разошлись по домам*) представляет сочетание слов со значением действия (движения) и конечного места его направления. Их последовательность может быть изменена.

Порядок синтагм в предложении может варьироваться. Ср.:

Давно уже / все ребята, / которые играли здесь в футбол, / разошлись по домам.

Все ребята, / которые играли здесь в футбол, / давно уже / разошлись по домам.

Давно уже / разошлись по домам / все ребята, / которые играли здесь в футбол.

Таким образом, порядок синтагм в этом предложении, как и порядок слов или словоформ в синтагмах, тоже может варьироваться, привнося при этом некоторые смысловые или стилистические нюансы, однако перенесение слов из одной синтагмы в другую невозможно. Поэтому можно говорить о порядке слов в синтагмах, о порядке синтагм в предложении, но нельзя говорить о порядке слов в предложении, так как слово является непосредственным компонентом синтагмы, а не предложения.

В отличие от концепции построения предложений из словосочетаний, в которых часто повторяются отдельные слова, **ни одно слово конкретной синтагмы не входит и не может входить ещё в какую-либо синтагму, что указывает на их отдельность, самостоятельность и реальность как исходных речевых единиц.** Изменение порядка синтагм в предложении возможно, но при этом должны сохраняться их межсинтагмные связи и не должна нарушаться структура синтагм.

Нередко можно обнаружить, что какое-то слово в предложении выступает как самостоятельная единица, что не должно никого вводить в заблуждение относительно его статуса. В этом случае оно становится однокомпонентной синтагмой, что подтверждается его связями и отношениями с другими синтагмами, а также паузами, с помощью которых все синтагмы, в том числе и данное слово, интонационно выделяются в речи. Между словами в синтагме пауза невозможна: она разрушит синтагму.

Теперь обратимся к тексту: расчленим его на синтагмы, укажем границы между ними и продолжительность пауз (количеством линий). Выясним, насколько уместен разговор о порядке слов применительно к предложениям конкретного текста.

История появления многих одномерных единиц измерения / весьма интересна. /// В далёком прошлом / практические потребности пастушества, / земледелия / и различных лесных промыслов / сделали актуальным / измерение длин и расстояний. /// Развитие землемерной практики / привело к измерению площадей и углов, // а развитие строительства и производства – // к измерению

объёмов и ёмкостей. /// Так абстрактная геометрическая наука, / отражая логику развития практики, / продвигалась от линии и плоскости / к объёму. /// Одно измерение / сочеталось с другим, // в результате чего / в классической евклидовой геометрии / измерение линии / оказалось однонаправленным, // плоскости – // двунаправленным, / а объёма – // трёхнаправленным. /// И все эти параметры – // длина, / площадь / и объём – // имели свои одномерные единицы измерения.

Каждое из его шести предложений имеет синтагматическую основу: все они составлены из синтагм и с их помощью воспринимаются. Используются в них и однословные синтагмы. Но о порядке слов в данном тексте можно говорить лишь применительно к конкретным синтагмам, не выходя за их границы. Так что вполне очевидно, что функции отдельных слов и их порядок исчерпываются на синтагматическом уровне.

В первом предложении две синтагмы. Их можно поменять местами. Такая же ситуация во втором предложении: изменение порядка его синтагм как самостоятельных его компонентов вполне возможно. А вот порядок синтагм в третьем предложении в связи с причинно-следственным характером передаваемого ими содержания, обусловленный временной последовательностью и обязательной постпозицией следствия (*развитие землемерной практики / привело к... // а развитие строительства и производства – / к...*), изменить нельзя.

Что касается выделенных паузами отдельных слов в предложениях текста (например, в двух последних), то очевидно, что разговор о них как о словах, об их самостоятельности и порядке в предложении неуместен. Они выполняют функцию самостоятельных однокомпонентных синтагм. И поэтому в качестве речевых единиц должны квалифицироваться только как синтагмы.

Таким образом, порядок слов и его изменение уместно рассматривать в синтагмах, а применительно к предложениям целесообразно говорить о порядке синтагм в них, как об исходных структурно-смысловых компонентах.

В предложении порядок следования синтагм при их наращении может меняться. Но такое изменение не должно приводить к нарушению логики содержания, временной последовательности фактов и ритма повествования.

5.4. Синтагма и члены предложения

Опираясь на метод синтагматического анализа, относительно членов предложения как единиц его членения, можно сказать: если слова вошли в предложение в качестве компонентов синтагм, они не могут иметь в нём самостоятельного статуса и выступать в качестве отдельных его членов, так как каждое из них является неотъемлемой частью своей синтагмы. А синтагмы – минимальные исходные речевые компоненты предложения. Существующее в настоящее время в науке расчленение предложенческих структур по членам предложения весьма условно, оно противоречит природе порождения речи и ведёт к разрушению синтагм, т. е. к разрушению реальной структуры предложения как составной единицы речи. Обратимся к следующему предложению:

Каждой весной, / во время буйного цветения деревьев, / в нашем старом вишнёвом саду / просто сказочно / от белизны и благоухания цветов.

В нём пять синтагм, все они имеют наречное значение (времени – времени – места – состояния ситуации – причины, или основания). Обращает на себя внимание то, что первая синтагма представлена словом, которое квалифицируется в качестве наречия (*весной*), но у которого, как ни странно, есть определение, а третья – словоформой существительного в обстоятельственном (наречном) значении (*в саду*) и тремя определяющими её компонентами. Нужно быть весьма изобретательным, чтобы объяснить наличие определения у обстоятельства, выраженного наречием *весной*, или аргументировать статус “членов предложения”, выраженных словоформами *каждой, буйного, цветения, деревьев, нашем, старом, вишнёвом, белизны, цветов*. Все такие объяснения вызовут естественные сомнения относительно их адекватности и соответствия научной

истине. Очевидно, что данное предложение сформировано вовсе не из членов предложения (т. е. не из отдельных слов), а из синтагм как единых структурно-смысловых компонентов с ситуативным значением. Отдельные слова и словоформы выступают здесь как структурно-смысловые члены своих синтагм. Они не отличаются самостоятельностью в структуре предложения. Их грамматический статус и все грамматические признаки должны рассматриваться на уровне синтагм, в которые входит каждое из них.

1	+	2	+	3	+	4	+	5
<i>Каждой</i>		<i>во время</i>		<i>в нашем</i>		<i>просто</i>		<i>от белизны</i>
<i>весной</i>		<i>буйного</i>		<i>старом</i>		<i>сказочно</i>		<i>и благоухания</i>
		<i>цветения</i>		<i>вишнёвом</i>				<i>цветов</i>
		<i>деревьев</i>		<i>саду</i>				

Как видим, вовсе не отдельные слова и не словосочетания, а именно синтагмы (одномерные по структуре и содержанию лексические блоки) являются минимальными конструктивными и содержательными компонентами предложения. Предложение появилось в результате последовательного наращения пяти синтагм, разделяемых паузами, а его содержание сложилось из их значений.

На наш взгляд, даже этого примера достаточно, чтобы убедиться в том, что разговор о самостоятельности слова в речи представляется неубедительным. Слова в отдельности непосредственно выступают в качестве членов синтагм, а не самостоятельных компонентов предложения. Квалификация их в качестве отдельных единиц предложения вызывает сомнения относительно её правомерности.

Кроме того, несложно увидеть, что в предложении разный характер синтаксических связей. В пределах одной синтагмы её слова связаны внутрисинтагмной связью как единые её компоненты, в то время как ключевые слова разных синтагм (они выделены жирным шрифтом) связаны межсинтагмной связью, которая на основе этих слов объединяет синтагмы в единое предложение,

Переставлять слова из одной синтагмы в другую недопустимо. Но поменять местами синтагмы в предложении вполне возможно. Главное, чтобы при этом не нарушались ни межсинтагмные связи, ни структура синтагм, ни отношения между ними.

Традиционная теория членов предложения даёт развёрнутое описание главных и второстепенных его компонентов. Господствующая нынче структурно-семантическая теория утверждает, что предложение строится на основе соответствующей абстрактной структурной схемы путём её распространения с помощью отдельных лексических распространителей, в результате чего слова выступают в качестве закономерных членов предложения.

Такая интерпретация построения предложения приводит к мысли о том, что именно эти лексические распространители и являются членами предложения. Но насколько она соответствует действительности и речевой деятельности, как она соотносится с реальными исходными единицами порождения предложения?

Примечательно, что приверженцы этой теории согласны с тем, что содержание речи воспринимается не на уровне слов, а содержание каждого предложения вовсе не определяется естественной суммой значений всех входящих в него слов как самостоятельных номинативных единиц словарной системы языка. Возникает странная ситуация: с одной стороны, утверждается, что предложения строятся из отдельных лексических распространителей, с другой же – признаётся, что содержание полученной структуры формируется не из значений отдельных слов, да и воспринимается предложение не на уровне слов. И такая ситуация закономерна, потому что, прежде чем говорить о предложении, его членах или порядке слов в нём, целесообразно выяснить следующее:

- 1) как порождается речь в целом,

2) когда в ней появляются предложения – в устной форме, в письменной или в обеих формах,

3) каково их назначение в речи,

4) как они появляются – **строятся** в речи или **выделяются** (при наращении исходных речевых единиц) с целью разграничения самостоятельных мыслей.

Синтагматическая теория речи, отражая реальный процесс речепорождения, утверждает, что речь в целом и предложения как её единицы в частности состояются не из **отдельных слов** или **словосочетаний**, подвергающихся к тому же различным деформациям, усечениям, конденсациям. Она составляется в результате последовательного линейного наращения **синтагм**, единых структурно-смысловых лексических комплексов, спонтанно возникающих в сознании субъекта речи, для отражения фрагментов конкретной ситуации.

Синтагматический анализ предложения и выделение в нём его реальных структурно-смысловых компонентов вполне подтверждает это утверждение. Текст и каждое его предложение имеют индивидуальную синтагматическую структуру, которую определил им автор и на основании которой они воспринимаются читателями. Эти компоненты в полной мере соответствуют тем минимальным речевым структурам, которые в устной речи выделяются в результате авторской делимитации и на основании которых воспринимается содержание речи.

Естественно, что подлинными единицами восприятия предложения могут быть только те структуры, из которых оно непосредственно составлено, т. е. синтагмы. Выделять в реальных исходных компонентах предложения какие-то меньшие единицы (отдельные слова), наделяя их статусом членов предложения, некорректно и неправомерно, ибо они принадлежность не предложения, а его синтагм. Обычно синтагмы включают в себя несколько “членов предложения”. Между ними и традиционно выделяемыми членами предложения, как, впрочем, и новой их квалификацией в духе Л. Теньера, нет ничего общего.

Учение о членах предложения вступает в противоречие с реальным процессом порождения речи. Оно не соответствует её реальной структуре. При

смешении сфер языка и речи ничего другого и не могло появиться. Несомненно, что предложение основано на материале конкретного языка, как несомненно и то, что непосредственно составлено оно из минимальных **речевых** единиц.

Ситуация, когда группа слов (синтагма) выступает в качестве единого структурно-смыслового компонента предложения, — обычное явление для распространённого предложения. Но в этих группах начинают вдруг находить и объединять в одно целое слова, связанные не только внутрисинтагмной, но и межсинтагмной связью, не разграничивая их, не принимая во внимание того, что межсинтагмная связь вторична и объединяет она не отдельные слова, а структурно-смысловые группы слов. Становится очевидным, что вопросы соотношения членов предложения и его синтагматической структуры, а также утверждение, согласно которому предложения строятся путём реализации той или иной структурной схемы путём распространения её лексическими распространителями, нуждаются в дальнейшем исследовании и научной корректировке.

Основа речи — синтагматическая, в связи с чем отождествлять синтагму с “лексическим распространителем”, т. е. с отдельным словом, неправомерно. Такое утверждение, пожалуй, могло бы соответствовать какой-то отдельной речевой игре, но сводить речевую деятельность народа и все результаты его творческого мышления, к схемам и их поэтапному словесному распространению вряд ли уместно.

Подобные действия воспринимаются как перепланировка реальной структуры предложения изнутри без учёта её происхождения и её исходных единиц. Поэтому они вызывают естественное сомнение относительно своей правомерности.

С позиций синтагматической теории предложение как реальная речевая единица состоит вовсе не из виртуальных членов, не из актантов, ситуантов или детерминантов, а из синтагм как предельных структурно-смысловых речевых его компонентов с чёткими границами и единым содержанием. Именно синтагмы, а не мифические члены предложения разграничиваются в живой устной речи

паузами, в результате чего слушателями мгновенно осознаётся значение каждой из них и общее содержание речи.

Некоторые представители современной теории членов предложения, чувствуя нестыковки в своей концепции, касающиеся синтаксических связей и отношений между компонентами предложения, стали выделять в качестве членов предложения различные детерминанты, относящиеся к предложению в целом [147; 312]. Однако каждый такой детерминант в реальности часто является самостоятельной синтагмой, которая грамматически непосредственно связана не со всем предложением, а с одной или двумя его синтагмами, в результате чего у неё возникает опосредованная смысловая связь с остальными его структурами. Ср.:

***Вместе с другом** они разработали несколько специальных маршрутов для наиболее безопасного перехода из одного сектора в другой.*

Компонент ***Вместе с другом*** квалифицируется сторонниками современной концепции членов предложения как детерминант с характеризующим значением, который непосредственно связан со всем предложением [147, с. 186]. Дескать, здесь передаётся качественная характеристика основного действия. Такая квалификация не убеждает, ибо вполне очевидно, что данное предложение состоит из четырёх синтагм, между которыми существует последовательная грамматическая и смысловая связь:

***Вместе с другом** / они разработали несколько специальных маршрутов / для наиболее безопасного перехода / из одного сектора в другой.*

Первая синтагма (***Вместе с другом***) синтаксически связана не со всем предложением, как это утверждается, а только со второй синтагмой (***Вместе с другом** + они разработали несколько специальных маршрутов*). И это вполне очевидно.

Вторая синтагма связана в свою очередь с третьей (*они **разработали** несколько специальных маршрутов + для наиболее безопасного **перехода***), которая не имеет грамматической связи с первой (с так называемым “детерминантом”), но она не связана с четвёртой. На первый взгляд, вторую синтагму можно расчленить на две самостоятельных. Ср.:

Вместе с другом / они разработали / несколько специальных маршрутов...

При декодировании и восприятии этой синтагмы пауза в ней, действительно, вроде бы возможна. Однако задача читателя – рассмотреть все варианты синтагматической структуры и остановиться на том, который позволяет понять содержание предложения адекватно авторскому представлению и его интонации. Предполагал ли здесь паузу автор? Рассмотрим эти варианты:

... они разработали несколько специальных маршрутов ... / или

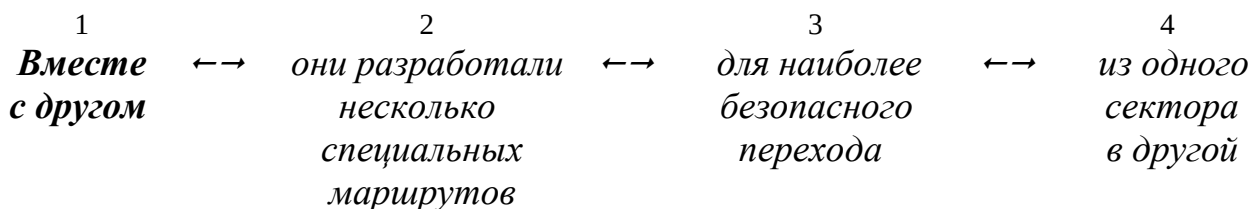
... они разработали / несколько специальных маршрутов.../

Содержание и характер связи третьей синтагмы (*для безопасного перехода*), имеющей целевое значение, даёт основание для выделения предыдущей синтагмы именно в том варианте, который нами представлен: *они разработали несколько специальных маршрутов*.

Вполне очевидно, что синтагма *для наиболее безопасного перехода*, сочетаясь в речи автора с предыдущей синтагмой, является не присловной (*... маршрутов ← для наиболее безопасного перехода*), она относится ко всей синтагме: *... они разработали несколько специальных маршрутов ← для наиболее безопасного перехода*. В данном случае между синтагмами не определительные отношения (*маршрутов – каких?*), а определительно-целевые, или отношения назначения (*разработали несколько маршрутов – для чего? для какой цели?*), что, на наш взгляд, в большей степени соответствует общему содержанию предложения. Именно этот грамматический показатель даёт основание для выделения второй синтагмы в том варианте, который нами представлен.

Третья синтагма связана не только со второй, но и с четвёртой, с которой у неё устанавливаются определительные отношения (*для наиболее безопасного перехода + из одного сектора в другой*).

Иными словами, данное предложение представляет собой цепочку синтагм, в которой непосредственная грамматическая и смысловая связь существует только между контактирующими структурами. Дистантных связей у них нет. Для наглядности отношений между синтагмами данный речевой фрагмент можно отразить следующим образом (стрелками обозначим взаимосвязанные синтагмы):

Между четырьмя выделенными синтагмами предложения существует последовательная цепная межсинтагмная связь, на основании которой возникает опосредованная смысловая связь между теми синтагмами, которые непосредственно между собой не связаны ни грамматически, ни по смыслу.

Так как первый минимальный компонент предложения (***Вместе с другом***) соотносится не со всем предложением, а только со второй синтагмой, с которой он непосредственно связан межсинтагмной грамматической и смысловой связью, то квалификация его как “члена предложения” – “детерминанта”, – относящегося ко всему предложению (в соответствии с упоминаемой концепцией), не имеет никакого обоснования.

Несложно увидеть, что данная квалификация противоречит реальности. Между первой и второй синтагмами установлены грамматические отношения совместности действий:

Вместе с другом / ***они разработали*** несколько специальных маршрутов.

Между второй и третьей синтагмами – отношения цели, назначения, осложнённые определительным значением (***они разработали несколько специальных маршрутов*** / ***для наиболее безопасного перехода***). Через назначение определяется и качество маршрутов.

И наконец, между третьей и четвёртой – определительные отношения (***для наиболее безопасного перехода*** / ***из одного сектора в другой***).

Согласно современной теории членов предложения ***Вместе с другом*** – детерминант, который относится ко всему предложению. Однако синтагматический анализ структуры предложения показывает, что это совершенно не так. Первая синтагма непосредственно не связана ни с третьей, ни с четвёртой. В предложении последовательная синтаксическая связь между его реальными компонентами – синтагмами: первая связана со второй, вторая – с

третьей, третья – с четвёртой. В результате этого возникает опосредованная смысловая связь между всеми синтагмами.

Таким образом, существующие концепции членов предложения – традиционная и современная – разрушают синтагмы в структуре предложения, вырывая из них отдельные слова и словосочетания и наделяя их статусом самостоятельных членов предложения, хотя они не принимали непосредственного участия в его организации и вошли в него в составе своих синтагм, как их неотъемлемые компоненты.

Например, Л. В. Щерба не проявлял особого интереса к традиционному учению о членах предложения, относился к нему несколько скептически, осознавая, что в научном отношении оно не безупречно, ибо речь составляется из фонетически и синтаксически организованных групп слов, а не из отдельных слов [429]. Внутри каждой группы существуют синтаксические и смысловые связи, с их помощью все её лексемы объединяются вокруг её ключевого слова в структурно-смысловой блок. Благодаря межсинтагмным связям эти блоки сочетаются в связную речь.

Любая лингвистическая теория должна подтверждаться речевой практикой народа или, по крайней мере, не противоречить ей. Весьма странно выглядит теория, которой не соответствует речевая деятельность ни одного носителя языка, даже из числа сторонников декларируемой теории.

5.5. Синтагма в структуре сложного предложения

Мы уже убедились в том, что уместно говорить не о поэтапном строительстве структур – простых или сложных предложений и на их основе текста в целом, – а именно о речепорождении с помощью синтагмы как едином процессе.

Речевая единица высшего уровня определяется не количеством в нём предложений или отдельных предикативных частей, а своей функцией, интонационной, смысловой и структурной завершённой. Все составные речевые структуры – предложения, высказывания, тексты – формируются из синтагм как минимальных, однозначных структурно-смысловых речевых единиц.

Ссылаясь на результаты исследований американских психолингвистов, В.З. Демьянков констатирует: “Эксперименты показывают, что речь планируется и реализуется не последовательно, предложение за предложением, а как-то иначе” [129, с. 130], т. е. не на уровне предложений.

Недостаточное осознание сущности речепорождения не исключает наличия сомнений и возражений по тому поводу, что его нынешняя теория вполне соответствует речевой практике народа и научной истине. Человеку, объективно анализирующему особенности процесса порождения личной речи, трудно согласиться с тем, что в основе речевой деятельности народа (и его собственной) лежит последовательное распространение тех или иных структурных схем предложений лексическими распространителями. Ему весьма трудно разделить мысль о том, что его личная речь формируется предложение за предложением в качестве самостоятельных, сознательно воспринимаемых, структурных и содержательных частей, порождающих текст. Частей, имеющих строго определённый объём и чёткие границы. Он-то видит, что такое объяснение не соответствует его речевой практике.

В устной речи категория предложения выпадает из сферы речевой деятельности. Ни говорящий, ни слушатели не фиксируют предложений и границ между ними. Если о фразе, её структуре и содержании субъект речи иногда и вспоминает, то о предложении (особенно сложном предложении) он вообще забывает.

Иными словами, устное общение и взаимопонимание протекают не на уровне предложений и без них. Но они появляются и актуализируются как важнейшие **структуры оформления** при трансформации устной (или внутренней) речи в письменную.

Попытаемся взглянуть на процесс речепорождения на уровне сложных предложений. Как же “иначе” формируется речь и её содержание, о чём говорит Демьянков, если порождается она не из предложений?

Запишем по памяти весьма удачное, на наш взгляд, для рассматриваемого вопроса стихотворение Рудольфа Ольшевского:

*Пока я видеть это небо буду,
И в море плавать, и топтать траву,
Не перестану удивляться чуду –
Случайной тайне той, что я – живу,
Что я причастен к птицам, пчёлам, людям,
И к облаку, и к дереву в селе,
И ко всему, что было, и что будет,
Когда меня не станет на земле,
Что я за век свой, за своё мгновенье,
За жизнь свою земную – на лету
Почувствовал и радость, и сомненье,
И зависть, и восторг, и доброту.
Не перестану удивляться счастьем,
Что есть живое имя у меня,
Что я хожу, дышу, являюсь частью
Воды и камня, глины и огня,
Что я – песчинка, капелька над пеной –
Узнал законы, выучил слова,
По кругу плыл на мельнице Вселенной,
Пока меня не стёрли жернова,
Что вижу я звезду и слышу ветер,
Что шёл тропинкой между двух полей,
Что я участник, и ещё – свидетель
Всего, что в жизни маленькой моей,
Что в этом вихре, в этом мирозданье,*

*Где ни конец не ясен, ни исток,
Оставляю я горячее дыханье,
Как муравей, как птица, как цветок.*

Опираясь на грамматику и содержание фраз, можно утверждать, что данный текст состоит из двух сложных предложений: первое включает три строфы, второе – четыре. Количество простых предикативных единиц в каждом из них однозначно определить нельзя. В зависимости от подхода к квалификации сказуемых (однородные или отдельные предикативные единицы) в первом предложении их может быть от восьми до одиннадцати, во втором – от одиннадцати до восемнадцати. Но вопрос не в их количестве, а в том, что количество предикативных единиц (простых и сложных) и границы между ними в тексте **могут иметь** варианты, которые не оказывают никакого влияния на содержание текста. Так что предложения, в том числе и сложные, это всего лишь субъективные варианты оформления текста. Что же касается синтагматической структуры текста в целом, она моновариантна. Этот вариант установлен автором. Авторское чтение стихотворения позволяет однозначно определиться с его синтагматической структурой и содержанием.

Опираясь на устное чтение стихотворения самим поэтом, которого мы слушали на одной из встреч, отразим авторскую синтагматическую структуру текста стихотворения, отметив границы между синтагмами, длительность пауз между ними, а также границы между фразами.

Пока я видеть / это небо буду, //
И в море плавать, / и топтать траву, //
Не перестану удивляться чуду – //
*Случайной тайне той, / **что** я – живу, ■ //*
***Что** я причастен к птицам, / пчёлам, / людям, //*
И к облаку, / и к дереву в селе, //
И ко всему, / что было, / и что будет, //
Когда меня не станет на земле, ■ //

Что я за век свой, / за своё мгновенье, //
 За жизнь свою земную – / на лету //
 Почувствовал и радость, / и сомнение, //
 И зависть, / и восторг, / и доброту. ■ //
 Не перестану удивляться счастью, //
Что есть живое имя у меня, ■ //
Что я хожу, / дышу, / являюсь частью //
 Воды и камня, / глины и огня, ■ //
Что я – // песчинка, / капелька над пеной – //
 Узнал законы, / выучил слова, //
 По кругу плыл на мельнице Вселенной, //
 Пока меня не стёрли жернова, ■ //
Что вижу я звезду / и слышу ветер, ■ //
Что шёл тропинкой между двух полей, ■ //
Что я участник, / и ещё – свидетель //
 Всего, / что в жизни маленькой моей, ■ //
Что в этом вихре, / в этом мирозданье, //
 Где ни конец не ясен, / ни исток, //
 Оставляю я горячее дыханье, //
 Как муравей, // как птица, // как цветок. ■

Синтагматическая структура этих двух предложений включает 54 синтагмы: 25 – в первом и 29 – во втором. В устном их восприятии можно выделить 10 фраз: первое предложение включает 3 фразы, второе – 7.

Использование в каждом из этих предложений повторяющегося изъяснительного союза **что** (отмечен жирным шрифтом) способствует более тесному грамматическому и смысловому объединению фраз. Бессоюзное их соединение или объединение с помощью сочинительного союза (например, союза **и**) отражало бы те же мысли и чувства, но не отличалось бы столь тесным

грамматическим единством и нарушало бы ритмику стихотворной речи. Ср. экспериментальный вариант:

Пока я видеть / это небо буду, //
 И в море плавать, / и топтать траву, //
 Не перестану удивляться чуду – //
 Случайной тайне той, / **что** я – живу, | //

 Я причастен к птицам, / пчёлам, / людям, //
 И к облаку, / и к дереву в селе, //
 И ко всему, / что было, / и что будет, //
 Когда меня не станет на земле, | //

 Я за век свой, / за своё мгновенье, //
 За жизнь свою земную – / на лету //
 Почувствовал и радость, / и сомненье, //
 И зависть, / и восторг, / и доброту. | //

 Не перестану удивляться счастьем, //
Что есть живое имя у меня, | //

 Я хожу, / дышу, / являюсь частью //
 Воды и камня, / глины и огня, | //

 Я – // песчинка, / капелька над пеной – //
 Узнал законы, / выучил слова, //
 По кругу плыл на мельнице Вселенной, //
 Пока меня не стёрли жернова, | //

 Вижу я звезду / и слышу ветер, | //

 Шёл тропинкой между двух полей, | //

 Я участник, / и ещё – свидетель //

Всего, / что в жизни маленькой моей, / //

И в этом вихре, / в этом мирозданье, //

Где ни конец не ясен, / ни исток, //

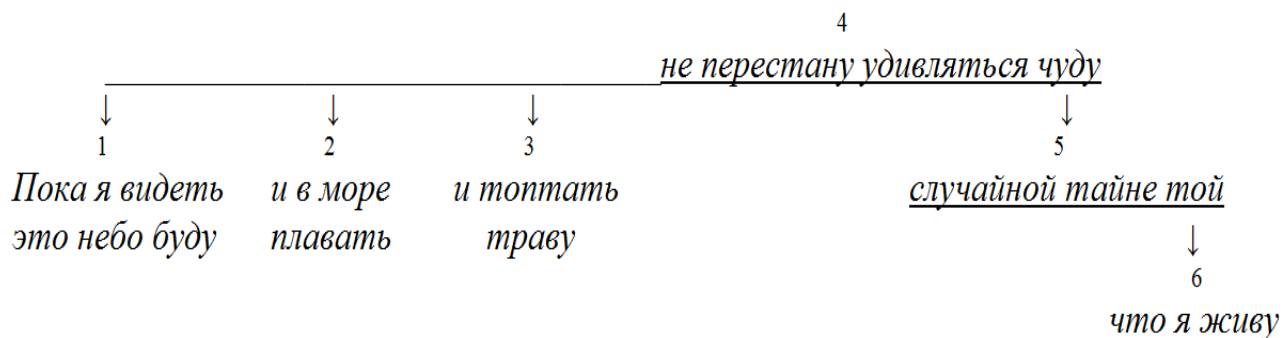
Оставлю я горячее дыханье, //

Как муравей, // как птица, // как цветок. /

В данном варианте союз **что** или опущен, или заменён союзом **и** (в последней строфе). Никаких иных изменений в нём нет. Этот вариант стал основанием для выделения здесь именно 10 фраз.

Примечательно, что количество предложений и границы между ними здесь можно изменить. Например, каждую строфу можно представить в виде самостоятельного сложного предложения, что никак не влияет на общее содержание текста. Но границы между синтагмами изменить нельзя, так как это приведёт к деформации содержания и его нюансов.

Отразим связь синтагм в первой строфе:

Из схемы видно, что именно синтагмы образуют данную речь. Они связаны между собой как единые, целостные структурно-смысловые блоки. В устной речи они выливаются во фразы и полное сообщение, которые в письменной форме трансформируются в предложения и текст. Поэтому данное сложное предложение интонационно тоже членится **не на отдельные слова, не на словосочетания** или **простые предикативные единицы**, а **на синтагмы**, из которых оно реально построено.

В форме одного сложного предложения представлен текст известного стихотворения М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...», состоящего из четырёх строф. Анализ его синтагматической структуры подтверждает наши выводы.

Нынешняя лингвистическая наука не изучает синтагмы ни в школе, ни в вузе. Она изучает словосочетания, предложения – простые и сложные, придаточные предикативные единицы, члены предложения, хотя вовсе не из предложений порождается речь, и не из членов предложения составляются предложенческие структуры.

Предложенческие структуры – это способ её письменного оформления и представления, содействующий её быстрому и адекватному восприятию, тогда как единица порождения речи является общей для устной и письменной её формы. Рассматриваемый пример в очередной раз заставляет обратить внимание на то, что в устной речи предложение как лингвистическая категория нивелируется.

Оно не фиксируется сознанием ни субъекта речи, ни слушателей, чего не скажешь о синтагмах и границах между ними или фразах. Разграничивая синтагмы паузами разной продолжительности и акцентируя внимание на значении каждой из них, говорящий представляет одну-единственную интерпретацию содержания. Необходимая делимитация речи отражается в его интонации. Благодаря этому слушатели адекватно понимают содержание фраз и речи в целом. Чтобы читателю разобраться в письменной речи, ему необходим объективный и надёжный принцип действий, в качестве которого используется следующий тезис: из каких исходных речевых единиц речь формируется, на эти же единицы она должна члениться при восприятии. Постоянно соотнося значение отдельных синтагм предложения с содержанием более объёмного контекста, читатель стремится определить синтагматическую структуру каждого предложения и понять его содержание.

Различия между текстом и сложным предложением, как показывает рассматриваемый пример, лежат не в области структуры и не в способе её

представления, а в завершённости-незавершённости содержания. Текст данного стихотворения как завершённая структурно, интонационно и содержательно речевая единица состоит из двух предложений, но он мог состоять из одного предложения, характеристики которого соответствовали бы показателям текста, или, наоборот, из большего числа предложений. Напомним, мы записывали его по памяти, т. е. на основании устного его восприятия.

Обратившись к тексту, оформленному самим поэтом, можно обнаружить, что у него каждая строфа отмечена как самостоятельное сложное предложение, что никак не повлияло на содержание стихотворения.

5.6. Синтагматическая и предложенческая структуры текста и их назначение

При аналитическом подходе к письменной речи можно убедиться в том, что все её единицы, за исключением синтагмы, являются дискретными. Текст легко членится на более мелкие речевые структуры – высказывания, представленные на письме в виде абзацев, сложные и простые предложения и синтагмы.

Если речь имеет дискретный характер и членится на различные структурно-смысловые единицы, то, естественно, должна существовать минимальная **речевая единица**, выступающая в качестве исходной при порождении речи и её восприятии. Она должна быть недискретной, т. е. недифференцированной, предельной, одномерной, в которой единству структуры соответствует единый компонент содержания.

Такой первичной единицей речи (текста), как уже выяснилось, является синтагма. Она основная структура, в том отношении, что из синтагм речь порождается, из их значений последовательно составляется её содержание и на их основе оно воспринимается. Для устного общения этой единицы достаточно, тогда как письменная речь, чтобы стать наиболее доступной для читателя, требует

определённого оформления. Она представлена текстами. Отметим, что сочетание **письменный текст** тавтологично, ибо текст может быть только письменным, со строго конкретной формой.

Применение термина **текст** к устной форме речи, например к фольклорным произведениям, носит условный характер, так как такие произведения, имея устное бытование, обычно характеризуются наличием нескольких вариантов. Это уже не текст, а, скорее, некая парадигма содержаний. До записи, они существуют на уровне завершённых синтагматических структур, составляющих и отражающих определённое количество вариантов содержания. Записанные же, они превращаются в обычные тексты.

Существует ряд типичных регулярных речевых единиц. Среди лингвистов нет единого мнения по вопросу о том, какую из них считать основной. Одни из них основной речевой единицей считают текст, как завершённую в структурном, интонационном и смысловом отношениях коммуникативную структуру. Другие же в качестве таковых единиц называют “сверхфразовое единство, либо высказывание” [302, с. 81]. Третьи отводят эту роль предложению [305]. Наконец, есть и те, кто считает основной единицей синтагму [237, с. 129].

Ф. Микуш высказал мысль о том, что “человеческий язык состоит в принципе лишь из одной типической структуры – синтагмы” [237, с. 130]. Трудно ему возразить, особенно если для точности в этом утверждении заменить термин *язык* на *речь*.

Такая дискуссия, на наш взгляд, носит искусственный характер. У каждой речевой единицы своё назначение и свои функции. Каждая из них важна и незаменима на своём месте и для своего назначения является основной. Поэтому определять иерархию единиц без учёта их назначения и функций, опираясь при этом на разные принципы, – неубедительное занятие. При порождении и восприятии речи в качестве основной единицы выступает синтагма. При изучении грамматики литературного языка, а также структурировании отдельных мыслей в письменной речи основным является уже предложение (хотя в устной речи оно

вообще избыточная структура), а при передаче завершённого содержания на первое место, безусловно, выходит текст.

В речи нет универсальной единицы, которая охватывала бы все аспекты речевой деятельности: у каждой из них своё назначение и свои (основные для неё) функции.

Стремление установить иерархию речевых единиц мешает осознанию сущности речевой деятельности. Все единицы – **основные** применительно к выполнению ими своих функций.

У некоторых синтаксистов сверхфразовое единство отождествляется с абзацем, они определяют его как самую крупную единицу членения текста. “Под абзацем понимается семантико-стилистическая единица, которая выражает сложное, комплексное высказывание, характеризующееся единством содержания” [302, с. 82]. В устной речи вообще нет никакого абзаца, и он совершенно не вписывается в её сферу и в круг речевых единиц. Очевидно, что абзац – вовсе не речевая единица и даже не лингвистическая, это графический способ представления речевой единицы.

Специфику абзаца отметил в своё время А. Н. Гвоздев, относя его по функции к знакам препинания [118, с. 331]. Безусловно, можно сомневаться в том, что абзац относится к знакам препинания, но то, что он не является речевой единицей, вполне очевидно. Абзац – это форма, в которой представлена конкретная речевая единица в письменной речи.

Таким образом, до настоящего времени лингвисты не определились окончательно (даже на основе личной речевой деятельности) в реальных единицах речи и их функциях, в связи с чем непросто разобраться в том, какая единица является речепорождающей, какими структурами представлена устная речь, а какими – письменная, на основе каких единиц осуществляется восприятие речи, какие структуры заложены в тексте и каково их назначение.

Обращает на себя внимание, что текст как завершённая речевая единица представлен в виде единства нескольких структур – синтагматической, предложенческой и структуры высказываний.

Результаты многочисленных исследований, опросов и экспериментов показывают, что устная и письменная речь порождаются путём последовательного линейного наращения минимальных исходных речевых единиц – синтагм. С появлением каждой очередной синтагмы формируется синтагматическая структура речи.

Причём устная речь благодаря интонации её субъекта (мелодике, паузам между синтагмами и ударениям), независимо от его индивидуальных интонационных показателей (темпа и тембра), сразу же на уровне синтагм однозначно понимается слушателями.

Актуальное содержание при его передаче говорящим выливается в конкретную синтагматическую структуру. Если при этом использовались звукозаписывающие средства, то данное содержание можно повторить любое количество раз. Но всегда это будет наращение синтагм с чёткой их делимитацией с помощью пауз, развивающее синтагматическую структуру и содержание. Но если субъект речи попытается представить содержание в письменной форме – в виде текста, – то для этого одной синтагматической структуры будет недостаточно.

В соответствии с традицией ему придётся отразить структуру предложений (а в объёмных текстах – и структуру высказываний). И только после этого текст будет готов к восприятию. Здесь уже три процесса, и протекают они последовательно:

- 1) порождение в виде наращения синтагм;
- 2) структурирование в виде предложений, высказываний и текста;
- 3) восприятие.

Между первыми двумя процессами и последним возможны неограниченные по времени перерывы.

Синтагматическая структура текста – смысловесущая его основа, в которой ничего нельзя изменять, иначе будет деформировано авторское содержание. В ней закреплены связи и отношения между словами в синтагмах (внутрисинтагмная связь), отражается их групповое единство и значение. Вместе с тем установлена и

закреплена связь между едиными группами слов (синтагмами) в их линейной последовательности (межсинтагмная связь). Содержание текста определяется объединением значений всех синтагм.

Предложенческую структуру текста автор представляет в таком варианте, который, по его мнению, максимально способствует быстрому осознанию синтагматической (т. е. смысловнесущей) структуры и её интонации как главного способа идентификации содержания.

Предложенческая структура не просто может иметь варианты — она предполагает их. Предложение может включать несколько фраз, но оно не может разрывать какую-либо из них. Сколько, например, можно выделить предложений в следующем речевом фрагменте, в котором указана его синтагматическая структура, позволяющая осознать его интонацию и содержание даже без знаков препинания и деления на предложения:

Я сделался нравственным калекой // одна половина души моей / не существовала / она высохла / испарилась / умерла / я её отрезал / и бросил // тогда как другая / шевелилась / и жила к услугам каждого /// и этого никто не заметил // потому что никто не знал / о существовании погибшей её половины /// но вы теперь / во мне разбудили воспоминание о ней // и я вам прочёл / её эпитафию /

Опросы, диктанты и эксперименты показывают, что здесь наиболее часто выделяют от трёх до девяти предложений. При этом все понимают содержание одинаково, но оформляют его по-разному. Отметим, у автора «Героя нашего времени», откуда взят фрагмент, это одно предложение.

На более объёмном тексте картина ещё нагляднее и убедительнее. Мы провели ряд экспериментов по определению границ между предложениями в связном тексте на основании диктантов. Были такие тексты диктантов, в которых из 500 участников эксперимента, **ни у кого (!)** границы между предложениями не совпали с авторскими, хотя содержание диктанта во всех вариантах воспринималось участниками одинаково. Текст диктовался в темпе, позволяющем его записывать, с соблюдением требований методики написания диктантов.

Однако не указывались границы между предложениями. Задача пишущих заключалась в том, чтобы самостоятельно определить границы предложений в связном тексте.

Всё это делалось для того, чтобы на практике убедиться в истинности или ложности утверждения относительно чёткости границ предложений в тексте. Рекомендуем всем желающим один из таких текстов для самопроверки, с целью определить границы предложений самостоятельно и сделать для себя соответствующие выводы. Лучшая истина та, которую человек открывает сам. Диктант проводили в 30 группах, его результаты дали интересный материал для размышлений. Предлагаем его текст (фрагмент из романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»). В скобках отмечены авторские предложения.

(1) *Да, такова была моя участь с самого детства!* (2) *Все читали на моём лице признаки дурных свойств, которых не было; но их предполагали – и они родились.* (3) *Я был скромен – меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен.* (4) *Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм, – другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их, – меня ставили ниже.* (5) *Я сделался завистлив.* (6) *Я был готов любить весь мир, – меня никто не понял: и я выучился ненавидеть.* (7) *Моя бесцветная молодость протекала в борьбе с самим собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца: они там и умерли.* (8) *Я говорил правду – мне не верили: я начал обманывать; узнав хорошо свет и пружины общества, я стал искусен в науке жизни и видел, как другие без искусства счастливы, пользуясь даром теми выгодами, которых я так неутомимо добивался.* (9) *И тогда в груди моей родилось отчаяние – не то отчаяние, которое лечат дулом пистолета, но холодное, бессильное отчаяние, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой.* (10) *Я сделался нравственным калекой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я её отрезал и бросил, – тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого, и этого никто не заметил, потому что никто не знал о существовании погибшей её половины; но вы теперь во мне разбудили воспоминание о ней, и я*

вам прочёл её эпитафию. (11) Многим все вообще эпитафии кажутся смешными, но мне нет, особенно когда вспомню о том, что под ними покоится. (12) Впрочем, я не прошу вас разделять моё мнение: если моя выходка вам кажется смешна – пожалуйста, смейтесь: предупреждаю вас, что это меня не огорчит нисколько.

В эксперименте принимали участие учителя русского языка, студенты-русисты 3 и 4 курсов, т. е. люди с профессиональным мышлением. Отмечены десятки случаев совпадения границ между предложениями у самих участников эксперимента, но не было ни одного соответствия авторскому варианту. Наиболее часто повторялась следующая структура предложений.

(1) Да, такова была моя участь с самого детства! (2) Все читали на моём лице признаки дурных свойств, которых не было; но их предполагали –и они родились. (3) Я был скромн – меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. (4) Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен. (5) Я был угрюм, – другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их, – меня ставили ниже: я сделался завистлив. (6) Я был готов любить весь мир, – меня никто не понял: и я выучился ненавидеть. (7) Моя бесцветная молодость протекала в борьбе с самим собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца: они там и умерли. (8) Я говорил правду – мне не верили: я начал обманывать. (9) Узнав хорошо свет и пружины общества, я стал искусен в науке жизни и видел, как другие без искусства счастливы, пользуясь даром теми выгодами, которых я так неутомимо добивался. (10) И тогда в груди моей родилось отчаяние – не то отчаяние, которое лечат дулом пистолета, но холодное, бессильное отчаяние, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. (11) Я сделался нравственным калекой. (12) Одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я её отрезал и бросил, – тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого. (13) И этого никто не заметил. (14) Потому что никто не знал о существовании погибшей её половины. (15) Но вы теперь во мне разбудили воспоминание о ней, и я вам прочёл её эпитафию. (16) Многим все вообще

эпитафии кажутся смешными, но мне нет, особенно когда вспомню о том, что под ними покоится. (17) Впрочем, я не прошу вас разделять моё мнение. (18) Если моя выходка вам кажется смешна – пожалуйста, смейтесь. (19) Предупреждаю вас, что это меня не огорчит нимало.

В данном варианте не 12, как у автора, а 19 предложений. Но они передают тот же формат содержания. Были и другие варианты – с большим или меньшим количеством предложений. Как видим, границы между отдельными предложениями в связном тексте не влияли как-либо заметно на восприятие содержания текста участниками эксперимента, и это объективно указывает на то, что восприятие связного звучащего текста происходит не на уровне предложений. Так что отмеченные автором границы между предложениями в тексте – лишь один из возможных вариантов его предложенческой структуры. Для читателя авторская синтагматическая структура текста является заданной, единственной, без вариантов, тогда как авторская предложенческая его структура оценивается как возможная, приемлемая. В связи с этим нельзя квалифицировать предложения в качестве порождающих текст компонентов. Их роль в тексте – способствовать осмыслению синтагматической структуры, сделать её для читателя более прозрачной и доступной.

Деление текста на предложения – это первый, традиционно используемый шаг к синтагматическому членению и осмыслению текста. Этот шаг делается самим автором. Любая речь, протекая на уровне синтагм, на письме выливается в соответствии с традицией в предложения, высказывания и текст.

В нескольких группах экспериментальное выделение предложений в тексте осуществлялось на основе следующей синтагматической структуры:

Да // такова была моя участь с самого детства // все читали на моём лице / признаки дурных свойств / которых не было // но их предполагали // и они родились /// я был скромн / меня обвиняли в лукавстве // я стал скрытен /// я глубоко чувствовал добро и зло // никто меня не ласкал / все оскорбляли // я стал злопамятен /// я был угрюм / другие дети веселы и болтливы // я чувствовал себя выше их / меня ставили ниже // я сделался завистлив /// я был

готов любить весь мир / меня никто не понял // и я выучился ненавидеть ///
 моя бесцветная молодость / протекала в борьбе с самим собой и светом //
 лучшие мои чувства / боясь насмешки / я хоронил в глубине сердца // они там и
 умерли /// я говорил правду / мне не верили // я начал обманывать /// узнав
 хорошо свет и пружины общества / я стал искусен в науке жизни / и видел /
 как другие без искусства счастливы / пользуясь даром теми выгодами /
 которых я так неутомимо добивался // и тогда в груди моей / родилось
 отчаяние / не то отчаяние / которое лечат дулом пистолета / но холодное /
 бессильное отчаяние / прикрытое любезностью и добродушной улыбкой /// я
 сделался нравственным калекой // одна половина души моей не существовала /
 она высохла / испарилась / умерла // я её отрезал и бросил // тогда как другая
 шевелилась / и жила к услугам каждого /// и этого никто не заметил / потому
 что никто не знал / о существовании погибшей её половины /// но вы теперь /
 во мне разбудили воспоминание о ней // и я вам прочёл её эпитафию /// многим /
 все вообще эпитафии / кажутся смешными / но мне нет // особенно когда
 вспомню о том / что под ними покоится /// впрочем / я не прошу вас /
 разделять моё мнение // если моя выходка / вам кажется смешна //
 пожалуйста / смейтесь /// предупреждаю вас / что это меня / не огорчит
 нимало /

Хотя в данной записи нет границ между предложениями и нет знаков препинания, при выделенных синтагмах она не стала труднее для восприятия, чем обычный текст. В ней выполнено главное требование при передаче содержания: разграничены синтагмы и обозначены паузы между ними, т. е. выделены те единицы, последовательное наращение значений которых создаёт общее содержание текста.

Результаты многочисленных экспериментов с выделением здесь предложений, определением их количества и границ между ними были такими же, как и при написании под диктовку. И это укрепляет мысль о том, что количество предложений в тексте – явление субъективное, тогда как количество авторских синтагм – показатель объективный. Их в нём – 74. Для понимания

текста важно, чтобы у автора и читателя совпало не количество предложений в их авторских границах, а количество синтагм, а также границы между ними и их интонация.

Поменять границы между синтагмами – значит изменить содержание текста (в лучшем случае изменить отдельные нюансы содержания) или вообще разрушить его, в то время как изменение границ между предложениями и разное их количество будет лишь одной из возможных структурных модификаций текста, которая не сможет повлиять на его общее содержание.

Естественно, при условии, что не будут нарушены границы между синтагмами и не будет деформирована ни одна из фраз. Опросы и эксперименты свидетельствуют о том, что один и тот же текст разные люди воспринимают и представляют в виде разных предложенческих структур*. Так что субъективный фактор при организации предложенческой структуры текста не только не исключается, но даже предполагается. А многочисленные откровения писателей по поводу границ между предложениями в их текстах подтверждают это.

Вспомним, например, мысли о варьировании структур предложений в тексте в воспоминаниях В. Катаева («Трава забвения»), где он сообщает, как в его рассказах опытный И. А. Бунин менял границы между предложениями, и тексты, сохраняя прежнее содержание, становились выразительнее.

* Как-то в одном из выступлений артисты эстрады Тарапунька и Штепсель обыграли текст газетной заметки, изменив в ней структуру синтагм и предложений. Штепсель прочитал такую информацию:

Чтобы у нас и впредь / было всё в порядке, / выход есть один: // больше критиковать товарища Петрова. // Нельзя замалчивать / подобные явления.// Надо критиковать друг друга. // Опасно / прикрывать недостатки. // Петрова / мы будем критиковать, // обязательно будем. // Рядовых работников тогда / Петров / будет всех ценить и уважать.

Тарапунька возразил: в заметке нужно кое-что изменить. Он меняет интонацию, структуру синтагм и границы предложений, составленных из изменённых синтагм. Вот что у него получилось:

Чтобы у нас и впредь / было всё в порядке, / выход есть один: // больше критиковать / товарища Петрова / нельзя. // Замалчивать подобные явления надо. // Критиковать друг друга / опасно. // Прикрывать недостатки Петрова // мы будем. // Критиковать обязательно будем / рядовых работников. // Тогда Петров / будет всех ценить и уважать.

Пример показывает, как с изменением синтагматической структуры текста меняется его предложенческая структура и содержание. Причём в данном случае (как того требует ситуация: эстрадный жанр) оно меняется в несколько утрированном виде. Вместе с тем пример свидетельствует о субъективном восприятии речи и о важности осмысления именно авторского варианта её синтагматической структуры, что гарантирует правильное его понимание.

Но, во-первых, если бы Бунин не принял участия в этом деле, рассказы Катаева остались бы с его вариантом структуры предложений. Не было бы что с чем сравнивать. И его предложенческие структуры выполняли бы ту функцию, которую выполняет предложенческая структура в любом тексте. Во-вторых, нет никакой гарантии, что если бы, вместо И. А. Бунина, это делал А. П. Чехов, то был бы тот же результат, а не чеховский. Так что субъективный характер структуры предложений очевиден. Мало того, у самого автора может быть несколько вариантов предложенческих структур текста, в зависимости от его эмоционального и – шире – психического состояния на конкретный момент его речевой деятельности. В этом отношении интересен следующий факт. Ежегодная литературная премия Голдсмита-колледжа Лондонского университета за 2016 год присуждена ирландскому писателю Майку Маккормаку за роман «Солнечные кости» («Solar Bones»). Книга охватывает события нескольких часов из жизни героя. Все они отражены в структуре одного непрерывного предложения – с первой страницы по последнюю. По мнению жюри, автор блестяще преодолел формальные ограничения, связанные с предложенческой структурой текста. Сам факт существования такого произведения (а оно в литературе не единственное) заставляет усомниться в том, что предложения являются строительными частями текста, а не выделяются традиционно в нём с определёнными целями оформления и адаптации.

5.7. Синтагматическая структура текста и её отношение к автору и читателю

В любом тексте представлены синтагматическая и предложенческая структуры. Первая является его содержательной основой, а вторая отражает традиционное разграничение всех его мыслей, цель которого – максимально облегчить читателю восприятие содержания.

Вопросы синтагмы, синтагматической и предложенческой структур текста непосредственно касаются порождения речи, её делимитации, оформления и восприятия. Без их осознания и осмысления не мыслится эффективное развитие как продуцирующих, так и рецептивных видов речевой деятельности, которая сознательно или интуитивно осуществляется на синтагматическом уровне всеми людьми. Первыми заинтересовались синтагмами психолингвисты, изучающие речевую деятельность и речевое поведение человека как психическую реакцию на действительность. Лингвисты стали изучать их сравнительно недавно, хотя эти вопросы непосредственно связаны с формированием и развитием всех видов речевой деятельности, особенно с практикой обучения чтению и письму. Тесно связаны они и с изучением родного и иностранных языков, способствуя выяснению того, что с чем в тексте сочетается грамматически и по смыслу, позволяя добиться точного и однозначного его понимания. Но решаются они пока неоднозначно и весьма противоречиво.

Речь порождается и развивается не только на основе грамматической связи, но и в результате ситуативного смыслового объединения речевых компонентов, не имеющих между собой грамматической связи, что впервые было отмечено Л.В. Щербой. Порождается она не просто с использованием лингвистических единиц, а с помощью именно **речевых** единиц – структур с конкретным ситуативным значением. Устная речь – первичная, природная форма общения, она **порождается** из синтагм и **воспринимается** слушателем. Содержание появляется и воспринимается с каждой очередной наращиваемой синтагмой. Письменная речь представлена в виде завершённого текста, который сначала **составляется** автором, **структурируется** им, т. е. создаются его синтагматическая и предложенческая структуры, и после этого воспринимается читателем.

Автор путём последовательного наращивания синтагм трансформирует информацию в конкретную синтагматическую структуру, которая, по его оценке, максимально точно передаёт содержание. Её восприятие и осмысление облегчается одновременным выделением в тексте предложений. При этом в текст

“вписывается” интонация как ключ к интерпретации содержания. Читатель стремится осознать синтагматическую структуру текста и заложенную в ней интонацию. Его задача – извлечь из текста адекватное содержание. Автор шёл от содержания к структурам, читатель же – от структур к содержанию.

Л. В. Щерба, Л. С. Выготский, Е. А. Брызгунова и другие лингвисты считали, что интонация присуща обеим формам речи, ибо это способ идентификации содержания. Читатель должен вычитать ту интонацию, которая “вписана” в текст автором. Без этого невозможно точное понимание текста. Для её осознания Г. В. Артоболевский рекомендовал “определить все авторские указания, которые заключаются как в содержании, так и в форме произведения” [29, с. 10].

Некоторые учёные видят цель синтагматического членения текста читателем в поиске выразительных возможностей, различных смыслов, оттенков, нюансов [67; 213, с.447]. Но они ничего не говорят о том, насколько точно при таком подходе будет понят читателем текст. Это весьма сомнительная цель, которая не способствует приобретению точных знаний, даже мешает этому.

Цель читателя не в замене авторского содержания своими домыслами и ассоциациями, а в том, чтобы, восстановив синтагматическую структуру текста и осознав авторскую интонацию, правильно понять его содержание. Оно даже может быть ошибочным по отношению к истине, но оно должно быть понято так, как его понимает автор.

Рассуждения о поиске различных смыслов выглядят особенно странно при работе с текстами, предполагающими точное их восприятие (учебными, научными, официальными и др.). Синтагматическая структура графически одной и той же письменной речи в зависимости от коммуникативной цели автора и интонации может быть разной. В качестве иллюстрации рассмотрим такой речевой фрагмент:

(1) *Брат с соседом ходили на рыбалку.*

Хотя это простое предложение, нельзя сказать, что легко понять его содержание. Оно может иметь разную синтагматическую структуру, а следовательно, разную интонацию и разное содержание. Безусловно, в нём одна

конкретная авторская синтагматическая структура, но контекста недостаточно, чтобы её однозначно определить.

Так, при передаче отдельного факта, например, при ответе на вопрос: “*Какие новости?*”, оно будет состоять из одной синтагмы.

В ответе на вопрос “*Кто / ходил на рыбалку?*” его структура, как и сам вопрос, будет включать уже две синтагмы, между которыми появляется пауза:

(2) *Брат с соседом / ходили на рыбалку.*

Содержание ответа составлено из двух смысловых фрагментов (*Брат с соседом* + *ходили на рыбалку*). Синтагма *брат с соседом* является непроницаемой. Её компоненты нельзя поменять местами. На ней синтагматическое ударение, ибо она передаёт новую информацию и является функционально обязательной, требует эксплицитного выражения. Вторую же синтагму можно вообще опустить по причине её смысловой очевидности для участников речевой ситуации.

В ответе на вопрос “*Что делали / брат с соседом?*” синтагматическая структура тоже состоит из двух синтагм:

(3) *Брат с соседом / ходили на рыбалку.*

На первый взгляд, это те же синтагмы, что и в предыдущем ответе. Но у них есть сходство и различия. Сходство – в графическом оформлении и одинаковых грамматических формах их компонентов. Различие – в их интонации, содержании и его актуальности.

Интонация графически однозначно не фиксируется. Она зашифрована в контексте (в данном случае в вопросе и ответе). Читатель восстанавливает её по мере последовательного осмысления синтагм и развития содержания. В ответе синтагматическое ударение на второй синтагме. Теперь уже она должна быть эксплицитной.

Интонационно (а значит, содержательно и функционально) синтагмы второго и третьего ответов – разные речевые единицы, несмотря на их графическую идентичность.

При ответе на вопрос: “*Может ли кто-либо подтвердить алиби брата?*” – возможен ответ: “(Конечно) *Брат / с соседом / ходил на рыбалку* (дескать, сосед может это подтвердить)”. Теперь речевой фрагмент состоит уже из трёх синтагм:

(4) *Брат / с соседом / ходил на рыбалку.*

Первая представляет основного фигуранта речи. Вторая называет свидетеля (новая информация), а третья сообщает о действии основного фигуранта речи при наличии свидетеля (тоже новая информация). Его действия в данный момент являются наиболее актуальными, поэтому сказуемое получило форму единственного числа.

Такая синтагматика обусловлена необходимостью передачи содержания о том, что в конкретное время данный субъект совершал не то действие, которое ему приписывают. Это может подтвердить свидетель. Актуальными для содержания становятся синтагмы со значением реального действия субъекта и свидетеля.

Таким образом, текст составляется путём последовательного наращения авторских синтагм как минимальных речевых компонентов с ситуативным значением, создающих его синтагматическую и предложенческую структуры, которые по-разному соотносятся с субъектом речи и её адресатом.

5.8. Синтаксический аспект речи с учётом её форм, единиц и субъектов

После проделанной работы попытаемся взглянуть на синтаксис с позиций видов речевой деятельности и реальной единицы порождения и восприятия речи. В современном синтаксисе нет чёткого и последовательного деления лингвистических единиц по их отношению к языку и речи. Нет в нём разграничения речевых единиц по их назначению в речи, по структуре, а также по отношению их к устной или письменной формам. Зато в нём акцентируется

внимание на тезисе, согласно которому каждая единица нижележащего уровня является средством, материалом для построения единицы вышележащего уровня.

Причём всё это представлено в едином движении, без осознания перехода из одной сферы в другую – от языка к речи, что вызывает сомнение в правомерности такого подхода. Утверждается мысль, согласно которой речь и все её структуры *строятся*.

Например, простые предложения как минимальные коммуникативные единицы сознательно строятся с помощью слов путём распространения соответствующих схем, а из них строятся сложные предложения и тексты.

Синтаксис представляют как универсальный раздел науки, изучающий построение структур с помощью схем, используя при этом различные виды синтаксической связи. Слова выступают в качестве членов предложения, которое представляет собой структуру с определённым позиционным составом, отвечающим принципу функциональной эквивалентности [221]. А связная речь организуется с помощью предложений, построенных из слов и словосочетаний как номинативных средств языка [50; 97; 305 и др.].

Но насколько это соответствует действительности и реальной речевой деятельности? Возникают сомнения, и они не единичны.

Утверждение о том, что предложение строится на основе схемы из слов, в настоящее время в школьном и вузовском синтаксисе носит аксиоматический характер. Однако при выяснении того, насколько оно соответствует речевой деятельности, мы не находим ему подтверждения, неизбежно приходим в тупик и вынуждены замалчивать многие факты, не согласующиеся с ним, о чем было сказано ранее.

Известно, что речевая деятельность включает два вида: порождение (построение) речи и её восприятие, в связи с чем существуют два субъекта – субъект порождения речи (обычно индивидуальный) и субъект её восприятия (как индивидуальный, так и коллективный – при устном общении). Иногда вместо термина “восприятие речи” используют термин “понимание речи”, что не совсем точно, ибо понимание или непонимание – это качество восприятия.

Осуществляется речевая деятельность в двух формах – устной и письменной. У субъекта речи она представлена в виде говорения или письма, а у субъекта восприятия – в виде слушания (аудирования) или чтения.

Возникает естественный вопрос: неужели во всех четырёх видах речевой деятельности – говорение, письмо, слушание и чтение – один и тот же синтаксис и он в полной мере соответствует этим видам, обеспечивая их реализацию? Конечно же, нет, но фактически для всех видов речевой деятельности пока реально существует один синтаксис, хотя полного соответствия его этим видам, естественно, нет.

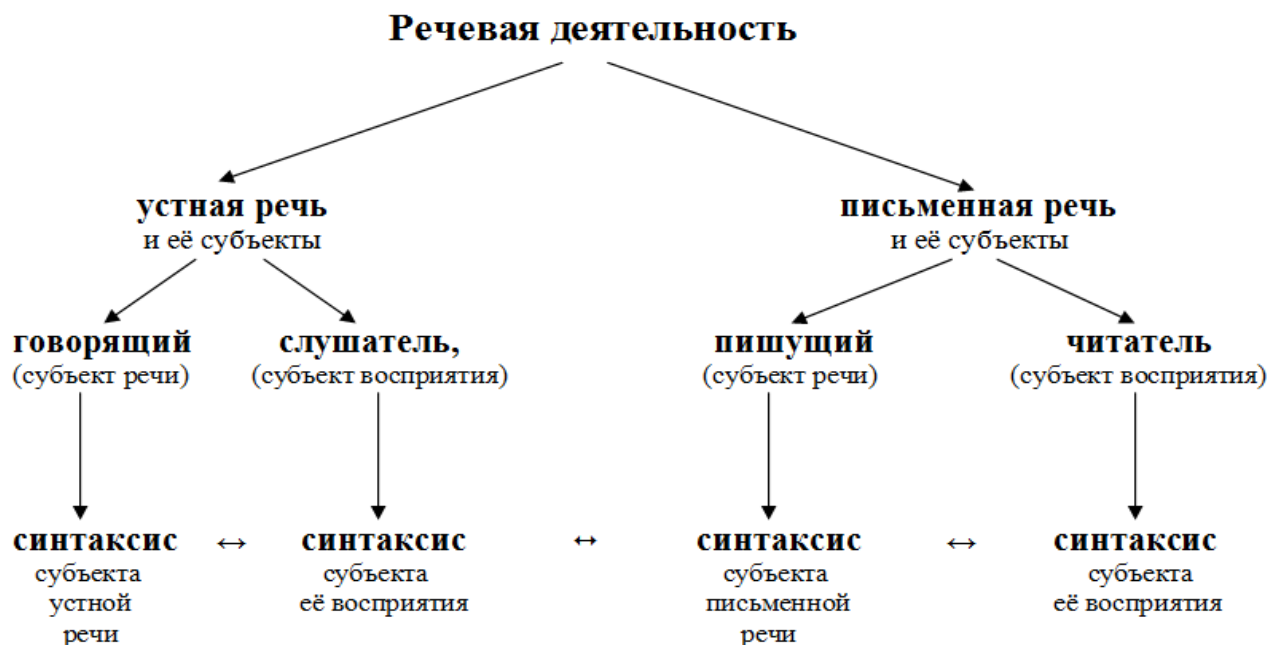
Как можно приложить синтаксис предложения к устной форме общения, в которой предложений вообще нет: они единицы письменной речи (письма и чтения). В устной речи – фразы, что подчёркивалось Г. Паулем, Л. В. Щербой, другими лингвистами. Причём Щерба предостерегал не смешивать предложения и фразы, ибо это не тождественные структуры. Фразы порождаются не из слов, а из последовательного наращения синтагм. При трансформации устной речи в письменную на основании фраз и их синтагм выделяются предложения. Однако количество предложений на письме обычно не совпадает с количеством фраз в звучащей речи.

В устной речи количество фраз всегда соответствует полному составу самостоятельных мыслей. Но при трансформации их в графическую форму появляются варианты. Если фраза соответствует отдельной мысли, то предложение, отражая разные виды обусловленности, может соответствовать фразе, но может объединять несколько фраз в одну сложную структуру. И выбор конкретного варианта определяется особенностями психической деятельности пишущего.

В процессе общения участвуют два активных субъекта речи: субъект её порождения и субъект её восприятия. Так что целесообразно говорить о синтаксисе говорящего [258] и синтаксисе слушателя, о синтаксисе пишущего и синтаксисе читателя.

Соответствующий раздел современной грамматики лишь каким-то боком соотносится с существующими видами речевой деятельности. Наиболее он подходит, пожалуй, лишь письменной форме речи. К тому же он настолько занят письменной формой, что не заметил, как перенёс в устную речь те единицы, которых в ней нет.

Любая конкретная речь – устная или письменная – это результат речевой деятельности, и каждая имеет свои особенности организации и восприятия. Например, восприятие устной речи происходит в момент её порождения, тогда как восприятие письменной речи осуществляется только после её завершения. Обратимся к следующей схеме, отражающей дифференциацию речевой деятельности, её субъектов и как следствие – синтаксиса.

Наблюдая за речью говорящего и её делимитацией, можно убедиться в том, что он разграничивает в ней паузами не отдельные слова и не предложения, а синтагмы. Его речь представляет собой последовательное наращение ситуативно важных, актуальных представлений, выраженных с помощью лингвистического материала, автоматически объединённого в сознании субъекта по смыслу, интонационно, структурно и грамматически.

При наращении синтагм и их значений появляются фразы, отражающие все передаваемые мысли. Каждая из них представляет отдельную мысль, что служит основой для их выделения. Речевая деятельность говорящего – это последовательный линейный синтез синтагм. Его синтаксис – синтетический, он включает организацию синтагм, их сочетание во фразы, а также синтагматическую структуру всего сообщения.

Слушатель благодаря интонации говорящего и разграничению исходных речевых единиц легко воспринимает каждую синтагму, все фразы и содержание в целом одновременно с его передачей. Его синтаксис представлен теми же речевыми единицами устной формы общения, что и синтаксис говорящего. Различие в том, что говорящий продвигается от содержания к форме его отражения, сопровождая эту форму интонацией, идентифицирующей содержание, а слушатель идёт от воспринимаемой формы и её интонации к содержанию.

У говорящего синтаксис синтезирующий, порождающий форму синтагм, их объединение и связь – интонационную, смысловую и грамматическую, а у слушателя синтаксис анализирующий: на основании анализа форм синтагм и их связи воспринимается содержание речи.

Хотя у устной и письменной форм речевой деятельности и соотносительные, но разные речевые единицы (за исключением синтагмы: она у них общая). Письменная речь представляет собой трансформацию звуковой или внутренней речи в графическую с помощью графических знаков, правил, предписаний и речевого опыта. Перед нами не просто ситуация, когда в одном случае нужно устно выразить ту или иную информацию, а в другом – её записать. Это соотносительные, но разные виды речевой деятельности. Они по-разному представлены материально, у них разные законы, разные единицы оформления, к ним предъявляются разные требования. У них разные способы восприятия.

Но структурная и содержательная основа устной и письменной речи одна и та же – синтагматическая, так как единицами их порождения и адекватного восприятия являются синтагмы, которые создают структуру речи и её содержание. Фразы в устной речи последовательно отражают все её мысли.

Предложения в письменной речи являются единицами традиционного оформления текста. Они выделяются в тексте в результате трансформации фраз в письменную форму. Фраза – единица объективная: их количество в речи одно и то же для говорящего и всех слушателей. Оно обусловлено содержанием. Предложение в тексте — структура субъективная: оно может соответствовать фразе, но может включать в себя несколько фраз.

Таким образом, говорящий и пишущий оперируют разными речевыми единицами, у них разные основания для их выделения, и хотя у пишущего тоже порождающий синтаксис, тем не менее его синтаксис значительно отличается от синтаксиса говорящего.

И наконец, речевая деятельность пишущего и читателя. У пишущего синтетическая деятельность: последовательная трансформация в графическую форму всех синтагм устной или внутренней речи. При этом он по мере наращивания синтагм на основании личного восприятия и представления передаваемых мыслей выделяет в тексте предложения. Объём предложенческих структур и их границы обусловлены объективными и субъективными причинами: коммуникативной целью, учётом культурно-речевой традиции, особенностями психической деятельности автора, а также его знаниями, речевыми умениями и навыками.

Автор, как и говорящий, шёл от содержания к отражающим его структурам. Читатель, опираясь на формы, анализ и межсинтагмные связи и отношения, восстанавливает интонацию и значения всех синтагм и тем самым последовательно воспринимает общее содержание текста.

Так что синтаксис пишущего и читателя тоже разный. Он и не может быть общим и единственным для всех видов речевой деятельности и её субъектов. В каждом случае он должен ориентироваться на конкретный её вид и речевые действия субъекта.

Выводы к главе 5

В развитии теории построения речи исторически так сложилось, что исходной единицей стало предложение, как весьма наглядная коммуникативная структура. Грамматические понятия “складывались под влиянием письменной речи, а основной коммуникативной и синтаксической единицей считалось предложение-высказывание. Однако членение потока устной речи на предложения оказывается довольно затруднительным” [419, с. 19]. Но этот факт остаётся вне поля зрения большинства лингвистов, что объясняется традиционной, ориентацией на синтетическую природу речи, а также тем, что в любом предложении пробелы между словами просто вынуждают делать вывод о том, что оно построено из слов, а чёткие границы между предложениями в тексте склоняют к заключению, что он построен из предложений.

Из содержания главы 5 вытекают следующие **выводы**.

1. Функции слов как номинативных средств с обобщённым значением исчерпываются на внутрисинтагмном уровне при мгновенном, спонтанном объединении их в синтагму с её единым ситуативным значением.

2. При трансформации устной речи в письменную по мере наращивания синтагм текст традиционно оформляется в виде предложений, с целью последовательного выделения и разграничения мыслей.

3. Текст и его составные единицы появляются в результате линейного наращивания синтагм, образующих единую синтагматическую его структуру.

4. Авторская синтагматическая структура текста является основой порождения, сохранения и передачи содержания; осознать её – значит осознать авторское содержание текста.

5. Авторская предложенческая структура текста представляет его в виде последовательного ряда всех передаваемых мыслей, что способствует осознанию читателем его ритма, интонации, синтагматики и содержания.

6. Грамматические и смысловые связи слов в синтагме отражают, что слова в предложении – это компоненты синтагм, из которых оно составлено, в связи с чем к структуре предложения слово, как неотъемлемый компонент синтагмы, не имеет непосредственного отношения и соотносится с предложением только через синтагму, в которую оно входит.

7. Межсинтагмные связи в речи свидетельствуют о том, что именно синтагмы являются исходными единицами её структуры и содержания; игнорирование этого факта при выделении членов предложения ведёт к нарушению целостности синтагм, деформации реальной структуры предложения и его содержания.

8. Устная и письменная речь представлены разными единицами: соответственно **синтагмой** и **предложением**; для слушателя очевидна синтагма, а для читателя – предложение, структуру и содержание которого ему необходимо осмыслить на синтагматическом уровне.

Глава 6

СТРУКТУРА, ОБЪЁМ И ЧАСТОТНОСТЬ СИНТАГМ В РЕЧИ

6.1. Структура и объём синтагм

Сегментация текста как **речевого** явления предполагает членение его на естественные регулярные однотипные **речевые единицы**, свойственные письменной речи. Это структуры, которые *порождают* речь или *традиционно оформляют* её. Возможны как речевой, так и языковой аспекты исследования текста. В зависимости от подхода в нём могут выделяться разные сегменты и разные единицы – как речевые, так и языковые.

Языковыми единицами в тексте являются буквы (как графическое представление звуков), слова, словоформы в структуре многокомпонентных и однокомпонентных синтагм. Причём буквы, слова и словоформы предельно очевидны. Но это вовсе не значит, что текст был составлен непосредственно из них и они являются его самостоятельными конструктивными компонентами. Точно так же членение устной речи на звуки нельзя признать естественным речевым действием или речевым анализом. Оно возможно и уместно лишь с метаязыковой целью. Для языка характерны свои единицы, а для речи – письменной и устной – естественны свои типичные **речевые структуры**. Минимальной единицей обеих форм речи является синтагма. Это индивидуально-авторская структура речи, спонтанно появляющаяся в сознании каждого человека в процессе его речевой деятельности и отражающая отдельный единый фрагмент конкретной ситуации, поэтому она и становится естественным исходным элементарным компонентом речи, её порождения, членения и восприятия.

Важными показателями синтагмы являются **структура, объём и морфологическая природа**. Её структура отражает взаимоположение и связь её компонентов, мгновенно объединившихся в сознании человека в минимальную речевую структуру, ставшую лингвистическим отражением элементарного факта действительности. Объём синтагмы отражает её количественную характеристику

на основании числа её компонентов. Её морфологическая природа определяется частеречной принадлежностью её ключевого слова.

Синтагма – естественная исходная единица в любом виде речевой деятельности каждого человека. Словесная картина мира – это **языковая картина**, отражающая предметное состояние мира. В ней слова – обобщённые наименования, каждое слово относится к бесчисленному множеству однотипных реалий. Так, например, слово *газета* называет не конкретный экземпляр конкретного вида печатной продукции средств массовой информации, а миллиарды экземпляров такой продукции.

В речи же представлены конкретные ситуации и предметы с их конкретными признаками и свойствами. Лингвистическое отражение речевой конкретности достигается путём мгновенного слияния в сознании человека нескольких слов, обозначающих реалию с её индивидуальными отличительными признаками, что позволяет выделить её из всех подобных предметов. Это уже **речевая картина мира**. Синтагма является исходной, предельно минимальной структурой речевой картины мира. Она квалифицируется в качестве самостоятельной единицы речи. Объём синтагмы предполагает то количество компонентов, которое, по мнению субъекта речи, является необходимым и достаточным для однозначной передачи одномерного фрагмента содержания речи.

Остальные типичные речевые единицы выделяются в зависимости от формы речи. Фраза и сообщение (некоторые лингвисты квалифицируют его как дискурс) – единицы устной речи. Предложения, высказывание и текст – единицы письменной речи. Мысли о структуре и границах предложения появляются исключительно при трансформации устной (звучащей или внутренней) речи в письменную, в процессе преобразования фраз в предложения. Все речевые единицы самостоятельны в том отношении, что у них свои конкретные функции. Все они коммуникативны, структурно, грамматически и интонационно оформлены. Коммуникативность синтагмы как исходной речевой единицы не всегда очевидна, тем не менее она проявляется во многих ситуациях, которые отмечены ранее, и прежде всего в том, что синтагма при необходимости легко и

естественно может выполнять функцию фразы и предложения и тогда её коммуникативность не вызывает никаких сомнений. Ср.:

– *Часто / сестра навещала больного?* – *Только сегодня.*

Синтагма *Только сегодня* вполне коммуникативна, она выполнила функцию не просто предложения, но даже полного ситуативного сообщения (в письменной форме – минимального текста). Выделение в тексте слов – форма традиционного его представления, а не показатель того, что он и его предложения составлены непосредственно из слов. Самостоятельного сегмента речи с квалификацией **слово** нет. Слово не имеет непосредственного отношения к построению речи, к структуре предложения и текста. Чтобы получить речевой статус, оно должно в сочетании с другими словами создать единую структуру с ситуативным значением – синтагму или выполнять функцию такой единицы, которая и является минимальной исходной структурой речи.

Существенно, что, будучи составной, синтагма, тем не менее, **недискретная** единица, её нельзя разделить на более мелкие **речевые** компоненты. Она, как и любая речевая единица, не существует в качестве заданного компонента, как, например, существуют слова в языке. Она результат психоречевой реакции человека, автоматического слияния нескольких слов, ибо возникает в сознании как индивидуально-креативная целостная, одномерная структура, лингвистически отражающая простейшую конкретную ситуацию, отдельный минимальный факт, реалию с её одним или несколькими актуальными признаками. Она предполагает наличие других синтагм с целью передачи необходимого содержания.

Уместно отметить, что не только объединение и связь синтагм, но и их чёткое и последовательное разграничение способствует развитию связной речи. Интонационная делимитация их субъектом речи помогает осмыслению каждой из них и пониманию содержания речи в целом. Так что для восприятия содержания важна не только связь компонентов – смысловая, интонационная и грамматическая – не менее важно их чёткое разграничение. Исследования структуры синтагм в речи разных языков, а также в живой народной речи свидетельствуют о том, что инвариантные особенности строения синтагм

сводятся к двум структурным видам: 1) синтагмы, объединяющие несколько компонентов, и 2) однокомпонентные синтагмы.

В речи рассматриваемых языков первые включают от двух до одиннадцати компонентов – словоформ или неизменяемых знаменательных слов, имеющих ударение (возможно, их может быть больше, например, в научной речи при употреблении составных терминов и номенклатурных наименований). Их компоненты произносятся на одном дыхании, без пауз, как единое интонационное и структурно-смысловое целое. Синтагмы второй группы представлены одним словом. Объём синтагм обусловлен субъективными и объективными факторами: особенностями личной психической деятельности, динамикой мышления человека, возможностями дыхания, характером передаваемого содержания, действием закона экономии речевого усилия, а также тем, к какому типу относится язык – синтетическому или аналитическому.

Ещё Цицерон обратил внимание на то, что количество слов в интонационно единых смысловых сочетаниях в речи ограничивается дыханием. Опираясь на свой ораторский опыт, он сделал интересное наблюдение, касающееся их объёма: “Самое длительное сочетание слов – это то, какое может быть произнесено на одном дыхании” [413, с.242].

Единство значения такого сочетания, определяется единством его интонации. В нём не должно быть паузы, даже физиологической, ибо она может деформировать значение. Более двух тысяч лет назад Цицерон не только осознавал существование синтагм, но и отметил такие их признаки, как спонтанность порождения и обусловленность их объёма дыханием. Эти “*самые длительные сочетания слов*” воспринимались им как минимальные речевые структуры, характеризующиеся общим значением и интонационным единством. “*Одно дыхание*” при их произношении предполагает единство их структуры, интонации и содержания. Паузы между ними позволяют осознать их в качестве отдельных, самостоятельных единиц организации речи. В результате их последовательного наращивания формируется синтагматическая структура устного сообщения, которая запечатлевается в тексте с помощью существующих

графических средств, установившихся способов и приёмов. Осознание их интонационного разграничения (делимитации) помогает понять значение каждой из них.

6.2. Структура, объём и частотность синтагм в русской речи

Рассматривая вопрос о структуре и объёме синтагм в речи, попытаемся осветить его на материале русской, украинской и английской речи. Обратимся к уже знакомому тексту русской речи и используем его в качестве образца при решении интересующего нас вопроса. Естественно, что исследованные нами материалы намного объёмнее. Воспользуемся его синтагматической записью с выделением синтагм.

*Да // такова была моя участь / с самого детства // все читали на моём
лице / признаки дурных свойств / которых не было // но их предполагали // и
они родились /// я был скромн / меня обвиняли в лукавстве // я стал скрытен
/// я глубоко чувствовал добро и зло // никто меня не ласкал / все оскорбляли //
я стал злопамятен /// я был угрюм / другие дети веселы и болтливы // я
чувствовал себя выше их / меня ставили ниже // я сделался завистлив /// я был
готов любить / весь мир / меня никто не понял // и я выучился ненавидеть ///
моя бесцветная молодость / протекала в борьбе с самим собой и светом //
лучшие мои чувства / боясь насмешки / я хоронил в глубине сердца // они там и
умерли /// я говорил правду / мне не верили // я начал обманывать /// узнав
хорошо свет и пружины общества / я стал искусен в науке жизни / и видел /
как другие без искусства счастливы / пользуясь даром теми выгодами /
которых я так неутомимо добивался // и тогда в груди моей / родилось
отчаяние / не то отчаяние / которое лечат дулом пистолета / но холодное /
бессильное отчаяние / прикрытое любезностью и добродушной улыбкой /// я*

сделался нравственным калекой // одна половина души моей / не существовала / она / высохла / испарилась / умерла // я её отрезал и бросил // тогда как другая / шевелилась / и жила к услугам каждого /// и этого никто не заметил / потому что никто не знал / о существовании погибшей её половины /// но вы теперь / во мне разбудили / воспоминание о ней // и я вам прочёл / её эпитафию /// многим / все вообще эпитафии / кажутся смешными / но мне нет // особенно когда вспомню о том / что под ними покоится /// впрочем / я не прошу вас / разделять моё мнение // если моя выходка / вам кажется смешна // пожалуйста / смейтесь /// предупреждаю вас / что это меня / не огорчит нимало /// в эту минуту / я встретил ее глаза // в них бегали слезы // рука её / опираясь на мою / дрожала // щеки пылали // ей было жаль меня /// сострадание // чувство // которому покоряются так легко все женщины // впустило свои когти / в ее неопытное сердце // во все время прогулки / она была рассеянна / ни с кем не кокетничала /// а это великий признак /// мы пришли к привалу // дамы оставили своих кавалеров... // но она не покидала руки моей // остроты здешних денди / ее не смешили // крутизна обрыва / у которого она стояла / ее не пугала ///

В нём 100 синтагм. Они имеют разную структуру (порядок и последовательность компонентов) и в связи с этим, естественно, разный объём (разное количество структурных компонентов).

Количество компонентов (ударных слов) во всех синтагмах соотносится со следующим рядом чисел:

1, 4, 2, 4, 3, 2, 2, 2, 3, 3, 3, 5, 3, 2, 3, 3, 4, 5, 3, 3, 6, 3, 3, 3, 5, 3, 2, 4, 3, 3, 2, 3, 5, 5, 1, 3, 4, 5, 3, 2, 2, 4, 1, 2, 4, 4, 5, 2, 1, 1, 4, 3, 3, 3, 3, 4, 2, 1, 3, 3, 2, 1, 3, 2, 2, 4, 3, 1, 3, 3, 3, 3, 1, 1, 2, 2, 2, 2, 4, 3, 2, 2, 1, 2, 4, 1, 1, 6, 3, 3, 3, 3, 2, 3, 3, 4, 4, 3, 2, 2 [2, 2] .

В синтагматическую структуру данной речи входят шесть структурных видов синтагм: 1-словные – 12; 2-словные – 23; 3-словные – 39; 4-словные – 14; 5-словные – 9; 6-словные – 3. Эти числа отражают объём (количество компонентов) всех ста синтагм.

Частота употреблений разных по объёму синтагм в этом фрагменте художественной речи отражена в таблице 1.

Таблица 1

Частотность синтагм в романе М. Лермонтова «Герой нашего времени»

Место по частотности в тексте	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в тексте в процентном выражении %
1	3-словная	38	114	38
2	2-словная	25	50	25
3	4-словная	15	60	15
4	1-словная	13	13	13
5	5-словная	7	35	7
6	6-словная	2	12	2
Всего:		100	284	100 %

Наиболее активны здесь синтагмы с тремя и двумя компонентами. В тексте их соответственно 38 и 25, т. е. 63 единицы на 100 синтагм.

Чем больше компонентов в синтагме, тем менее они употребительны. Однокомпонентные синтагмы в данном тексте занимают четвертую позицию по частоте употребления синтагм в зависимости от их объёма.

Для сопоставления показателей синтагмы в разных видах речи и в речи разных языков, целесообразно введение понятия **условная синтагма**, под которой понимается абстрактная минимальная среднестатистическая структура, способствующая изучению типичных явлений при порождении и восприятии речи. Ориентировочный объём условной синтагмы применительно к той или иной речи можно определить по формуле:

$$O = \frac{K}{C}$$

В ней: **O** – объём условной синтагмы; **K** – количество компонентов в структуре всех синтагм контекста; **C** – общее число синтагм в контексте.

То есть объём условной синтагмы равняется частному от деления числа, отражающего общее количество компонентов (знаменательных слов, имеющих ударение) в структуре всех синтагм, на число синтагм в нём.

Наблюдения показали: для определения объёма условной синтагмы достаточно контекста в полстраницы. Исследование оставшейся части текста лишь подтверждает полученный результат. Погрешности при этом не превышают 2 %.

В рассматриваемом контексте 100 синтагм, в них 284 компонента. Объём условной синтагмы очевиден: $284 : 100 = 2,8$ компонента (т. е. 3 слова).

Для сопоставления рассмотрим синтагматическую структуру речи повести А. П. Чехова «Степь» и романа К. Г. Паустовского «Золотая роза». Сначала фрагмент из повести Чехова.

Из N., / уездного города Z-ой губернии, / ранним июльским утром / выехала / и с громом покатила по почтовому тракту / безрессорная, ошарпанная бричка, / одна из тех допотопных бричек, / на которых ездят теперь на Руси / только купеческие приказчики, / гуртовщики / и небогатые священники. // Она / тарахтела и взвизгивала / при малейшем движении; // ей угрюмо вторило ведро, / привязанное к ее задку, – // и по одним этим звукам / да по жалким кожаным тряпочкам, / болтавшимся на ее облезлом теле, / можно было судить / о ее ветхости / и готовности идти в слом. ///

В бричке / сидело двое N-ских обывателей: // N-ский купец Иван Иванович Кузьмичов, / бритый, / в очках / и в соломенной шляпе, / больше похожий на чиновника, / чем на купца, / и другой – / отец Христофор Сирийский, / настоятель N-ской Николаевской церкви, / маленький длинноволосый старичок в сером парусиновом кафтане, / в широкополом цилиндре / и в шитом, цветном поясе. // Первый / о чем-то сосредоточенно думал / и встряхивал головою, / чтобы прогнать дремоту; // на лице его / привычная деловая сухость / боролась с благодушием человека, / только что простившегося с родней / и хорошо выпившего; // второй же / влажными глазками / удивленно глядел на мир божий / и улыбался так широко, / что, казалось, / улыбка захватывала даже поля

цилиндра; // лицо его / было красно / и имело озябший вид. // Оба они, / как Кузьмичов, / так и о. Христофор, / ехали теперь продавать шерсть. // Прощаясь с домочадцами, // они только что сытно закусили пышками со сметаной / и, несмотря на раннее утро, / выпили... // Настроение духа / у обоих было прекрасное.

Кроме только что описанных двух / и кучера Дениски, / неугомонно стегавшего по паре шустрых гнедых лошадок, / в бричке находился еще один пассажир – // мальчик лет девяти, / с темным от загара и мокрым от слез лицом. // Это был Егорушка, / племянник Кузьмичова. // С разрешения дяди / и с благословения о. Христофора, // он ехал куда-то поступать в гимназию. // Его мамаша, / Ольга Ивановна, / вдова коллежского секретаря / и родная сестра Кузьмичова, / любившая образованных людей и благородное общество, / умолила своего брата, / ехавшего продавать шерсть, / взять с собою Егорушку / и отдать его в гимназию; // и теперь мальчик, / не понимая, / куда и зачем он едет, / сидел на облучке рядом с Дениской, / держался за его локоть, / чтоб не свалиться, / и подпрыгивал, / как чайник на конфорке. //

От быстрой езды / его красная рубаша / пузырем вздувалась на спине / и новая ямщицкая шляпа с павлиньим пером / то и дело сползала на затылок. // Он чувствовал себя / в высшей степени несчастным человеком / и хотел плакать. // Когда бричка проезжала мимо острога, / Егорушка взглянул на часовых, / [тихо ходивших около высокой белой стены...].

В данном фрагменте последовательно тоже представлены сто синтагм. Количество компонентов в них отражает следующий ряд цифр:

1, 4, 3, 1, 4, 3, 4, 4, 3, 1, 2, 1, 4, 4, 3, 3, 3, 4, 3, 2, 3, 1, 4, 5, 1, 1, 2, 3, 2, 1, 3, 4, 6, 2, 3, 1, 3, 2, 3, 2, 3, 3, 3, 2, 1, 2, 4, 3, 2, 5, 2, 2, 3, 2, 2, 3, 4, 2, 6, 3, 1, 2, 3, 4, 2, 6, 5, 3, 5, 3, 2, 2, 3, 5, 2, 2, 3, 3, 5, 3, 3, 3, 3, 2, 1, 4, 4, 3, 2, 1, 3, 2, 3, 3, 5, 3, 3, 4, 2, 5.

Синтагматическую структуру контекста образуют шесть видов синтагм: 1-словные – 13; 2-словные – 25; 3-словные – 36; 4-словные – 15; 5-словные – 8; 6-словные – 3.

Частотность разных по объёму синтагм в повести отражена в таблице 2.

Частотность синтагм в повести А. П. Чехова «Степь»

Место по частотности в тексте	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в тексте в процентном выражении %
1	3-словная	36	108	36
2	2-словная	25	50	25
3	4-словная	15	60	15
4	1-словная	13	13	13
5	5-словная	8	40	8
6	6-словная	3	18	3
Всего:		100	289	100 %

Как видим, и в повести А. П. Чехова тоже наиболее активны синтагмы с тремя и двумя компонентами. В тексте их соответственно 36 и 25, т. е. 61 единица на 100 синтагм.

Однословные синтагмы по частоте употребления занимают здесь, как и в предыдущем примере четвёртую позицию.

Очевидным становится факт, согласно которому чем больше компонентов в синтагмах, начиная с пятой, тем менее они употребительны.

Объём условной синтагмы здесь – 2,9 компонента.

Теперь обратимся к речи романа К. Г. Паустовского «Золотая роза» и выясним структурные показатели его синтагм и их активность.

Я живу / в маленьком доме / на дюнах. // Всё Рижское взморье / в снегу. // Он всё время / слетает с высоких сосен длинными прядями / и рассыпается в пыль. /// Слетает он от ветра / и оттого, / что по соснам прыгают белки. // Когда очень тихо, / то слышно, / как они шелушат сосновые шишки. ///

Дом стоит / у самого моря. // Чтобы увидеть море, / нужно выйти за калитку / и немного пройти / по протоптанной в снегу тропинке / мимо заколоченной дачи. ///

На окнах этой дачи / ещё с лета / остались занавески. // Они шевелятся от слабого ветра. // Должно быть, / ветер проникает сквозь незаметные щели в пустую дачу, // но издали кажется, / что кто-то подымает занавеску / и осторожно следит за тобой. ///

Море не замёрзло. / Снег лежит / до самой кромки воды. // На нём видны следы зайцев. /// Когда на море подымается волна, / то слышен не шум прибоя, / а хрустенье льда/ и шорох оседающего снега. ///

Балтика зимой / пустынна и угрюма. ///

Латыши называют её «Янтарным морем» / («Дзинтара юра»). // Может быть, / не только потому, / что Балтика выбрасывает много янтаря, // но ещё и потому, / что её вода / чуть заметно / отливает янтарной желтизной. ///

По горизонту / весь день / лежит слоями тяжёлая мгла. // В ней пропадают очертания низких берегов. // Только кое-где в этой мгле / опускаются над морем / белые косматые полосы – // там идёт снег. ///

Иногда / дикие гуси, / прилетевшие в этом году слишком рано, // садятся на воду / и кричат. // Тревожный их крик / далеко разносится по берегу, // но не вызывает отклика – // в прибрежных лесах зимой / почти нет птиц. ///

Днём в доме, / где я живу, / идёт привычная жизнь. // Трещат дрова в разноцветных кафельных печах, / приглушённо стучит пишущая машинка, // молчаливая уборщица Лиля / сидит в уютном холле / и вяжет кружево. // Всё обыкновенно / и очень просто. ///

По вечерам / кромешная темнота окружает дом, // сосны придвигаются к нему вплотную, / и, когда выходишь из ярко освещённого холла наружу, // тебя охватывает ощущение полного одиночества, // с глазу на глаз, / с зимой, / морем / и ночью. ///

Море уходит на сотни миль в чёрно-свинцовые дали. // На нём не видно / ни одного огонька. / И не слышно / ни одного всплеска. ///

Маленький дом стоит, / как последний маяк, / на краю туманной бездны. // Здесь обрывается земля. // И поэтому кажется удивительным, // что в доме

спокойно горит свет, / поёт радио, / мягкие ковры заглушают шаги, // а на столах / [лежат раскрытые книги и рукописи].

В данном речевом фрагменте тоже сто синтагм. Объём их в соответствии с их последовательностью таков:

2, 2, 1, 3, 1, 3, 5, 2, 3, 1, 3, 3, 1, 5, 2, 2, 3, 3, 2, 3, 2, 3, 2, 2, 4, 2, 6, 2, 3, 3, 2, 2, 3, 4, 4, 3, 2, 3, 2, 2, 5, 2, 2, 2, 4, 2, 2, 2, 3, 1, 2, 4, 5, 4, 2, 3, 3, 1, 2, 5, 2, 1, 3, 3, 2, 3, 3, 2, 3, 3, 5, 4, 3, 3, 2, 2, 2, 1, 4, 4, 6, 5, 2, 1, 1, 1, 7, 2, 2, 1, 2, 3, 3, 3, 3, 3, 4, 2, 4, 1.

Синтагматическую структуру речи составляют следующие структурные виды синтагм: 1-словные – 13; 2-словные – 36; 3-словные – 30; 4-словные – 11; 5-словные – 7; 6-словные – 2 и 7-словные – 1.

Как и в предыдущем случае, наиболее активными синтагмами здесь являются соответственно 2-словные, 3-словные и 1-словные.

По сравнению с рассмотренным контекстом данный речевой отрывок включает уже семь структурных видов синтагм. Общее количество компонентов в них – 273. Показатели активности всех синтагм и их компонентов можно представить в таблице 3.

Таблица 3

Частотность синтагм в романе К.Г. Паустовского «Золотая роза»

Место по частотности в тексте	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в тексте в процентном выражении %
1	2-словные	36	72	36
2	3-словные	30	90	30
3	1-словные	13	13	13
4	4-словные	11	44	11
5	5-словная	7	35	7
6	6-словная	2	12	2
7	7-словные	1	7	1
Всего:		100	273	100 %

Наиболее активны здесь 2-словные и 3-словные синтагмы. На сто синтагм текста эти два вида синтагм занимают 66 позиций, тогда как на долю остальных пяти видов синтагм разного объёма приходится лишь 34 позиции.

Объём условной синтагмы здесь составляет: $273 : 100 = 2,7$.

В таблице 4 отражена частотность синтагм в русской художественной речи.

Таблица 4

Частотность синтагм в русской художественной речи

Место по частотности в тексте	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в тексте в процентном выражении %
1	3-словные	104	312	34,3
2	2-словные	86	172	28,8
3	4-словные	41	164	14,3
4	1-словные	39	39	13,3
5	5-словная	22	110	7,3
6	6-словная	7	42	1,7
7	7-словные	1	7	0,3
Всего:		300	846	100 %

На основании всех текстов можно отметить, что количество 1-словных синтагм в них почти одно и то же (12, 13 и 13), наиболее активными являются одни и те же структурные виды синтагм; их общее количество в каждом из рассмотренных контекстов тоже почти одинаковое (соответственно 62, 61 и 66). Подобная картина наблюдается и с использованием 4-словных синтагм (14, 15 и 11). Обращает на себя внимание то, что в русской художественной речи четыре структурных вида синтагм – 3-, 2-, 4- и 1-словные – составляют около 90 % структуры текста. На долю остальных трёх видов синтагм приходится лишь 10 % текста. С объёмом синтагм в русской разговорной речи можно познакомиться на материале следующего речевого фрагмента.

Маша, / ты даже не представляешь, / какая у нас соседка. / Она уже немолода / и малость плохо слышит. / Все бы ничего. / Но она включает утром / в своей гостиной / телевизор / на всю ивановскую. / А слушает его / из кухни, / где в кастрюлях все булькает / и на сковородках шкварчит! / Так он целый день и орёт. / Смотрит / все подряд, / особенно всякую политику. / Мы за стенкой / чувствуем себя так, / будто у нас тут / заседания правительства. / Или

агитплощадка перед выборами. /// Иногда / ей сын звонит. // Так ты думаешь, / мы хоть на секунду отдыхаем / от ее «зомбоящика»? // Еще чего! // Сначала / телефон «разрывается» минут пять, // потому что она со своим правительством / ничего не слышит. / Зато мы за стенкой / слышим: / Алеша звонит. /// В общем, / Алеша названивает долго и упорно, / потому что уже знает привычки матери. / Соседка, / наконец, / слышит звонок, / бежит и хватает трубку. / В это время / депутаты / по телевизору / громко продолжают свои речи. /// Поэтому она начинает орать в трубку, / пытаясь их перекричать. / Иногда / соседка слышит по «ящику» / какую-то важную политическую информацию. // Например, / там скажут, / какая партия / плохая, / а какая / хорошая. / Тогда она спешит во двор / на лавочку / агитировать подруг, / за кого голосовать. / Дескать, / сегодня у неё самые точные данные. // Эти споры / затягиваются надолго, / другие соседки / могут оказаться против ее любимых депутатов. / А телевизор, / Маша, / телевизор свой / она при этом / выключить забывает. / Да что там, / вообще не думает его выключать! Чтобы не дай бог / не пропустить что-то важное. / Так он и вопит несколько часов, / никому не нужный, / а мы в своей квартире / его слушаем. / Она, / как азартный игрок, / включилась в игру по оболваниванию населения, / а у нас головы трещат. /// А то еще часто / включит его ни свет ни заря// и начинается у нас / очередной дурдень. /// И никуда не убежишь, // ничего не исправишь, / не будешь ведь с нею ругаться. // Бесполезно: // это натура. /// В таких ситуациях / у кого-то есть возможность поменять квартиру, / а у нас такой возможности нет. // Дом старый, / далеченько от центра, / да и соседка что надо. ///

В данной речи использовано 100 синтагм, в которых 244 компонента.

1, 3, 3, 3, 3, 2, 3, 2, 1, 2, 2, 1, 4, 2, 5, 1, 2, 3, 2, 3, 3, 2, 3, 1, 2, 2, 3, 2, 2, 1, 4, 4, 2, 3, 1, 2, 1, 4, 5, 1, 1, 2, 3, 2, 1, 1, 4, 5, 3, 1, 3, 4, 1, 2, 2, 1, 1, 1, 4, 1, 2, 2, 1, 5, 2, 2, 2, 6, 1, 1, 2, 2, 2, 2, 4, 3, 3, 5, 2, 3, 2, 1, 3, 4, 3, 3, 4, 2, 2, 2, 2, 4, 1, 2, 2, 5, 4, 2, 2, 3.

Здесь в синтагматической структуре текста шесть структурных видов синтагм: 1-словных – 23; 2-словных – 37; 3-словных – 21; 4-словных – 12; 5-словных – 6; 6-словных – 1.

Их порядок по активности с указанием процентного её соответствия представлен в таблице 5.

Таблица 5

Частотность разных по объёму синтагм в русской разговорной речи

Место по частотности в речи	Объём синтагм	Количество синтагм в речи	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в речи в процентном выражении %
1	2-словная	37	74	37
2	1-словная	23	23	23
3	3-словная	21	63	21
4	4-словная	12	48	12
5	5-словная	6	30	6
6	6-словная	1	6	1
Всего:		100	244	100 %

В русской разговорной речи отмечено шесть видов синтагм. Преобладают в ней (соответственно) двух-, одно-, трёх- и четырёхсловные синтагмы. Они составляет около 93 % формата речи, для оставшихся двух видов синтагм приходится 7 % . Использование здесь синтагм с пятью и особенно шестью компонентами носит единичный характер. Объём условной синтагмы составляет: $244 : 100 = 2,4$ компонента.

Теперь рассмотрим структуру и объём синтагм в русской научной речи. Используем для этого фрагмент из монографии Д. Н. Шмелёва «Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке» [427, с. 3-4].

В определении задач синтаксиса / и его основных единиц / никогда не существовало единства, // но не будет преувеличением сказать, // что по мере накопления разнообразных синтаксических фактов / различие мнений и точек зрения / всё время только увеличивалось. /// К настоящему времени / сложилась такая ситуация, // что многие синтаксические исследования / начинаются с утверждения, // что предмет и задачи синтаксиса / пока остаются неопределёнными, // вместе с тем / именно в настоящее время / обнаружен целый ряд синтаксических явлений, / до сих пор вообще не привлекавших к себе внимания

/ (особенно из области разговорной речи) / и требующих специальной интерпретации. ///

Попытки отойти от многих традиционных категорий и определений синтаксиса – / в связи с явным несовершенством и недостаточностью последних – / в ряде случаев / привели только к увеличению терминологической синонимии и омонимии / в синтаксической науке, // так как тотчас же / со всей очевидностью выявилось, // что основные категории традиционного синтаксиса, / такие, например, / как предложение, / главные члены предложения, / предикативность / и т. д. / в той или иной форме // (иногда в скрытой) // продолжают присутствовать в синтаксическом анализе, // даже таком, / который, по замыслу авторов, / был как будто призван отрешиться от них. ///

В то же время наметилась / одна характерная особенность многих новейших синтаксических исследований. ///

При всём многообразии, // а часто и несовместимости существующих в настоящее время синтаксических теорий, / выходящих за рамки традиционных синтаксических понятий, / их часто объединяет / одна общая черта – // это стремление найти основание наблюдаемых синтаксических фактов / за пределами самих этих фактов – // в «глубинных структурах», / в коммуникативном задании высказывания, / в структуре ситуации / и т.п. // Н.Д. Арутюнова, например, // пишет: // «Предметом сообщения / является предложение. // В трактовке этой единицы синтаксиса / нам хотелось бы отдалиться от формально-реалистического подхода, / исключаящего из структуры предложения всё то, // что не дано в материальном облике словоформ. //

Принятый нами подход «от лукавого» / допускает присутствие в строе предложения и некоторых незримых (или неслышимых) единиц, / выявляемых в процессе анализа». /// В цитированной работе / допускается только присутствие незримых или неслышимых единиц / в строе реально наблюдаемых предложений, // во многих же других работах / последние вообще, / по мнению авторов, / должны быть сведены / к подобного рода незримым и неслышимым элементам.

/// Понятно, // что связь между словами / отражает / связь между реальными явлениями внеязыковой действительности, // поэтому разнообразные типы словесных связей / можно свести / к определённым внеязыковым ситуациям, / установив, // какие из конструкций являются основными, / первичными / для изображения данной ситуации, // а какие – // «производными». //

Однако это / далеко не всегда даёт возможность вскрыть соотношение самих данных конструкций, // что является как раз задачей синтаксиса. /// В основе значительной части современных синтаксических исследований / лежит идея, / согласно которой / структура предложения / предопределена семантическими особенностями входящего в предложение глагола. // Ещё в 1934 г. / Л. Теньер предложил объяснять / особенности строения предложения / через валентность глагола. // Глагольный “узел”, / согласно выдвинутому Л. Теньером представлению, – // это “маленькая драма”; // подобно тому как в драме действуют герои в различных обстоятельствах, // так и в предложениях / мы находим “актанты” / и выражающие различные обстоятельства “сирконстанты”./

Количество компонентов в каждой из ста синтагм можно представить следующим рядом чисел:

3, 3, 3, 4, 6, 4, 4, 2, 3, 4, 2, 4, 3, 2, 3, 5, 6, 4, 3, 7, 5, 2, 6, 2, 2, 3, 5, 2, 2, 3, 1, 2, 3, 2, 4, 2, 3, 5, 3, 7, 2, 7, 5, 3, 3, 7, 4, 2, 2, 4, 1, 2, 2, 4, 6, 5, 5, 4, 8, 3, 2, 7, 4, 3, 2, 2, 3, 5, 1, 3, 1, 5, 5, 2, 3, 1, 4, 1, 3, 1, 1, 2, 9, 5, 6, 2, 2, 2, 6, 6, 4, 3, 3, 2, 5, 3, 8, 2, 3, 4.

Общее количество компонентов в них 354.

Объём условной синтагмы контекста таков: $354 : 100 = 3,5$ компонента

Наиболее употребительны синтагмы с количеством компонентов от двух до пяти. Они составляют около 77 % от числа всех употреблённых синтагм.

В научной речи Шмелёва используются также многокомпонентные синтагмы, включающие 8 и 9 компонентов. Это обусловлено наличием составных терминов.

В таблице 6 отражены объём и частотность синтагм в научной речи монографии Д. Н. Шмелёва, а также обусловленность активности синтагм их объёмом.

Частотность разных по объёму синтагм в монографии Д. Н. Шмелёва

Место по частотности в тексте	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в тексте в процентном выражении %
1	2-словная	26	52	26
2	3-словная	24	72	24
3	4-словная	15	60	15
4	5-словная	12	60	12
5	1-словная	8	8	8
6	6-словная	7	42	7
7	7-словная	5	35	5
8	8-словная	2	16	2
9	9-словная	1	9	1
Всего:		100	354	100 %

Как видим, первые по активности четыре синтагмы занимают 77 % текста, тогда как на долю остальных пяти структурных видов синтагм приходится только 23 % формата текста.

Рассмотрим ещё один пример русской научной речи. В качестве объекта исследования возьмём классическую работу Л. В. Щербы «О частях речи в русском языке» [431, с. 77].

В последние десятилетия / в русском языкознании / по поводу пересмотра содержания элементарного курса русской грамматики / всплыл очень старый вопрос // о так называемых «частях речи». /// В грамматиках и словарях большинства старых, установившихся языков, / существует традиционная, / тоже установившаяся, / номенклатура, / которая в общем удовлетворяет практическим потребностям // и потому мало кому приходит в голову / разыскивать основания этой номенклатуры / и проверять ее последовательность. /// В сочинениях по общему языкознанию // к вопросу / обыкновенно подходят / с точки зрения происхождения категории «частей речи» вообще // и лишь иногда / с точки зрения способов их выражения в разных языках,

/ и мало говорится о том, // что сами категории / могут значительно разниться / от языка к языку, // если подходить к каждому из них / как к совершенно автономному явлению, / а не рассматривать его / сквозь призму других языков. /// Поэтому, / может быть, не бесполезно / было предпринять полный пересмотр вопроса / применительно к каждому отдельному языку / в определенный момент его истории. /// Не претендуя на абсолютную оригинальность, / я попробую это сделать / по отношению к современному живому русскому языку образованных кругов общества. /// Прежде чем перейти, / однако, / к русскому языку, / я позволю себе остановиться, / на некоторых общих соображениях. ///

1 [Первое]. / Хотя, подводя отдельные слова под ту или иную категорию / («часть речи»), / мы получаем своего рода классификацию слов, / однако самое различие «частей речи» / едва ли можно считать результатом «научной» классификации слов. /// Ведь всякая классификация / подразумевает некоторый субъективизм классификатора, / в частности, / до некоторой степени произвольно выбранный *principium divisionis*. /// Таких *principia divisionis* / в данном случае / можно было бы выбрать очень много, / и соответственно этому, / если задаться целью «классифицировать» слова, / можно бы устроить много классификаций слов / более или менее остроумных, / более или менее удачных. /// Например, / можно разделить все слова / на слова, / вызывающие приятные эмоции, / и слова безразличные / или на основные / и производные, // а первые – / на слова одинокие, / не имеющие родственных связей, / и на слова, их имеющие, / и т. п. ///

Эту множественность возможных классификаций, / справедливо отметил Н. Н. Дурново / в своей статье «Что такое синтаксис». /// Д. Н. Ушаков / в своем отличном учебнике по языковедению / прямо учит, / что возможны две классификации слов: // по значению / и по формам. /// Однако в вопросе о «частях речи» / исследователю вовсе не приходится классифицировать слова / по каким-либо ученым / и очень умным, / но предвзятым принципам, / а он должен разыскивать, / какая классификация / особенно настойчиво навязывается самой языковой системой / или, точнее, – / ибо дело вовсе не в «классификации», – // под

какую **общую категорию** подводится / то или иное лексическое значение / в каждом отдельном случае, // или, еще иначе: / какие **общие категории** различаются / в данной языковой системе. ///

2 [Второе]. / Само собой разумеется, / что должны быть какие-либо внешние выразители этих категорий. /// Если их нет, / то нет в данной языковой системе / и самих категорий... ///

В данном контексте тоже 100 синтагм. Их объём и последовательность представлены следующим рядом чисел:

2, 2, 7, 4, 4, 6, 2, 2, 1, 5, 5, 4, 3, 3, 1, 2, 7, 2, 7, 3, 3, 3, 2, 4, 4, 2, 4, 1, 3, 5, 4, 4, 3, 4, 8, 2, 1, 2, 4, 3, 1, 7, 2, 6, 5, 7, 2, 4, 1, 6, 3, 2, 5, 2, 5, 5, 3, 3, 1, 4, 3, 2, 2, 1, 1, 2, 3, 3, 2, 4, 3, 5, 1, 4, 2, 5, 1, 1, 4, 5, 2, 2, 2, 3, 2, 6, 2, 4, 4, 4, 3, 3, 4, 3, 1, 3, 8, 3, 3, 2.

В таблице 7 частотность употребления синтагм в зависимости от их структуры и объёма в русской научной речи отражена.

Таблица 7

Частотность разных по объёму синтагм в научной речи Л. В. Щербы

Место по частотности в тексте	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в тексте в процентном выражении %
1	2-словная	25	50	25
2	3-словная	22	66	22
3	4-словная	19	76	19
4	1-словная	13	13	13
5	5-словная	10	50	10
6	7-словная	5	35	5
7	6-словная	4	24	4
8	8-словная	2	16	2
Всего:		100	330	100 %

Общее количество компонентов в контексте 330. Объём условной синтагмы в контексте: $330 : 100 = 3,3$ компонента.

Наиболее употребительны синтагмы с количеством компонентов от одного до пяти в последовательности: 2-словная, 3-словная, 4-словная, 1-словная и 5-словная. Они составляют почти 90 % от числа всех употреблённых синтагм.

Синтагмы, включающие 6, 7 и 8 компонентов, составляют около 10 % структуры текста.

Для полноты картины обратим внимание на интересующие нас особенности синтагм в научной речи академика В. В. Виноградова [100, с. 254], которую можно считать образцовой.

Слова и словосочетания – / по грамматическим правилам и законам, // свойственным данному языку, – // соединяются в предложения. ///

Конкретное содержание предложений / не может быть предметом грамматического рассмотрения. // Грамматика изучает лишь структуру предложения, / типические формы предложений, / присущие тому или иному общенародному языку / в его историческом развитии. ///

Построение предложения – / один из самых важных, самых существенных элементов грамматического строя языка, // Грамматические формы предложения и его членов / специфичны для отдельного языка / или группы родственных языков. // Изучая законы построения речи, / в которой реализуется и выражается мысль, / грамматика / обычно кладет учение о предложении / в основу синтаксиса. /// В истории предложения и связанных с ним грамматических категорий / ярко сказываются / основные внутренние законы развития того или иного конкретного языка. // При общей устойчивости грамматического строя любого языка / предложение, / способы его построения / и его господствующие формы / являются наиболее устойчивыми элементами структуры языка. // Они сохраняются в основном / в течение ряда эпох. ///

Предложение – / это грамматически оформленная по законам данного языка / целостная / (т. е. неделимая далее на речевые единицы / с теми же основными структурными признаками) / единица речи, / являющаяся главным средством формирования, / выражения / и сообщения мысли. // Язык как орудие общения и обмена мыслями между всеми членами общества // пользуется предложением / как основной формой общения. // Правила употребления слов в функции предложений / и правила соединения слов и словосочетаний в предложении – //

ядро синтаксиса того или иного языка. // На основе этих правил / устанавливаются разные виды или типы предложений, / свойственные данному конкретному языку. // В предложении / выражается не только сообщение о действительности, / но и отношение к ней говорящего. ///

Каждое предложение / с грамматической точки зрения / представляет собой внутреннее единство словесно выраженных его членов, / порядка их расположения / и интонации. /// Предложение как главная грамматическая форма выражения и сообщения мысли в процессе общения / сначала послужило основой для логического анализа суждения / как формы мышления. /// Поэтому / уже в античной грамматике / теория предложения / и теория суждения / переплетались, / а иногда / и прямо смешивались. /// Это смешение / отчасти выражалось и в том, / что термин «предложение» / (*propositio*, / *proposition*, / ср. нем. *Satz*), / например, в русском языке / долгое время / служил для обозначения / как суждения, / так и формы его словесного выражения. //

На почве такого смешения, / на основе античной теории предложения-суждения / и была создана в XVII–XVIII вв. / универсальная схема предложения и его членов, / которая долгое время применялась для анализа предложений всех языков мира. /// В каждом предложении // (нередко даже в безличном / или бессубъектном), // в отвлечении от его грамматической структуры, / отыскивались / путем чисто смысловых, логических соображений / субъект / (подлежащее), / т. е. то, / о чем идет речь, / и предикат / (сказуемое), / т. е. то, / что говорится о предмете речи, / а затем / объект или объекты / (дополнение) – // названия других предметов, кроме подлежащего. ///

Здесь, как и во всех остальных контекстах, 100 синтагм. Их объём и последовательность представлены следующим рядом чисел:

2, 3, 3, 2, 3, 5, 5, 3, 6, 3, 2, 9, 5, 3, 4, 4, 4, 1, 4, 2, 6, 2, 9, 6, 1, 3, 3, 6, 3, 3, 1, 6, 1, 5, 4, 2, 4, 1, 2, 10, 2, 4, 5, 5, 6, 3, 6, 4, 1, 4, 4, 2, 3, 8, 3, 1, 10, 6, 3, 1, 3, 2, 2, 1, 1, 2, 2, 3, 3, 1, 1, 3, 3, 2, 2, 2, 5, 3, 5, 5, 5, 9, 2, 3, 2, 4, 1, 5, 1, 1, 2, 3, 1, 1, 2, 4, 1, 3, 1, 3.

Частотность синтагм в зависимости от их объёма представлена в таблице 8.

Таблица 8

Частотность разных по объёму синтагм в речи В. В. Виноградова

Место по частотности в тексте	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в тексте в процентном выражении %
1	3-словная	24	72	24
2	2-словная	20	40	20
3	1-словная	19	19	19
4	4-словная	12	48	12
5	5-словная	11	55	11
6	6-словная	8	48	8
7	9-словная	3	27	3
8	10-словная	2	20	2
9	8-словная	1	8	1
10	7-словная	0	0	0
Всего:		100	337	100 %

Объём условной синтагмы: $337 : 100 = 3,4$

В таблице 9 отражена частотность синтагм в русской речи в целом.

Таблица 9

Активность разных по объёму синтагм в русской речи

Место по частотности в речи	Объём синтагм	Количество синтагм в речи	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в речи в процентном выражении %
1	3-словная	195	585	27,8
2	2-словная	194	388	27,7
3	1-словная	102	102	14,6
4	4-словная	99	396	14,2
5	5-словная	61	305	8,7
6	6-словная	27	162	3,8
7	7-словная	11	77	1,6
8	8-словная	5	40	0,7
9	9-словная	4	36	0,6
10	10-словная	2	20	0,3
Всего:		700	2111	100 %

Общее количество синтагм в представленных здесь контекстах – 700.

Объём условной синтагмы равен: $2111 : 700 = 3,0$.

Наиболее активными являются 3-словные, 2-словные, 1-словные и 4-словные синтагмы. В целом они представляют около 85 % текста. Причём 3-словные и 2-словные используются примерно одинаково, занимая почти по 30 % структуры текста. На третьем месте – 1-словные синтагмы, которые используются более чем в 2 раза реже. У них – 14–15 % текста. Почти такая же ситуация и с 4-словными синтагмами (их – 14,2 %). Частотность 5-словных синтагм составляет 8–9 %. Реже используются 6-словные синтагмы: их в 2 раза меньше чем 5-словных.

Остальные синтагмы (7-, 8-, 9- и 10-словные) используются эпизодически, в основном в научной речи, их около 3 %.

В русской речи 1-словные синтагмы наиболее часто употребляются в разговорной её разновидности. Здесь их в два с половиной раза больше, чем в художественных текстах с аналогичным количеством синтагм.

В научной речи 1-словные синтагмы – это в основном вводные слова и понятия, на которых акцентируется внимание.

По частоте употребления они в целом на третьем месте – после 2-словных и 3-словных синтагм. Их здесь примерно 14–15 единиц на каждые сто синтагм текста.

6.3. Структура, объём и частотность синтагм в украинской речи

Теперь рассмотрим структуру и объём синтагм в аналогичных сферах украинской речи. Сначала обратимся к художественной речи, используя для этого повесть М. Коцюбинского «Фата-Моргана».

Ідуть дощі // холодні осінні тумани / клубочаться вгорі / і спускають на землю / мокрі коси // пливе у сірі безвісті нудьга // пливе безнадія // і стиха хлипає

сум // плачуть голі дерева // плачуть солом'яні стріхи // вмивається сльозами
 убогая земля / і не знає / коли осміхнеться // сірі дні / змінюють темні ночі // де
 небо // де сонце // міради дрібних крапель / мов вмерлі надії / що знялись занадто
 високо / спадають додолю / і пливуть / змішані з землею / брудними потоками //
 нема простору // нема розваги // чорні думи / горе серця / крутяться тут / над
 головою / висять хмарами / котяться туманом // і чуєш коло себе тихе ридання /
 немов над вмерлим...///

Маленьке / сіре / заплакане віконце // крізь його видко обом / і Андрієві і
 Маланці / як брудною / розгужлою дорогою / йдуть заробітчани // йдуть та
 йдуть / чорні / похилені / мокрі / нещасні // немов каліки-журавлі / що відбились
 од свого ключа // немов осінній дощ // йдуть / і зникають у сірій безвісті...///

Тьмяно в халупці // цідять морок маленькі вікна // хмуряться вогки кутки /
 гнітять низька стеля / і плаче зажурене серце // з цим безконечним рухом / з цим
 безупинним спаданням дрібних крапель / пливуть і згадки // як крапли сі // упали й
 загинули в болоті дні життя / молоді сили / молоді надії // все пішло на других /
 на сильніших / на щасливіших / немов так і треба.

Немов так і треба /// А дощ іде // Горбатими тіннями / у хатнім присмерку /
 сидять старі, / немов рішають загадане Гудзем завдання // чи прийде / коза до
 воза // а мабуть / прийде ///

Сніги впали великі, / і Андрій радо прокида / од порога до воріт стежку //
 Воно все ж робота / та й не мусить чоловік / вічно стирчати в хаті / де світить
 порожнім оком голод та нужда / товчється по вогких кутках // Бо то, / пане
 добродзею, / приходять останні часи: // і рад би щось заробити, // та нема де. //
 Не знаєш, / як перебути зиму. // Маланка чорна, / зсохлась уся на шабатурку, //
 тільки оком пече та колить, / та бухика по хаті, / аж шибки деренчать //
 Весільну пам'ятку маєш, / Маласю. // Аякже.

Здесь 100 синтагм. Общее количество компонентов в них – 236.

Количество компонентов в синтагмах в их линейной последовательности таково:

2, 3, 2, 2, 2, 4, 2, 3, 3, 3, 4, 1, 2, 2, 3, 2, 2, 3, 3, 4, 2, 1, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 1, 2, 2, 4, 2, 1, 1, 2, 3, 2, 1, 2, 2, 2, 1, 1, 1, 1, 3, 4, 3, 1, 3, 2, 4, 3, 3, 3, 3, 5, 2, 3, 5, 2, 2, 3, 1, 1, 3, 3, 2, 2, 2, 5, 1, 2, 1, 1, 3, 3, 3, 3, 3, 3, 6, 3, 1, 2, 3, 3, 2, 1, 3, 2, 3, 4, 2, 2, 3, 1, 1,

Убывающая частотность употребления синтагм в зависимости от их структуры и объёма отражена в таблице 10.

Таблица 10

Частотность синтагм в повести М. Коцюбинского «Фата-Моргана»

Место по частотности в речи	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в тексте в процентном выражении %
1	2-словные	38	76	38
2	3-словные	31	93	31
3	1-словные	20	20	20
4	4-словные	7	28	7
5	5-словные	3	15	3
6	6-словные	1	6	1
Всего:		100	238	100 %

В украинской художественной речи наиболее часто используются 2-, 3х- и 1-компонентные синтагмы. Их здесь соответственно – 38, 31 и 20.

Объём условной синтагмы в украинской художественной речи составляет: $238 : 100 = 2,4$.

Рассмотрим ещё один текст украинской художественной речи (начало четвёртой главы романа О. Гончара «Тронка»).

Океан степів / застиг у полудневій сліпучості. // Все живе / поховалося в тінь, / тільки на північній межі радгоспних земель, / там, / де пролягає траса майбутнього каналу, / стоїть залізний гуркіт бульдозерів. // Могутні, / підвладні людині механізми / раз у раз з'являються на валу / з натужним гуркотом / і, грізно зблиснувши ножами до сонця, / що стоїть у зеніті, / знову провалюються, / глухо зникають / у розвированому земляному хаосі своїх циклопічних робіт. ///

Мине час, / і вже буде тут русло, / блискотітиме аж за обрій світла дніпровська вода, / тихо линучи в степ, / напуваючи довколишні поля. // А зараз

тут / поки що тільки свіже, / як після величезного вибуху, / руйновище порушило
 одвічну дрімоту землі. // Нелегко навіть вгадати / майбутні береги каналу, / між
 якими ще тільки ходять / бульдозери та розрихлювачі, / вибираючи ґрунт з того
 місця, / де буде русло, / розтинаючи його впоперек / глибочезними траншеями-
 штреками. // Бульдозер за бульдозером / так і шугають стрімголов / у глибокі
 пази траншей, / а залишені між ними / вали рихлої необваленої землі / дедалі
 вищають, / ростуть. // Здається, / таку стіну / тільки торкни, / так і
 обвалиться, / але спробуй – / там тонни ґрунту. // Були навіть випадки, / що й
 привалювало людей. // Якось привалило двох робітників, / що сіли в холодку
 поснідати, – / так і відкопали їх / з розрізаною навпіл хлібиною, / з надгризеною
 ковбасою в руках. // Довго потім / слідство велося, / все шукали винуватих... ///

Задуха тут. // Зверху на валах / хоч обвіє тебе, / а в котловані, / на дні
 бульдозерних траншей, / спеки наливо по вінця, / вітерець не дмухне, / незвичний
 там просто зварився б, / а ти ще ж / і в кабіні бульдозера, / в пилюці, / в гуркоті,
 / у випарах пального, / тобі ще й важелями працювати весь час. // І ти працюєш, /
 перевертаєш степ, / бо норми за тебе / ніхто не дасть. ///

Одні працюють, / а інші, / зважаючи на обідню годину, / повиганяли своїх
 робітників з каналу, / вишикували їх в ряд понад валом, / і ножі їхні тепер
 зблискують, / як один ніж. // Самі ж бульдозеристи / тим часом збились у
 затінку, / під польовим вагончиком, / що править їм тут за все: // і за
 гуртожиток, / і за буфет, / і за клуб. // Тінь від вагончика / така куца, / що не
 може прихистити всіх: // сидять, / хто в тіні, / хто на осонні, / хто хліб жує / з
 “Краківською” ковбасою, / а хто смоче з пляшки / пиво “Жигулівське”; // той
 розкинувся – / [спить...].

В фрагменті 100 синтагм. Общее количество компонентов в них – 269.

Таким образом, условная синтагма равна 2,7 компонента.

Автором использовано шесть видов синтагм: Их последовательность и количество компонентов в них представлены следующим рядом чисел:

2, 3, 2, 2, 5, 1, 5, 1, 3, 4, 3, 2, 4, 3, 2, 2, 6, 2, 4, 5, 3, 3, 2, 3, 3, 5, 3, 3, 4, 2, 4, 3, 3, 3, 2, 3, 3, 2, 4, 2, 1, 1, 2, 2, 2, 2, 3, 3, 3, 4, 3, 3, 3, 3, 2, 2, 3, 2, 2, 2, 1, 3, 3, 2, 4, 2, 2, 1, 1, 2, 6, 2, 2, 2, 2, 2, 1, 3, 4, 5, 4, 2, 2, 4, 2, 5, 1, 1, 1, 2, 2, 3, 1, 2, 2, 3, 2, 3, 2, 2,

В этом контексте 1-словных – 12; 2-словных – 40; 3-словные – 29; 4-словные – 11; 5-словные – 6; 6-словные – 2. Активность их представлена в таблице 11.

Таблица 11

Частотность синтагм в романе О. Гончара «Тронка»

Место по частотности в речи	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в тексте в процентном выражении %
1	2-словные	40	80	40
2	3-словные	29	87	29
3	1-словные	12	12	12
4	4-словные	11	44	11
5	5-словные	6	30	6
6	6-словные	2	12	2
Всего:		100	265	100 %

Объём условной синтагмы в романе О. Гончара: $265 : 100 = 2,65$, т. е. примерно такой, как и в художественной речи М. Коцюбинского (2,38).

Показатели синтагм в украинской художественной речи в целом представим в таблице 12.

Таблица 12

Частотность синтагм в украинской художественной речи

Место по частотности в речи	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в тексте в процентном выражении %
1	2-словные	78	156	39
2	3-словные	60	180	30
3	1-словные	32	32	16
4	4-словные	18	72	9
5	5-словные	9	45	4,5
6	6-словные	3	18	1,5
Всего:		200	503	100 %

Условная синтагма равняется $503 : 200 = 2,51$.

Обратимся к украинской разговорной речи (Запись сделана в с. Быковка Житомирской области).

Розповідала про Янківських. / У них все добре, / діти здорові. / Самі працюють, / Галя на роботу / вже з півроку ходить. / Малий пішов у шостий клас. / Дуже бешкетує. / Усі діти спокійні, / щось учать собі, / а воно бігає, / гасає постійно – // ну, ви самі бачили, / там таке чортеня мале. / І дуже хитрий. // Батько, / Олег, / весь час скаржиться, / що він уроки не вчить. / Уже, каже, / хоч шнур від його ноутбука / на роботу забирай, / чи що... // Йому Галя обіцяла / новий мобільний, // якщо без поганих оцінок рік закінчить. // Каже, / все одно балуваний. //

А старша / вже закінчує школу. // Хороша така дівчинка, / тільки хвороблива дуже. // Як звуть? / Полька. / Поліна – / це на честь матері Олега. // Ви ж її пам'ятаєте? // Так от, / я їй кажу: // дуже хороша дитина, / вихована, / скромна така. // Що їй батьки не скажуть, // все робить, / старається. //

Тільки Галя хвилюється, / що дуже худенька. / Ходить на гімнастику / чи щось таке. // А вступати куди буде – // не кажуть. // Може, бояться, // щоб не зурочити... // Чи що... // Не знаю. /// А може, ще не вирішили. /// Он моєму // теж скоро 16, // а він кожного дня / щось нове придумує: // то програмістом буду, // то психологом, // то ще щось. // Я кажу: // «Ти би хоч основні предмети вчив». // Нє, / куди там! ///

Сама Галя / трохи розповніла, // але так нормально взагалі виглядає. // На велосипеді / хоче вчитися їздити. // Сама жаліється, // що розповніла. // А я їй кажу: // «То не їж мучного... // Оті свої пиріжки / весь час смажиш, / а воно шкідливо, // тобі не треба. // Ти ж сама скаржилася, // що печінка болить! / То не їж смаженого». // Ну, вона бідкається, // а все одно по-своєму робить. // Уже доросла жінка – // не переучиш. // Кожен по-своєму. // Так і живемо. // Я до них їздила минулого року, / тільки раз. // Були на могилках у діда й баби. // Там все прибрано, // Галя з Олегом слідкують. // Пам'ятники купили нові, // огорожку. // Вони взагалі молодці. // І хату будують. // Там буде далеченько від центра, // але зате природа там... //

В этом речевом фразеологизме 100 синтагм. Количество компонентов в их структуре в соответствии с их последовательностью таково:

2, 3, 2, 2, 2, 3, 4, 2, 3, 3, 2, 2, 3, 4, 2, 1, 1, 3, 3, 2, 3, 2, 1, 3, 2, 5, 1, 3, 1, 3, 3, 3, 2, 1, 1, 4, 3, 1, 2, 3, 1, 2, 4, 2, 1, 3, 3, 2, 2, 3, 1, 2, 2, 1, 1, 3, 2, 3, 3, 3, 3, 2, 3, 2, 5, 1, 2, 2, 2, 5, 2, 3, 2, 1, 3, 3, 3, 3, 2, 2, 3, 2, 3, 2, 3, 3, 1, 2, 2, 5, 2, 4, 3, 3, 3, 1, 3, 2, 4, 3.

Их порядок по количеству компонентов в синтагмах с указанием процентного соответствия представлен в таблице 13.

Таблица 13

Частотность синтагм в украинской разговорной речи

Место по частотности в речи	Объём синтагм	Количество синтагм в речи	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в речи в процентном выражении %
1	3-словные	38	114	38
2	2-словные	35	70	35
3	1-словные	17	17	17
4	4-словные	6	24	6
5	5-словные	4	20	4
Всего:		100	245	100 %

В украинской разговорной речи преобладают (соответственно) трёх-, двух-, и однокомпонентные синтагмы; их около 90 в речевых фрагментах из 100 синтагм. В ней не отмечено использование синтагм с шестью и более компонентами. Объём условной синтагмы составляет: $245 : 100 = 2,4$ компонента.

Обратимся к синтагматике украинской научной речи, рассмотрим речевой фрагмент из книги И. Р. Выхованца «Нариси з функціонального синтаксису української мови» [101, с. 11].

У даній книзі / розробляються два аспекти функціонального синтаксису / – семантичний / і формальний, // які перебувають у взаємодії / і виявляють основні особливості функціонування синтаксичних одиниць. // У запропонованому варіанті / теорія функціонального синтаксису / в основному орієнтована / на вияв мовних

ознак синтаксичних об'єктів, // що є визначальним / для семантичного і формального різновидів функціонального синтаксису. ///

Функціональний підхід / вносить відповідні корективи / і у визначення сукупності синтаксичних одиниць / та їх ієрархії. // Зокрема, / семантичний синтаксис / має враховувати / денотативні / і логико-семантичні характеристики синтаксичних одиниць / та їх переструктурування у мовно-самантичному плані / відповідно до семантичної структури конкретної мови. ///

Центральним поняттям функціонального синтаксису / є поняття функції, / типи синтаксичних функцій. // Досконалість синтаксичної теорії / у цьому вихідному понятті / стає передумовою / її наукової спроможності / щодо адекватного встановлення функціональних синтаксичних одиниць ///

Останнім часом / до базових понять лінгвістики / увійшло поняття функції. // Проблема функцій у сучасному мовознавстві / являє собою / досить широку сукупність теоретичних ідей, // що уможлиблює тепер / накреслення різних аспектів функціонального підходу до мовних явищ. // У першу чергу / постає потреба / розрізнити функції мови взагалі, / з одного боку, / і функції одиниць відповідних рівнів мови – / з другого. // Лише на тлі функцій мови / рельєфно виділяються функції мовних одиниць, // зокрема синтаксичних. ///

Варто погодитися з В. О. Авроріним, / що “функції мови, / як наукове поняття, / є практичний вияв сутності мови, / реалізації її призначення в системі суспільних явищ, / специфічна дія мови, / зумовлена самою її природою, // те, / без чого мова не може існувати, / як не існує матерія без руху”. ///

Вказівка на першорядність для науки про мову фундаментального поняття функції / ще не розв'язує всього комплексу пов'язаних з ним питань. // Визначення цього поняття / натрапляє на надзвичайно великі складнощі, / породжені переплетенням з ним / багатьох визначальних характеристик мови. ///

Через те / і дотепер, / як слушно відзначає Д. М. Шмельов, / нема однозначного розуміння / ні функцій мови, / ні форм її існування, / ні сфер використання мови / тощо. ///

Отже / проблематика функцій мови / і мовних одиниць / розв'язується по-різному.// До найскладніших проблем / належить визначення функцій мови / як її визначальних характеристик / безвідносно до особливостей конкретної мови, / тобто функцій мови взагалі. //

Ця проблематика / поширюється на ряд таких важливих питань, / як природа / і кількість функцій мови, / їх ранговий характер, / взаємовідношення функцій мови / і властивостей окремих частин та одиниць мовної системи, / зв'язок окремих функцій одиниць мови / з її загальними функціями / та інші. /// Багато дослідників / схиляється до думки, / що функцій мови небагато. // Цю думку / поділяють зокрема В. О. Аврорін, / стверджуючи, / що “функцій у мови декілька, / проте число їх невелике”, / і Н. О. Слючарева./

Структури синтагм к этом речевом фрагменте представлены следующим количеством компонентов:

2, 5, 1, 1, 3, 6, 2, 3, 2, 5, 3, 5, 2, 3, 4, 2, 1, 2, 2, 1, 5, 5, 5, 4, 3, 3, 3, 3, 2, 3, 6, 2, 3, 3, 4, 2, 5, 3, 7, 2, 2, 4, 2, 5, 1, 4, 5, 2, 3, 3, 3, 5, 6, 3, 4, 1, 4, 4, 7, 7, 3, 4, 3, 4, 2, 1, 4, 3, 2, 3, 3, 1, 1, 3, 2, 2, 2, 4, 4, 4, 4, 2, 5, 2, 3, 3, 3, 6, 5, 3, 1, 2, 2, 4, 2, 3, 1, 4, 4, 1.

Степень частотности синтагм в зависимости от их структуры и объёма отражена в таблице 14.

Таблица 14

Частотность синтагм в монографии И.Р. Выхованца

Место по частотности в речи	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в тексте в процентном выражении %
1	3-словные	27	81	27
2	2-словные	24	48	24
3	4-словные	18	72	18
4	5-словные	12	60	12
5	1-словные	12	12	12
6	6-словные	4	24	4
7	7-словные	3	21	3
Всего:		100	318	100 %

Объём условной синтагмы здесь составляет: $318 : 100 = 3,2$ компонента.

Таким образом, условная синтагма в украинской речи в целом составляет примерно 3 слова.

А теперь рассмотрим особенности синтагматики речи в монографії Анатолія Загнитко, которая тоже посвящена синтаксису [147, с. 8].

Синтаксис / є одним із найскладніших і найцікавіших розділів всієї граматики української мови. // Його складність / пояснюється / узагальнювальним (синтезувальним) характером / щодо фонетики, / лексики, / морфології / тощо. // Статус певної лексеми, / морфологічної форми / та й цілої морфологічної категорії / пізнається / у власне-парадигматичному, / семантичному, / синтаксичному / і комунікативному вимірах, // без їх урахування / аналіз будь-якого морфологічного явища / постає невикінченим і недостатнім. //

Синтез різноманітних вимірів функціонування мовних одиниць // найпослідовніше пізнається у синтаксичних структурах, / що найоптимальніше відображають відношення між реаліями об'єктивної дійсності. /// У сучасних умовах / все зримішою / постає необхідність нових підходів / до аналізу особливостей граматичного ладу української мови. // Традиційне висвітлення інвентаря / морфологічних, / синтаксичних категорій, / опис їх структури і співвідношення / поза увагою залишали / центральне гносеологічне питання граматики, // розв'язання якого / передбачає аналіз асиметрії означального й означувального / в структурі мовного знака. ///

Необхідна орієнтація / 1) / на систему морфологічних і синтаксичних одиниць / не на як застиглу величину, / а як на таку, / що перебуває в динаміці, / зумовлювану постійними потребами комунікації, / і 2) / на врахування напрямів реалізації ситуативних, / прагматичних, / когнітивних, / регулятивних, / естетичних завдань. // Сьогодні в граматиці / усталеним / є погляд на синтаксис / як вершинний ярус мовної системи, // відстояні компоненти якого / поповнюють ряди морфологічних засобів. //

На цій підставі / навіть відома класифікація частин мови / зазнавала суттєвих видозмін / (пор. / тлумачення слів категорії стану, / що виділяються / суто на синтаксичній підставі / як окремий клас слів / поряд з іншими частинами мови, / або модальних слів / та ін.). ///

Уява про граматичний лад української мови / може бути повною / тільки за умови послідовного розгляду функціональних особливостей категорійних форм. // Такі дослідження / в сучасних умовах / набувають особливої актуальності, // адже в них граматичне явище / подається в усіх своїх вимірах, / простежується функціональна специфіка граматичних одиниць / у системі мови / і системи мовлення. //

Це дає змогу / визначити спектри первинних і вторинних функцій, / межі їх поширення, / встановити закономірності трансформації вторинних функцій у віртуальні компоненти. //

Уже в умовах елементо-таксонімічної наукової парадигми / була спроба з'ясувати закономірності співвідношення загальнопонятійних універсалій і синтаксичних одиниць. // При цьому / основним завданням поставало / встановлення напрямів корелятивності-некорелятивності судження і речення / та розгляд синтаксичних одиниць / в аспекті логістичних начал // (пор./ праці Арістотеля, / А. Дискола, / А. Арно, / К. Лансло / та ін.).///

Видозміна наукової парадигми / і витворення системно-структурного підходу / до аналізу синтаксичних явищ / зумовила поглиблення розгляду основних синтаксичних одиниць / у плані їх ієрархії / та наявності різноманітних площин взаємодії... //

В данном контексте 100 синтагм. Их структуры представлены следующим количеством компонентов:

1, 9, 2, 1, 3, 2, 1, 1, 1, 3, 2, 3, 1, 2, 1, 1, 2, 2, 4, 3, 6, 4, 6, 2, 2, 4, 6, 3, 1, 2, 4, 3, 4, 2, 5, 3, 2, 1, 4, 3, 2, 3, 4, 2, 4, 1, 1, 1, 2, 2, 1, 3, 4, 3, 4, 2, 5, 3, 1, 4, 2, 3, 4, 4, 2, 1, 5, 3, 8, 2, 2, 3, 4, 4, 5, 2, 2, 3, 5, 3, 7, 5, 9, 1, 3, 6, 3, 3, 1, 2, 1, 1, 1, 1, 3, 4, 3, 6, 3, 4.

Частота их употребления нашла отражение в таблице 15.

Таблица 15

Частотность синтагм в монографии Анатолия Загнитко

Место по частотности в речи	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в тексте в процентном выражении %
1	2-словная	23	46	23
2	3-словная	23	69	23
3	1-словная	22	22	22
4	4-словная	17	68	17
5	5-словная	6	30	6
6	6-словная	5	30	5
7	9-словная	2	18	2
8	7-словная	1	7	1
9	8-словная	1	8	1
	Всего	100	298	100 %

Объём условной синтагмы в украинской научной речи почти такой же, как и у синтагм, используемых в украинской художественной речи: тоже 3 слова ($298 : 100 = 2,98$).

В таблице 16 представлены средние показатели частотности синтагм в украинской научной речи в целом.

Условная синтагма украинской научной речи составляет: $616 : 200 = 3,08$, т. е. 3 слова.

Наиболее активны в ней 3-словные синтагмы (25 %). Несколько уступают им в активности 2-словные, тем не менее совместно они составляют около 50 % текста. Почти в два раза уступают им 4-словные и 1 словные синтагмы, которых примерно по 17 %.

Таблица 16

Частотность синтагм в украинской научной речи

Место по частотности в речи	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в тексте в процентном выражении %
1	3-словная	50	150	25
2	2-словная	47	94	23,5
3	4-словная	35	140	17,5
4	1-словная	34	34	17
5	5-словная	18	90	9
6	6-словная	9	54	4,5
7	7-словная	4	28	2
8	9-словная	2	18	2
9	8-словная	1	8	0,5
	Всего	200	616	100 %

Итоговые данные по украинской речи в целом в малой степени отличаются от показателей русской речи. Они отражены в таблице 17.

Таблица 17

Частотность синтагм в украинской речи

Место по частотности в речи	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в тексте в процентном выражении %
1	2-словная	160	320	32
2	3-словная	148	444	29,6
3	1-словная	83	83	16,6
4	4-словная	59	236	11,8
5	5-словная	31	155	6,2
6	6-словная	12	72	2,4
7	7-словная	4	28	0,8
8	9-словная	2	18	0,4
9	8-словная	1	8	0,2
	Всего	500	1364	100 %

Как видно из таблицы, **самыми активными** исходными единицами в украинской речи в целом являются 2-словные и 3-словные синтагмы. Они, как и структурно аналогичные синтагмы русской речи, используются примерно одинаково, совместно занимая более 60 % структуры текста. На третьем месте – 1-словные синтагмы, они используются в 2 раза реже. На их долю приходится около 16 % структуры текста. Они обычно выполняют в речи функцию вводных слов или различного рода уточнений.

Ещё реже используются 4-словные синтагмы (около 12 %). У 5-словных синтагм всего шесть позиций на сто синтагм текста. Ещё реже используются в украинской речи 6-словные и 7-словные синтагмы: они вместе с 8-словными и 9-словными синтагмами занимают около 4 % её структуры.

6.4. Структура, объём и частотность синтагм в английской речи

А теперь обратимся к английской речи и рассмотрим структуру и объём синтагм в ней на основе рассказа С. Моэма «Друзья познаются в беде» (Somerset Maugham, “A Friend in Need”) .

For thirty years now / I have been studying my fellow-men. // I do not know very much about them. // I suppose / it is on, / the face / that for the most part / we judge the persons / we meet. // We draw our conclusions / from the shape of the jaw, / the look in the eyes, / the shape of the mouth. // I shrug my shoulders / when people tell me / that their first impressions of a person / are always right. // For my own part / I find / that the longer I know people / the more they puzzle me: // my oldest friends / are just those / of whom / I can say / that I don't know anything about them. ///

These thoughts have occurred to me / because I read in this morning's paper / that Edward Hyde Burton had died at Kobe. // He was a merchant / and he had been in Japan / for many years. // I knew him very little, / but he interested me / because once /

he gave me a great surprise. // If I had not heard the story from his own lips / I should never have believed / that he was capable of such an action. // It was the more startling / because both his appearance and his manner / gave the impression of a very different man. // He was a tiny little fellow, / very slender, / with white hair, / a red face much wrinkled, / and blue eyes. // I suppose / he was about sixty / when I knew him. // He was always neatly and quietly dressed / in accordance with his age and station. ///

Though his offices were in Kobe / Burton often came down to Yokohama. // I happened / on one occasion / to be spending a few days there, / waiting for a ship, / and I was introduced to him at the British Club. // We played bridge together. / He played a good game / and a generous one. // He did not talk very much, / either then or later / when we were having drinks, / but what he said / was sensible. // He had a quiet, dry humour. // He seemed / to be popular at the club / and afterwards, / when he had gone, / they described him / as one of the best. // It happened / that we were both staying at the Grand Hotel / and next day / he asked me / to dine with him. // I met his wife, / fat, / elderly / and smiling, / and his two daughters. // It was evidently a united / and loving family. // I think / the chief thing / that struck me about Burton / was his kindness. // There was something very pleasing / in his mild blue eyes. // His voice was gentle; / you could not imagine / that he could raise it in anger; / his smile was kind. // Here was a man / who attracted you / because you felt in him / a real love for his fellows // He had charm.

В данном фрагменте также 100 синтагм. Последовательность синтагм и количество компонентов в каждой из них соответствует следующему ряду чисел:

4, 7, 8, 2, 3, 2, 5, 4, 2, 4, 6, 5, 5, 4, 4, 7, 3, 4, 2, 6, 5, 3, 3, 2, 3, 7, 6, 7, 8, 4, 6, 3, 5, 4, 2, 6, 11, 5, 8, 5, 7, 8, 6, 2, 3, 5, 3, 2, 4, 4, 7, 7, 6, 6, 2, 3, 7, 4, 10, 4, 5, 4, 6, 4, 5, 4, 2, 6, 2, 6, 2, 4, 3, 5, 2, 9, 3, 3, 4, 4, 1, 1, 2, 4, 5, 3, 2, 3, 5, 3, 5, 5, 4, 4, 7, 4, 4, 3, 5, 3.

Общее количество компонентов в синтагмах – 446.

Синтагматическую структуру данного контекста составляют одиннадцать видов синтагм: 1-словных – 23; 2-словных – 15; 3-словных – 17; 4-словных – 23; 5-словных – 16; 6-словных – 11; 7-словных – 9; 8-словных – 4; 9-словных – 1; 10-словных – 1; 11-словных – 1.

Объём и частотность синтагм представлены в таблице 18.

Таблица 18

Частотность синтагм в романе С. Моэма “A Friend in Need”

Место по частотности в тексте	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в тексте в процентном выражении %
1	4-словные	23	92	23
2	3-словные	17	51	17
3	5-словные	16	80	16
4	2-словные	15	30	15
5	6-словные	11	66	11
6	7-словные	9	63	9
7	8-словные	4	32	4
8	1-словные	2	2	2
9	9-словные	1	9	1
10	10-словные	1	10	1
11	11-словные	1	11	1
Всего:		100	446	100 %

Объём условной синтагмы у С. Моэма составляет: $446 : 100 = 4,5$ (компонента), т. е. больше, чем в русской и украинской речи, что обусловлено спецификой образования грамматических форм слова в английском языке.

А сейчас рассмотрим структуру и объём синтагм ещё одного англоязычного писателя – Джерома Сэлинджера – в его романе «Над пропастью во ржи» (J. D. Salinger “The Catcher in the Rye”).

Finally / I sat down on this bench, / where it wasn't so goddam dark. // Boy, / I was still shivering / like a bastard, / and the back of my hair, / even though I had my hunting hat on, / was sort of full of little hunks of ice. // That worried me. // I thought / probably / I'd get pneumonia / and die. // I started picturing millions of jerks / coming to my funeral / and all. // My grandfather from Detroit, / that keeps calling out the numbers of

the streets / when you ride on a goddam bus with him, / and my aunts – / I have about fifty aunts – / and all my lousy cousins. // What a mob'd be there. // They all came / when Allie died, / the whole goddam stupid bunch of them. // I have this one stupid aunt with halitosis / that kept saying / how peaceful he looked / lying there, / D.B. told me. // I wasn't there. // I was still in the hospital. // I had to go to the hospital / and all after / I hurt my hand. // Anyway, / I kept worrying / that I was getting pneumonia, / with all those hunks of ice in my hair, / and that I was going to die. // I felt sorry /as hell / for my mother and father. // Especially my mother, / because she still isn't over my brother Allie yet. // I kept picturing her / not knowing / what to do with all my suits and athletic equipment / and all. // The only good thing, / I knew / she wouldn't let old Phoebe / come to my goddam funeral / because she was only a little kid. // That was the only good part. // Then I thought about the whole bunch of them / sticking me in a goddam cemetery / and all, / with my name on this tombstone / and all. // Surrounded by dead guys. // Boy, / when you're dead, / they really fix you up. // I hope to hell / when I do die / somebody has sense enough / to just dump me in the river / or something. // Anything / except sticking me in a goddam cemetery. // People / coming / and putting a bunch of flowers / on your stomach / on Sunday, / and all that crap. / Who wants flowers / when you're dead? // Nobody. ///

When the weather's nice, / my parents go out quite frequently / and stick a bunch of flowers / on old Allie's grave. // I went with them a couple of times, / but I cut it out. // In the first place, / I certainly don't enjoy / seeing him in that crazy cemetery. // Surrounded by dead guys / and tombstones / and all. // It wasn't too bad / when the sun was out, / but twice - / twice - / we were there / when it started to rain. ///

В этом речевом фрагменте 100 синтагм и 424 компонента. Их структуры последовательно представлены следующим количеством компонентов:

1, 6, 6, 1, 4, 3, 6, 8, 9, 3, 2, 1, 3, 2, 6, 4, 2, 4, 9, 9, 3, 5, 5, 5, 3, 3, 7, 8, 3, 4, 2, 4, 3, 6, 7, 3, 4, 1, 3, 5, 9, 7, 3, 2, 5, 3, 9, 4, 2, 10, 2, 4, 2, 5, 5, 7, 6, 9, 6, 2, 6, 2, 4, 1, 3, 5, 4, 4, 4, 7, 2, 1, 7, 1, 1, 6, 3, 2, 4, 3, 3, 1, 4, 6, 6, 4, 8, 5, 4, 4, 6, 4, 2, 2, 4, 5, 2, 1, 3, 5.

Объём и частотность синтагм в романе представлены в таблице 19.

Таблица 19

Частотность разных по объёму синтагм в романе Д. Сэлинджера

Место по частотности в тексте	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в тексте в процентном выражении %
1	4-словные	19	76	19
2	3-словные	17	51	17
3	2-словные	15	30	15
4	6-словные	12	72	12
5	5-словные	11	55	11
6	1-словные	10	10	10
7	7-словные	6	42	6
8	9-словные	6	54	6
9	8-словные	3	24	3
10	10-словные	1	10	1
Всего:		100	424	100 %

Объём условной синтагмы: $424 : 100 = 4,3$ (компонента).

Показатели активности синтагм в целом по англоязычной художественной речи представлены в таблице 20.

Таблица 20

Активность синтагм в английской художественной речи

Место по активности в тексте	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Активность синтагм в тексте в процентном выражении %
1	4-словные	42	168	21
2	3-словные	34	102	17
3	2-словные	30	60	15
4	5-словные	27	135	13,5
5	6-словные	23	138	11,5
6	7-словные	15	105	7,5
7	1-словные	12	12	6
8	8-словные	7	56	3,5
9	9-словные	7	63	3,5
10	10-словные	2	20	1
11	11-словные	1	11	0,5
Всего:		200	870	100 %

Как видим, в речи С. Моэма и Д. Сэлинджера расхождения в активности для одних синтагм (например, 6-словных или 10-словных) не существенные. У других же (2-словных, 3-словных, 4-словных) активность вообще одинакова.

Объём условной синтагмы у них тоже почти одинаков.

А теперь рассмотрим английскую разговорную речь* (материал 1). Она записана по устному выступлению с отражением авторской делимитации и адекватным разграничением всех авторских синтагм, что делает её однозначной и полностью исключает какие-либо варианты восприятия.

So, / I didn't always make / my living / from music /// For about the five years after graduating from an upstanding / liberal arts university, / this / was my day job /// I was / a self-employed living statue / called the Eight-Foot Bride, // and I love telling people / I did this / for a job, / because everybody always wants to know, / who are these freaks / in real life /// Hello /// I painted myself white one day, / stood on a box, / put a hat / or a can / at my feet, / and when someone came by / and dropped in money, / I handed them / a flower – / and some intense / eye contact /// And if they didn't take the flower, / I threw in a gesture / of sadness / and longing – / as they walked away /// So I had the most profound / encounters / with people, / especially lonely people / who looked like / they hadn't talked to anyone / in weeks, / and / we would get this beautiful moment / of prolonged eye contact / being allowed / in a city street, / and we would sort of / fall in love / a little bit /// And my eyes would say – / “Thank you /// I see you” /// And their eyes would say – / “Nobody ever sees me /// Thank you” /// I would get harassed / sometimes /// People would yell at me / from their passing cars /// “Get a job!” /// And I'd be, / like, / “This is my job” /// But it hurt, / because it made me fear / that I was somehow doing something / un-joblike / and unfair, / shameful /// I had no idea / how perfect / a real education / I was getting for the music business / on this box /// And for the economists / out there, / you may be interested to know / I actually made a pretty predictable income, / which was / shocking to me, / given / I had no regular customers, / but pretty much / 60 bucks / on a Tuesday, / 90 bucks / on a Friday /// It was consistent

* Amanda Palmer. The art of asking [Электронный ресурс]: https://youtu.be/xMj_P_6H69g

/// And meanwhile, / I was touring / locally / and playing in nightclubs with my band, /
 the Dresden Dolls /// This is me on piano, / a genius drummer /// I wrote the songs, /
 and eventually / we started making enough money / that I could quit / being a statue, //
 and as we started touring, / I really didn't want to lose this sense of / direct connection
 with people, / because I loved it /// So after all of our shows, / we would sign autographs
 and / hug fans and / hang out and / talk to people, / and we made an art out of asking
 people / to help us / and join us, / and I would track down local musicians / and artists /
 and they would set up outside of our shows, / and they would pass the hat, / and they
 would come in / and join us onstage, / so we had this / rotating smorgasbord of weird,/
 random / circus guests /// And then Twitter came along, / and made things even more
 magic, / because I could ask instantly / for anything anywhere /// So I would need a
 piano to practice on, / and an hour later / I would be at a fan's house /// This is in
 London /// People would bring home-cooked food to us / all over the world backstage /
 and feed us / and eat with us /// This is in Seattle /// Fans / who worked / in museums /
 and stores / and any kind of public space / would wave their hands / if I would decide to
 do a last-minute, / spontaneous, / free gig /// This is a library / in Auckland /// On
 Saturday / I tweeted for this crate / and hat, / because I did not want to schlep them /
 from the East Coast, / and they showed up care of this dude, / Chris, / from Newport
 Beach, / who says hello /// I once tweeted, / "Where in Melbourne / can I buy a neti
 pot?" /// And a nurse from a hospital / drove one / right at that moment / to the café I
 was in, / and I bought her a smoothie / and we sat there talking about nursing and death
 /// And I love this Kind of random closeness, / which is lucky, / because I do a lot of
 couchsurfing /// In mansions / where everyone in my crew gets their own room / but
 there's no wireless, / and in punk squats, / everyone on the floor / in one room / with no
 toilets / but with wireless, / clearly making it the better option /// My crew / once / pulled
 our van / up to a really poor Miami neighborhood / and we found out / that our
 couchsurfing host for the night / was an 18-year-old girl, / still living at home, / and her
 family were all undocumented immigrants / from Honduras /// And that night, / her
 whole family / took the couches / and she slept together with her mom / so that we could
 take their beds /// And I lay there thinking, / these people have so little /// Is this fair? ///

And in the morning, / her mom taught us / how to try to make tortillas / and wanted to
 give me a Bible, / and she took me aside / and she said / to me / in her broken English, /
 “Your music / has helped my daughter / so much /// Thank you for staying here /// We’re
 all so grateful” /// And I thought, / this is / fair /// This is / this /// A couple of months
 later, / I was in Manhattan, / and I tweeted for a crash pad, / and at midnight, / I’m on
 the Lower East Side, / and it occurs to me / I’ve never actually done this alone /// I’ve
 always been with my band / or my crew /// Is this / what stupid people do? /// Is this /
 how stupid people die? /// And before I can change my mind, / the door busts open ///
 She’s an artist /// He’s a financial blogger for Reuters, / and they’re pouring me a glass
 of red wine / and offering me a bath, / and I have had thousands of nights / like that /
 and like that /// So / I couchsurf a lot /// I also crowdsurf a lot /// I maintain /
 couchsurfing and crowdsurfing are basically the same thing /// You’re falling / into the
 audience / and you’re trusting each other /// I once asked / an opening band of mine / if
 they wanted to go out into the crowd / and pass the hat / to get some extra money, /
 something that I did a lot /// And as usual, / the band was psyched, / but there was this
 one guy / in the band / who told me / he just couldn’t / bring himself to go out there /// It
 felt too much / like begging / to stand there / with the hat /// And I recognized his fear of
 / “Is this fair?” // and / “Get a job” /// And meanwhile, / my band / is becoming / bigger
 and bigger /// We sign with a major label /// And our music is a cross between punk /
 and cabaret /// It’s not for everybody /// Well, / maybe it’s for you /// We sign, / and
 there’s all this hype leading up to our next record /// And it comes out / and it sells
 about 25,000 copies / in the first few weeks, / and the label considers this / a failure /// I
 was like, / “25,000, / isn’t that a lot?” /// They said, / “No, / the sales are going down ///
 It’s a failure” /// And they walk off /// Right at this same time, / I’m signing and hugging
 after a gig, / and a guy comes up to me / and hands me a \$10 bill, / and he says, / “I’m
 sorry, / I burned your CD from a friend” /// “But I read your blog, / I know / you hate
 your label /// I just want you to have this money” /// And this starts happening / all the
 time /// I become the hat / after my own gigs, / but I have to physically stand there / and
 take the help from people, / and unlike the guy in the opening band, / I’ve actually had a
 lot of practice standing there /// Thank you /// And this is the moment / I decide / I’m just

going to give away my music / for free / online / whenever possible, / so it's like Metallica / over here, / Napster, / bad; // Amanda Palmer / over here, / and I'm going to encourage torrenting, / downloading, / sharing, / but I'm going to ask for help, / because I saw / it work / on the street /// So I fought my way off my label, / and for my next project with my new band, / the Grand Theft Orchestra, / I turned to crowdfunding /// And I fell / into those thousands of connections / that I'd made, / and I asked my crowd to catch me /// And the goal was 100,000 dollars /// My fans backed me at nearly 1.2 million, / which was the biggest music crowdfunding project to date /// And you can see / how many people it is /// It's about 25,000 people /// And the media asked, / "Amanda, / the music business is tanking / and you encourage piracy /// How did you make / all these people pay for music?" /// And the real answer is, / I didn't make them /// I asked them /// And through the very act / of asking people, / I'd connected with them, / and when you connect with them, / people want / to help you /// It's kind of / counterintuitive / for a lot of artists /// They don't want to ask for things /// But it's not easy /// It's not easy to ask /// And a lot of artists have a problem with this /// Asking makes you vulnerable /// And / I got a lot of criticism / online, / after my Kickstarter went big, / for continuing my crazy crowdsourcing practices, / specifically for asking musicians / who are fans / if they wanted to join us on stage / for a few songs / in exchange for love / and tickets / and beer, // and this was a doctored image / that went up of me / on a website /// And this hurt / in a really familiar way /// And people saying, / "You're not allowed anymore to ask for that kind of help," / really reminded me / of the people in their cars / yelling, / "Get a job" /// Because they weren't / with us / on the sidewalk, / and they couldn't see / the exchange / that was happening between me / and my crowd, / an exchange that was very fair to us / but alien to them /// So this is slightly not safe for work /// This is my Kickstarter backer party in Berlin /// At the end of the night, / I stripped / and let everyone draw on me /// Now let me tell you, / if you want to experience the visceral feeling of trusting strangers – / I recommend this, / especially / if those strangers are drunk German people /// This was a ninja master-level fan connection, / because / what / I was really saying here / was, / I trust you this much /// Should I? /// Show me /// For most of human history, / musicians, / artists, / they've been

*a different part of the community /// Connectors / and openers, / not untouchable stars
 /// Celebrity / is about a lot of people / loving you from a distance, / but the Internet /
 and the content / that we're freely able to share on it / are taking us back /// It's about a
 few people / loving you up close / and about those people / being enough /// So / a lot of
 people are confused / by the idea / of no hard sticker price /// They see it as an
 unpredictable risk, / but the things I've done, / the Kickstarter, / the street, / the
 doorbell, / I don't see these things as risk /// I see them as trust /// Now, / the online
 tools / to make the exchange as easy / and as instinctive / as the street, / they're getting
 there /// But / the perfect tools aren't going to help us / if we can't face each other / and
 give / and receive fearlessly, / but, / more important – / to ask / without shame /// My
 music career has been spent / trying to encounter people / on the Internet / the way I
 could / on the box /// So / blogging / and tweeting / not just about my tour dates / and my
 new video / but about our work / and our art / and our fears / and our hangovers, / our
 mistakes, / and we see each other /// And I think / when we / really / see each other, / we
 want to help each other /// I think / people have been obsessed / with the wrong
 question, / which is, / “How do we make / people pay for music?” /// What / if we
 started asking, / “How do we let / people pay for music?” /// Thank you ///*

Здесь 490 синтагм. Их объём можно представить следующим образом:

1, 4, 2, 2, 10, 3, 1, 4, 2, 5, 5, 5, 3, 3, 6, 4, 3, 1, 6, 4, 3, 3, 3, 5, 4, 3, 2, 3, 2, 7, 5, 2, 2,
 4, 6, 1, 2, 3, 3, 5, 2, 1, 6, 4, 2, 4, 5, 3, 3, 5, 2, 3, 5, 4, 2, 4, 1, 5, 4, 3, 3, 1, 4, 3, 5, 6, 1, 2,
 1, 4, 2, 3, 7, 3, 4, 2, 6, 7, 2, 3, 1, 5, 3, 2, 3, 2, 3, 3, 2, 3, 1, 7, 3, 5, 3, 4, 2, 5, 4, 3, 5, 9, 4,
 4, 6, 5, 3, 3, 3, 9, 3, 3, 7, 2, 9, 6, 5, 4, 4, 4, 1, 2, 5, 6, 5, 3, 9, 4, 7, 4, 8, 5, 3, 4, 4, 1, 2, 2,
 2, 6, 4, 9, 1, 2, 4, 2, 2, 5, 2, 8, 4, 8, 1, 3, 3, 3, 3, 6, 6, 2, 4, 6, 6, 9, 8, 3, 7, 2, 9, 4, 4, 4, 3,
 3, 3, 6, 2, 1, 3, 7, 4, 7, 6, 4, 7, 2, 3, 3, 3, 7, 7, 5, 5, 3, 4, 4, 6, 7, 5, 3, 2, 4, 2, 4, 2, 5, 4, 3,
 2, 1, 2, 1, 5, 4, 7, 3, 6, 5, 6, 6, 3, 2, 4, 2, 4, 7, 4, 3, 6, 9, 5, 7, 2, 3, 1, 4, 5, 2, 8, 2, 3, 5, 3,
 5, 9, 4, 5, 6, 3, 4, 6, 3, 3, 3, 6, 4, 2, 3, 3, 6, 3, 1, 3, 2, 2, 2, 3, 6, 8, 2, 4, 1, 4, 2, 11, 4, 7, 5,
 5, 2, 3, 3, 4, 2, 1, 5, 3, 4, 5, 7, 7, 7, 3, 2, 7, 5, 2, 4, 8, 4, 3, 4, 4, 7, 6, 8, 9, 2, 5, 2, 8, 2, 1,
 2, 4, 2, 1, 1, 2, 2, 6, 1, 1, 7, 3, 2, 3, 8, 9, 4, 4, 3, 5, 3, 8, 7, 10, 9, 4, 5, 5, 4, 1, 5, 4, 4, 6, 5,
 4, 3, 5, 3, 4, 6, 2, 3, 3, 1, 5, 7, 4, 5, 10, 4, 1, 6, 1, 5, 6, 4, 3, 8, 4, 4, 2, 2, 6, 5, 3, 3, 5, 3,
 11, 3, 6, 1, 3, 3, 2, 3, 4, 2, 5, 3, 8, 4, 8, 8, 6, 2, 6, 5, 11, 3, 1, 7, 8, 1, 1, 5, 1, 5, 2, 2, 5, 1,

1, 8, 1, 2, 3, 1, 6, 5, 3, 3, 8, 4, 5, 4, 4, 2, 1, 6, 3, 5, 7, 5, 2, 2, 2, 7, 5, 1, 3, 6, 3, 3, 3, 1, 8, 6, 2, 3, 1, 2, 2, 2, 6, 4, 3, 4, 3, 1, 1, 2, 6, 4, 4, 3, 3, 3, 2, 5, 3, 2, 1, 3, 6, 2, 4, 4, 2, 4, 4, 1, 4, 4, 4, 2.

В контексте 11 видов синтагм: 1-словных – 48; 2-словных – 84; 3-словных – 104; 4-словных – 86; 5-словных – 60; 6-словных – 43; 7-словных – 28; 8-словных – 19; 9-словных – 12; 10-словных – 3; 11-словных – 3.

Общее количество компонентов во всех синтагмах данной речи – 1956.

Объём условной синтагмы в английской разговорной речи в целом составляет: $1956 : 490 = 3,99$, т. е. 4 слова. По активности (частотности употребления) синтагмы расположились здесь несколько иначе, чем в первом материале. Наиболее активны 3-словные синтагмы, у них в речи до 22 % объёма текста. За ними идут 4-словные и 2-словные синтагмы, у которых почти одинаковая активность: 17–18 %. У 5-словных синтагм 12–13 %. На пятом месте 1-словные синтагмы. Их в речи примерно 10 %.

Объём и снижающаяся частотность синтагм отражены в таблице 21.

Таблица 21

Частотность синтагм в английской разговорной речи (материал 1)

Место по частотности в речи	Объём синтагм	Количество синтагм в речи	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в речи в процентном выражении %
1	3-словные	104	312	21,2
2	4-словные	86	344	17,4
3	2-словные	84	168	17,2
4	5-словные	60	300	12,2
5	1-словные	48	48	9,8
6	6-словные	43	258	8,8
7	7-словные	28	196	5,7
8	8-словные	19	162	3,9
9	9-словные	12	108	2,4
10	10-словные	3	30	0,7
11	11-словные	3	33	0,7
Всего:		490	1956	100 %

Частота употребления синтагм с 6-словной по 11-словную соответствует количеству в них компонентов: они занимают с 6 по 11 место.

Рассмотрим ещё пример разговорной речи* (материал 2). Она тоже записана на основе устного выступления автора с отражением авторской делимитации и разграничением всех авторских синтагм, что делает её весьма уместной для исследования, так как опора осуществляется непосредственно на авторские синтагмы с их заданной структурой и содержанием.

Hi / everyone /// I'm Felicia / that says there /// This is really exciting /// I actually took professor Chun's class / when I was at Yale /// He is awesome /// So / it's honored to be here /// So / the past three years of my life / have been a whirlwind /// I moved three times / I wrote two books / I published one of them / and I actually started / my own business /// Three years ago / my life looked incredibly different /// I was living in New York City / and I was working full time as an actor /// I had an agent / I was a member of the Actors Union / and I have just come off / being in one of the biggest musicals of all time / which was "Wicked" /// Any of you have seen Wicked? /// Yeap! /// So / it's a really big musical /// And on the outside / you know / everything was going great /// If I kept going in this direction / maybe I could do a lot in theater /// And sort of all / seemed to be pointing in that one direction /// But on the inside / I was wracked with doubt / and I was incredibly scared /// The reason being / you know / theater and acting was / what I have thought / to be my life dream /// Ever since I was two / I went to see my first Broadway show / which was "The phantom of the opera" // claps for "The phantom of the opera" /// I don't know why /// I was obsessed with theater /// I went to theater camp /// I would sing in the shower / my parents heard me... /// I would sing soundtracks all the time / so I was obsessed /// And then / in college / even though I did have a lot of interest / and I actually majored in English / I decided / when I graduated / that I had to go for it / you know / I had to go for the theater / because / if I didn't / I would regret it /// So / I did /// And the relative success / I had early on with "Wicked" / was very complicated for me /// Because on one hand / you know / it was amazing /// It was the fulfillment of literally a lifelong dream /// But on the other hand /

* Felicia Ricci. How to Change Careers when You're Lost / <https://youtu.be/TUtx-wC5mqA>

it made me see pretty quickly / that / what I have thought / was my lifelong dream might
 not actually be / what I wanted to do / for the rest of my life /// When I was researching
 this experience / I thought this is like a footnote in life / right? /// So / you start one
 place / and you end up another / but what we don't know is talk about that process ///
 And I wanted to get in the mindset of what / that felt like / because I am an actor / and I
 wanted to access those emotions /// I pulled up a bunch of the emails / I've been writing
 at that time / I found the one I wrote to my agent / when I finally had made the decision /
 and said something like / "Hi, / David, / please cancel all my auditions /// I need to take
 a long break from acting /// I don't know whether or not this will be permanent /// I'm
 sorry / but my heart is not in the business /// And it doesn't fulfill me in the way / I
 thought it would /// Please know that it is not impulsive / but comes after many months
 of trying to figure out / what to do with my life /// Sorry / if I wasted your time / but this
 is my truth" /// So / phew! / even in saying it back now / I kind of like / relieve the
 feelings of being there /// And it's a horrible place / right? /// To not know / what you're
 going to be doing with your life /// And that horrible thing / my friends / is what I want
 to talk to you about today /// And that is the process of revision /// So / the official title
 of this talk is / "There is no final draft / keep revising your life / to create your reality"
 /// So / maybe some of you can relate to / what I have just described / that feeling of
 going in one direction / or maybe trying to figure out where to go next? /// Or maybe /
 some of you / are lucky enough to never have been confronted / by those feelings of
 doubt / yet /// But / just so we are all on the same page / I want to delve into / what I
 mean by revision /// So / the first thing that I think of / when I think of revision / I try to
 make clear / by this visual aid / which is the process of submitting a paper / or an essay
 to a teacher / and I know / we can all relate to that / and getting it back / and then
 seeing all the nasty red ink on the page / and Xs / and underlines / and the question
 marks... /// And it's just like the worst feeling / to think that you're completely done with
 something / but then to read the margins that say / "Not quite" / or "Go deeper" / or
 "Think again" /// So / this experience is a microcosm of / what I'm talking about / on a
 grander-scale / which is a life revision /// So / I wanted to define / what I meant by that
 /// And a revision in this case means any change / that meaningfully alters your day-to-

day life / in the long term / right? /// So / a revision can be something that is planned / in the case of / taking a break from acting / I thought about it for many months / or can be unplanned /// Life sends you so many curve balls / and a lot of times / a revision can be a reaction to that /// Revision can also be at varying degrees /// It can be a 180 degree change // that's very drastic / but I'm not necessarily talking about starting over / or completely leveling your life /// There can be varying degrees /// There can be a recalibration / or a refocusing /// So / that's / what I mean by revision /// And then / when I was thinking about giving this talk / I knew / that this topic meant a lot to me / but then I thought to myself / "OK / so I am talking to everybody as / like this expert / in revision?" / and the answer is / "Absolutely not" /// I'm not speaking to you as an expert / but I realized / that I'm speaking to you / as a revision advocate / or a revision agent /// And / hopefully / my goal is / to encourage you / and empower you / to be able to embrace this process of change / as opposed to be totally freaked out by it /// So / that's where I am coming from / and in order to do that / I figured out / I would give you / my top three tips for making a revision /// And that's actually a photo of me / because it was royalty for it / so I put that photo of me right there... ///

OK /// So / my top three tips for making a revision /// The first has to do with ignoring the odds /// And that is / if you are innovative / the odds would never be in your favor /// So / my path in particular / has led me to the arts /// I've always been really into theater / and now / writing /// You know / the chances / and the statistics of someone / actually making a living / doing these things / were horrible /// So / I had to get used to / ignoring the odds / and completely drowning out the sound of people / telling me whether or not / this looks like a good prospect for my life /// And similarly / if you're contemplating a change of direction / a change in gear / that is unorthodox / or innovative / the same is going to be absolutely true for you /// You are by definition going against the odds /// So / my point is / that it's a sort of an irrelevant data point / to think about // "Well / you know / let me consult / the statistics on this" /// And the thing is / that people / who care about you the most / are going to be the ones / who are telling you / that they're going to want a more secure life path / for you / so they are going to point these things out to you / but I would encourage you to really listen to

your gut / and when you really consider what step to take next / to just ignore the odds
 /// Because if you go against the grain / you'll be going against the odds / by definition
 /// That's my first tip /// My second tip is that / revisions can be terrifying and stressful /
 and you will freak out /// I thought of a little visual humor for you /// OK /// So /
 basically / I want to tell you guys / to embrace the fear aspect /// And I feel like that /
 this part could lead to 100 TED talks / the aspect of fear / when you are going through
 any life revision /// But I didn't want to bring this up / because I feel like it's such a
 universal experience / and it's almost so obvious/ right? ///

That change is scary /// But when I was at first writing / the speech / I didn't think
 to mention it /// Because we have a tendency / when we're being / like / polished / and
 talking about a topic / and I want to be academic about it / like / "I can talk about how
 scary it was" /// When in actuality / it was incredibly scary / making this huge change ///
 You would think that / since I've been on stage / and I like acting / that I have these
 nerves of steel / but that's absolutely not true /// I'm very nervous right now /// I've
 encountered a lot of anxiety in my life / and particularly involving huge revision /// So /
 I just want to put that out there / that everybody freaks out / you freak out / I freak out /
 we all freak out /// The most successful people do / but it's not something that's really
 talked about ///

There are a bunch of resources out there / that can help you / if you are currently
 going through a scary time / or if you do in the future /// I actually want to invite you to
 email me / felicia@feliciaricci.com /// I have a bunch of resources / that have helped me
 / to channel my anxiety / and my fear /// And I'd be happy to share those with you / so / I
 want to put that out there /// So / my final tip for you is probably the most important tip
 /// And it is that / you can't decide by thinking / you can only decide by doing /// And
 this one is a really annoying truth / because / if you're like me / you like to think things
 through / you just want to analyze every possible outcome / and that's great /// You
 know / researching / what you want to do with your life / or where you want to go / is
 very valuable /// You know / making pro and cons charts ///

I did that as well /// But the fact is / when it actually comes to making a decision /
 you're never going to know / how it's going to turn out / until you actually do that thing

/ till you actually follow through /// And that's just true /// I have two examples of this /// And one is / when I wrote my first book /// I really wanted to make sure / that I would be really good at / writing a book / before I wrote the book /// So / I read all these books on books /// And I read / you know / how to write books /// But it wasn't until I actually sat down / and I wrote the damn book / that I realized / that I could do this /// This is actually something that fit me /// But it was in the doing /// On the flip side / after I wrote my first book / which was actually a non-fiction book / I thought to myself // "OK / my next goal is / I want to write / a young adult novel" /// So / a similar thing ///

I read books on young adult novels / I read young adult novels / I watched the Twilight series /// Twice / no / just once /// And so / you know / I was like // "You kind of think it through" /// And then it wasn't till it took about eight months / and I wrote 200,000 words / that I realized / that I actually hate young adult novels /// No / I don't hate all the young adult novels / but me / personally / it was not the right fit for me as a writer / and I didn't know till I actually did it /// So / this is / I think / where you combine the embracing of the fear / and ignoring the odds / is just putting that all behind you / and actually doing it /// I mean / it sounds simple / but it's a process /// And it's one / that I hope / you know / I can demystify for you all / and encourage you to do /// So / this is my final slide // "Go forth and revise!" /// Today / I live in Pennsylvania / and I spend a lot of my time writing ///

I teach voice lessons / I run my own company / I help my fiancé run his company /// I do a lot of stuff /// And it suits me for now /// So / it's an ongoing process of revision /// But it's such a crucial element of life /// And I just want you all to go boldly forth / and create positive change for yourself / and also for the world /// It's a tall order / but I think we can do it / my friends /// Thank you so much for having me ///

Здесь 458 синтагм. Их объём можно представить следующим образом:

1, 1, 2, 3, 4, 6, 5, 3, 1, 5, 1, 7, 4, 4, 4, 5, 4, 3, 3, 5, 7, 9, 4, 8, 6, 10, 3, 6, 1, 1, 5, 4, 2, 4, 7, 8, 4, 8, 4, 5, 5, 3, 2, 4, 4, 5, 5, 8, 7, 7, 4, 5, 5, 6, 4, 7, 4, 2, 2, 9, 6, 2, 3, 7, 2, 7, 1, 3, 4, 1, 2, 4, 6, 5, 4, 2, 3, 9, 5, 6, 1, 4, 8, 5, 6, 6, 9, 1, 1, 4, 5, 10, 10, 3, 5, 7, 8, 6, 9, 7, 4, 1, 1, 5, 9, 10, 2, 8, 8, 4, 7, 10, 6, 1, 5, 5, 1, 1, 6, 4, 6, 5, 1, 3, 9, 4, 2, 10, 7, 1, 7, 5, 4, 4, 1, 7,

5, 7, 10, 2, 3, 8, 5, 1, 1, 9, 5, 5, 1, 7, 5, 5, 4, 8, 6, 3, 6, 4, 11, 2, 2, 4, 7, 8, 8, 2, 3, 3, 1, 6, 4, 4, 5, 1, 4, 5, 9, 6, 4, 1, 1, 8, 4, 5, 7, 4, 7, 5, 8, 7, 9, 3, 8, 5, 5, 5, 3, 1, 1, 5, 2, 8, 2, 8, 6, 1, 7, 3, 2, 4, 2, 8, 3, 5, 4, 4, 1, 1, 3, 3, 3, 9, 9, 1, 6, 6, 3, 4, 8, 7, 6, 9, 1, 1, 8, 9, 3, 4, 8, 1, 4, 6, 6, 2, 1, 2, 2, 5, 4, 3, 2, 1, 6, 3, 8, 5, 9, 2, 7, 4, 3, 2, 10, 8, 1, 3, 9, 3, 1, 2, 3, 4, 4, 2, 6, 6, 4, 10, 2, 11, 11, 10, 5, 7, 6, 2, 4, 5, 6, 5, 9, 1, 1, 1, 6, 5, 5, 9, 4, 8, 8, 9, 5, 1, 4, 7, 2, 6, 5, 3, 1, 1, 5, 8, 1, 8, 3, 4, 4, 4, 5, 4, 7, 5, 5, 9, 5, 1, 8, 4, 3, 3, 4, 5, 8, 8, 4, 9, 7, 9, 4, 6, 4, 4, 3, 9, 1, 7, 1, 11, 4, 5, 6, 8, 1, 4, 6, 8, 3, 2, 1, 8, 6, 3, 2, 5, 5, 4, 8, 5, 6, 6, 5, 4, 6, 3, 6, 6, 7, 3, 5, 1, 7, 3, 2, 4, 8, 6, 3, 5, 7, 6, 4, 6, 7, 4, 1, 4, 4, 4, 1, 3, 7, 5, 5, 1, 1, 2, 2, 2, 3, 6, 10, 7, 3, 7, 1, 8, 2, 1, 11, 9, 1, 2, 2, 8, 4, 7, 4, 2, 3, 4, 3, 3, 2, 6, 5, 1, 5, 4, 1, 4, 9, 4, 5, 7, 6, 6, 1, 6, 8, 10, 6, 5, 4, 7, 2, 7.

Представлены 11 видов синтагм: 1-словных – 62; 2-словных – 42; 3- словных – 47; 4-словных – 76; 5-словных – 64; 6-словных – 48; 7-словных – 39; 8-словных – 38; 9-словных – 25; 10-словных – 12; 11-словных – 5.

Объём и частотность синтагм представлены в таблице 22.

Таблица 22

Частотность синтагм в английской разговорной речи (материал 2)

Место по частотности в речи	Объём синтагм	Количество синтагм в речи	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в речи в процентном выражении %
1	4-словные	76	304	16,6
2	5-словные	64	320	14
3	1-словные	62	62	13,5
4	6-словные	48	288	10,4
5	3-словные	47	231	10,3
6	2-словные	42	84	9,2
7	7-словные	39	273	8,5
8	8-словные	38	304	8,3
9	9-словные	25	225	5,5
10	10-словные	12	120	2,6
11	11-словные	5	55	1,1
Всего:		458	2266	100 %

Объём условной синтагмы в данном завершённом материале разговорной речи составляет 4,9 компонента ($2266 : 458 = 4,9$ компонента, т. е. 5 слов).

Частота употребления синтагм с 7-словной по 11-словную соответствует количеству в них компонентов: 7-словная занимает седьмое, а 8-словная – восьмое место и т. д. Что касается синтагм с 1-словной по 6-словную, по употребительности они расположились иначе. Наиболее активны как в художественной, так и в разговорной английской речи 4-словные синтагмы, у них в речи 16–17 % позиций. Это самая активная синтагма английской речи. На втором месте 5-словные синтагмы. У них 14 % синтаксических позиций. Менее одного процента уступают им 1-словные синтагмы, они на третьем месте. С четвёртого по шестое место занимают соответственно 6-словные, 3-словные и 2-словные синтагмы: различия в активности их использования не превышает одного процента (10–11 % позиций).

В сводной таблице 23 представлены средние показатели частотности синтагм в английской разговорной речи в целом.

Таблица 23

Частотность синтагм в английской разговорной речи

Место по частотности в речи	Объём синтагм	Количество синтагм в речи	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в речи в процентном выражении %
1	4-словные	162	308	17
2	3-словные	151	231	16
3	2-словные	126	84	13,4
4	5-словные	124	320	13
5	1-словные	110	62	11,6
6	6-словные	91	288	9,6
7	7-словные	67	273	7
8	8-словные	57	304	6
9	9-словные	37	225	4
10	10-словные	15	120	1,6
11	11-словные	8	55	0,8
Всего:		948	4222	100 %

Объём условной синтагмы по обоим материалам английской разговорной речи составляет 4,4 компонента ($4222 : 948 = 4,4$).

А сейчас обратимся к синтагматике английской научной речи, используя для этого книгу Баса Аартса «Синтаксис английского языка и аргументация» (Bas Aarts “English Syntax and Argumentation”)*.

Along with sleeping, / eating / and drinking, / talking / is one of the most common of human activities. // Hardly a day goes by / when we don't talk, / if only to ourselves! // When we speak, / we utter a stream of sounds / with a certain meaning, / which our interlocutors can process and understand, / provided of course / they speak the same language. // Apart from the spoken medium, / language also exists in written form. // It then consists / of a string of letters / which form words, / which in turn / make up sentences. //

If you have thought about language, / you will have realised / that whether it is spoken or written, / it has structure, / and that it is not a hotchpotch / of randomly distributed elements. // Instead, / the linguistic ingredients / that language is made up of / are arranged / in accordance with a set of rules. // This set of rules / we call the grammar of a language. // Grammar is a vast domain of inquiry / and it will be necessary to limit ourselves to a subdomain. // In this book / we will only be concerned with the part of grammar / that concerns itself with the structure of sentences. // This is called syntax.///

How can we go about describing the structure of sentences? // Well, / before we can even start, / we will need to specify / what we mean by 'sentence'. // This is not as straightforward a question / as it may seem, / and linguists have come up with a variety of definitions. // In this book / we will say / that a sentence is a string of words / that begins in a capital letter / and ends in a full stop, / and is typically used / to express a state of affairs in the world. // This definition is not unproblematic, / but will suffice for present purposes.///

* B. Aarts. English Syntax and Argumentation / Bas Aarts – 2nd ed. – (Modern linguistics series). Great Britain, Aarontype Ltd, Easton, Bristol, 2001. – P. 3–4.

Let's now see / what kinds of issues / syntax deals with. // First of all, / one of the principal concerns of syntax / is the order of words. // In English / we cannot string words into a sentence randomly.///

For example, / we can have (1), / but not (2) / or (3): //

(1) / The President ate a doughnut. //

*(2) / *The President a doughnut ate. //*

*(3) / *doughnut President the ate a. //*

NB: // An asterisk () / placed before a sentence / indicates / that it is not a possible structure in English. ///*

The contrast between (1) / and (2) / shows / that in English / the word / that denotes the activity of eating / (ate) / must precede the word / (or string of words) / that refers to the entity / that was being eaten / (a doughnut). // Furthermore, / if we compare (2) / and (3) / we see / that not only must ate precede a doughnut, / but we must also ensure / that the two elements / the and a precede...///

В тексте 100 синтагм. Количество компонентов в них с учётом последовательности синтагм представлено в виде следующего ряда чисел:

3, 1, 2, 1, 9, 5, 4, 4, 3, 6, 4, 7, 3, 5, 5, 6, 3, 5, 3, 3, 3, 6, 4, 7, 3, 7, 4, 1, 3, 6, 2, 7, 4, 7, 7, 11, 3, 10, 8, 4, 10, 1, 5, 5, 5, 7, 4, 10, 3, 3, 8, 6, 6, 4, 9, 5, 6, 3, 4, 3, 3, 7, 5, 2, 8, 2, 4, 3, 2, 1, 5, 1, 5, 1, 5, 2, 2, 4, 1, 9, 4, 2, 1, 3, 2, 6, 1, 4, 4, 5, 4, 2, 1, 4, 2, 2, 8, 5, 4, 3.

Синтагматическая структура данного речевого фрагмента включает 11 структурных видов синтагм: 1-словных – 11; 2-словных – 12; 3-словных – 18; 4-словных – 18; 5-словных – 14; 6-словных – 8; 7-словных – 8; 8-словных – 4; 9-словных – 3; 10-словных – 3; 11-словных – 1.

Общее количество компонентов в синтагмах рассматриваемого контекста – 439.

Объём условной синтагмы здесь почти такой же, как и объём синтагм, используемых в английской художественной речи, он равен: $439 : 100 = 4,39$ компонента, т. е. 4–5 слов. Существенных расхождений нет.

Частотность синтагм и её процентные показатели отражены в таблице 24.

Частотность синтагм в научной речи Баса Аартса

Место по частотности в тексте	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в тексте в процентном выражении %
1	3-словные	18	54	18
2	4-словные	18	72	18
3	5-словные	14	70	14
4	2-словные	12	24	12
5	1-словные	11	11	11
6	6-словные	8	48	8
7	7-словные	8	56	8
8	8-словные	4	32	4
9	9-словные	3	27	3
10	10-словные	3	30	3
11	11-словные	1	11	1
Всего:		100	439	100 %

Как видим, наиболее активными у автора являются соответственно 3-, 4-, 5-, 2- и 1-словные синтагмы. Совместно они составляют более 70 % его текста.

Обратимся ещё к одному материалу научной речи. Рассмотрим показатели синтагм в монографии Ноама Хомского «Language and Mind»^{*}.

It is reasonable to ask / why human languages should have a design of this sort – / why, / in particular, / they should use grammatical transformations of the sort / described to convert deep structures to surface form. // Why should they not make use of deep structures / in a more direct way? // Two reasons suggest themselves at once. // We have already observed / that the conditions of lexical insertion are essentially transformational / rather than phrase-structural. // More generally, / we find many nonphrase-structural constraints / (for example, / those / involved in deletion of identical items) / when we study a language carefully. // Thus / transformations not only

^{*} Noam Chomsky. Language and Mind. Third Edition. Massachusetts Institute of Technology. Cambridge University Press, 2006. – P. 138–139.

convert a deep structure to a surface structure, / but they also have a “filtering effect,” / ruling out certain potential deep structures / as not well-formed. // Apart from this, / we would naturally be inclined / to seek an explanation / for the use of grammatical transformations / in the empirical constraints / that linguistic communication must meet. // Even the simple fact / that sound is unrecoverable / imposes conditions on speech / that need not, / for example, / be imposed on a linguistic system / designed only for writing / (for example, / the artificial systems / mentioned in note 36). // A written system provides an “external memory” / that changes the perceptual problem in quite a significant way. // We would expect a system / designed for the conditions of speech communication / to be somehow adapted to the load on memory. // In fact, / grammatical transformations characteristically reduce the amount of grammatical structure / in phrase-markers / in a well-defined way, / and it may be / that one consequence of this / is to facilitate the problem of speech perception / by a short-term memory of a rather limited sort. // This observation suggests some promising directions for further research, / but little of substance can be said / with any confidence / on the basis of what is understood today. ///

One further point requires some clarification. // We noted at the outset / that performance and competence must be sharply distinguished / if either is to be studied successfully. // We have now discussed a certain model of competence. // It would be tempting, / but quite absurd, / to regard it / as a model of performance / as well. // Thus / we might propose / that to produce a sentence, / the speaker goes through the successive steps of constructing a base-derivation, / line by line / from the initial symbol S, / then inserting lexical items / and applying grammatical transformations to form a surface structure, / and finally applying the phonological rules in their given order, / in accordance with the cyclic principle / discussed earlier. // There is not the slightest justification for any such assumption. // In fact, / in implying / that the speaker selects the general properties of sentence structure before selecting lexical items / (before deciding / what he is going to talk about), / such a proposal seems not only without justification / but entirely counter to whatever vague intuitions / one may have about the processes / that underlie production. // A theory of performance / (production or

perception) / will have to incorporate the theory of competence – / the generative grammar of a language / – as an essential part. // But models of performance / can be constructed in many different ways, / consistently with fixed assumptions / about the competence / on which they are based. // There is much / that can be said about this topic, / but it goes beyond the bounds of this paper. ///

В контексте 100 синтагм, включающих 538 компонентов, объём которых можно представить в виде последовательного ряда чисел:

5, 10, 1, 2, 8, 8, 9, 5, 6, 4, 9, 4, 2, 6, 2, 1, 6, 6, 1, 11, 7, 6, 4, 3, 5, 4, 6, 4, 5, 4, 4, 4, 3, 2, 6, 4, 2, 3, 5, 7, 10, 5, 7, 9, 2, 9, 3, 5, 4, 5, 8, 10, 9, 7, 3, 8, 6, 5, 8, 7, 9, 4, 3, 3, 5, 2, 1, 3, 5, 12, 3, 5, 4, 9, 10, 6, 2, 10, 2, 2, 14, 2, 7, 8, 7, 6, 3, 4, 3, 8, 6, 4, 4, 7, 4, 3, 5, 3, 7, 9.

Здесь 1-словных синтагм – 4; 2-словных – 11; 3-словных – 13; 4-словных – 16; 5-словных – 13; 6-словных – 11; 7-словных – 9; 8-словных – 7; 9-словных – 8; 10-словных – 5; 11-словных – 1; 12-словных – 1; 14-словных – 1.

Их частотность отражена в таблице 25.

Таблица 25

Частотность разных по объёму синтагм в научной речи Н. Хомского

Место по частотности в тексте	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в тексте в процентном выражении %
1	4-словные	16	64	16
2	3-словные	13	39	13
3	5-словные	13	65	13
4	2-словные	11	22	11
5	6-словные	11	66	11
6	7-словные	9	63	9
7	9-словные	8	72	8
8	8-словные	7	56	7
9	10-словные	5	50	5
10	1-словные	4	4	4
11	11-словные	1	11	1
12	12-словные	1	12	1
13	14-словные	1	14	1
Всего:		100	538	100 %

Объём условной синтагмы здесь составляет: $538 : 100 = 5,4$ (компонента).

Наиболее активны в ней с незначительными расхождениями в показателях те же по объёму синтагмы, которые отличаются активностью и в других видах английской речи: 4-, 3-, 5- и 2-словные.

Рассмотрим ещё один фрагмент научной речи. С этой целью обратимся к книге Л. Блумфилда*.

The most difficult step in the study of language / is the first step. // Again and again, / scholarship has approached the study of language / without actually entering upon it. // Linguistic science arose from relatively practical preoccupations, / such as the use of writing, / the study of literature / and especially of older records, / and the prescription of elegant speech, / but people can spend any amount of time on these things / without actually entering upon linguistic study. // As the individual student / is likely to repeat the delays of history, / we may do well to speak of these matters, / so as to distinguish them / from the subject of our study. ///

Writing is not language, / but merely a way of recording language / by means of visible marks. // In some countries, / such as China, / Egypt, / and Mesopotamia, / writing was practiced thousands of years ago, / but to most of the languages / that are spoken today / it has been applied / either in relatively recent times / or not at all. // Moreover, / until the days of printing, / literacy was confined to a very few people. // All languages were spoken through nearly all of their history / by people / who did not read or write; / the languages of such peoples / are just as stable, / regular, / and rich / as the languages of literate nations. / A language is the same / no matter / what system of writing / may be used to record it, / just as a person is the same / no matter / how you take his picture. // The Japanese have three systems of writing / and are developing a fourth. //

When the Turks, / in 1928, / adopted the Latin alphabet in place of the Arabic, / they went on talking / in just the same way / as before. // In order to study writing, / we must know something about language, / but the reverse is not true. // To be sure, / we

* L. Bloomfield. Language. London. George Allen & Unwin Ltd. Museum Street. 1973. – P.21–22.

get our information about the speech of past times / largely from written records – / and for this reason / we shall, / in another connection, / study the history of writing – / but we find this / to be a handicap. // We have to use great care in interpreting the written symbols / into terms of actual speech; // often we fail in this, / and always we should prefer to have the audible word. ///

Literature, / whether presented in spoken form or, / as is now our custom, / in writing, / consists of beautiful / or otherwise / notable utterances. // The student of literature observes the utterances of certain persons / (say, / of a Shakespeare) / and concerns himself with the content / and with the unusual features of form. // The interest of the philologist is even broader, / for he is concerned with the cultural significance / and background / of what he reads. //

The linguist, / on the other hand, / studies the language of all persons alike; // the individual features / in which the language of a great writer differs / from the ordinary speech of his time and place, / interest the linguist / no more / than do the individual features of any other person's speech, / and much less / than do the features / that are common to all speakers. ///

В этом фрагменте 100 синтагм. Их структуры последовательно представлены следующим количеством компонентов:

9, 4, 3, 7, 5, 7, 6, 4, 5, 6, 11, 6, 4, 8, 9, 5, 6, 4, 7, 5, 3, 3, 1, 2, 7, 6, 4, 4, 5, 4, 1, 5, 8, 10, 2, 6, 5, 4, 1, 2, 6, 5, 2, 4, 6, 7, 2, 5, 7, 5, 3, 4, 9, 4, 5, 2, 5, 6, 6, 3, 10, 4, 4, 2, 3, 5, 4, 4, 11, 5, 5, 10, 1, 6, 5, 2, 3, 2, 2, 10, 1, 3, 6, 7, 8, 8, 2, 4, 2, 4, 7, 3, 9, 9, 3, 2, 10, 3, 4, 6.

В данной речи представлено 11 структурных видов синтагм: 1-словных – 5; 2-словных – 13; 3-словных – 11; 4-словных – 18; 5-словных – 16; 6-словных – 13; 7-словных – 8; 8-словных – 4; 9-словных – 5; 10-словных – 5; 11-словных – 2.

Количество компонентов во всех синтагмах 499. Объём условной синтагмы в научной речи Л. Блумфилда составляет 4,99 компонента, т. е. 5 слов. В ней наиболее активны из синтагм соответственно 4-, 5-, 6-, 2- и 3-словные синтагмы. Совместно они составляют 71 % структуры речи.

Их объём и частотность отражены в таблице 26.

Таблица 26

Частотность разных по объёму синтагм в научной речи Л. Блумфилда

Место по частотности в тексте	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в тексте в процентном выражении %
1	4-словные	18	72	18
2	5-словные	16	80	16
3	6-словные	13	78	13
4	2-словные	13	26	13
5	3-словные	11	33	11
6	7-словные	8	56	8
7	1-словные	5	5	5
8	9-словные	5	45	5
9	10-словные	5	50	5
10	8-словные	4	32	4
11	11-словные	2	22	2
Всего:		100	499	100 %

В сводной таблице 27 отражена частотность синтагм в научной речи в целом.

Особенностью английской научной речи является тот факт, что из четырнадцати отмеченных в ней структурных видов синтагм, в первую пятёрку по частоте употребления попали, по сути, одни и те же синтагмы. Вот как представлены их объём и количество употреблений у авторов.

		1 место	2 место	3 место	4 место	5 место
У Д. Аартса *	—	4 / 18	3 / 18	5 / 14	2 / 12	1 / 11
У Н. Хомского	—	4 / 16	3 / 13	5 / 13	2 / 11	6 / 11
У Л. Блумфилда	—	4 / 18	5 / 16	6 / 13	2 / 13	3 / 11

* Во всех случаях первое число указывает на объём синтагмы, второе — на процентное количество её в тексте, например: 4 / 18 — 4-словные синтагмы, их в тексте 18%, иными словами, 18 единиц на каждые 100 синтагм текста.

Частотность синтагм в английской научной речи

Место по частотности в тексте	Объём синтагм	Количество синтагм в тексте	Количество компонентов в синтагмах	Частотность синтагм в тексте в процентном выражении %
1	4-словные	52	208	17,4
2	5-словные	43	215	14,4
3	3-словные	42	126	14
4	2-словные	36	72	12
5	6-словные	32	192	10,7
6	7-словные	25	175	8,3
7	1-словные	20	20	6,7
8	9-словные	16	144	5,3
9	8-словные	15	120	5
10	10-словные	13	130	4,3
11	11-словные	4	44	1,3
12	12-словные	1	12	0,3
13	14-словные	1	14	0,3
Всего:		300	1472	100 %

Объём условной синтагмы в английской научной речи в целом составляет:
 $1472 : 300 = 4,9$ компонента, т. е. 5 слов.

Самыми активными синтагмами в английской речи являются 4-, 3- и 5-словные синтагмы, тогда как в русской речи первая тройка синтагм выглядит следующим образом: 3-словные, 2-словные и 1-словные.

Для определения объёма условной синтагмы и частотности синтагм разного объёма достаточно контекста в сто синтагм. Увеличение количества синтагм не ведёт к заметному изменению результатов (они варьируются с различиями в пределах двух процентов). Так, условная синтагма в русской речи соответствует 3 компонентам, в украинской – 2,7 и в английской – 4,5 компонента (т. е. 3 – 3 – 5).

Сопоставительные данные частотности синтагм в русской, украинской и английской речи в зависимости от их объёма представлены в таблице 28.

Объём и частотность синтагм в русской, украинской и английской художественной, разговорной и научной речи

Объём синтагм	Количество синтагм в разных видах речи и процентное выражение их частотности														
	Русская речь					Украинская речь					Английская речь				
	ХР*	РР	НР	Всего по русск. речи	Процент частотности в речи %	ХР	РР	НР	Всего по укр. речи	Процент частотности в речи %	ХР	РР	НР	Всего по англ. речи	Процент частотности в речи %
1-словные	39	23	40	102	14,4	32	17	34	83	16,6	12	110	20	152	10,5
2-словные	86	37	71	194	27,8	78	35	47	160	32	30	126	36	192	13,2
3-словные	104	21	69	194	27,8	60	38	50	148	29,6	34	151	42	227	15,6
4-словные	41	12	46	99	14,1	18	6	35	59	11,8	42	162	52	256	17,5
5-словные	22	6	33	61	8,7	9	4	18	31	6,2	27	124	43	194	13,4
6-словные	7	1	20	28	4	3	-	9	12	2,4	23	91	32	145	10
7-словные	1	-	10	11	1,6	-	-	4	4	0,8	15	67	25	107	7,4
8-словные	-	-	5	5	0,7	-	-	1	1	0,2	7	57	15	79	5,3
9-словные	-	-	4	4	0,6	-	-	2	2	0,4	7	37	16	60	4
10-словные	-	-	2	2	0,3	-	-	-	-	-	2	15	13	30	2
11-словные	-	-		-	-	-	-	-	-	-	1	8	4	13	0,9
12-словные	-	-		-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	0,1
13-словные	-	-		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
14-словные	-	-		-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	0,1
Всего синтагм	300	100	300	700	100 %	200	100	200	500	100 %	200	948	300	1448	100 %

* Прим.: ХР – художественная речь, РР – разговорная речь, НР – научная речь.

В русской речи 1-словные синтагмы наиболее часто употребляются в разговорной её разновидности. Здесь их в два с половиной раза больше, чем в художественной или научной речи. По частоте употребления они в целом на третьем месте – после 2-словных и 3-словных синтагм. Их здесь обычно примерно 14–16 единиц на каждые сто синтагм.

Активны 1-словные синтагмы в разговорной и художественной речи украинского языка. По употребительности они здесь тоже на третьем месте среди всех синтагм (16,6 %), т. е. на сто синтагм у них 16–17 позиций.

В английской речи 1-словные синтагмы активны в разговорной сфере, где используются в 2 раза чаще, чем в художественной речи. В английской научной речи они представлены в основном вводными словами. В целом же по частоте употребления они делят с 6-словными синтагмами 5–6 места. На каждые сто синтагм у них примерно по 10–11 позиций.

В русской речи по частотности употребления 2-словные синтагмы делят с 3-словными первое и второе места, занимая примерно по 28 позиций в речи из ста синтагм. Эти три структурных типа синтагм занимают 70–75 % русской речи. В украинской речи 2-словные синтагмы на первом месте по употреблению. Их в речи почти треть её формата (32 %).

Для украинской речи наиболее актуальны эти же три типа синтагм. Их примерно 80 %. Далее по употребительности в той и другой речи идут 4-, 5-, 6-словные синтагмы. Синтагмы, включающие от 7 до 10 компонентов, в русской и украинской речи единичны. Что же касается синтагм, объединяющих 11 и более компонентов, обнаружить их здесь вообще не удалось. Тем не менее в специальной речи, особенно технической, в которой часто используются составные термины, такие синтагмы вполне возможны (например, название прибора *датчик контроля высокой температуры доменной печи* уже включает шесть компонентов, хотя выполняет функцию одного слова).

В целом же в русской и украинской речи наиболее употребительны синтагмы, включающие от одного до шести компонентов. В русской речи они составляют 96 % от числа всех синтагм, а в украинской – около 99 %. Это

указывает на общность грамматического арсенала и культурно-речевых основ русского и украинского языков.

В английской речи совсем иные показатели частотности употребления синтагм: 4-словные синтагмы здесь самые частотные (17,5 %), остальные же по употребительности выстроились за ними в такой ряд: 3-словные (15,6 %), 5-словные (13,4 %), 2-словные (13,2 %), 1-словные (10,5 %) и 6-словные синтагмы (10 %). Они составляют 80 % наполнения текстов.

Отмеченные различия обусловлены тем, что русский и украинский – языки синтетические, тогда как английский – аналитический. У них разные способы образования форм слов.

В таблице 29 отражены сведения о частотности разных по объёму синтагм в русской, украинской и английской речи.

Таблица 29

Объём и частность синтагм в речи разных языков

Место по частотности	Объём синтагм в русской речи	Процент использования %	Объём синтагм в украинской речи	Процент использования %	Объём синтагм в английской речи	Процент использования %
1	2-словные	27,8	2-словные	32	4-словные	17,5
2	3-словные	27,8	3-словные	29,6	3-словные	15,6
3	1-словные	14,4	1-словные	16,6	5-словные	13,4
4	4-словные	14,1	4-словные	11,8	2-словные	13,2
5	5-словные	8,7	5-словные	6,2	1-словные	10,5
6	6-словные	4	6-словные	2,4	6-словные	10
7	7-словные	1,6	7-словные	0,8	7-словные	7,4
8	8-словные	0,7	8-словные	0,4	8-словные	5,3
9	9-словные	0,6	9-словные	0,2	9-словные	4
10	10-словные	0,3	10-словные	-	10-словные	2
11	11-словные	-	11-словные	-	11-словные	0,9
12	12-словные	-	12-словные	-	12-словные	0,1
13	14-словные	-	14-словные	-	14-словные	0,1
ВСЕГО:		100 %	ВСЕГО:	100 %	ВСЕГО:	100 %

В таблице цветом выделены те структурные типы синтагм, частотность употребления которых в речи не менее 2 %. В русской и украинской речи таких синтагм шесть типов, в английской – десять. В русской речи эти синтагмы (1-словные – 6-словные) составляют 96,8 % речи, в украинской – 98,6 %. В английской речи такая наполняемость достигается использованием десяти структурных видов синтагм. В русской и украинской речи синтагм, включающих более 6 слов, всего 1–2 %, тогда как в английской речи их около 20 %. Они занимают почти пятую часть общей структуры текста.

В русской речи с увеличением объёма синтагм их активность резко падает. Так, две самые активные синтагмы (2- и 3-словные) используется в 8–9 раз чаще, чем 6-словные, и в 25 раз чаще, чем 7-словные синтагмы. В украинской речи эти показатели ещё нагляднее: первая по активности синтагма используется чаще шестой в 18 раз и чаще седьмой в 30 раз.

В английской речи активность синтагм снижается плавно: первая по активности синтагма используется чаще шестой (6-словной) лишь в 1,8 раза.

Представленные здесь результаты получены в процессе двух вариантов исследования текстов. В первом случае рассматривались контексты в сто синтагм, в которых определялось количество синтагм разного объёма. Удобство такого подхода в том, что каждая синтагма контекста составляет в нём один процент, поэтому число одинаковых по объёму синтагм одновременно указывало и на их процентное соотношение.

Во втором случае рассматривались контексты с разным количеством синтагм, потом выяснялось процентное выражение количества синтагм конкретного объёма. Подходы разные, но результаты на уровне целых чисел были одинаковы.

Такой путь исследования помогал определить минимальный объём контекста, который позволял делать объективные выводы относительно особенностей синтагматической структуры того текста, которому принадлежал контекст.

Так что не столь важно, какие размеры исследуемых контекстов. Контексты в полстраницы уже давали более-менее объективную картину функционирования синтагм разного объёма в речи.

Объём синтагмы влияет на ритмику и динамику речи: умело организованная речь может стать весьма эффективным инструментом воздействия на людей уже на внутреннем, т. е. структурном, уровне. Учёт этого особенно важен для художественных (прежде всего поэтических), публицистических, ораторских и рекламных текстов.

Обращая внимание на структуру и объём синтагм в речи разных языков, отметим, что важны не только различия в объёме исходных единиц речи, но и сходство единиц и их функций. А сходство их в том, что они обеспечивают порождение, сохранение, передачу и восприятие конкретного содержания.

Выводы к главе 6

Важными характеристиками синтагмы являются её **структура и объём**. Структура синтагмы отражает последовательность и связь её компонентов, спонтанно объединившихся в сознании человека в минимальную речевую структуру. Объём синтагмы определяется количеством входящих в неё компонентов.

Будучи составной, синтагма, тем не менее, **недискретная** единица, её нельзя разделить на более мелкие **речевые** компоненты. Она, как и любая речевая структура, не существует в качестве общей заданной единицы, как, например, существуют слова в языке, а появляется в сознании субъекта речи в результате психоречевой реакции путём автоматического слияния нескольких слов. Это целостная, одномерная структура, лингвистически отражающая простейшую конкретную ситуацию, отдельный минимальный факт, реалию с её одним или несколькими актуальными признаками, делающими эту реалию узнаваемой. Она

предполагает наличие других синтагм с целью передачи необходимого содержания.

Уместно отметить, что развитию связной речи способствует не только объединение и связь синтагм, но и их чёткое и последовательное разграничение. Интонационная делимитация их субъектом речи помогает осмыслению каждой из них и пониманию содержания речи в целом. Так что для восприятия содержания важна не только связь синтагм – смысловая, интонационная и грамматическая, но и чёткое их разграничение.

Содержание главы 6 позволяет сделать следующие **выводы**.

1. Объём условной синтагмы в русской речи составляет 3 слова. Максимальное количество слов в синтагме – 10. Однако в речи регулярно используются синтагмы объёмом от одного до шести слов.

2. Наиболее активными являются 3-словные, 2-словные, 1-словные и 4-словные синтагмы. Они наполняют около 85 % текста. Причём 2-словные и 3-словные синтагмы используются примерно одинаково, занимая по 30 % структуры текста. На третьем месте – 1-словные синтагмы, которые используются в 2 раза реже. У них – 15 % текста. Почти такая же ситуация и с 4-словными синтагмами (их – 14 %). Частотность 5-словных синтагм составляет 8–9 %. Реже используются 6-словные синтагмы: их около 4 %.

Остальные синтагмы (7-, 8-, 9- и 10-словные) используются эпизодически, в основном в научной речи, их около 3 %.

3. В русской речи 1-словные синтагмы наиболее часто употребляются в разговорной её разновидности. Здесь их в два с половиной раза больше, чем в художественных текстах с аналогичным количеством синтагм.

4. В русской речи с увеличением объёма синтагм резко сокращается частотность их употребления. Самые активные синтагмы (2- и 3-словные) используются в 8–9 раз чаще, чем 6-словные, и в 25 раз чаще, чем 7-словные синтагмы.

5. Самыми активными в украинской речи являются 2-словные и 3-словные синтагмы. Они, как и структурно аналогичные синтагмы русской речи,

используются примерно одинаково, совместно занимая около 60 % структуры текста. На третьем месте – 1-словные синтагмы, они используются в 2 раза реже, составляя около 16 % структуры текста. Ещё реже используются 4-словные синтагмы (около 12 %). У 5-словных синтагм всего 6 % текста. Ещё реже используются 6-словные и 7-словные синтагмы: они вместе с 8-словными и 9-словными синтагмами занимают 4 % структуры текста.

6. В украинской речи, как и в русской, наиболее употребительны синтагмы, включающие от одного до шести компонентов. В русской речи они составляют 96 % от числа всех синтагм, а в украинской – около 99 %. Это указывает на общность грамматического арсенала и культурно-речевых основ русского и украинского языков.

7. В английской речи используются синтагмы объёмом до четырнадцати слов. Здесь совсем иные показатели частотности их употребления: 4-словные синтагмы являются самыми частотными (17 %), за ними идут 3-словные (16 %), 5-словные (14 %), 2-словные (13 %), 1-словные (11 %) и 6-словные синтагмы (10 %). В целом они составляют около 80 % наполнения текстов. На долю остальных восьми видов синтагм приходится 20 % текста.

8. В английской речи с увеличением объёма синтагм их активность снижается плавно. Так, первая по активности в речи синтагма (4-словная) используется чаще шестой (6-словной) лишь в 1,8 раза.

Глава 7

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СИНТАГМ И ИХ АКТИВНОСТЬ

7.1. Морфологическая природа и активность синтагм в русской речи

Морфологическая природа синтагмы определяется частеречной принадлежностью её ключевого слова. По этому признаку выделяются **именные** синтагмы (у них ключевым словом является имя: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, причастие или категория состояния как наименование того или иного состояния). Это основная масса синтагм. В мире бесчисленное множество реалий, все они характеризуются своими признаками, качествами, свойствами.

Естественно, что в мире реалий бесчисленное количество именных синтагм. Реалии совершают какие-то действия или подвергаются им, оказываются в тех или иных состояниях при тех или иных обстоятельствах. В связи с этим выделяются **глагольные** и **наречные** синтагмы.

Синтагмы могут быть представлены междометиями, предлогами, частицами, союзами*, т. е. разнообразными морфологическими средствами с конкретным речевым значением. Они могут быть также представлены словами особой лексической группы, которые в речи выступают исключительно в роли вводных слов (*впрочем, дескать, итак, мол, пожалуйста, следовательно* и др.). Их морфологическая квалификация затруднена по причине того, что эта группа слов ещё недостаточно изучена. В. В. Виноградов определял их как “модальные слова”. Синтагма символизирует сочетание и единство слов как способ точного и конкретного лингвистического отражения действительности. В системе языка при изучении сочетаемости слов опора осуществляется на словосочетания как метаязыковые синтаксические структуры. Например, в лексикологии – при

* См., например, ранее представленную синтагматику контекста из книги М. Веллера с компонентами *Итак, То есть, Однако, И, Ага*, которые у автора не только являются синтагмами, но и, приобретая конкретное ситуативное значение, выполняют функцию самостоятельных предложений.

изучении смысловой сочетаемости, в синтаксисе – при изучении грамматической сочетаемости.

Причём обычно их рассматривают на уровне бинарных связей и отношений. В связи с этим морфологическую природу словосочетания определяют путём отражения частеречной принадлежности обоих лексических компонентов, например: *субстантивно-адъективное словосочетание, глагольно-субстантивное, глагольно-наречное* и др. Отражаются типичные устойчивые явления сферы языка.

Однако в сфере речи такой подход к синтагмам не уместен. Потому что, во-первых, речь – явление субъективное, творческое, предполагающее не только типичность, но и индивидуальность, креативность, во-вторых же, структура синтагмы может включать более десяти компонентов, относящихся к нескольким частям речи.

Тем не менее при этом синтагма остаётся **недискретной речевой единицей**, ибо она предельно минимальная речевая структура. Речевых единиц меньше синтагмы нет. Поэтому её морфологическую природу уместно определять по её ключевому слову.

Кроме того, предикативные синтагмы, включающие полностью предикативный центр, целесообразно определять с учётом особенностей предикативного центра – **глагольная, предикативная или именная, предикативная**. Первая представлена в синтагмах со сказуемым глагольного типа, вторая – со сказуемым именного типа.

Рассмотрим соотношение морфологической природы синтагм и частотности их употребления в русской художественной речи. В связи с этим обратимся к уже знакомому нам контексту из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Для наглядности отведём каждой синтагме отдельную строку. Последовательное их чтение даже при отсутствии знаков препинания позволяет адекватно воспринимать каждую фразу.

Да

— синтагма выражена частицей;

такова была моя участь

— именная, предикативная;

<i>с самого детства</i>	— именная;
<i>все читали на моём лице</i>	— глагольная, предикативная;
<i>признаки дурных свойств</i>	— именная;
<i>которых не было</i>	— глагольная, предикативная;
<i>но их предполагали</i>	— глагольная, предикативная;
<i>и они родились</i>	— глагольная, предикативная;
<i>я был скромн</i>	— именная, предикативная;
<i>меня обвиняли в лукавстве</i>	— глагольная, предикативная;
<i>я стал скрытен</i>	— именная, предикативная;
<i>я глубоко чувствовал добро и зло</i>	— глагольная, предикативная;
<i>никто меня не ласкал</i>	— глагольная, предикативная;
<i>все оскорбляли</i>	— глагольная, предикативная;
<i>я стал злопамятен</i>	— именная, предикативная;
<i>я был угрюм</i>	— именная, предикативная;
<i>другие дети веселы и болтливы</i>	— именная, предикативная;
<i>я чувствовал себя выше их</i>	— глагольная, предикативная;
<i>меня ставили ниже</i>	— глагольная, предикативная;
<i>я сделался завистлив</i>	— глагольная, предикативная;
<i>я был готов любить весь мир</i>	— именная, предикативная;
<i>меня никто не понял</i>	— глагольная, предикативная;
<i>и я выучился ненавидеть</i>	— глагольная, предикативная;
<i>моя бесцветная молодость</i>	— именная;
<i>протекала в борьбе с самим собой и светом</i>	— глагольная;
<i>лучшие мои чувства</i>	— именная;
<i>боясь насмешки</i>	— глагольная;
<i>я хоронил в глубине сердца</i>	— глагольная, предикативная;
<i>они там и умерли</i>	— глагольная, предикативная;
<i>я говорил правду</i>	— глагольная, предикативная;
<i>мне не верили</i>	— глагольная, предикативная;
<i>я начал обманывать</i>	— глагольная, предикативная;

<i>узнав хорошо свет и пружины общества</i>	— глагольная;
<i>я стал искусен в науке жизни</i>	— именная, предикативная;
<i>и видел</i>	— глагольная;
<i>как другие без искусства счастливы</i>	— именная, предикативная;
<i>пользуясь даром теми выгодами</i>	— глагольная
<i>которых я так неумоимо добивался</i>	— глагольн, предикативная;
<i>и тогда в груди моей</i>	— именная;
<i>родилось отчаяние</i>	— глагольная, предикативная;
<i>не то отчаяние</i>	— именная;
<i>которое лечат дулом пистолета</i>	— глагольная, предикативная;
<i>но холодное</i>	— именная;
<i>бессильное отчаяние</i>	— именная;
<i>прикрытое любезностью и добродушной улыбкой</i>	— именная;
<i>я сделался нравственным калекой</i>	— глагольная, предикативная;
<i>одна половина души моей не существовала</i>	— глагольная, предикативная;
<i>она высохла</i>	— глагольная, предикативная;
<i>испарилась</i>	— глагольная;
<i>умерла</i>	— глагольная;
<i>я её отрезал и бросил</i>	— глагольная, предикативная;
<i>тогда как другая шевелилась</i>	— глагольная, предикативная;
<i>и жила к услугам каждого</i>	— глагольная;
<i>и этого никто не заметил</i>	— глагольная, предикативная;
<i>потому что никто не знал</i>	— глагольная, предикативная;
<i>о существовании погибшей её половины</i>	— именная;
<i>но вы теперь</i>	— именная;
<i>во мне</i>	— именная;
<i>разбудили воспоминание о ней</i>	— глагольная;
<i>и я вам прочёл</i>	— глагольная, предикативная;
<i>её эпитафию</i>	— именная;
<i>многим</i>	— именная;

<i>все вообще эпитафии</i>	— именная;
<i>кажутся смешными</i>	— глагольная;
<i>но мне нет</i>	— глагольная;
<i>особенно когда вспомню о том</i>	— глагольная, предикативная;
<i>что под ними покоится</i>	— глагольная, предикативная;
<i>впрочем</i>	— модальное слово;
<i>я не прошу вас</i>	— глагольная, предикативная;
<i>разделять моё мнение</i>	— глагольная;
<i>если моя выходка</i>	— именная;
<i>вам кажется смешна</i>	— глагольная;
<i>пожалуйста</i>	— частица;
<i>смейтесь</i>	— глагольная;
<i>предупреждаю вас</i>	— глагольная, предикативная;
<i>что это меня</i>	— именная;
<i>не огорчит нисколько</i>	— глагольная;
<i>в эту минуту</i>	— именная;
<i>я встретил ее глаза</i>	— глагольная, предикативная;
<i>в них бегали слезы</i>	— глагольная, предикативная;
<i>рука её</i>	— именная;
<i>опираясь на мою</i>	— глагольная;
<i>дрожала</i>	— глагольная;
<i>щеки пылали</i>	— глагольная, предикативная;
<i>ей было жаль меня</i>	— именная, предикативная;
<i>сострадание</i>	— именная
<i>чувство</i>	— именная
<i>которому покоряются так легко все женщины</i>	— глагольная,
предикативная;	
<i>впустило свои когти</i>	— глагольная;
<i>в ее неопытное сердце</i>	— именная;
<i>во все время прогулки</i>	— именная;

<i>она была рассеянна</i>	— именная, предикативная;
<i>ни с кем не кокетничала</i>	— глагольная;
<i>а это великий признак</i>	— именная, предикативная;
<i>мы пришли к провалу</i>	— глагольная, предикативная;
<i>дамы оставили своих кавалеров</i>	— глагольная, предикативная;
<i>но она не покидала руки моей</i>	— глагольная, предикативная;
<i>остроты здешних денди</i>	— именная;
<i>ее не смешили</i>	— глагольная;
<i>крутизна обрыва...</i>	— именная.

Исходные данные: 100 синтагм. Из них

Глагольных	— 60;
Именных	— 37;
Частиц в роли синтагм	— 2;
Модальных слов в роли синтагм	— 1.

Как видим, основная масса синтагм — это глагольные и именные структуры. Их 97. Предикативных синтагм здесь (т. е. тех, которые включают в себя предикативный центр предложения) — 52. Из них глагольных — 44, именных — 8.

Соотношение в речи глагольных и именных синтагм определяет её качества. Глагольных синтагм в данной речи — 60. Их больше именных чуть ли не в два раза. Они придают речи динамичный характер, энергичность и отражают её воздействующую силу. Не случайно когда-то А. П. Чехов говорил, что изучать русский язык нужно по роману М. Ю. Лермонтова — предложение за предложением.

Теперь обратим внимание на морфологическую природу синтагм и на частотность их употребления в повести А. П. Чехова «Степь».

<i>Из N.</i>	— именная;
<i>ранним июльским утром</i>	— именная;

<i>выехала</i>	— глагольная;
<i>и с громом покатила по почтовому тракту</i>	— глагольная;
<i>безрессорная, ошарпанная бричка</i>	— именная;
<i>одна из тех допотопных бричек</i>	— именная;
<i>на которых ездят теперь на Руси</i>	— глагольная;
<i>только купеческие приказчики</i>	— именная;
<i>гуртовщики</i>	— именная;
<i>и небогатые священники</i>	— именная;
<i>Она</i>	— именная;
<i>тарахтела</i>	— глагольная;
<i>и взвизгивала</i>	— глагольная;
<i>при малейшем движении</i>	— именная;
<i>ей угрюмо вторило ведро</i>	— глагольная, предикативная;
<i>привязанное к ее задку</i>	— именная;
<i>и по одним этим звукам</i>	— именная;
<i>да по жалким кожаным тряпочкам</i>	— именная;
<i>болтавшимся на ее облезлом теле</i>	— именная;
<i>можно было судить</i>	— глагольная;
<i>о ее ветхости</i>	— именная;
<i>и готовности идти в слом</i>	— именная;
<i>в бричке</i>	— именная;
<i>сидело двое N-ских обывателей</i>	— глагольная, предикативная;
<i>N-ский купец Иван Иванович Кузьмичов</i>	— именная;
<i>Бритый</i>	— именная;
<i>в очках</i>	— именная;
<i>и в соломенной шляпе</i>	— именная;
<i>больше похожий на чиновника</i>	— именная;
<i>чем на купца</i>	— именная;
<i>и другой</i>	— именная;
<i>отец Христофор Сирийский</i>	— именная;

<i>настоятель N-ской Николаевской церкви</i>	— именная;
<i>маленький длинноволосый старичок</i>	— именная;
<i>в сером парусиновом кафтане</i>	— именная;
<i>в широкополом цилиндре</i>	— именная;
<i>и в шитом, цветном поясе</i>	— именная;
<i>Первый</i>	— именная;
<i>о чем-то сосредоточенно думал</i>	— глагольная, предикативная;
<i>и встряхивал головою</i>	— глагольная;
<i>чтобы прогнать дремоту</i>	— глагольная, предикативная;
<i>на лице его</i>	— именная;
<i>привычная деловая сухость</i>	— именная;
<i>боролась с благодушием человека</i>	— глагольная;
<i>только что простившегося с родней</i>	— именная;
<i>и хорошо выпившего</i>	— именная;
<i>второй же</i>	— именная;
<i>влажными глазками</i>	— именная;
<i>удивленно глядел на мир божий</i>	— глагольная;
<i>и улыбался так широко</i>	— глагольная;
<i>что, казалось</i>	— глагольная;
<i>улыбка захватывала даже поля цилиндра</i>	— глагольная, предикативная;
<i>лицо его</i>	— именная;
<i>было красно</i>	— глагольная;
<i>и имело озябший вид</i>	— глагольная;
<i>Оба они</i>	— именная;
<i>как Кузьмичов</i>	— именная;
<i>так и о. Христофор</i>	— именная;
<i>ехали теперь</i>	— глагольная;
<i>продавать шерсть</i>	— глагольная;
<i>Прощаясь с домочадцами</i>	— глагольная;
<i>они только что сытно закусили пышками со сметаной</i>	— глагольная, предикативная;

<i>и, несмотря на раннее утро</i>	— именная;
<i>выпили...</i>	— глагольная;
<i>Настроение духа</i>	— именная;
<i>у обоих было прекрасное</i>	— глагольная;
<i>Кроме только что описанных двух</i>	— именная;
<i>и кучера Дениски</i>	— именная;
<i>неутомимо стегавшего по паре шустрых гнедых лошадок</i>	— именная;
<i>в бричке находился еще один пассажир</i>	— глагольная, предикативная;
<i>мальчик лет девяти</i>	— именная;
<i>с темным от загара и мокрым от слез лицом</i>	— именная;
<i>Это был Егорушка</i>	— именная, предикативная;
<i>племянник Кузьмичова</i>	— именная;
<i>С разрешения дяди</i>	— именная;
<i>и с благословения о. Христофора</i>	— именная;
<i>он ехал куда-то поступать в гимназию</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Его мамаша</i>	— именная;
<i>Ольга Ивановна</i>	— именная;
<i>вдова коллежского секретаря</i>	— именная;
<i>и родная сестра Кузьмичова</i>	— именная;
<i>любившая образованных людей и благородное общество</i>	— именная;
<i>умолила своего брата</i>	— глагольная;
<i>ехавшего продавать шерсть</i>	— именная;
<i>взять с собою Егорушку</i>	— именная;
<i>и отдать его в гимназию</i>	— глагольная;
<i>и теперь мальчик</i>	— именная;
<i>не понимая</i>	— глагольная;
<i>куда и зачем он едет</i>	— глагольная, предикативная;
<i>сидел на облучке рядом с Дениской</i>	— глагольная;
<i>держался за его локоть</i>	— глагольная;
<i>чтоб не свалиться</i>	— глагольная, предикативная;

<i>и подпрыгивал</i>	— глагольная;
<i>как чайник на конфорке</i>	— именная;
<i>От быстрой езды</i>	— именная;
<i>его красная рубаша</i>	— именная;
<i>пузырем вздувалась на спине</i>	— глагольная;
<i>и новая ямщицкая шляпа с павлиньим пером</i>	— именная;
<i>то и дело сползала на затылок</i>	— глагольная.

Исходные данные: 100 синтагм. Из них

Именных	— 63;
Глагольных	— 36;
Модальных слов в роли синтагмы	— 1.

В художественной речи А. П. Чехова значительно преобладают именные синтагмы. А из 11 предикативных синтагм, которые использованы в данном контексте, 10 глагольных и 1 именная. Насыщение речи именными синтагмами не способствует её динамичности. Такая речь носит констатирующий, описательный характер, в ней преобладают сообщения о деталях, фактах, реалиях, их постоянных качествах и акцидентных признаках.

Теперь же выясним морфологическую природу синтагм в аналогичном по объёму контексте из романа К. Г. Паустовского «Золотая роза».

<i>Я живу</i>	— глагольная, предикативная;
<i>в маленьком доме</i>	— именная;
<i>на дюнах</i>	— именная;
<i>Всё Рижское взморье</i>	— именная;
<i>в снегу</i>	— именная;
<i>Он всё время</i>	— именная;
<i>слетает с высоких сосен длинными прядями</i>	— глагольная;

<i>и рассыпается в пыль</i>	— глагольная;
<i>Слетает он от ветра</i>	— глагольная, предикативная;
<i>и оттого</i>	— наречная
<i>что по соснам прыгают белки</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Когда очень тихо</i>	— именная, предикативная;
<i>то слышно</i>	— именная, предикативная;
<i>как они шелушат сосновые шишки</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Дом стоит</i>	— глагольная, предикативная;
<i>у самого моря</i>	— именная;
<i>Чтобы увидеть море</i>	— глагольная, предикативная;
<i>нужно выйти за калитку</i>	— глагольная, предикативная;
<i>и немного пройти</i>	— глагольная;
<i>по протоптанной в снегу тропинке</i>	— именная;
<i>мимо заколоченной дачи</i>	— именная;
<i>На окнах этой дачи</i>	— именная;
<i>ещё с лета</i>	— именная;
<i>остались занавески</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Они шевелятся от слабого ветра</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Должно быть, ветер проникает</i>	— глагольная, предикативная;
<i>сквозь незаметные щели</i>	— именная;
<i>в пустую дачу</i>	— именная;
<i>но издали кажется</i>	— глагольная, предикативная;
<i>что кто-то подымает занавеску</i>	— глагольная, предикативная;
<i>и осторожно следит за тобой</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Море не замёрзло</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Снег лежит</i>	— глагольная, предикативная;
<i>до самой кромки воды</i>	— именная;
<i>На нём видны следы зайцев</i>	— именная, предикативная;
<i>Когда на море подымается волна</i>	— глагольная, предикативная;
<i>то слышен не шум прибоя</i>	— именная, предикативная;

<i>а хрустенье льда</i>	— именная;
<i>и шорох оседающего снега</i>	— именная;
<i>Балтика зимой</i>	— именная;
<i>пустынна и угрюма</i>	— именная;
<i>Латыши называют её «Янтарным морем»</i>	— глагольная, предикативная;
<i>(«Дзинтара юра»)</i>	— именная;
<i>Может быть</i>	— глагольная;
<i>не только потому</i>	— наречная;
<i>что Балтика выбрасывает много янтаря</i>	— глагольная, предикативная;
<i>но ещё и потому</i>	— наречная;
<i>что её вода</i>	— именная;
<i>чуть заметно</i>	— наречная;
<i>отливает янтарной желтизной</i>	— глагольная;
<i>По горизонту</i>	— именная;
<i>весь день</i>	— именная;
<i>лежит слоями тяжёлая мгла</i>	— глагольная, предикативная;
<i>В ней пропадают очертания низких берегов</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Только кое-где в этой мгле</i>	— наречная;
<i>опускаются над морем</i>	— глагольная;
<i>белые косматые полосы</i>	— именная;
<i>там идёт снег</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Иногда</i>	— наречная;
<i>дикие гуси</i>	— именная;
<i>прилетевшие в этом году слишком рано</i>	— глагольная;
<i>салятся на воду</i>	— глагольная;
<i>и кричат</i>	— глагольная;
<i>Тревожный их крик</i>	— именная;
<i>далеко разносится по берегу</i>	— глагольная;
<i>но не вызывает отклика</i>	— глагольная;
<i>в прибрежных лесах зимой</i>	— именная;

<i>почти нет птиц</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Днём в доме</i>	— наречная;
<i>где я живу</i>	— глагольная, предикативная;
<i>идёт привычная жизнь</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Трещат дрова в разноцветных кафельных печах</i>	— глагольная, предикативная;
<i>приглушённо стучит пишущая машинка</i>	— глагольная, предикативная;
<i>молчаливая уборщица Лиля</i>	— именная;
<i>сидит в уютном холле</i>	— глагольная;
<i>и вяжет кружево</i>	— глагольная;
<i>Всё обыкновенно</i>	— именная, предикативная;
<i>и очень просто</i>	— именная, предикативная
<i>По вечерам</i>	— именная;
<i>крошечная темнота окружает дом</i>	— глагольная, предикативная;
<i>сосны придвигаются к нему вплотную</i>	— глагольная, предикативная;
<i>и, когда выходишь из ярко освещённого холла наружу</i>	— глагольная, предикативная;
<i>тебя охватывает ощущение полного одиночества</i>	— глагольная, предикативная;
<i>с глазу на глаз</i>	— именная;
<i>с зимой</i>	— именная;
<i>морем</i>	— именная;
<i>и ночью</i>	— именная;
<i>Море уходит на сотни миль в чёрно-свинцовые дали</i>	— глагольная, предикативная;
<i>На нём не видно</i>	— именная, предикативная;
<i>ни одного огонька</i>	— именная;
<i>И не слышно</i>	— именная, предикативная;
<i>ни одного всплеска</i>	— именная;
<i>Маленький дом стоит</i>	— глагольная, предикативная;
<i>как последний маяк</i>	— именная;
<i>на краю туманной бездны</i>	— именная;
<i>Здесь обрывается земля</i>	— глагольная, предикативная;

<i>И поэтому кажется удивительным</i>	— глагольная, предикативная;
<i>что в доме спокойно горит свет</i>	— глагольная, предикативная;
<i>поёт радио</i>	— глагольная, предикативная;
<i>мягкие ковры заглушают шаги</i>	— глагольная, предикативная;
<i>а на столах</i>	— именная;
<i>[лежат раскрытые книги и рукописи].</i>	

Исходные данные: 100 синтагм. Из них

Глагольных	— 49;
Именных	— 44;
Наречных	— 7.

В рассматриваемом фрагменте глагольных и именных синтагм — 93. Из них 44 предикативных (36 глагольных и 8 именных). Благодаря активному использованию глагольных синтагм отражаемые картины представлены в движении — психическом, физическом и временном.

Сейчас целесообразно уделить внимание разговорному стилю русской речи. Не менее важной и интересной представляется морфологическая природа синтагм в контексте живой разговорной речи, как первичной формы общения в повседневной жизни.

<i>Маша</i>	— именная;
<i>ты даже не представляешь</i>	— глагольная, предикативная;
<i>какая у нас соседка</i>	— именная, предикативная;
<i>она уже немолода</i>	— именная, предикативная;
<i>и малость плохо слышит</i>	— глагольная, предикативная;
<i>все бы ничего</i>	— именная, предикативная;
<i>но она включает утром</i>	— глагольная, предикативная;
<i>в своей гостиной</i>	— именная;

<i>телевизор</i>	— именная;
<i>на всю ивановскую</i>	— именная;
<i>а слушает его</i>	— глагольная;
<i>из кухни</i>	— именная;
<i>где в кастрюлях все булькает</i>	— глагольная, предикативная;
<i>и на сковородках шкварчит</i>	— глагольная, предикативная;
<i>так он целый день и орёт</i>	— глагольная, предикативная;
<i>смотрит</i>	— глагольная;
<i>все подряд</i>	— именная;
<i>особенно всякую политику</i>	— именная;
<i>мы за стенкой</i>	— именная;
<i>чувствуем себя так</i>	— глагольная;
<i>будто у нас тут</i>	— наречная;
<i>заседания правительства</i>	— именная;
<i>или агитплощадка перед выборами</i>	— именная;
<i>иногда</i>	— наречная;
<i>ей сын звонит</i>	— глагольная, предикативная;
<i>так ты думаешь</i>	— глагольная, предикативная;
<i>мы хоть на секунду отдыхаем</i>	— глагольная, предикативная;
<i>от ее «зомбоящика»?</i>	— именная;
<i>еще чего!</i>	— именная;
<i>сначала</i>	— наречная;
<i>телефон «разрывается» минут пять</i>	— глагольная, предикативная;
<i>потому что она со своим правительством</i>	— именная;
<i>ничего не слышит</i>	— глагольная;
<i>зато мы за стенкой</i>	— именная;
<i>слышим</i>	— глагольная;
<i>Алеша звонит</i>	— глагольная, предикативная;
<i>в общем</i>	— модальное слово;
<i>Алеша названивает долго и упорно</i>	— глагольная, предикативная;

<i>потому что знает привычки матери</i>	— глагольная, предикативная;
<i>соседка</i>	— именная;
<i>наконец</i>	— модальное слово;
<i>слышит звонок</i>	— глагольная;
<i>бежит и хватает трубку</i>	— глагольная;
<i>в это время</i>	— именная;
<i>депутаты</i>	— именная;
<i>по телевизору</i>	— именная;
<i>громко продолжают свои речи</i>	— глагольная;
<i>поэтому она начинает орать в трубку</i>	— глагольная, предикативная;
<i>пытаясь их перекрычать</i>	— глагольная;
<i>иногда</i>	— наречная;
<i>соседка слышит по «ящику»</i>	— глагольная, предикативная;
<i>какую-то важную политическую информацию</i>	— именная;
<i>например</i>	— именная;
<i>там скажут</i>	— глагольная, предикативная;
<i>какая партия</i>	— именная;
<i>плохая</i>	— именная;
<i>а какая</i>	— именная;
<i>хорошая</i>	— именная;
<i>тогда она спешит во двор</i>	— глагольная, предикативная;
<i>на лавочку</i>	— именная;
<i>агитировать друзей</i>	— глагольная;
<i>за кого голосовать</i>	— глагольная;
<i>дескать</i>	— модальное слово;
<i>сегодня у неё самые точные данные</i>	— глагольная, предикативная;
<i>эти споры</i>	— именная;
<i>затягиваются надолго</i>	— глагольная;
<i>другие соседки</i>	— именная;
<i>могут оказаться</i>	— глагольная;

<i>против ее любимых депутатов</i>	— именная;
<i>а телевизор</i>	— именная;
<i>Маша</i>	— именная;
<i>телевизор свой</i>	— именная;
<i>она при этом</i>	— именная;
<i>выключить забывает</i>	— глагольная;
<i>да что там</i>	— именная;
<i>вообще не думает его выключать</i>	— глагольная, предикативная;
<i>чтобы не дай бог</i>	— глагольная, предикативная;
<i>не пропустить что-то важное</i>	— глагольная;
<i>так он и вопит несколько часов</i>	— глагольная, предикативная;
<i>никому не нужный</i>	— именная;
<i>а мы в своей квартире</i>	— именная;
<i>его слушаем</i>	— глагольная;
<i>она</i>	— именная;
<i>как азартный игрок</i>	— именная;
<i>включилась в игру</i>	— глагольная;
<i>по оболваниванию населения</i>	— именная;
<i>а у нас головы трещат</i>	— глагольная, предикативная;
<i>А то еще часто</i>	— наречная;
<i>включит его ни свет ни заря</i>	— глагольная;
<i>и начинается у нас</i>	— глагольная;
<i>очередной дурдень</i>	— именная;
<i>и никуда не убежишь</i>	— глагольная, предикативная;
<i>ничего не исправиишь</i>	— глагольная, предикативная;
<i>не будешь ведь с нею ругаться</i>	— глагольная, предикативная;
<i>бесполезно</i>	— наречная;
<i>это натура</i>	— именная;
<i>в таких ситуациях</i>	— именная;
<i>у кого-то есть возможность</i>	— глагольная, предикативная;

<i>поменять квартиру</i>	— глагольная;
<i>а у нас такой возможности нет</i>	— глагольная, предикативная.
Исходные данные: 100 синтагм. Из них	
Глагольных	— 46;
Именных	— 44;
Наречные	— 7;
Модальных слов в роли синтагмы	— 3.

Глагольных и именных синтагм в данном фрагменте — 90. Из них предикативных — 30 (27 глагольных и 3 именных).

Рассмотрим морфологическую природу синтагм в русской научной речи и обратим внимание на частотность их употребления в зависимости от их морфологической природы. В связи с этим обратимся к рассматриваемой ранее монографии Д. Н. Шмелёва «Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке».

<i>В определении задач синтаксиса</i>	— именная;
<i>и его основных единиц</i>	— именная;
<i>никогда не существовало единства</i>	— глагольная, предикативная;
<i>но не будет преувеличением сказать</i>	— глагольная, предикативная;
<i>что по мере накопления разнообразных синтаксических фактов</i>	— именная;
<i>различие мнений и точек зрения</i>	— именная;
<i>всё время только увеличивалось</i>	— глагольная;
<i>К настоящему времени</i>	— именная;
<i>сложилась такая ситуация</i>	— глагольная, предикативная;
<i>что многие синтаксические исследования</i>	— именная;
<i>начинаются с утверждения</i>	— глагольная;
<i>что предмет и задачи синтаксиса</i>	— именная;
<i>пока остаются неопределёнными</i>	— глагольная;
<i>вместе с тем</i>	— именная;
<i>именно в настоящее время</i>	— именная;

- обнаружен целый ряд синтаксических явлений —именная, предикативная;
 до сих пор вообще не привлекавших к себе внимания — глагольная;
 (особенно из области разговорной речи) — именная;
 и требующих специальной интерпретации — глагольная;
 Попытки отойти от многих традиционных категорий и определений
 синтаксиса — именная;
 в связи с явным несовершенством и недостаточностью последних — именная;
 в ряде случаев — именная;
 привели только к увеличению терминологической синонимии и омонимии —
 глагольная;
 в синтаксической науке — именная;
 так как тотчас же — наречная;
 со всей очевидностью выявилось — глагольная, предикативная;
 что основные категории традиционного синтаксиса — именная;
 такие, например — именная;
 как предложение — именная;
 главные члены предложения — именная;
 предикативность — именная;
 и т. д. — наречная;
 в той или иной форме — именная;
 (иногда в скрытой) — именная;
 продолжают присутствовать в синтаксическом анализе — глагольная;
 даже таком — именная;
 который, по замыслу авторов — именная;
 был как будто призван — именная;
 отрешиться от них — глагольная;
 В то же время наметилась — глагольная;
 одна характерная особенность многих новейших синтаксических
 исследований — именная;
 При всём многообразии — именная;

- а часто и несовместимости* — именная;
- существующих в настоящее время синтаксических теорий* — именная;
- выходящих за рамки традиционных синтаксических понятий* — именная;
- их часто объединяет* — глагольная;
- одна общая черта* — именная;
- это стремление найти основание наблюдаемых синтаксических фактов* — именная;
- за пределами самих этих фактов* — именная;
- в «глубинных структурах»* — именная;
- в коммуникативном задании высказывания* — именная;
- в структуре ситуации* — именная;
- и т. п.* — именная;
- Н.Д. Арутюнова, например* — именная;
- пишет* — глагольная;
- «Предметом сообщения* — именная;
- является предложение* — глагольная, предикативная;
- В трактовке этой единицы синтаксиса* — именная;
- нам хотелось бы отдалиться от формально-реалистического подхода* — глагольная, предикативная;
- исключающего из структуры предложения всё то* — глагольная;
- что не дано в материальном облике словоформ* — именная, предикативная;
- Принятый нами подход «от лукавого»* — именная;
- допускает присутствие в строе предложения и некоторых незримых (или слышимых) единиц* — глагольная;
- выявляемых в процессе анализа»* — глагольная;
- В цитированной работе* — именная;
- допускается только присутствие незримых или слышимых единиц* — глагольная, предикативная;
- в строе реально наблюдаемых предложений* — именная;
- во многих же других работах* — именная;

<i>последние вообще</i>	— именная;
<i>по мнению авторов</i>	— именная;
<i>должны быть сведены</i>	— именная;
<i>к подобного рода незримым и неслышимым элементам</i>	— именная;
<i>Понятно</i>	— именная (категория состояния);
<i>что связь между словами отражает</i>	— глагольная, предикативная;
<i>связь междуреальными явлениями внеязыковой действительности</i>	— именная;
<i>поэтому разнообразные типы словесных связей</i>	— именная;
<i>можно свести</i>	— глагольная;
<i>к определённым внеязыковым ситуациям</i>	— именная;
<i>установив</i>	— глагольная;
<i>какие из конструкций являются основными</i>	— глагольная, предикативная;
<i>первичными</i>	— именная;
<i>для изображения данной ситуации</i>	— именная;
<i>а какие</i>	— именная;
<i>«производными»</i>	— именная;
<i>Однако это далеко не всегда даёт возможность</i>	— глагольная, предикативная;
<i>вскрыть соотношение самих данных конструкций</i>	— глагольная;
<i>что является как раз задачей синтаксиса</i>	— глагольная, предикативная;
<i>В основе значительной части современных синтаксических исследований</i>	—
<i>именная;</i>	
<i>лежит идея</i>	— глагольная, предикативная;
<i>согласно которой</i>	— именная;
<i>структура предложения</i>	— именная;
<i>предопределена семантическими особенностями входящего в предложение</i>	
<i>глагола</i>	— именная;
<i>Ещё в 1934 г.</i>	— именная;
<i>Л. Теньер предложил объяснять</i>	— глагольная, предикативная;
<i>особенности строения предложения</i>	— именная;
<i>через валентность глагола</i>	— именная;

Глагольный “узел” — именная;
согласно выдвинутому Л. Теньером представлению — именная;
это “маленькая драма” — именная, предикативная;
подобно тому как в драме действуют герои в различных обстоятельствах — глагольная, предикативная.

Исходные данные: 100 синтагм. Из них

Именных	— 67;
Глагольных	— 31;
Наречных	— 2.

В данном контексте 98 именных и глагольных синтагм, из них 18 предикативных (10 глагольных и 8 именных). В тексте речь идёт о фактах и реалиях синтаксической науки. Поэтому именных синтагм в нём больше глагольных более чем в два раза.

Рассмотрим ещё один пример русской научной речи. В качестве объекта исследования возьмём классическую работу Л. В. Щербы «О частях речи в русском языке»^{*}

<i>В последние десятилетия</i>	— именная;
<i>в русском языкознании</i>	— именная;
<i>по поводу пересмотра содержания элементарного курса русской грамматики</i>	— именная;
<i>всплыл очень старый вопрос</i>	— глагольная, предикативная;
<i>о так называемых «частях речи»</i>	— именная;
<i>В грамматиках и словарях</i>	— именная;
<i>большинства старых</i>	— именная;
<i>установившихся языков</i>	— именная;
<i>существует традиционная</i>	— глагольная;
<i>тоже установившаяся</i>	— именная;
<i>номенклатура</i>	— именная;

^{*} Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность Л., 1974. - С. 77.

- которая в общем удовлетворяет практическим потребностям* —
 глагольная, предикативная;
- и потому мало кому приходит в голову* — глагольная;
- разыскивать основания этой номенклатуры* — глагольная;
- и проверять ее последовательность* — глагольная;
- В сочинениях по общему языкознанию* — именная;
- к вопросу* — именная;
- обыкновенно подходят* — глагольная;
- с точки зрения происхождения категории «частей речи» вообще* —
 именная;
- и лишь иногда* — наречная;
- с точки зрения* — именная;
- разных способов их выражения в разных языках* — именная;
- и мало говорится о том* — глагольная;
- что сами категории* — именная;
- могут значительно разниться от языка к языку* — глагольная;
- если подходить к каждому из них* — глагольная;
- как к совершенно автономному явлению* — именная;
- а не рассматривать его сквозь призму других языков* — глагольная;
- Поэтому* — наречная;
- может быть* — глагольная;
- не бесполезно* — именная;
- было предпринять полный пересмотр вопроса* — глагольная;
- применительно к каждому отдельному языку* — именная;
- в определенный момент его истории* — именная;
- Не претендуя на абсолютную оригинальность* — глагольная;
- я попробую это сделать* — глагольная, предикативная;
- по отношению к современному живому русскому языку образованных кругов общества* — именная;
- Прежде чем перейти* — глагольная;

<i>однако</i>	— модальное слово;
<i>к русскому языку</i>	— именная;
<i>я позволю себе остановиться</i>	— глагольная, предикативная;
<i>на некоторых общих соображениях</i>	— именная;
<i>1 [первое]</i>	— именная;
<i>Хотя, подводя отдельные слова под ту или иную категорию</i>	— глагольная;
<i>(«часть речи»)</i>	— именная;
<i>мы получаем своего рода классификацию слов</i>	— глагольная, предикативная;
<i>однако самое различие «частей речи»</i>	— именная;
<i>едва ли можно считать результатом «научной» классификации слов</i>	—
глагольная;	
<i>Ведь всякая классификация</i>	— именная;
<i>подразумевает некоторый субъективизм классификатора</i>	— глагольная;
<i>в частности</i>	— именная;
<i>до некоторой степени произвольно выбранный principium divisionis</i>	—
именная;	
<i>Таких principia divisionis</i>	— именная;
<i>в данном случае можно было бы выбрать очень много</i>	— глагольная,
предикативная;	
<i>и соответственно этому</i>	— именная;
<i>если задаться целью «классифицировать» слова</i>	— глагольная,
предикативная;	
<i>можно бы устроить много классификаций слов</i>	— глагольная,
предикативная;	
<i>более или менее остроумных</i>	— именная;
<i>более или менее удачных</i>	— именная;
<i>Например</i>	— модальное слово;
<i>можно разделить все слова на слова</i>	— глагольная;
<i>вызывающие приятные эмоции</i>	— именная;
<i>и слова безразличные</i>	— именная;

<i>или на основные и производные</i>	— именная;
<i>а первые</i>	— именная;
<i>на слова одинокие</i>	— именная;
<i>не имеющие родственных связей</i>	— именная;
<i>и на слова, их имеющие</i>	— именная;
<i>и т.п.</i>	— именная;
<i>Эту множественность возможных классификаций</i>	— именная;
<i>справедливо отметил Н. Н. Дурново</i>	— глагольная, предикативная;
<i>в своей статье «Что такое синтаксис»</i>	— именная;
<i>Д. Н. Ушаков в своем отличном учебнике по языковедению прямо учит</i>	—
глагольная, предикативная;	
<i>что возможны две классификации слов</i>	— глагольная, предикативная;
<i>по значению</i>	— именная;
<i>и по формам</i>	— именная;
<i>Однако в вопросе о «частях речи»</i>	— именная;
<i>исследователю вовсе не приходится классифицировать слова</i>	— глагольная,
предикативная;	
<i>по каким-либо ученым и очень умным</i>	— именная;
<i>но предвзятым принципам</i>	— именная;
<i>а он должен разыскивать</i>	— глагольная, предикативная;
<i>какая классификация</i>	— именная;
<i>особенно настойчиво навязывается самой языковой системой</i>	— глагольная;
<i>или, точнее</i>	— именная;
<i>ибо дело вовсе не в «классификации»</i>	— именная, предикативная;
<i>под какую общую категорию подводится то или иное лексическое значение в</i>	
<i>каждом отдельном случае</i>	— глагольная, предикативная;
<i>или, еще иначе</i>	— наречная;
<i>какие общие категории различаются в данной языковой системе</i>	—
глагольная, предикативная;	
<i>2 [второе]</i>	— именная;

<i>Само собой разумеется</i>	— глагольная;
<i>что должны быть какие-либо внешние выразители этих категорий</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Если их нет</i>	— глагольная, предикативная;
<i>то нет в данной языковой системе и самих категорий</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Или если они и есть благодаря подлинно существующим семантическим ассоциациям</i>	— глагольная, предикативная;
<i>то они являются лишь потенциальными</i>	— глагольная, предикативная;
<i>но не активными</i>	— именная;
<i>как, например,</i>	— модальное слово;
<i>категория «цвета» в русском языке</i>	— именная;
<i>3 [третье]</i>	— именная;
<i>Внешние выразители категорий</i>	— именная;
<i>могут быть самые разнообразные</i>	— глагольная.
Исходные данные: 100 синтагм. Из них	
Именных	— 54;
Глагольных	— 40;
Наречных	— 3;
Модальных слов в роли синтагм	— 3.

В контексте 94 именных и глагольных синтагм, из них 17 предикативных (16 глагольных и 1 именная)

Относительно функционирования синтагм можно отметить следующие особенности. Наиболее употребительны в разных стилях русской речи именные и глагольные синтагмы. Например, из 300 синтагм художественной речи именных и глагольных 289. Для всех остальных морфологических типов синтагм остаётся лишь 11 позиций.

Из 100 синтагм разговорной речи именных и глагольных — 90.

В научной речи из 200 синтагм именных и глагольных — 192.

Таким образом, частотность употребления синтагм в русской речи обусловлена не только их объёмом, но и их морфологической природой, их грамматическими и смысловыми функциями, стилевой принадлежностью речи.

В художественной и разговорной речи обычно преобладают глагольные синтагмы, отражая динамику, движение, действия, а в научной речи — именные, передающие сведения о фактах, явлениях, признаках свойствах, характеристиках.

В принципе морфологическую природу синтагмы может определять слово любой части речи — как знаменательной, так и служебной. Ср.:

— Ты когда вернёшься — / до перерыва / или после него? — / **После**.

Но близок, / близок миг победы. / **Ура!** / мы ломим; / гнутся шведы.

В первом примере синтагма выражена предлогом, во втором — междометием.

Морфологическая природа синтагм в русской речи и её влияние на частотность их употребления отражены в сводной таблице 30.

Таблица 30

**Морфологическая природа синтагм и их частотность
в русской художественной, разговорной и научной речи**

№ п/п	Тип синтагм по морфологической природе	Художеств. речь	Разговор. речь	Научн. речь	Всего	Процент употребления %
1	Именные, в том числе предикативные	144 26	44 3	121 9	309 38	51,6 6,3
2	Глагольные, в том числе предикативные	145 90	46 27	71 26	262 143	43,6 23,8
3	Наречные	7	7	5	19	3,2
4	Модальное слово в роли синтагмы	2	3	3	8	1,3
5	Частицы в роли синтагмы	2			2	0,3
6	Союзы в роли синтагмы					
7	Предлоги в роли синтагмы					
8	Междометия в роли синтагмы					
	ВСЕГО	300	100	200	600	100 %

7.2. Морфологическая природа и активность синтагм в украинской речи

Рассмотрим морфологическую природу синтагм и соотношение её с частотностью употребления их в украинской художественной речи. Сделаем это на материале контекста из романа М. М. Коцюбинского «Фата-Моргана».

<i>Ідуть дощі</i>	— глагольная, предикативная;
<i>холодні осінні тумани</i>	— именная;
<i>клубочаться вгорі</i>	— глагольная;
<i>і спускають на землю</i>	— глагольная;
<i>мокрі коси</i>	— именная;
<i>пливе у сірі безвісті нудьга</i>	— глагольная, предикативная;
<i>пливе безнадія</i>	— глагольная, предикативная;
<i>і стиха хлипає сум</i>	— глагольная, предикативная;
<i>плачуть голі дерева</i>	— глагольная, предикативная;
<i>плачуть солом'яні стріхи</i>	— глагольная, предикативная;
<i>вмивається сльозами убогая земл я</i>	— глагольная, предикативная;
<i>і не знає</i>	— глагольная;
<i>коли осміхнеться</i>	— глагольная;
<i>сірі дні</i>	— именная;
<i>змінюють темнії ночі</i>	— глагольная;
<i>де небо</i>	— именная;
<i>де сонце</i>	— именная;
<i>міріади дрібних крапель</i>	— именная;
<i>мов вмерлі надії</i>	— именная;
<i>що знялись занадто високо</i>	— глагольная;
<i>спадають додоу</i>	— глагольная;
<i>і плывуть</i>	— глагольная;
<i>змішані з землею</i>	— глагольная;
<i>брудними потоками</i>	— именная;

<i>нема простору</i>	— глагольная, предикативная;
<i>нема розваги</i>	— глагольная, предикативная;
<i>чорні думи</i>	— именная;
<i>горе серця</i>	— именная;
<i>крутяться тут</i>	— глагольная;
<i>над головою</i>	— именная;
<i>висять хмарами</i>	— глагольная;
<i>котяться туманом</i>	— глагольная;
<i>і чуєш коло себе тихе ридання</i>	— глагольная, предикативная;
<i>немов над вмерлим</i>	— именная;
<i>Маленьке</i>	— именная;
<i>сіре</i>	— именная;
<i>заплакане віконце</i>	— именная;
<i>крізь його видко обом</i>	— глагольная, предикативная;
<i>і Андрієві і Маланці</i>	— именная;
<i>як брудною</i>	— именная;
<i>розгужлою дорогою</i>	— именная;
<i>йдуть заробітчани</i>	— глагольная, предикативная;
<i>йдуть та йдуть</i>	— глагольная;
<i>чорні</i>	— именная;
<i>похилені</i>	— именная;
<i>мокрі</i>	— именная;
<i>нещасні</i>	— именная;
<i>немов каліки-журавлі</i>	— именная;
<i>що відбилися од свого ключа</i>	— глагольная, предикативная;
<i>немов осінній дощ</i>	— именная;
<i>йдуть</i>	— глагольная;
<i>і зникають у сірій безвіст</i>	— глагольная;
<i>Тьмяно в халупці</i>	— именная;
<i>цідять морок маленкі вікна</i>	— глагольная, предикативная;

<i>хмуряться вогки кутки</i>	— глагольная, предикативная;
<i>гнітить низька стеля</i>	— глагольная, предикативная;
<i>і плаче зажурене серце</i>	— глагольная, предикативная;
<i>з цим безконечним рухом</i>	— именная;
<i>з цим безупинним спаданням дрібних крапель</i>	— именная;
<i>пливуть і згадки</i>	— глагольная, предикативная;
<i>як крапли сі</i>	— именная;
<i>упали й загинули в болоті дні життя</i>	— глагольная, предикативная;
<i>молоді сили</i>	— именная;
<i>молоді надії</i>	— именная;
<i>все пішло на других</i>	— глагольная, предикативная;
<i>на сильніших</i>	— именная;
<i>на щасливіших</i>	— именная;
<i>немов так і треба</i>	— категория состояния;
<i>Немов так і треба</i>	— категория состояния;
<i>А дощ іде</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Горбатими тінями</i>	— именная;
<i>у хатнім присмерку</i>	— именная;
<i>сидять старі</i>	— глагольная, предикативная;
<i>немов рішають загадане Гудзем завдання</i>	— глагольная, предикативная;
<i>чи прийде</i>	— глагольная;
<i>коза до воза</i>	— именная;
<i>а мабуть</i>	— вводное слово;
<i>прийде</i>	— глагольная;
<i>Сніги впали великі</i>	— глагольная, предикативная;
<i>і Андрій радо прокида</i>	— глагольная, предикативная;
<i>од порога до воріт стежку</i>	— именная;
<i>Воно все ж робота</i>	— именная;
<i>та й не мусить чоловік</i>	— глагольная, предикативная;
<i>вічно стирчати в хаті</i>	— глагольная;

<i>де світить порожнім оком голод</i>	— глагольная, предикативная;
<i>та нужда товчеться по вогких кутках</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Бо то</i>	— именная;
<i>пане добродзею</i>	— именная;
<i>приходять останні часи</i>	— глагольная, предикативная;
<i>і рад би щось заробити</i>	— глагольная, предикативная;
<i>та нема де</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Не знаєш</i>	— глагольная;
<i>як перебути зиму</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Маланка чорна</i>	— именная;
<i>зсохлась уся на шабатурку</i>	— глагольная;
<i>тільки оком пече та колить</i>	— глагольная;
<i>та бухика по хаті</i>	— глагольная;
<i>аж шибки деренчать</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Весільну пам'ятку маєш</i>	— глагольная;
<i>Маласю</i>	— именная.

Исходные данные: 100 синтагм. Из них

Глагольных	— 58;
Именных	— 41;
Модальных слов в роли синтагмы	— 1.

В данном фрагменте глагольных и именных синтагм 99 из ста. Из них 33 синтагмы предикативные, все они глагольные.

Теперь обратим внимание на морфологическую природу синтагм и частотность их употребления в романе Олеса Гончара «Тронка».

<i>Океан степів</i>	— именная;
<i>застиг у полудневій сліпучості</i>	— глагольная;

<i>Все живе</i>	— именная;
<i>поховалося в тінь</i>	— глагольная;
<i>тільки на північній межі радгоспних земель</i>	— именная;
<i>там</i>	— наречная;
<i>де пролягає траса майбутнього каналу</i>	— глагольная, предикативная;
<i>стоїть залізний гуркіт бульдозерів</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Могутні</i>	— именная;
<i>підвладні людині механізми</i>	— именная;
<i>раз у раз з'являються на валу</i>	— глагольная;
<i>з натужним гуркотом</i>	— именная;
<i>і, грізно зблиснувши ножами до сонця</i>	— глагольная;
<i>що стоїть у зеніті</i>	— глагольная, предикативная;
<i>знову провалюються</i>	— глагольная;
<i>глухо зникають</i>	— глагольная;
<i>у розвированому земляному хаосі своїх циклонічних робіт</i>	— именная;
<i>Мине час</i>	— глагольная, предикативная;
<i>і вже буде тут русло</i>	— глагольная, предикативная;
<i>блискотітиме аж за обрій світла дніпровська вода</i>	— глагольная, предикативная;
<i>тихо линучи в степ</i>	— глагольная;
<i>напуваючи довколишні поля</i>	— глагольная;
<i>А зараз тут</i>	— наречная;
<i>поки що тільки свіже</i>	— именная;
<i>як після величезного вибуху</i>	— именная;
<i>руйновище порушило одвічну дрімоту землі</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Нелегко навіть вгадати</i>	— глагольная, предикативная;
<i>майбутні береги каналу</i>	— именная;
<i>між якими ще тільки ходять</i>	— глагольная;
<i>бульдозери та розрихлювачі</i>	— именная;
<i>вибираючи ґрунт з того місця</i>	— глагольная;
<i>де буде русло</i>	— глагольная, предикативная;

<i>розтинаючи його впоперек</i>	— глагольная;
<i>глибочезними траншеями-штреками</i>	— именная;
<i>Бульдозер за бульдозером</i>	— именная;
<i>так і шугають стрімголов</i>	— глагольная;
<i>у глибокі пази траншеї</i>	— именная;
<i>а залишені між ними</i>	— глагольная, предикативная;
<i>вали рихлої необваленої землі</i>	— именная;
<i>дедалі вищають</i>	— глагольная;
<i>ростуть</i>	— глагольная;
<i>Здається</i>	— глагольная;
<i>таку стіну</i>	— именная;
<i>тільки торкни</i>	— глагольная;
<i>так і обвалиться</i>	— глагольная;
<i>але спробуй</i>	— глагольная;
<i>там тонни ґрунту</i>	— именная;
<i>Були навіть випадки</i>	— глагольная, предикативная;
<i>що й привалювало людей</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Якось привалило двох робітників</i>	— глагольная, предикативная;
<i>що сіли в холодку поснідати</i>	— глагольная, предикативная;
<i>так і відкопали їх</i>	— глагольная;
<i>з розрізаною навпіл хлібиною</i>	— глагольная;
<i>з надгризеною ковбасою в руках</i>	— именная;
<i>Довго потім</i>	— наречная;
<i>слідство велося</i>	— глагольная, предикативная;
<i>все шукали винуватих</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Задуха тут</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Зверху на валах</i>	— наречная;
<i>хоч обвіє тебе</i>	— глагольная;
<i>а в котловані</i>	— именная;
<i>на дні бульдозерних траншеї</i>	— именная;

<i>спеки наливо по вінця</i>	— глагольная, предикативная;
<i>вітерець не дмухне</i>	— глагольная, предикативная;
<i>незвичний там просто зварився б</i>	— глагольная, предикативная;
<i>а ти ще ж</i>	— именная;
<i>і в кабіні бульдозера</i>	— именная;
<i>в пилюці</i>	— именная;
<i>в гуркоті</i>	— именная;
<i>у випарах пального</i>	— именная;
<i>тобі ще й важелями працювати весь час</i>	— глагольная;
<i>І ти працюєш</i>	— глагольная, предикативная;
<i>перевертаєш степ</i>	— глагольная;
<i>бо норми за тебе</i>	— именная;
<i>ніхто не дасть</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Одні працюють</i>	— глагольная, предикативная;
<i>а інші</i>	— именная;
<i>зважаючи на обідню годину</i>	— глагольная;
<i>повиганяли своїх роботів з каналу</i>	— глагольная;
<i>вишикували їх в ряд понад валом</i>	— глагольная;
<i>і ножі їхні тепер зблискують</i>	— глагольная, предикативная;
<i>як один ніж</i>	— именная;
<i>Самі ж бульдозеристи</i>	— именная;
<i>тим часом збились у затінку</i>	— глагольная;
<i>під польовим вагончиком</i>	— именная;
<i>що править їм тут за все</i>	— глагольная, предикативная;
<i>і за гуртожиток</i>	— именная;
<i>і за буфет</i>	— именная;
<i>і за клуб</i>	— именная;
<i>Тінь від вагончика</i>	— именная;
<i>така куца</i>	— именная;
<i>що не може прихистити всіх</i>	— глагольная, предикативная;

<i>сидять</i>	— глагольная;
<i>хто в тіні</i>	— именная;
<i>хто на осонні</i>	— именная;
<i>хто хліб жує</i>	— глагольная, предикативная;
<i>з “Краківською” ковбасою</i>	— именная;
<i>а хто смоче з пляшки</i>	— глагольная, предикативная;
<i>пиво “Жигулівське”</i>	— именная;
<i>той розкинувся</i>	— глагольная, предикативная.

Исходные данные: 100 синтагм. Из них

Глагольных	— 57;
Именных	— 39;
Наречных	— 4.

Глагольных и именных синтагм здесь — 96. Из них 29 предикативных. Все они глагольные.

Выясним морфологическую природу синтагм и её соотносительность с частотностью их использования в живой украинской разговорной речи.

<i>Розповідала про Янківських</i>	— глагольная;
<i>У них все добре</i>	— глагольная, предикативная;
<i>діти здорові</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Самі працюють</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Галя на роботу</i>	— именная;
<i>вже з півроку ходить</i>	— глагольная;
<i>Малий пішов у шостий клас</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Дуже бешкетує</i>	— глагольная;
<i>Усі діти спокійні</i>	— именная, предикативная;
<i>щось учать собі</i>	— глагольная;
<i>а воно бігає</i>	— глагольная, предикативная;
<i>гасає постійно</i>	— глагольная;
<i>ну, ви самі бачили</i>	— глагольная, предикативная;

<i>там таке чортеня мале</i>	— именная;
<i>І дуже хитрий</i>	— именная;
<i>Батько</i>	— именная;
<i>Олег</i>	— именная;
<i>весь час скаржитися</i>	— глагольная;
<i>що він уроки не вчить</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Уже</i>	— наречная;
<i>каже</i>	— глагольная;
<i>хоч шнур від його ноутбука</i>	— именная;
<i>на роботу забирай</i>	— глагольная;
<i>чи що...</i>	— именная;
<i>Йому Галя обіцяла</i>	— глагольная, предикативная;
<i>новий мобільний</i>	— именная;
<i>якщо без поганих оцінок рік закінчить</i>	— глагольная;
<i>Каже</i>	— глагольная;
<i>все одно балуваний</i>	— именная;
<i>А старша</i>	— именная;
<i>вже закінчує школу</i>	— глагольная;
<i>Хороша така дівчинка</i>	— именная;
<i>тільки хвороблива дуже</i>	— именная;
<i>Як звуть?</i>	— глагольная;
<i>Полька</i>	— именная;
<i>Поліна</i>	— именная;
<i>це на честь матері Олега</i>	— именная;
<i>Ви ж її пам'ятаєте?</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Так от</i>	— частица
<i>я й кажу</i>	— глагольная, предикативная;
<i>дуже хороша дитина</i>	— именная;
<i>вихована</i>	— именная;
<i>скромна така</i>	— именная;

<i>Що їй батьки не скажуть</i>	— глагольная, предикативная;
<i>все робить</i>	— глагольная;
<i>старається</i>	— глагольная;
<i>Тільки Галя хвилюється</i>	— глагольная, предикативная;
<i>що дуже худенька</i>	— именная;
<i>Ходить на гімнастику</i>	— глагольная;
<i>чи щось таке</i>	— именная;
<i>А вступати куди буде</i>	— глагольная, предикативная;
<i>не кажуть</i>	— глагольная;
<i>Може, боятися</i>	— глагольная;
<i>щоб не зурочити...</i>	— глагольная;
<i>Чи що...</i>	— именная;
<i>Не знаю</i>	— глагольная;
<i>А може, ще не вирішили</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Он моєму</i>	— именная;
<i>теж скоро 16</i>	— именная;
<i>а він кожного дня</i>	— именная;
<i>щось нове придумує</i>	— глагольная;
<i>то програмістом буду</i>	— глагольная;
<i>то психологом</i>	— именная;
<i>то ще щось</i>	— именная;
<i>Я кажу</i>	— глагольная, предикативная;
<i>«Ти би хоч основні предмети вчив»</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Не</i>	— частица;
<i>куди там!</i>	— наречная;
<i>Сама Галя</i>	— именная;
<i>трохи розповіла</i>	— глагольная;
<i>але так нормально взагалі виглядає</i>	— глагольная;
<i>На велосипеді</i>	— именная;
<i>хоче вчитися їздити</i>	— глагольная;

<i>Сама жаліється</i>	— глагольная;
<i>що розповніла</i>	— глагольная;
<i>А я їй кажу</i>	— глагольная;
<i>«То не їж мучного</i>	— глагольная;
<i>Оті свої пиріжки</i>	— именная;
<i>весь час смажиш</i>	— глагольная;
<i>а воно шкідливо</i>	— именная;
<i>тобі не треба</i>	— именная;
<i>Ти ж сама скаржилася</i>	— глагольная, предикативная;
<i>що печінка болить</i>	— глагольная, предикативная;
<i>То не їж смаженого»</i>	— глагольная;
<i>Ну, вона бідкається</i>	— глагольная, предикативная;
<i>а все одно по-своєму робить</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Уже доросла жінка</i>	— именная;
<i>не переучиш</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Кожен по-своєму</i>	— именная;
<i>Так і живемо</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Я до них їздила минулого року</i>	— глагольная, предикативная;
<i>тільки раз</i>	— именная;
<i>Були на могилках у діда й баби</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Там все прибрано</i>	— именная, предикативная;
<i>Галя з Олегом слідкують</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Пам'ятники купили нові</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Огороджку</i>	— именная;
<i>Вони взагалі молодці</i>	— именная;
<i>І хату будують</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Там буде далеченько від центра</i>	— глагольная;
Исходные данные: 100 синтагм. Из них	
Глагольных	— 58;
Именных	— 38;

Наречных	— 2;
Частиц в роли синтагмы	— 2.

Глагольных и именных синтагм — 96, предикативных — 29 (глагольных — 27 и именных — 2).

Обратимся к украинской научной речи и определим морфологическую природу синтагм в рассматриваемой ранее монографии И. Р. Выхованца*.

<i>У даній книзі</i>	— именная;
<i>розробляються два аспекти функціонального синтаксису</i>	— глагольная, предикативная;
<i>семантичний</i>	— именная;
<i>і формальний</i>	— именная;
<i>які перебувають у взаємодії</i>	— глагольная, предикативная;
<i>і виявляють основні особливості функціонування синтаксичних одиниць</i>	— глагольная;
<i>У пропонованому варіанті</i>	— именная;
<i>теорія функціонального синтаксису</i>	— именная;
<i>в основному орієнтована</i>	— именная;
<i>на вияв мовних ознак синтаксичних об'єктів</i>	— именная;
<i>що є визначальним</i>	— именная, предикативная;
<i>для семантичного і формального різновидів функціонального синтаксису</i>	— именная;
<i>Функціональний підхід</i>	— именная;
<i>вносить відповідні корективи</i>	— глагольная;
<i>і у визначення сукупності синтаксичних одиниць</i>	— именная;
<i>та їх ієрархії</i>	— именная;
<i>Зокрема</i>	— наречная;
<i>семантичний синтаксис</i>	— именная;

* І. Р. Вихованець. Нариси з функціонального синтаксису української мови. — К., 1992. — С. 11.

<i>має враховувати</i>	— глагольная;
<i>денотативні</i>	— именная;
<i>і логико-семантичні характеристики синтаксичних одиниць</i>	— именная;
<i>та їх переструктурування у мовно-самантичному плані</i>	— именная;
<i>відповідно до семантичної структури конкретної мови</i>	— именная;
<i>Центральним поняттям функціонального синтаксису</i>	— именная;
<i>є поняття функції</i>	— именная;
<i>типи синтаксичних функцій</i>	— именная;
<i>Досконалість синтаксичної теорії</i>	— именная;
<i>у цьому вихідному понятті</i>	— именная;
<i>стає передумовою</i>	— глагольная;
<i>її наукової спроможності</i>	— именная;
<i>щодо адекватного встановлення функціональних синтаксичних одиниць</i>	— именная;
<i>Останнім часом</i>	— именная;
<i>до базових понять лінгвістики</i>	— именная;
<i>ввійшло поняття функції</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Проблема функцій у сучасному мовознавстві</i>	— именная;
<i>являє собою</i>	— глагольная;
<i>досить широку сукупність теоретичних ідей</i>	— именная;
<i>що уможливорює тепер</i>	— глагольная;
<i>накреслення різних аспектів функціонального підходу до мовних явищ</i>	— именная;
<i>У першу чергу</i>	— именная;
<i>постає потреба</i>	— глагольная, предикативная;
<i>розрізнити функції мови взагалі</i>	— глагольная;
<i>з одного боку</i>	— именная;
<i>і функції одиниць відповідних рівнів мови</i>	— именная;
<i>з другого</i>	— именная;
<i>Лише на тлі функцій мови</i>	— именная;
<i>чель`євно виділяються функції мовних одиниць</i>	— глагольная, предикативная;

<i>зокрема синтаксичних</i>	— именная;
<i>Варто погодитися з В. О. Авроріним</i>	— глагольная;
<i>що “функції мови</i>	— именная;
<i>як наукове поняття</i>	— именная;
<i>є практичний вияв сутності мови</i>	— именная;
<i>реалізації її призначення в системі суспільних явищ</i>	— именная;
<i>специфічна дія мови</i>	— именная;
<i>зумовлена самою її природою</i>	— именная;
<i>те</i>	— именная;
<i>без чого мова не може існувати</i>	— глагольная, предикативная;
<i>як не існує матерія без руху”</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Вказівка на першорядність для науки про мову</i>	— именная;
<i>фундаментального поняття функції</i>	— именная;
<i>ще не розв’язує всього комплексу пов’язаних з ним питань</i>	— глагольная;
<i>Визначення цього поняття</i>	— именная;
<i>натрапляє на надзвичайно великі складнощі</i>	— глагольная;
<i>породжені переплетенням з ним</i>	— именная;
<i>багатьох визначальних характеристик мови</i>	— именная;
<i>Через те</i>	— именная;
<i>і дотепер</i>	— именная;
<i>як слушно відзначає Д. М. Шмельов</i>	— глагольная, предикативная;
<i>нема однозначного розуміння</i>	— именная;
<i>ні функцій мови</i>	— именная;
<i>ні форм її існування</i>	— именная;
<i>ні сфер використання мови</i>	— именная;
<i>тощо</i>	— именная;
<i>Отже</i>	— частица;
<i>проблематика функцій мови</i>	— именная;
<i>і мовних одиниць</i>	— именная;
<i>розв’язується по-різному</i>	— глагольная;

<i>До найскладніших проблем</i>	— именная;
<i>належить визначення функцій мови</i>	— глагольная;
<i>як її визначальних характеристик</i>	— именная;
<i>безвідносно до особливостей конкретної мови</i>	— именная;
<i>тобто функцій мови взагалі</i>	— именная;
<i>Ця проблематика</i>	— именная;
<i>поширюється на ряд таких важливих питань</i>	— глагольная;
<i>як природа</i>	— именная;
<i>і кількість функцій мови</i>	— именная;
<i>їх ранговий характер</i>	— именная;
<i>взаємовідношення функцій мови</i>	— именная;
<i>і властивостей окремих частин та одиниць мовної системи</i>	— именная;
<i>зв'язок окремих функцій одиниць мови</i>	— именная;
<i>з її загальними функціями</i>	— именная;
<i>та інше</i>	— именная;
<i>Багато дослідників</i>	— именная;
<i>схиляється до думки</i>	— глагольная;
<i>що функцій мови небагато</i>	— именная;
<i>Цю думку</i>	— именная;
<i>поділяють зокрема В. О. Аврорін</i>	— глагольная;
<i>стверджуючи</i>	— глагольная;
<i>що “функцій у мови декілька</i>	— именная;
<i>проте число їх невелике”</i>	— именная;
<i>і Н. О. Слючарева</i>	— именная;

Исходные данные: 100 синтагм. Из них

Именных	— 75;
Глагольных	— 23;
Наречных	— 1;
Частиц	— 1.

Здесь 98 именных и глагольных синтагм, 8 из них предикативные, все они глагольные.

Рассмотрим особенности морфологической природы синтагм в монографии Анаталія Загнитко [147, с. 8].

<i>Синтаксис</i>	— именная;
<i>є одним із найскладніших і найцікавійших розділів всієї граматики української мови</i>	— именная;
<i>Його складність</i>	— именная;
<i>Пояснюється</i>	— глагольная;
<i>узагальнювальним (синтезувальним) характером</i>	— именная;
<i>щодо фонетики</i>	— именная;
<i>лексики</i>	— именная;
<i>морфології</i>	— именная;
<i>тощо</i>	— именная;
<i>Статус певної лексеми</i>	— именная;
<i>морфологічної форми</i>	— именная;
<i>та й цілої морфологічної категорії</i>	— именная;
<i>пізнається</i>	— глагольная;
<i>у власне-парадигматичному</i>	— именная;
<i>семантичному</i>	— именная;
<i>синтаксичному</i>	— именная;
<i>і комунікативному вимірах</i>	— именная;
<i>без їх урахування</i>	— именная;
<i>аналіз будь-якого морфологічного явища</i>	— именная;
<i>постає невикінченим і недостатнім</i>	— глагольная;
<i>Синтез різноманітних вимірів функціонування мовних одиниць</i>	— именная;
<i>найпослідовніше пізнається у синтаксичних структурах</i>	— глагольная

<i>що найоптимальніше відображають відношення між реаліями об'єктивної дійсності</i>	— глагольная, предикативная;
<i>У сучасних умовах</i>	— именная;
<i>все зримишою</i>	— именная;
<i>постає необхідність нових підходів</i>	— глагольная, предикативная;
<i>до аналізу особливостей граматичного ладу української мови</i>	— именная;
<i>Традиційне висвітлення інвентаря</i>	— именная;
<i>Морфологічних</i>	— именная;
<i>синтаксичних категорій</i>	— именная;
<i>опис їх структури і співвідношення</i>	— именная;
<i>поза увагою залишали</i>	— глагольная;
<i>центральне гносеологічне питання граматики</i>	— именная;
<i>розв'язання якого</i>	— именная;
<i>передбачає аналіз асиметрії означального й означувального</i>	— именная;
<i>в структурі мовного знака</i>	— именная;
<i>Необхідна орієнтація</i>	— именная;
<i>1)</i>	— именная;
<i>на систему морфологічних і синтаксичних одиниць</i>	— именная;
<i>не на як застиглу величину</i>	— именная;
<i>а як на таку</i>	— именная;
<i>що перебуває в динаміці</i>	— глагольная;
<i>зумовлювану постійними потребами комунікації</i>	— именная;
<i>і 2)</i>	— именная;
<i>на врахування напрямів реалізації ситуативних</i>	— именная;
<i>прагматичних</i>	— именная;
<i>когнітивних</i>	— именная;
<i>регулятивних</i>	— именная;
<i>естетичних завдань</i>	— именная;
<i>Сьогодні в граматиці</i>	— именная;
<i>усталеним</i>	— именная;

<i>є погляд на синтаксис</i>	— именная;
<i>як вершинний ярус мовної системи</i>	— именная;
<i>відстояні компоненти якого</i>	— именная;
<i>поповнюють ряди морфологічних засобів</i>	— глагольная;
<i>На цій підставі</i>	— именная;
<i>навіть відома класифікація частин мови</i>	— именная;
<i>зазнавала суттєвих видозмін</i>	— глагольная;
<i>(пор.</i>	— глагольная;
<i>тлумачення слів категорії стану</i>	— именная;
<i>що виділяються</i>	— глагольная;
<i>суто на синтаксичній підставі</i>	— именная;
<i>як окремий клас слів</i>	— именная;
<i>поряд з іншими частинами мови</i>	— именная;
<i>або модальних слів</i>	— именная;
<i>та ін.)</i>	— именная;
<i>Уява про граматичний лад української мови</i>	— именная;
<i>може бути повною</i>	— глагольная;
<i>тільки за умови послідовного розгляду функціональних особливостей</i>	
<i>категорійних форм</i>	— именная;
<i>Такі дослідження</i>	— именная;
<i>в сучасних умовах</i>	— именная;
<i>набувають особливої актуальності</i>	— глагольная;
<i>адже в них граматичне явище</i>	— именная;
<i>подається в усіх своїх вимірах</i>	— глагольная;
<i>простежується функціональна специфіка граматичних одиниць</i>	— глагольная;
<i>у системі мови</i>	— именная;
<i>і системи мовлення</i>	— именная;
<i>Це дає змогу</i>	— глагольная, предикативная;
<i>визначити спектри первинних</i>	— именная;
<i>вторинних функцій</i>	— именная;

<i>межі їх поширення</i>	— именная;
<i>встановити закономірності трансформації вторинних функцій у віртуальні компоненти</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Уже в умовах елементо-таксонімічної наукової парадигми</i>	— именная;
<i>була спроба з'ясувати закономірності співвідношення загальнопонятійних універсалій і синтаксичних одиниць</i>	— глагольная, предикативная;
<i>При цьому</i>	— именная;
<i>основним завданням поставало</i>	— глагольная;
<i>встановлення напрямів корелятивності-некорелятивності судження і речення</i>	— именная;
<i>та розгляд синтаксичних одиниць</i>	— именная;
<i>в аспекті логістичних начал</i>	— именная;
<i>(пор.</i>	— глагольная;
<i>праці Арістотеля</i>	— именная;
<i>А. Дискола</i>	— именная;
<i>А, Арно</i>	— именная;
<i>К. Лансло</i>	— именная;
<i>та ін.)</i>	— именная;
<i>Видозміна наукової парадигми</i>	— именная;
<i>і витворення системно-структурного підходу</i>	— именная;
<i>до аналізу синтаксичних явищ</i>	— именная;
<i>зумовила поглиблення розгляду основних синтаксичних одиниць</i>	— глагольная;
<i>у плані їх ієрархії</i>	— именная;
<i>та наявності різноманітних площин взаємодії</i>	— именная;

Исходные данные: 100 синтагм. Из них

Именных — 79;

Глагольных — 21;

В данном контексте автор использует два вида синтагм: именные и глагольные. Предикативных синтагм в нём — 5. Все они глагольные.

Что касается украинской научной речи в целом, то в ней обращает на себя внимание обильное использование именных синтагм. У обоих авторов они составляют почти до 80 % структуры текста*.

Морфологическая природа синтагм в украинской речи и её влияние на частотность их употребления отражены в сводной таблице 31.

Таблица 31

**Морфологическая природа синтагм и их частотность
в украинской художественной, разговорной и научной речи**

№ п/п	Тип синтагм по морфологической природе	Художеств. речь	Разговор. речь	Научн. речь	Всего	Процент употребления %
1	Именные, в том числе предикативные	80	38	154	272	54,4
			2		2	0,4
2	Глагольные, в том числе предикативные	115	58	44	217	43,4
		62	27	13	102	20,04
3	Наречные	4	2	1	7	1,4
4	Модальное слово в роли синтагмы	1			1	0,2
5	Частицы в роли синтагмы		2	1	3	0,6
6	Союзы в роли синтагмы					
7	Предлоги в роли синтагмы					
8	Междометия в роли синтагмы					
	ВСЕГО	200	100	200	500	100 %

* Устную научную речь, в которой активно используются именные синтагмы, воспринимать на слух непросто, так как темп речи определяет её субъект и этот темп может не соответствовать динамике восприятия речи слушателем. К тому же по причине многочисленных отношений между синтагмами одной и той же морфологической природы затрудняется восприятие грамматических и смысловых отношений между синтагмами. В письменной форме читатель может замедлить чтение, повторно прочесть, т. е. добиться соответствия скорости чтения динамике личного восприятия. В аналогичных случаях создаётся речевая ситуация, при которой все используемые автором слова могут быть хорошо знакомы адресату речи, тем не менее восприятие содержания как устной речи, так и текста затрудняется, так как в значительной степени осложняются грамматические отношения между словами. Например, по причине нагнетания форм существительных в родительном падеже или наращенных контактирующих именных синтагм со слабой грамматической связью

Как видим из таблицы, в украинской художественной речи также наиболее употребительны именные и глагольные синтагмы. Их в ней 195 из 200 синтагм. В разговорной речи их 96 из 100 синтагм, а в научной — 198 из 200 синтагм.

Можно отметить, что в результате сопоставительного исследования стилистически разнообразных материалов русской и украинской речи становится очевидным, что морфологическая природа синтагмы тесно связана с речевыми стилями и тематикой конкретной речи. Она в значительной степени определяет динамику речи, её жанровый характер, а также многие её конкретные свойства и качества: описание, рассуждение, коннотацию, эмоциональность, авторскую оценку, характер восприятия и степень доступности для адресата. Но при этом основная масса используемых синтагм в речи русского и украинского языков — именные и глагольные. Основная конкуренция в частотности употребления осуществляется именно между этими двумя морфологическими типами синтагм

7.3. Морфологическая природа и активность синтагм в английской речи

Теперь обратимся к английской речи и выясним морфологическую природу синтагм в рассказе С. Моэма «Друзья познаются в беде» (Somerset Maugham, “A Friend in Need”). Принцип её определения тот же — по ключевому слову синтагмы.

<i>For thirty years now</i>	— наречная;
<i>I have been studying my fellow-men.</i>	— глагольная;
<i>I do not know very much about them.</i>	— глагольная;
<i>I suppose</i>	— глагольная;
<i>it is on,</i>	— глагольная;
<i>the face</i>	— именная;
<i>that for the most part</i>	— именная;
<i>we judge the persons</i>	— глагольная;

<i>we meet.</i>	— глагольная;
<i>We draw our conclusions</i>	— глагольная;
<i>from the shape of the jaw,</i>	— именная;
<i>the look in the eyes,</i>	— именная;
<i>the shape of the mouth.</i>	— именная;
<i>I shrug my shoulders</i>	— глагольная;
<i>when people tell me</i>	— глагольная;
<i>that their first impressions of a person</i>	— именная;
<i>are always right.</i>	— глагольная;
<i>For my own part</i>	— именная;
<i>I find</i>	— глагольная;
<i>that the longer I know people</i>	— глагольная;
<i>the more they puzzle me:</i>	— глагольная;
<i>my oldest friends</i>	— именная;
<i>are just those</i>	— глагольная;
<i>of whom</i>	— именная;
<i>I can say</i>	— глагольная;
<i>that I don't know anything about them.</i>	— глагольная;
<i>These thoughts have occurred to me</i>	— глагольная;
<i>because I read in this morning's paper</i>	— глагольная;
<i>that Edward Hyde Burton had died at Kobe.</i>	— глагольная;
<i>He was a merchant</i>	— глагольная;
<i>and he had been in Japan</i>	— глагольная;
<i>for many years.</i>	— наречная;
<i>I knew him very little,</i>	— глагольная;
<i>but he interested me</i>	— глагольная;
<i>because once</i>	— наречная;
<i>he gave me a great surprise.</i>	— глагольная;
<i>If I had not heard the story from his own lips</i>	— глагольная;
<i>I should never have believed</i>	— глагольная;

<i>that he was capable of such an action.</i>	— глагольная;
<i>It was the more startling</i>	— глагольная;
<i>because both his appearance and his manner</i>	— именная;
<i>gave the impression of a very different man.</i>	— глагольная;
<i>He was a tiny little fellow,</i>	— глагольная;
<i>very slender,</i>	— именная;
<i>with white hair,</i>	— именная;
<i>a red face much wrinkled,</i>	— именная;
<i>and blue eyes.</i>	— именная;
<i>I suppose</i>	— глагольная;
<i>he was about sixty</i>	— глагольная;
<i>when I knew him.</i>	— глагольная;
<i>He was always neatly and quietly dressed</i>	— глагольная;
<i>in accordance with his age and station.</i>	— именная;
<i>Though his offices were in Kobe</i>	— глагольная;
<i>Burton often came down to Yokohama.</i>	— глагольная;
<i>I happened</i>	— глагольная;
<i>on one occasion</i>	— наречная;
<i>to be spending a few days there,</i>	— глагольная;
<i>waiting for a ship,</i>	— глагольная;
<i>and I was introduced to him at the British Club.</i>	— глагольная;
<i>We played bridge together.</i>	— глагольная;
<i>He played a good game</i>	— глагольная;
<i>and a generous one.</i>	— именная;
<i>He did not talk very much,</i>	— глагольная;
<i>either then or later</i>	— наречная;
<i>when we were having drinks,</i>	— глагольная;
<i>but what he said</i>	— глагольная;
<i>was sensible.</i>	— глагольная;
<i>He had a quiet, dry humour.</i>	— глагольная;

<i>He seemed</i>	— глагольная;
<i>to be popular at the club</i>	— глагольная;
<i>and afterwards,</i>	— наречная;
<i>when he had gone,</i>	— глагольная;
<i>they described him</i>	— глагольная;
<i>as one of the best.</i>	— именная;
<i>It happened</i>	— глагольная;
<i>that we were both staying at the Grand Hotel</i>	— глагольная;
<i>and next day</i>	— наречная;
<i>he asked me</i>	— глагольная;
<i>to dine with him.</i>	— глагольная;
<i>I met his wife,</i>	— глагольная;
<i>fat,</i>	— именная;
<i>elderly</i>	— именная;
<i>and smiling,</i>	— именная;
<i>and his two daughters.</i>	— именная;
<i>It was evidently a united</i>	— глагольная;
<i>and loving family.</i>	— именная;
<i>I think</i>	— глагольная;
<i>the chief thing</i>	— именная;
<i>that struck me about Burton</i>	— глагольная;
<i>was his kindness.</i>	— глагольная;
<i>There was something very pleasing</i>	— глагольная;
<i>in his mild blue eyes.</i>	— именная;
<i>His voice was gentle;</i>	— глагольная;
<i>you could not imagine</i>	— глагольная;
<i>that he could raise it in anger;</i>	— глагольная;
<i>his smile was kind.</i>	— глагольная;
<i>Here was a man</i>	— глагольная;
<i>who attracted you</i>	— глагольная;

<i>because you felt in him</i>	— глагольная;
<i>a real love for his fellows</i>	— именная.

Исходные данные: 100 синтагм. Из них:

Глагольных	— 68;
Именных	— 25;
Наречных	— 7.

В английской художественной речи С. Моэма заметно преобладают глагольные синтагмы: их 68 %. Именных синтагм — 25 %. Очень существенные различия в их частотности. Наречных синтагм — 7 %.

Рассмотрим морфологическую природу синтагм в фрагменте романа Джерома Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (“The Catcher in the Rye”).

<i>Finally</i>	— наречная;
<i>I sat down on this bench,</i>	— глагольная;
<i>where it wasn't so goddam dark.</i>	— глагольная, предикативная;
<i>Boy,</i>	— именная;
<i>I was still shivering</i>	— глагольная;
<i>like a bastard,</i>	— именная;
<i>and the back of my hair,</i>	— именная;
<i>even though I had my hunting hat on,</i>	— глагольная;
<i>was sort of full of little hunks of ice.</i>	— глагольная;
<i>That worried me.</i>	— глагольная;
<i>I thought</i>	— глагольная;
<i>probably</i>	— наречная;
<i>I'd get pneumonia</i>	— глагольная;
<i>and die.</i>	— глагольная;
<i>I started picturing millions of jerks</i>	— глагольная;
<i>coming to my funeral</i>	— глагольная;
<i>and all.</i>	— именная;
<i>My grandfather from Detroit,</i>	— именная;
<i>that keeps calling out the numbers of the streets</i>	— глагольная;

<i>when you ride on a goddam bus with him,</i>	— глагольная;
<i>and my aunts —</i>	— именная;
<i>I have about fifty aunts —</i>	— глагольная;
<i>and all my lousy cousins.</i>	— именная;
<i>What a mob'd be there.</i>	— глагольная;
<i>They all came</i>	— глагольная;
<i>when Allie died,</i>	— глагольная;
<i>the whole goddam stupid bunch of them.</i>	— именная;
<i>I have this one stupid aunt with halitosis</i>	— глагольная;
<i>that kept saying</i>	— глагольная;
<i>how peaceful he looked</i>	— глагольная;
<i>lying there,</i>	— глагольная;
<i>D.B. told me.</i>	— глагольная;
<i>I wasn't there.</i>	— глагольная;
<i>I was still in the hospital.</i>	— глагольная;
<i>I had to go to the hospital</i>	— глагольная;
<i>and all after</i>	— именная;
<i>I hurt my hand.</i>	— глагольная;
<i>Anyway,</i>	— наречная;
<i>I kept worrying</i>	— глагольная;
<i>that I was getting pneumonia,</i>	— глагольная;
<i>with all those hunks of ice in my hair,</i>	— именная;
<i>and that I was going to die.</i>	— глагольная;
<i>I felt sorry</i>	— глагольная;
<i>as hell</i>	— именная;
<i>for my mother and father.</i>	— именная;
<i>Especially my mother,</i>	— именная;
<i>because she still isn't over my brother Allie yet.</i>	— глагольная;
<i>I kept picturing her</i>	— глагольная;
<i>not knowing</i>	— глагольная;

<i>what to do with all my suits and athletic equipment</i>	— глагольная;
<i>and all.</i>	— именная;
<i>The only good thing,</i>	— именная;
<i>I knew</i>	— глагольная;
<i>she wouldn't let old Phoebe</i>	— глагольная;
<i>come to my goddam funeral</i>	— глагольная;
<i>because she was only a little kid.</i>	— глагольная;
<i>That was the only good part.</i>	— глагольная;
<i>Then I thought about the whole bunch of them</i>	— глагольная;
<i>sticking me in a goddam cemetery</i>	— глагольная;
<i>and all,</i>	— именная;
<i>with my name on this tombstone</i>	— именная;
<i>and all.</i>	— именная;
<i>Surrounded by dead guys.</i>	— глагольная;
<i>Boy,</i>	— именная;
<i>when you're dead,</i>	— глагольная;
<i>they really fix you up.</i>	— глагольная;
<i>I hope to hell</i>	— глагольная;
<i>when I do die</i>	— глагольная;
<i>somebody has sense enough</i>	— глагольная;
<i>to just dump me in the river</i>	— глагольная;
<i>or something.</i>	— именная;
<i>Anything</i>	— именная;
<i>except sticking me in a goddam cemetery.</i>	— глагольная;
<i>People</i>	— именная;
<i>coming</i>	— глагольная;
<i>and putting a bunch of flowers</i>	— глагольная;
<i>on your stomach</i>	— именная;
<i>on Sunday,</i>	— именная;
<i>and all that crap.</i>	— именная;

<i>Who wants flowers</i>	— глагольная;
<i>when you're dead?</i>	— глагольная;
<i>Nobody.</i>	— именная;
<i>When the weather's nice,</i>	— глагольная;
<i>my parents go out quite frequently</i>	— глагольная;
<i>and stick a bunch of flowers</i>	— глагольная;
<i>on old Allie's grave.</i>	— именная;
<i>I went with them a couple of times,</i>	— глагольная;
<i>but I cut it out.</i>	— глагольная;
<i>In the first place,</i>	— именная;
<i>I certainly don't enjoy</i>	— глагольная;
<i>seeing him in that crazy cemetery.</i>	— глагольная;
<i>Surrounded by dead guys</i>	— глагольная;
<i>and tombstones</i>	— именная;
<i>and all.</i>	— именная;
<i>It wasn't too bad</i>	— глагольная;
<i>when the sun was out,</i>	— глагольная;
<i>but twice -</i>	— наречная;
<i>twice -</i>	— наречная;
<i>we were there</i>	— глагольная;
<i>when it started to rain.</i>	— глагольная.

Исходные данные: 100 синтагм. Из них:

Глагольных	— 65;
Именных	— 30;
Наречных	— 5.

В художественной речи Дж. Сэлинджера наблюдается та же картина, которую мы видим у С. Моэма: используются три морфологических вида синтагм. Причём глагольные синтагмы используются чаще именных тоже более чем в два раза. Наречных синтагм — 5 %.

Теперь обратимся к английской разговорной речи и выясним морфологическую природу её синтагм.

<i>So,</i>	— наречная;
<i>I didn't always make</i>	— глагольная;
<i>my living</i>	— именная;
<i>from music</i>	— именная;
<i>For about the five years after graduating from an upstanding</i>	— именная;
<i>liberal arts university,</i>	— именная;
<i>this</i>	— именная;
<i>was my day job</i>	— глагольная;
<i>I was</i>	— глагольная;
<i>a self-employed living statue</i>	— именная;
<i>called the Eight-Foot Bride,</i>	— глагольная;
<i>and I love telling people</i>	— глагольная;
<i>I did this</i>	— глагольная;
<i>for a job,</i>	— именная;
<i>because everybody always wants to know,</i>	— глагольная;
<i>who are these freaks</i>	— глагольная;
<i>in real life</i>	— именная;
<i>Hello</i>	— междометие;
<i>I painted myself white one day,</i>	— глагольная;
<i>stood on a box,</i>	— глагольная;
<i>put a hat</i>	— глагольная;
<i>or a can</i>	— именная;
<i>at my feet,</i>	— именная;
<i>and when someone came by</i>	— глагольная;
<i>and dropped in money,</i>	— глагольная;
<i>I handed them</i>	— глагольная;
<i>a flower –</i>	— именная;
<i>and some intense</i>	— именная;

<i>eye contact</i>	— именная;
<i>And if they didn't take the flower,</i>	— глагольная;
<i>I threw in a gesture</i>	— глагольная;
<i>of sadness</i>	— именная;
<i>and longing –</i>	— именная;
<i>as they walked away</i>	— глагольная;
<i>So I had the most profound</i>	— глагольная;
<i>encounters</i>	— именная;
<i>with people,</i>	— именная;
<i>especially lonely people</i>	— именная;
<i>who looked like</i>	— глагольная;
<i>they hadn't talked to anyone</i>	— глагольная;
<i>in weeks,</i>	— именная;
<i>and we would get this beautiful moment</i>	— глагольная;
<i>of prolonged eye contact</i>	— именная;
<i>being allowed</i>	— именная;
<i>in a city street,</i>	— именная;
<i>and we would sort of</i>	— глагольная;
<i>fall in love</i>	— глагольная;
<i>a little bit</i>	— наречная;
<i>And my eyes would say –</i>	— глагольная;
<i>“Thank you</i>	— глагольная;
<i>I see you”</i>	— глагольная;
<i>And their eyes would say –</i>	— глагольная;
<i>“Nobody ever sees me</i>	— глагольная;
<i>Thank you”</i>	— глагольная;
<i>I would get harassed</i>	— глагольная;
<i>sometimes</i>	— наречная;
<i>People would yell at me</i>	— глагольная;
<i>from their passing cars</i>	— именная;

<i>“Get a job!”</i>	— глагольная;
<i>And I’d be,</i>	— глагольная;
<i>like,</i>	— наречная;
<i>“This is my job”</i>	— глагольная;
<i>But it hurt,</i>	— глагольная;
<i>because it made me fear</i>	— глагольная;
<i>that I was somehow doing something</i>	— глагольная;
<i>un-joblike</i>	— именная;
<i>and unfair,</i>	— именная;
<i>shameful</i>	— именная;
<i>I had no idea</i>	— глагольная;
<i>how perfect</i>	— именная;
<i>a real education</i>	— именная;
<i>I was getting for the music business</i>	— глагольная;
<i>on this box</i>	— именная;
<i>And for the economists</i>	— именная;
<i>out there,</i>	— наречная;
<i>you may be interested to know</i>	— глагольная;
<i>I actually made a pretty predictable income,</i>	— глагольная;
<i>which was</i>	— глагольная;
<i>shocking to me,</i>	— именная;
<i>given</i>	— глагольная;
<i>I had no regular customers,</i>	— глагольная;
<i>but pretty much</i>	— наречная;
<i>60 bucks</i>	— именная;
<i>on a Tuesday,</i>	— именная;
<i>90 bucks</i>	— именная;
<i>on a Friday</i>	— именная;
<i>It was consistent</i>	— глагольная;
<i>And meanwhile,</i>	— наречная;

<i>I was touring</i>	— глагольная;
<i>locally</i>	— наречная;
<i>and playing in nightclubs with my band,</i>	— глагольная;
<i>the Dresden Dolls</i>	— именная;
<i>This is me on piano,</i>	— глагольная;
<i>a genius drummer</i>	— именная;
<i>I wrote the songs,</i>	— глагольная;
<i>and eventually</i>	— наречная;
<i>we started making enough money</i>	— глагольная;
<i>that I could quit</i>	— глагольная;
<i>being a statue,</i>	— именная;
<i>and as we started touring,</i>	— глагольная;
[I really didn't want to lose this sense of	— глагольная;
direct connection with people,	— именная;
because I loved it ///]	— глагольная.

Исходные данные: 100 синтагм. Из них:

Глагольных	— 54;
Именных	— 38;
Наречных	— 7;
Междометие	— 1.

Как видим, в этом материале английской разговорной речи глагольные синтагмы также преобладают над именными, хотя и не в таких пропорциях, как в художественной речи. Если в последней их больше чем именных в 2,7 раза, то в разговорной речи их больше только в 1,4 раза.

Однако рассмотрим ещё один материал английской разговорной речи и выясним морфологическую природу его синтагм и их частотность.

<i>Hi</i>	— междометие;
<i>everyone</i>	— именная;
<i>I'm Felicia</i>	— глагольная;
<i>that says there</i>	— глагольная;

<i>This is really exciting</i>	— глагольная;
<i>I actually took professor Chun's class</i>	— глагольная;
<i>when I was at Yale</i>	— глагольная;
<i>He is awesome</i>	— глагольная;
<i>So</i>	— наречная;
<i>it's honored to be here</i>	— глагольная;
<i>So</i>	— наречная;
<i>the past three years of my life</i>	— именная;
<i>have been a whirlwind</i>	— глагольная;
<i>I moved three times</i>	— глагольная;
<i>I wrote two books</i>	— глагольная;
<i>I published one of them</i>	— глагольная;
<i>and I actually started</i>	— глагольная;
<i>my own business</i>	— именная;
<i>Three years ago</i>	— именная;
<i>my life looked incredibly different</i>	— глагольная;
<i>I was living in New York City</i>	— глагольная;
<i>and I was working full time as an actor</i>	— глагольная;
<i>I had an agent</i>	— глагольная;
<i>I was a member of the Actors Union</i>	— глагольная;
<i>and I have just come off</i>	— глагольная;
<i>being in one of the biggest musicals of all time</i>	— глагольная;
<i>which was "Wicked"</i>	— глагольная;
<i>Any of you have seen Wicked?</i>	— глагольная;
<i>Yeap!</i>	— междометие;
<i>So</i>	— наречная;
<i>it's a really big musical</i>	— глагольная;
<i>And on the outside</i>	— именная;
<i>you know</i>	— глагольная;
<i>everything was going great</i>	— глагольная;

<i>If I kept going in this direction</i>	— глагольная;
<i>maybe I could do a lot in theater</i>	— глагольная;
<i>And sort of all</i>	— именная;
<i>seemed to be pointing in that one direction</i>	— глагольная;
<i>But on the inside</i>	— именная;
<i>I was wracked with doubt</i>	— глагольная;
<i>and I was incredibly scared</i>	— глагольная;
<i>The reason being</i>	— глагольная;
<i>you know</i>	— глагольная;
<i>theater and acting was</i>	— глагольная;
<i>what I have thought</i>	— глагольная;
<i>to be my life dream</i>	— глагольная;
<i>Ever since I was two</i>	— глагольная;
<i>I went to see my first Broadway show</i>	— глагольная;
<i>which was “The phantom of the opera”</i>	— глагольная;
<i>claps for “The phantom of the opera”</i>	— именная;
<i>I don’t know why</i>	— глагольная;
<i>I was obsessed with theater</i>	— глагольная;
<i>I went to theater camp</i>	— глагольная;
<i>I would sing in the shower</i>	— глагольная;
<i>my parents heard me...</i>	— глагольная;
<i>I would sing soundtracks all the time</i>	— глагольная;
<i>so I was obsessed</i>	— глагольная;
<i>And then</i>	— наречная;
<i>in college</i>	— именная;
<i>even though</i>	— наречная;
<i>I did have a lot of interest</i>	— глагольная;
<i>and I actually majored in English</i>	— глагольная;
<i>I decided</i>	— глагольная;
<i>when I graduated</i>	— глагольная;

<i>that I had to go for it</i>	— глагольная;
<i>you know</i>	— глагольная;
<i>I had to go for the theater</i>	— глагольная;
<i>because</i>	— союз;
<i>if I didn't</i>	— глагольная;
<i>I would regret it</i>	— глагольная;
<i>So</i>	— наречная;
<i>I did</i>	— глагольная;
<i>And the relative success</i>	— именная;
<i>I had early on with "Wicked"</i>	— глагольная;
<i>was very complicated for me</i>	— глагольная;
<i>Because on one hand</i>	— наречная;
<i>you know</i>	— глагольная;
<i>it was amazing</i>	— глагольная;
<i>It was the fulfillment of literally a lifelong dream</i>	— глагольная;
<i>But on the other hand</i>	— наречная;
<i>it made me see pretty quickly</i>	— глагольная;
<i>that</i>	— союз;
<i>what I have thought</i>	— глагольная;
<i>was my lifelong dream might not actually be</i>	— глагольная;
<i>what I wanted to do</i>	— глагольная;
<i>for the rest of my life</i>	— именная;
<i>When I was researching this experience</i>	— глагольная;
<i>I thought this is like a footnote in life</i>	— глагольная;
<i>right?</i>	— наречная;
<i>So</i>	— наречная;
<i>you start one place</i>	— глагольная;
<i>and you end up another</i>	— глагольная;
<i>but what we don't know is talk about that process</i>	— глагольная;
<i>And I wanted to get in the mindset of what</i>	— глагольная;

<i>that felt like</i>	— глагольная;
<i>because I am an actor</i>	— глагольная;
<i>and I wanted to access those emotions</i>	— глагольная;
<i>I pulled up a bunch of the emails</i>	— глагольная;
<i>I've been writing at that time</i>	— глагольная;
<i>I found the one I wrote to my agent</i>	— глагольная.

Исходные данные: 100 синтагм. Из них:

Глагольных	— 75;
Именных	— 11;
Наречных	— 10;
Междометие в роли синтагмы	— 2;
Союз в роли синтагмы	— 2.

В данном фрагменте разговорной речи используются 5 морфологических видов синтагм. Наиболее частотны из них глагольные, они занимают 75 % формата речи. Именные и наречные синтагмы представлены здесь почти одинаково. Есть здесь синтагмы — две междометных и две союзных, — которые не отличаются высокой частотностью и используются в основном в разговорной речи при выражении чувств, эмоций, оценок.

А теперь обратимся к английской научной речи и определим морфологическую природу и частотность синтагм в контексте монографии Н. Хомского «Language and Mind».

<i>It is reasonable to ask</i>	— глагольная;
<i>why human languages should have a design of this sort</i>	— глагольная;
<i>why,</i>	— наречная;
<i>in particular,</i>	— наречная;
<i>they should use grammatical transformations of the sort</i>	— глагольная;
<i>described to convert deep structures to surface form.</i>	— глагольная;
<i>Why should they not make use of deep structures</i>	— глагольная;
<i>in a more direct way?</i>	— именная;

<i>Two reasons suggest themselves at once.</i>	— глагольная;
<i>We have already observed</i>	— глагольная;
<i>that the conditions of lexical insertion are essentially transformational</i>	
	— глагольная;
<i>rather than phrase-structural.</i>	— именная;
<i>More generally,</i>	— наречная;
<i>we find many nonphrase-structural constraints</i>	— глагольная;
<i>(for example,</i>	— именная;
<i>those</i>	— именная;
<i>involved in deletion of identical items)</i>	— глагольная;
<i>when we study a language carefully.</i>	— глагольная;
<i>Thus</i>	— наречная;
<i>transformations not only convert a deep structure to a surface structure, —</i>	
глагольная;	
<i>but they also have a “filtering effect,”</i>	— глагольная;
<i>ruling out certain potential deep structures</i>	— глагольная;
<i>as not well-formed.</i>	— именная;
<i>Apart from this,</i>	— именная;
<i>we would naturally be inclined</i>	— глагольная;
<i>to seek an explanation</i>	— глагольная;
<i>for the use of grammatical transformations</i>	— именная;
<i>in the empirical constraints</i>	— именная;
<i>that linguistic communication must meet.</i>	— глагольная;
<i>Even the simple fact</i>	— именная;
<i>that sound is unrecoverable</i>	— глагольная;
<i>imposes conditions on speech</i>	— глагольная;
<i>that need not,</i>	— глагольная;
<i>for example,</i>	— именная;
<i>be imposed on a linguistic system</i>	— глагольная;
<i>designed only for writing</i>	— глагольная;

<i>(for example,</i>	— именная;
<i>the artificial systems</i>	— именная;
<i>mentioned in note 36).</i>	— глагольная;
<i>A written system provides an “external memory”</i>	— глагольная;
<i>that changes the perceptual problem in quite a significant way.</i>	— глагольная;
<i>We would expect a system</i>	— глагольная;
<i>designed for the conditions of speech communication</i>	— глагольная;
<i>to be somehow adapted to the load on memory.</i>	— глагольная;
<i>In fact,</i>	— именная;
<i>grammatical transformations characteristically reduce the amount of grammatical</i>	
<i>structure</i>	— глагольная;
<i>in phrase-markers</i>	— именная;
<i>in a well-defined way,</i>	— именная;
<i>and it may be</i>	— глагольная;
<i>that one consequence of this</i>	— именная;
<i>is to facilitate the problem of speech perception</i>	— глагольная;
<i>by a short-term memory of a rather limited sort.</i>	— именная;
<i>This observation suggests some promising directions for further research,</i>	—
глагольная;	
<i>but little of substance can be said</i>	— глагольная;
<i>with any confidence</i>	— именная;
<i>on the basis of what is understood today.</i>	— глагольная;
<i>One further point requires some clarification.</i>	— глагольная;
<i>We noted at the outset</i>	— глагольная;
<i>that performance and competence must be sharply distinguished</i>	— глагольная;
<i>if either is to be studied successfully.</i>	— глагольная;
<i>We have now discussed a certain model of competence.</i>	— глагольная;
<i>It would be tempting,</i>	— глагольная;
<i>but quite absurd,</i>	— именная;
<i>to regard it</i>	— глагольная;

<i>as a model of performance</i>	— именная;
<i>as well.</i>	— наречная;
<i>Thus</i>	— наречная;
<i>we might propose</i>	— глагольная;
<i>that to produce a sentence,</i>	— глагольная;
<i>the speaker goes through the successive steps of constructing a base-derivation, —</i>	
глагольная;	
<i>line by line</i>	— именная;
<i>from the initial symbol S,</i>	— именная;
<i>then inserting lexical items</i>	— глагольная;
<i>and applying grammatical transformations to form a surface structure, —</i>	
глагольная;	
<i>and finally applying the phonological rules in their given order, —</i>	глагольная;
<i>in accordance with the cyclic principle</i>	— именная;
<i>discussed earlier.</i>	— глагольная;
<i>There is not the slightest justification for any such assumption. —</i>	глагольная;
<i>In fact,</i>	— именная;
<i>in implying</i>	— именная;
<i>that the speaker selects the general properties of sentence structure before</i>	
<i>selecting lexical items</i>	— глагольная;
<i>(before deciding</i>	— глагольная;
<i>what he is going to talk about),</i>	— глагольная;
<i>such a proposal seems not only without justification</i>	— глагольная;
<i>but entirely counter to whatever vague intuitions</i>	— глагольная;
<i>one may have about the processes</i>	— глагольная;
<i>that underlie production.</i>	— глагольная;
<i>A theory of performance</i>	— именная;
<i>(production or perception)</i>	— именная;
<i>will have to incorporate the theory of competence —</i>	глагольная;
<i>the generative grammar of a language</i>	— именная;

<i>as an essential part.</i>	— именная;
<i>But models of performance</i>	— именная;
<i>can be constructed in many different ways,</i>	— глагольная;
<i>consistently with fixed assumptions</i>	— именная;
<i>about the competence</i>	— именная;
<i>on which they are based.</i>	— глагольная;
<i>There is much</i>	— глагольная;
<i>that can be said about this topic,</i>	— глагольная;
<i>but it goes beyond the bounds of this paper.</i>	— глагольная.

Исходные данные: 100 синтагм. Из них:

Глагольных	— 62;
Именных	— 32;
Наречных	— 6.

В рассматриваемом контексте используются три морфологических вида синтагм. Наиболее частотны здесь глагольные синтагмы, они употребляются почти в два раза чаще, чем именные. Наречные синтагмы составляют всего шесть процентов.

И наконец обратимся ещё к одному контексту научной речи из монографии Л. Блумфилда «Язык» и выясним морфологическую природу и частотность употребления его синтагм.

<i>The most difficult step in the study</i>	
<i>of language</i>	— именная;
<i>is the first step.</i>	— глагольная;
<i>Again and again,</i>	— наречная;
<i>scholarship has approached the study of language</i>	— глагольная;
<i>without actually entering upon it.</i>	— именная;
<i>Linguistic science arose from relatively practical preoccupations,</i>	— глагольная;
<i>such as the use of writing,</i>	— именная;
<i>the study of literature</i>	— именная;

<i>and especially of older records,</i>	— именная;
<i>and the prescription of elegant speech,</i>	— именная;
<i>but people can spend any amount of time on these things</i>	— глагольная;
<i>without actually entering upon linguistic study.</i>	— именная;
<i>As the individual student</i>	— именная;
<i>is likely to repeat the delays of history,</i>	— глагольная;
<i>we may do well to speak of these matters,</i>	— глагольная;
<i>so as to distinguish them</i>	— глагольная;
<i>from the subject of our study.</i>	— именная;
<i>Writing is not language,</i>	— именная;
<i>but merely a way of recording language</i>	— именная;
<i>by means of visible marks.</i>	— именная;
<i>In some countries,</i>	— именная;
<i>such as China,</i>	— именная;
<i>Egypt,</i>	— именная;
<i>and Mesopotamia,</i>	— именная;
<i>writing was practiced thousands of years ago,</i>	— глагольная;
<i>but to most of the languages</i>	— именная;
<i>that are spoken today</i>	— глагольная;
<i>it has been applied</i>	— глагольная;
<i>either in relatively recent times</i>	— именная;
<i>or not at all.</i>	— именная;
<i>Moreover,</i>	— наречная;
<i>until the days of printing,</i>	— именная;
<i>literacy was confined to a very few people.</i>	— глагольная;
<i>All languages were spoken through nearly all of their history</i>	— глагольная;
<i>by people</i>	— именная;
<i>who did not read or write;</i>	— глагольная;
<i>the languages of such peoples</i>	— именная;
<i>are just as stable,</i>	— глагольная;

<i>regular,</i>	— именная;
<i>and rich</i>	— именная;
<i>as the languages of literate nations.</i>	— именная;
<i>A language is the same</i>	— глагольная;
<i>no matter</i>	— наречная;
<i>what system of writing</i>	— именная;
<i>may be used to record it,</i>	— глагольная;
<i>just as a person is the same</i>	— глагольная;
<i>no matter</i>	— наречная;
<i>how you take his picture.</i>	— глагольная;
<i>The Japanese have three systems of writing</i>	— глагольная;
<i>and are developing a fourth.</i>	— глагольная;
<i>When the Turks,</i>	— именная;
<i>in 1928,</i>	— наречная;
<i>adopted the Latin alphabet in place of the Arabic,</i>	— глагольная;
<i>they went on talking</i>	— глагольная;
<i>in just the same way</i>	— именная;
<i>as before.</i>	— наречная;
<i>In order to study writing,</i>	— глагольная;
<i>we must know something about language,</i>	— глагольная;
<i>but the reverse is not true.</i>	— глагольная;
<i>To be sure,</i>	— глагольная;
<i>we get our information about the speech of past times</i>	— глагольная;
<i>largely from written records –</i>	— именная;
<i>and for this reason</i>	— именная;
<i>we shall,</i>	— глагольная;
<i>in another connection,</i>	— именная;
<i>study the history of writing –</i>	— глагольная;
<i>but we find this</i>	— глагольная;
<i>to be a handicap.</i>	— глагольная;

We have to use great care in interpreting the written symbols — глагольная;
into terms of actual speech; — именная;
often we fail in this, — глагольная;
and always we should prefer to have the audible word. — глагольная;
Literature, — именная;
whether presented in spoken form or, — глагольная;
as is now our custom, — глагольная;
in writing, — именная;
consists of beautiful — глагольная;
or otherwise — наречная;
notable utterances. — именная;
The student of literature observes the utterances of certain persons — глагольная;
(say, — глагольная;
of a Shakespeare) — именная;
and concerns himself with the content — глагольная;
and with the unusual features of form. — именная;
The interest of the philologist is even broader, — глагольная;
for he is concerned with the cultural significance — глагольная;
and background — именная;
of what he reads. — глагольная;
The linguist, — именная;
on the other hand, — именная;
studies the language of all persons alike; — глагольная;
the individual features — именная;
in which the language of a great writer differs — глагольная;
from the ordinary speech of his time and place, — именная;
interest the linguist — глагольная;
no more — наречная;
than do the individual features of any other person's speech, — глагольная;
and much less — наречная;

than do the features — глагольная;
that are common to all speakers. — глагольная.

Исходные данные: 100 синтагм. Из них:

Глагольных — 49;
 Именных — 42;
 Наречных — 9;

У Л. Блумфилд использует те же три морфологических вида синтагм: глагольные, именные и наречные. У него также глагольные синтагмы — пусть и незначительно (всего на 7 %) — используются чаще именных.

Сопоставив данные всех трёх сфер английской речи, можно подвести итоги относительно функционирующих в ней морфологических типов синтагм и их частотности употребления и отразить их в сводной таблице 32.

Таблица 32

**Морфологическая природа синтагм и их частотность
в английской художественной, разговорной и научной речи**

№ п/п	Морфологические типы синтагм	Художеств. речь	Разговорн. речь	Научн. речь	Всего	Процент употребления %
1	Глагольные,	133	129	111	373	62,2
2	Именные	55	49	74	178	29,7
3	Наречные	12	17	15	44	7,3
4	Междометные		3		3	0,5
5	Союзные		2		2	0,3
	ВСЕГО	200	200	200	600	100 %

Сопоставляя морфологические типы синтагм и их частотность в разных видах речи рассматриваемых языков, можно отметить следующее.

1. Именные синтагмы составляют:

в русской художественной речи — 48 % её объёма,

в разговорной речи — 44 %,
в научной речи — 60,5 %, **в русской речи в целом — 51,6 %;**

в **украинской** художественной речи — 40 %,
в разговорной — 38 %,
в научной — 77 %, **в украинской речи в целом — 54,4 %;**

в **английской** художественной речи — 27,5 %,
в разговорной речи — 24,5 %,
в научной речи — 37; **в английской речи в целом — 29,7 %**

2. Глагольные синтагмы составляют:

в **русской** художественной речи — 48,3 %,
в разговорной речи — 46 %,
в научной речи — 35,5 %, **в русской речи в целом — 43,6 %;**

в **украинской** художественной речи — 55,75 %,
в разговорной — 58 %,
в научной — 22 %, **в украинской речи в целом — 43,4 %;**

в **английской** художественной речи — 66,7 %,
в разговорной речи — 64,5 %,
в научной речи — 55,5 %, **в английской речи в целом — 62,2 %.**

Морфологическая природа синтагм и их частотность в русской, украинской и английской речи

Морфологическая природа синтагм	Количество синтагм в разных видах речи и процентное выражение их частотности														
	Русская речь					Украинская речь					Английская речь				
	ХР*	РР	НР	Всего по русс. речи	Процент частот- ности в речи %	ХР	РР	НР	Всего по укр. речи	Процент частот- ности в речи %	ХР	РР	НР	Всего по англ. речи	Процент частот- ности в речи %
Именные	144	44	121	309	51,6	80	38	154	272	54,4	55	49	74	178	29,7
Глагольные	145	46	71	262	43,6	115	58	44	217	43,4	133	129	111	373	62,2
Наречные	7	7	5	19	3,2	4	2	1	7	1,4	12	17	15	44	7,3
Модальные слова в роли синтагмы	2	3	3	8	1,3	1			1	0,2					
Междометия в роли синтагмы												3		3	0,5
Союзы в роли синтагмы												2		2	0,3
Частицы в роли синтагмы	2			2	0,3		2	1	3	0,6					
Предлоги в роли синтагмы															
Всего синтагм	300	100	200	600	100 %	200	100	200	500	100 %	200	200	200	600	100 %

* Прим.: ХР – художественная речь, РР – разговорная речь, НР – научная речь.

Из таблицы видно, что в русской художественной и разговорной речи именные и глагольные синтагмы в количественном отношении используются примерно одинаково, но в научной речи именные синтагмы употребляются чаще глагольных в 1,7 раза. Здесь соотношение их примерно три к двум.

В украинской художественной и разговорной речи преобладают примерно в таком же соотношении глагольные синтагмы, зато в научной речи именные синтагмы используются чаще глагольных в 3,5 раза.

В английской же речи во всех сферах заметно преобладание глагольных синтагм. В художественной речи они употребляются чаще именных в 2,4 раза, в разговорной — в 2,6 раза, и в научной — в 1,5 раза. В целом в английской речи глагольные синтагмы употребляются в 2 раза чаще именных.

7.4. Типологические характеристики синтагм

Учитывая, что в данной главе завершается характеристика синтагм, уместно подвести итоги, отметив все их типологические признаки.

Синтагмы — исходные единицы речевой деятельности, это многоаспектные единицы речи. Поэтому их типологические характеристики осуществляются **по разным показателям**: 1) структуре, 2) объёму, 3) функциям, 4) отношению к устной и письменной формам речи, 5) морфологической природе ключевого слова, 6) отношению к другим речевым единицам, 7) частотности употребления в речи, 8) внешним и внутренним синтаксическим связям и значениям.

По структуре синтагмы бывают **простые** (однословные), и **составные**, включающие несколько слов. Однокомпонентных синтагм в русской речи порядка 14–15 %, т. е. на каждые 100 синтагм речи в ней 14–15 однословных и 85–86 составных синтагм. В украинской речи однословных синтагм на две единицы больше, а в английской, наоборот, на 5–6 синтагм меньше.

С точки зрения **дискретности / недискретности** синтагмы предельно **минимальные** речевые единицы, т. е. недискретные структуры, так как речевых единиц меньше синтагмы нет.

По объёму синтагмы разделяются на **однословные, двухсловные, трёхсловные** и т. д. По мнению Н. В. Черемисиной, объём синтагм в русской речи включает от одного до семи слов [419, с. 86]. Наше исследование в принципе подтверждает этот вывод. Такая же ситуация отмечается и в украинской речи. В английской же речи синтагма включает до 14 слов.

Морфологическая природа синтагмы определяется по частеречной принадлежности её ключевого слова (или слов, если их несколько). Наиболее активны в речи именные и глагольные синтагмы.

Как и другие речевые единицы, **синтагма соотносится с формами речи**. Она единственная из всех типичных речевых единиц функционирует как в устной, так и в письменной форме. Остальные единицы разделяются на структуры, которые характерны только для устной (**фраза и сообщение**) или только для письменной формы (**предложение, высказывание и текст**). Количество фраз в конкретной устной речи — величина постоянная. Но если его записывают на слух несколько человек и они самостоятельно выделяют в нём предложения, то количество предложений у них обычно разное. У каждого будет своя предложенческая структура одного и того же контекста, в связи с чем Л. В. Щерба призывал не смешивать фразу и предложение.

Сопоставляя синтагму с другими речевыми единицами, можно отметить, что она предельно минимальна, недискретна, одномерна, тогда как остальные речевые структуры являются составными, многомерными. Все они традиционно выделяются в тексте в целях его адаптации при линейном наращении синтагм. На уровне предложений легче восстановить авторскую синтагматическую структуру текста, что обеспечит точное понимание передаваемых мыслей. Выделение предложений в тексте значительно облегчает и ускоряет его восприятие. Оно носит исторический характер. На начальном этапе развития письменности они не выделялись. Например, в «Слове о полку Игореве».

У **синтагм несколько функций**, но основных — две: порождение речи при их наращении и восприятие её путём последовательного их осмысления. В устной речи эти функции очевидны, в письменной их тоже несложно определить путём моделирования авторской интонации, которая “вписана” в текст. Письменная форма — это результат трансформации устной (или внутренней) речи в графическую на основе традиционных средств, правил и приёмов. Так **что способ порождения речи один**, а форму её представления — устную или письменную — субъект выбирает по необходимости. Функции остальных речевых единиц заключаются в традиционном оформлении речи (с целью выделения в тексте структурно-смысловых его частей), что значительно облегчает его восприятие.

Частотность синтагм в речи — весьма важный показатель их функциональной активности. Она зависит от их объёма. **С увеличением объёма синтагм** (начиная с четырёхсловных) **их частотность в русской и украинской речи резко снижается**. В английской речи частота употребления синтагм при увеличении их объёма снижается плавно.

Синтагмам характерны **внутрисинтагмные и межсинтагмные связи и отношения**. Все речевые структуры от синтагмы до текста — коммуникативные единицы.

Таким образом, при последовательном разграничении языка и речи, опираясь на авторскую делимитацию последней, можно убедиться в том, что речь имеет синтагматическую природу: исходной единицей её порождения и восприятия является не отдельное слово, а синтагма, недискретная индивидуально-авторская речевая структура, присущая всем видам речевой деятельности.

Адекватное восприятие речи обеспечивается осознанием её авторской синтагматической структуры и интонации. Синтагматическая сущность речи — реальность, осознание которой способствует формированию и развитию речевой деятельности, совершенствованию речевых умений и навыков, адекватному пониманию содержания текста при чтении.

Выводы к главе 7

Морфологическая природа синтагмы определяется частеречной принадлежностью её ключевого слова. Выделяются **именные** синтагмы (у них ключевым словом является имя: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, причастие или категория состояния как наименование того или иного состояния), **глагольные, наречные**. Синтагмы могут быть представлены **междометиями, предлогами, частицами, союзами и модальными словами**.

В мире, основным признаком которого является движение, существует бесчисленное множество реалий. Они постоянно совершают какие-то действия или подвергаются им, оказываются в тех или иных состояниях при тех или иных обстоятельствах. Поэтому в речи именные и глагольные синтагмы значительно преобладают.

Содержание главы 7 позволяет сделать следующие **выводы**.

1. В русской художественной и разговорной речи именные и глагольные синтагмы в количественном отношении используются примерно одинаково, но в научной речи именные синтагмы употребляются чаще глагольных в 1,7 раза. Здесь соотношение их примерно три к двум.

2. В украинской художественной и разговорной речи преобладают примерно в таком же соотношении глагольные синтагмы, зато в научной речи именные синтагмы используются чаще глагольных в 3,5 раза. В русской и украинской научной речи 1-словные синтагмы – это в основном вводные слова, а также понятия, на которых акцентируется внимание.

3. В английской речи во всех сферах заметно преобладание глагольных синтагм. В художественной речи они употребляются чаще именных в 2,4 раза, в разговорной — в 2,6 раза, и в научной — в 1,5 раза. В целом в английской речи глагольные синтагмы употребляются в 2 раза чаще именных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, естественная делимитация устной речи её субъектом, во-первых, объективно представляет истинную её структуру и, во-вторых, указывает на синтагму как её реальную исходную единицу, т. е. представляет синтагматическую структуру речи и основной компонент её порождения.

В письменной речи предложеническая структура текста отражает последовательное выделение автором всех передаваемых мыслей. Чтобы их понять, нужно осознать и осмыслить реальную синтагматическую структуру тех синтаксических конструкций, которыми они выражены. Восприятие текста и каждого его предложения осуществляется на основе синтагм.

В настоящее время синтагма и синтагматика речи не изучаются ни в школе, ни в вузе, что в значительной степени тормозит развитие речевой деятельности учащихся и прежде всего развитие чтения с адекватным пониманием содержания. Такая ситуация недопустима, особенно когда чтение стало для человека главным средством накопления знаний, инструментом формирования и развития его личной системы понятий и представлений о мире, когда оно неотъемлемо от всей его бытовой и профессиональной деятельности.

Проведённое исследование позволяет сделать ряд **выводов**.

1. Реальные единицы восприятия речи благодаря авторской их делимитации наглядно проявляются в устном общении, как первичной и естественной его форме; говорящий интонационно их выделяет и разграничивает паузами, а слушатели, воспринимая, осознают значения каждой из них и содержание речи в целом. В связи с этим проявляется факт: на основе каких единиц речь воспринимается, из них она и построена, так как именно они составили её реальную структуру и содержание.

2. Исходными единицами речи выступают **не слова** как номинативные единицы языка, а **синтагмы**, спонтанно появляющиеся в сознании человека в

результате психоречевой реакции на актуальное содержание или ситуацию речи; это предельно минимальные, недискретные речевые структуры.

3. Синтагма представляет собой структурное и смысловое единство, что подчёркивается интонацией и разграничительными паузами; в ней нет внутренних пауз, так как они деформировали бы её структуру и значение. Обычно синтагма объединяет несколько слов, но может состоять из одного слова, если субъект речи считает, что его при сочетании с другими синтагмами достаточно для передачи элементарного смыслового фрагмента. Так, в русской речи на каждые 7 синтагм приходится 6 составных и 1 однословная.

4. Функции слов как номинативных средств с обобщённым значением исчерпываются на внутрисинтагмном уровне при спонтанном объединении их в синтагму с её единым ситуативным значением.

5. Речь строится путём последовательного линейного наращения синтагм, создающих её синтагматическую структуру, являющуюся лингвистическим воплощением конкретного содержания.

6. В русской и украинской речи наиболее употребительны 2- и 3-словные синтагмы, с увеличением их объёма резко снижается частотность их употребления; в английской речи наиболее употребительны соответственно 4-, 3- и 5-словные синтагмы, с увеличением объёма снижение их частотности происходит плавно.

7. Основное наполнение текстов русской и украинской речи осуществляется за счёт синтагм, объем которых включает от одного до шести слов, аналогичный по количеству синтагм английский контекст включает синтагмы объёмом от одного до десяти слов. Пятую часть английской речи занимают 7-, 8-, 9- и 10-словные синтагмы, которые в русской и украинской речи составляют не более 4 % текста, обычно в научной сфере.

8. Морфологическая природа синтагмы определяется частеречной принадлежностью её ключевого слова; наиболее часто используются именные и глагольные синтагмы. В речи всех трёх языков они составляют более 90 % текста.

9. Устная речь строится из синтагм и одновременно воспринимается слушателями, так что устное общение осуществляется на синтагматическом

уровне; интонация субъекта речи является для него способом выделения синтагм и интерпретации передаваемого содержания, а для слушателей она средство идентификации авторской синтагматической структуры речи и её содержания.

10. Письменная речь представляет собой трансформацию синтагм устной (или внутренней) речи в графическую форму, при этом традиционно по мере наращивания синтагм текст оформляется в виде предложений; это первый уровень его адаптации путём последовательного выделения в нём его структурно-смысловых частей.

11. Текст и его составные единицы появляются в результате линейного наращивания синтагм, образующих его единую синтагматическую структуру. Авторская синтагматическая структура текста является основой порождения, сохранения и передачи содержания; осознать её – значит осознать авторское содержание текста. Авторская предложенческая структура текста представляет его в виде последовательного ряда всех передаваемых мыслей, что способствует быстрому осознанию читателем его синтагматики, интонации и содержания.

12. Грамматические и смысловые связи слов в синтагме отражают, что слова в предложении – это компоненты синтагм, из которых оно составлено, в связи с чем к структуре предложения слово как неотъемлемый компонент синтагмы не имеет непосредственного отношения и соотносится с предложением только через синтагму, в которую оно входит.

13. Межсинтагмные связи в речи свидетельствуют о том, что именно синтагмы являются исходными единицами её структуры и содержания; игнорирование этого факта при выделении членов предложения ведёт к нарушению целостности синтагм, деформации реальной структуры предложения и его содержания.

14. В устной и письменной формах речи в роли основных единиц их представления выступают разные речевые компоненты: соответственно **синтагма** и **предложение**; для слушателя очевидна синтагма, а для читателя – предложение, структуру и содержание которого ему необходимо самостоятельно осмыслить на синтагматическом уровне.

15. Все лингвистические единицы разграничиваются по признаку их отношения к языку или речи на **языковые** и **речевые**, по их материальному выражению (**звуковые** или **графические**).

16. Речевые единицы дифференцируются по следующим показателям:

– по отношению к устной или письменной форме: присущие обеим формам речи (**синтагмы**), присущие только устной речи (**фразы** и **полное сообщение**) и присущие только письменной речи (**предложения, высказывания** и **текст**);

– по составу (**дискретные**, т. е. членимые на более мелкие речевые единицы, и **недискретные**, т. е. нечленимые, предельно минимальные);

– по значению (**одномерные** и **многомерные**)

– по отношению к порождению или традиционному оформлению речи (**речепорождающие** и **речеооформляющие**);

– по функциям.

17. Все виды речевой деятельности – и продуцирующие, и рецептивные – формируются и развиваться на основе синтагмы, как исходной структуры построения и восприятия речи. Практическая потребность знаний о синтагме и её всестороннем изучении очевидна:

– при обучении устному и письменному выражению своих мыслей;

– при формировании и развитии навыков чтения с адекватным пониманием содержания, с опорой на синтагматическую структуру текста и зашифрованную в ней интонацию;

– при изучении родного и иностранных языков с использованием методического принципа, согласно которому наибольшая эффективность обучения возможна лишь при опоре на реальные исходные речевые структуры, т. е. на синтагмы;

– при разграничении сфер языка и речи, языковых единиц и речевых, а также единиц устной речи и письменной.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

адекватность синтагматической структуры: Восприятие синтагматической структуры текста читателем, соответствующее авторскому её варианту.

активность синтагмы: Важный функциональный показатель синтагмы, отражающий частоту её употребления в речи. Активность синтагмы обусловлена её объёмом и морфологической природой. См.: **Частотность синтагм.**

актуализация синтагмы: Наличие у синтагмы (например, в предложении) синтагматического ударения и соответствующей мелодики, указывающих на то, что именно данная синтагма несёт основную (новую) часть содержания.

актуальный признак предмета: Акцидентный, нередко случайный, признак реалии (фрагмента действительности), являющийся важным в конкретной речевой ситуации; ситуативно важный признак, делающий предмет узнаваемым, максимально конкретизирующий значение синтагмы.

акцидентный признак предмета: См. Актуальный признак предмета. *Противоп.*: сущностный признак.

ассоциативная связь: Смысловая межсинтагмная связь, способствующая включению в речь различных аналогий, соотнесений, сравнений, сопоставлений.

вертикальная межсинтагмная связь: Подчинительная грамматическая связь между синтагмами, отражающая их синтаксическую иерархию при их наращении в речи.

внутрисинтагмная связь: Интонационные, грамматические, смысловые и структурные связи между компонентами в синтагме.

высказывание 1. Максимальная структурно-содержательная единица текста; его составляющая. 2. Минимальный текст при его изучении.

гипотетическая единица языка: Искусственная, теоретическая единица, используемая с метаязыковой целью; напр., *словосочетание*.

горизонтальная межсинтагмная связь: Смысловая, сочинительная или предикативная связь между синтагмами, отражающая отсутствие иерархических отношений между ними.

делимитация речи: Интонационное разграничение субъектом речи с помощью пауз её реальных *исходных единиц*, благодаря чему слушатели, последовательно воспринимая структуру и значение каждой из них, адекватно понимают авторское содержание, его нюансы и оттенки.

дискретные единицы речи: Составные единицы речи, которые расчленяются на более мелкие речевые структуры, предельной из которых является синтагма — исходная недискретная речевая единица.

интегрирующий признак синтагмы: Признак, состоящий в том, что автоматически возникающая в сознании в процессе речи синтагма объединяет (интегрирует) несколько слов для создания единого структурно-смыслового речевого блока, отражающего элементарный фрагмент содержания, а также в том, что в результате линейного наращения синтагм появляется связная речь.

интонация: Единство просодических элементов (мелодики, ударения, пауз и др.), являющееся наряду с содержанием и структурой важнейшим атрибутом речи, способом интерпретации содержания для субъекта речи и средством идентификации его — для её адресата.

исходная речевая единица: Минимальная единица речи, т. е. синтагма.

ключевое слово синтагмы: Грамматически главное слово в синтагме, вокруг которого объединяются все её слова. Ключевое слово синтагмы устанавливает межсинтагмные связи с ключевыми словами других синтагм, способствуя объединению синтагм в связную речь.

конденсированные предложения: Минимальные речевые структуры в тексте, квалифицируемые в качестве самостоятельных предложений; их статус и конкретное содержание осознаётся на основании контекста.

лексема: (в интерпретации Бодуэна де Куртенэ) Слово как обобщённая смысловая единица системы языка, отражающая сущностный признак обозначаемой реалии, в отличие от слова в сфере речи как знаменательной единицы с ситуативным, конкретным значением, которое Бодуэн называл *синтагмой*, подчёркивая тем самым оппозицию *лексема* — *синтагма*, члены которой соответствовали оппозиции *сфера языка* — *сфера речи*.

линейность речи: Форма представления и существования речи.

межсинтагмная связь: Смысловая, интонационная, структурная и грамматическая связь между синтагмами как самостоятельными речевыми единицами при их объединении в связную речь.

метаязыковая единица: Искусственно выделяемая единица, к которой обращаются при изучении языка. Напр.: *словосочетание*.

минимальная единица речи: Синтагма как исходная речевая единица.

минимальный текст: Небольшая по объёму речевая единица (предложение, высказывание), условно квалифицируемая (И. Р. Гальпериным) в качестве текста.

морфологическая природа синтагмы: Характеристика синтагмы по частеречной принадлежности её ключевого слова.

непосредственные единицы порождения речи: Синтагмы как исходные минимальные речевые единицы, составляющие синтагматическую структуру речи и выступающие в качестве основных единиц её восприятия.

объём синтагмы: Количество слов в синтагме, имеющих собственное ударение.

одномерная единица речи: Исходная недифференцированная (недискретная) речевая единица, являющаяся основным компонентом её построения и восприятия, т. е. синтагма.

опосредованная смысловая связь: Смысловая связь, возникающая между синтаксически не связанными компонентами синтагмы или синтагм, благодаря их грамматическим связям с ключевыми словами.

письменная речь: Графически представленная форма в виде текста, который членится на *высказывания (сложное синтаксическое целое), сложные и простые предложения и синтагмы*. В письменной речи функционирует больше речевых единиц, чем в устной, что объясняется необходимостью традиционного оформления текста, потребностью его адаптации и адекватного восприятия.

предельная речевая единица: Речевая структура, которая выступает в качестве минимальной, исходной (*синтагма*) или максимальной, завершённой (*сообщение* — в устной речи, *текст* — в письменной).

предложение: Единица письменной речи, выполняющая в тексте структурирующую функцию, разграничивающая его мысли и являющаяся важной как в метаязыковом отношении — при изучении грамматики, так и в прагматическом. В устном общении **п.** избыточная структура. Ср.: *Фраза*.

предложенческая основа речи: Предложения в качестве традиционно основных структурных единиц письменной речи, выделяемые автором с целью последовательного представления и разграничения передаваемых мыслей.

предложенческая структура текста: Одна из форм структурирования текста (наряду с синтагматической), способствующая осознанию читателем синтагматики каждого предложения в тексте и его содержания.

речевая деятельность: Речепорождение и речевосприятие как естественное отражение мышления, познания и общения. В связи с тем что речевая деятельность разделяется на продуцирующую и рецептивную и протекает в устной или письменной форме, она представлена четырьмя видами: *говорение и слушание (аудирование), письмо и чтение*.

речевая единица: Любая типичная речевая структура, начиная с синтагмы. В устной речи — *синтагма, фраза, сообщение*; в письменной — *синтагма, предложение, высказывание (сложное синтаксическое целое), текст*. Все речевые единицы имеют индивидуально-креативное происхождение, характеризуются конкретной интонацией, структурой и ситуативным содержанием. Противоп.: *языковая единица*.

самостоятельная единица языка: Реальная языковая единица, выделяемая и изучаемая в качестве типичной, характеризующаяся своей структурой, признаками и функциями.

самостоятельная единица речи: Индивидуально-авторская речевая единица, характеризующаяся типичными структурно-содержательными признаками и речевыми функциями.

синтагма: (в интерпретации И.А. Бодуэна де Куртенэ) Слово в предложении, т. е. в сфере речи, противопоставленное слову в языке (лексеме); см. *Лексема*.

синтагма: Минимальная речевая единица, представляющая собой индивидуальное интонационно-смысловое, структурное и обычно (но не всегда) грамматическое объединение нескольких слов с единым конкретным значением, являющаяся исходной структурой при порождении речи и опорой — при её восприятии. В родном языке синтагмы мгновенно и обычно спонтанно возникают в сознании человека на основе его личной системы понятий и представлений как цельные лексические блоки, последовательное линейное наращение которых способствует организации речи, а их интонационное разграничение (делимитация) помогает осмыслению их значения и адекватному восприятию содержания речи в целом. Синтагма может состоять из одного слова, выполняющего соответствующую функцию, но обычно она включает несколько слов, что приводит к возникновению у неё ситуативного значения. Если речевое значение однословной синтагмы определяется на основании её связи с другими синтагмами, то значение многокомпонентных синтагм в значительной степени определяется их структурой. В содержательном отношении они часто самодостаточны. Существует ряд синонимических обозначений синтагмы: *единица порождения речи, единица восприятия речи, единица синтагматической структуры предложения (текста), исходная единица речи, исходная конструктивная единица предложения, минимальная речевая единица, недискретная единица речи, недифференцированная единица речи, одномерная единица речи, самостоятельный компонент синтагматического членения речи.*

синтагматика: 1. Синтагматическая структура текста, создаваемая его автором при передаче им конкретного содержания. 2. Синтагматическое членение. 3. Синтагматическая структура текста, воссоздаваемая читателем при его членении на синтагмы с целью адекватного восприятия содержания.

синтагматика говорящего: Синтагматическая организация устной речи субъектом, нашедшая отражение в его интонации и делимитации исходных речевых единиц.

синтагматика текста: Синтагматическая структура, которая появилась в результате трансформации звучащей (или внутренней) речи в письменную,

которую каждому читателю, опираясь на структуру предложений и развивающееся содержание, необходимо восстановить самостоятельно, чтобы адекватно понять авторское содержание текста.

синтагматика слушающего: Синтагматическое членение звучащей речи говорящим, которое благодаря интонации и прежде всего паузам адекватно воспринимается слушателем. При устном общении синтагматика говорящего полностью воспринимается слушателем.

синтагматика читающего: Синтагматическое членение текста читателем, предполагающее соответствие авторской синтагматической его структуре с целью адекватного восприятия содержания.

синтагматическая основа речи: Сущностная особенность речи, состоящая в том, что основной единицей её организации и восприятия является синтагма.

синтагматическая запись речи: Отражение на письме при помощи графических средств синтагматической структуры речи путём указания всех её синтагм, границ между ними, пауз на месте границ и их продолжительности.

синтагматическая связь: Общее название внутрисинтагмной и межсинтагмной связи.

синтагматическая структура: Структурно-смысловое единство речи и любой её составной единицы на уровне синтагм, которое определил автор с целью передачи конкретного содержания.

синтагматический анализ предложения: Выделение и анализ всех синтагм предложения, выявление в нём внутрисинтагмных и межсинтагмных связей и отношений, а также опосредованной смысловой связи.

синтагматический статус: Квалификация на основании выполняемой функции в конкретной речи структурно-смысловой речевой единицы в качестве самостоятельной синтагмы.

слово: Номинативная единица словарной системы языка, являющаяся компонентом лингвистической картины отражения предметного мира.

словосочетание: Искусственная метаязыковая единица, т. е. приём, заключающийся в сочетании слов, при изучении различных вопросов языка.

смысловая связь: Основной способ объединения знаменательных единиц в речь, если учитывать, что главное назначение речи — быть средством общения, взаимопонимания и воздействия. Смысловая связь, подкреплённая техническими средствами связи — грамматической и интонационной, — обеспечивает точное восприятие содержания.

сообщение (дискурс): Одна из трёх реально существующих речевых единиц устного общения, которая образуется в результате последовательного объединения всех синтагм в единую синтагматическую структуру при полной передаче сообщаемой информации (соотносится с *текстом* как завершённой единицей письменной речи). Сообщение, представленное в письменной форме, трансформируется в **текст**.

статусная речевая единица: Речевая структура, имеющая статус самостоятельной типичной речевой единицы.

структура синтагмы: Порядок компонентов в синтагме; по структуре синтагмы бывают простые и составные, т. е. однословные и многословные.

структурирование устной речи: Последовательное наращение синтагм в процессе общения как основной способ передачи актуального содержания.

структурирование текста: 1. Формирование синтагматической структуры текста во время его порождения как смысловнесущей его основы. 2. Традиционное оформление завершённой письменной речи в виде предложений и абзацев.

структурирующая функция: Функция традиционного упорядочения структуры и содержания. *Напр.*, особенно наглядна структурирующая функция у синтагм в устной речи, а также у предложений в тексте.

структурная связь: Самостоятельный вид связи, обусловленной расположением знаменательных компонентов. **С. с.** обычно подкрепляется интонационной, грамматической и смысловой связями. Однако в речи людей, в недостаточной степени владеющих языком, например в речи иностранца, грамматическая связь может отсутствовать, тем не менее благодаря структурной, интонационной и смысловой связям коммуникация возможна (Ср.: *Я хотеть купить эта книга*).

сущностные признаки лингвистической единицы: Признаки, которые определили статус и значение лингвистической единицы. Напр., у слова как единицы языка сущностными признаками являются его звуковой состав, семантика, морфемная структура, частеречная принадлежность, морфологическая парадигма и способность к сочетанию с другими словами. На основании этих признаков определились аспекты изучения слова.

сфера (область) речи: Область индивидуального использования средств языка при мышлении и общении. Её единицы появляются в процессе общения и предполагают: *индивидуально-креативный характер порождения, коммуникативное назначение, структурно-смысловую сочетаемость, конкретность структуры и ситуативность значения.*

сфера (область) языка: Всё, что относится к языку как системе и арсеналу обобщённых или абстрактных знаменательных средств и принадлежит всему народу, носителю данного языка. Его единицы предполагают: *самостоятельность, всеобщность, воспроизводимость, отдельность, обобщённость* или *абстрактность значения,*

текст: 1. Максимальная интонационно, структурно и содержательно завершённая единица письменной речи. 2. Письменная речь.

теоретическая единица языка: Единица, которой в реальности не существует как единицы-типа, но которую образуют при изучении языка, т. е. приём при изучении языка. Напр., *словосочетание.*

условная синтагма: Абстрактная минимальная среднестатистическая речевая структура, способствующая изучению типичных явлений при порождении и восприятии речи. Ориентировочный объём Условная синтагма в том или ином тексте равняется частному от деления числа, отражающего общее количество компонентов (знаменательных слов, имеющих ударение) в структуре всех синтагм текста, на число синтагм в нём.

устная речь: Форма живого общения, протекающего в виде последовательного линейного наращения минимальных речевых единиц — синтагм — с одновременным их восприятием слушателями. Синтагмы

формируют единую синтагматическую структуру сообщения. Устная речь может быть представлена чтением вслух любого текста.

фраза: Структурно-смысловая единица устной речи, соответствующая отдельной мысли, осознаваемая и выделяемая слушателем на основании содержательного признака при последовательном восприятии им синтагм. Фраза как единица устной речи соотносится с предложением в письменной речи, но не тождественна ему. Устное сообщение имеет конкретное (константное) количество фраз, которые на письме разными людьми могут быть переданы (и обычно передаются) разным количеством предложений.

частотность синтагмы: Активность синтагмы в речи, обусловленная её объёмом и морфологической природой.

языковая единица: Любая лингвистическая единица-тип, а также схема, модель системы языка, характеризующаяся обобщённым или абстрактным значением. Соотносит.: *речевая единица*. Языковые единицы — системные, заданные лингвистические средства, общие для всех носителей языка, тогда как речевые единицы — индивидуальные структуры, начиная с минимальных — *синтагм*, спонтанно возникающих в сознании человека, и заканчивая максимальными: *сообщением* — в устной речи и *текстом* — в письменной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамов В. П.* Синтагматика семантического поля: На материале русской научной литературы / В. П. Абрамов. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. – 105 с.
2. *Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка / В. А. Аврорин. – Л.: Наука, 1975. – 276 с.
3. *Аврутин С.* Усвоение языка / С. Аврутин // Фундаментальные проблемы современной американской лингвистики. – М.: Наука, 1997. – С. 261–275.
4. *Адамец П.* Порядок слов в современном русском языке / П. Адамец. – Прага, 1966. – 96 с.
5. *Адамец П.* Актуальное членение, глубинные структуры и перифразы / П. Адамец // Papers on functional sentence perspective / Ed. by Danek – Prague: Academia, 1974. – p. 189–195.
6. *Адамец П.* Образование предложений из пропозиций в современном русском языке / П. Адамец. – Прага: Academia, 1982. – 160 с.
7. *Адмони, В. Г.* Грамматический строй как система построения и общая грамматика / В. Г. Адмони. – М. – Л.: Наука, 1988. – 105 с.
8. *Акимова Г. Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка / Г. Н. Акимова. – М.: Высш. шк., 1990. – 168 с.
9. Актуальные проблемы вербальной коммуникации: язык и общество [Под ред. Л. А. Кудрявцевой]. – К.: изд-во Киевского ун-та, 2004. – 539 с.
10. Актуальные проблемы русского синтаксиса [Под ред. К. В. Горшковой и Е. В. Клобукова]. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 307 с.
11. *Александрова О. В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса / О. В. Александрова. – М.: Высш. шк., 1984. – 211 с.
12. *Алпатов В. М.* О двух подходах к выделению основных единиц языка / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1982, 6. – С. 66–74.

13. *Андреева С. В.* Элементарные конструктивно-синтаксические единицы устной речи и их коммуникативный потенциал: автореф. дис... на соискание уч. степени док. филол. наук: 10.02.01 / Андреева Светлана Владимировна. – Саратов, 2005. – 69 с.
14. *Андреева С. В.* Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С. В. Андреева // Изд. 2. – Саратов: КомКнига, 2006. – 192 с.
15. *Андреева С. В.* Основные и вспомогательные единицы устной коммуникации / С. В. Андреева // Известия Саратов. университета. – 2007, т. 7. – Серия: Филология. Журналистика. – Вып. 2. – С. 18–29.
16. *Анощенкова А. М.* Интонационные характеристики спонтанной речи и чтения диалогического текста / А. М. Анощенкова // Вопросы фонетики романских и германских языков: Сб. научн. тр. Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. им. М. Тореза. – 1977. – Вып. 108. – С. 14–25.
17. *Антипова А. М.* Система английской речевой интонации / А. М. Антипова. – М.: Высш. шк., 1979. – 132 с.
18. *Антипова А. М.* Пособие по английской интонации / А. М. Антипова. С. Л. Каневская, Г. А. Пигулевская. – М.: Просвещение, 1985. – 224 с.
19. Античные теории языка и стиля [Под общей ред. О. М. Фрейденберг]. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1936. – 341 с.
20. *Апресян Ю. Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1966. – 305 с.
21. *Апухтин В. Б.* Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста: автореф. дис... на соискание уч. степени канд. псих. наук: 10.02.19 «Психолингвистика» / В. Б. Апухтин. – М., 1977. – 21 с.
22. *Арібжанова Ірина.* Граматичний статус словосполучення / Ірина Арібжанова // Українське мовознавство. – № 39, 2009. – С. 53–61.
23. *Арнольд И. В.* Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения / И. В. Арнольд // Вопросы языкознания. – 1982, № 4. – С. 83 – 91.

24. *Артёменко Е. Б.* К вопросу о соотношении логических и языковых единиц / *Е. Б. Артёменко* // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1961. – С. 244–247.

25. *Артёмов В. А.* Об интонеме и интонационном варианте / *В. А. Артёмов* // Интонация и звуковой состав: Материалы коллоквиума по экспериментальной фонетике и психологии речи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. – С. 3–20 .

26. *Артёмов В. А.* Коммуникативная, синтаксическая, логическая и модальная функции речевой интонации / *В. А. Артёмов* // Материалы коллоквиума по экспериментальной фонетике и психологии речи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. – С. 3–22.

27. *Артёмов В. А.* Речь – многофункциональный процесс / *В. А. Артёмов* // Психологические исследования, посвящённые 85-летию со дня рождения Д. Н. Узнадзе. – Тбилиси, 1973. – с. 35–44.

28. *Артемов В. А.* Метод структурно-функционального изучения речевой интонации: [уч. пособие] / *В. А. Артёмов*. – М.: Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз . им. М.Тореза, 1974. – 160 с.

29. *Артоболевский Г. В.* Очерки по художественному чтению / *Г. В. Артоболевский*. – М.: Учпедгиз, 1959. – 268 с.

30. *Арутюнова Н. Д.* Синтаксис / *Н. Д. Арутюнова* // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М.: Наука, 1972. – С. 259–343.

31. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / *Н. Д. Арутюнова*. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

32. *Арутюнова Н. Д.* Номинация и текст / *Н. Д. Арутюнова* // Языковая номинация. Виды номинаций. – М.: Наука, 1977. – С. 101–109.

33. *Арутюнова Н. Д.* Речь / *Н. Д. Арутюнова* // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 414–416.

34. Аспекты общей и частной лингвистической теории текста [Под ред. Г. Я. Солганика]. – М.: Наука, 1982. – 192 с.

35. *Ахманова О. С.* Современные синтаксические теории / О. С. Ахманова, Г. Б. Микаэлян // Изд. 4. – М.: Наука, 2013. – 168 с.
36. *Ахманова О.С.* Место звучащей речи в науке о языке / О. С. Ахманова, Л. В. Минаева // Вопросы языкознания. – 1977, № 6. – С. 44–50.
37. *Ахутина Т. В.* Смысловой и семантический синтаксис. Детская речь и концепция Л. С. Выготского / Т. В. Ахутина // Психолингвистические проблемы семантики. – М.: Наука, 1983. – С. 196–209.
38. *Ахутина Т. В.* Единицы речевого общения, внутренняя речь, порождение речевого высказывания / Т. В. Ахутина // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М.: Наука, 1985. – С. 99–116.
39. *Бабайцева В. В.* Предложение как многоаспектная единица языка и речи / В. В. Бабайцева // Рус. яз. в шк. – 1984, № 3. – С. 78–82.
40. *Бабайцева В. В.* Система членов предложения в современном русском языке / В. В. Бабайцева. – М.: Просвещение, 1988. – 159 с.
41. *Багмут А. И.* Интонация как средство речевой коммуникации / А. И. Багмут, И. В. Борисюк, Г. Н. Олейник. – Киев: Наукова думка, 1980. – 160 с.
42. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли [пер. с фр. К. А. Долинина]. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
43. *Бардина Н. В.* Синтагма в русской спонтанной монологической речи (экспериментально-фонетическое исследование): дис. доктора филол. наук: 10.02.01 / Бардина Наталья Васильевна. – Одесса, 1984. – 248 с.
44. *Бардина Н. В.* Системный подход к лингвистическому описанию и понятие синтагмы / Н. В. Бардина // Рус. языкознание. – Киев, 1989. – Вып. 18. – С. 51–58.
45. *Бархударов Л. С.* Проблема предложения в трактовке различных грамматических направлений / Л.С. Бархударов // Вопросы языкознания. – 1976, № 3. – С. 89–101.
46. *Беловольская Л. А.* Категория недискретности количества и её грамматический статус / Л. А. Беловольская. – Таганрог: Изд-во Таганрог. ун-та, 1999. – 179 с.

47. *Белошапкова, В. А.* Грамматическая природа сложного предложения / В. А. Белошапкова // Проблемы современной лингвистики (сб. науч. тр.). – М., 1968. – С. 138–151.
48. *Белошапкова В. А.* Минимальные структурные схемы русского предложения / В. А. Белошапкова // Рус. яз. за рубежом. – 1978, № 5. – С. 55–60.
49. *Белошапкова В. А.* Расширенные структурные схемы простого предложения // В. А. Белошапкова // Рус. яз. за рубежом. – 1979, № 5. – С. 38–44.
50. *Белошапкова В. А.* Синтаксис / В. А. Белошапкова // Современный русский язык. – М.: Высш. шк., 1981. – 401 с.
51. *Бенвенист Э.* Уровни лингвистического анализа / Э. Бенвенист // Новое в лингвистике. – Вып. IV. – М., 1965. – С. 434–449.
52. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист [пер. с франц. Ю. Н. Караулова и др.]. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
53. *Бенвенист Э.* Категории мысли и категории языка / Э. Бенвенист // Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. – С. 104–114.
54. *Бертагаев Т. А.* О сегментации или о членении предложения / Т. А. Бертагаев // Члены предложения в языках различных типов. – Л.: Наука, 1972. – С. 87–96.
55. *Блинов И. Я.* О русской речевой интонации / И. Я. Блинов // Уч. записки МГПИ им. В. И. Ленина. – 1956. Т. 89. Вып. 6. – М. – С. 3–13.
56. *Блохина Л. П.* Просодические характеристики речи / Л. П. Блохина, Р. К. Потапова. – М.: Наука, 1970. – 72 с.
57. *Блумфилд Л.* Язык / Л. Блумфилд [пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат]. – М.: Прогресс, 1968. – 608 с.
58. *Богданов В. В.* Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1977. – 206 с.
59. *Бодуэна де Куртенэ И. А.* О задачах языкознания / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – 385 с.

60. *Болинджер Д.* Интонация как универсалия / Д. Болинджер // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972. – С. 214–231.
61. *Большаков И. А.* Новые виды синтагм для описания синтаксических связей в эллиптических предложениях / И. А. Большакова // НТИ, ВИНТИ. Сер. 2, Информ. процессы и системы. – М., 1989. – № 1. – С. 28–31.
62. *Бондаренко Л. П.* О роли пауз хезитации в мелодическом оформлении синтагмы / Л. П. Бондаренко // Интонация. – Киев.: Вища шк., 1978. – С. 103–112.
63. *Борботько В. Г.* Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения): автореф. дис. на соискание уч. степени докт. филол. наук: 10.02.01 / Борботько Владимир Григорьевич. – Краснодар, 1998. – 48 с.
64. *Брицын В. М.* Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке / В. М. Брицын. – К.: Наукова думка, 1990. – 318 с.
65. *Бровко А. С.* О синтаксическом статусе слова как единицы языка / А. С. Бровко // Вісник Запорізьк національного ун-ту. – 2002. – № 1: Філологічні науки. – Режим доступу до журналу : <http://www.zsu.zp.ua/herald/articles/1932.pdf>
66. *Брчакова Д. О.* О связности в устных коммуникантах / Д. О. Брчакова // Лингвистика текста. – М.: Наука, 1979. – С. 248–261. .
67. *Брызгунова Е. А.* Практическая фонетика и интонация русского языка / Е. А. Брызгунова. – М.: Издание МГУ, 1963. – 306 с.
68. *Брызгунова Е. А.* Интонация и смысл предложения / Е. А. Брызгунова // Русский язык за рубежом, 1967, № 1. – С. 35–40.
69. *Брызгунова Е. А.* О смысловозначительных возможностях русской интонации / Е. А. Брызгунова // Вопросы языкознания. – 1972, № 4. – С. 36–42.
70. *Брызгунова Е. А.* Основные типы интонационных конструкций и их употребление в русском языке / Е. А. Брызгунова // Русский язык за рубежом. – 1973, № 1. – С. 75–81.
71. *Брызгунова Е. А.* Анализ русской диалектной интонации / Е. А. Брызгунова // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. – М.: Наука, 1977. – С. 231–262.

72. *Брызгунова Е. А.* Звуки и интонация русской речи / Е. А. Брызгунова. – М.: Русский язык, 1978. – 279 с.
73. *Брызгунова Е. А.* Смысловое взаимодействие предложений / Е. А. Брызгунова // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. – С. 78–90.
74. *Бубнова Г. И.* Интонационные особенности устного монологического текста / Г. И. Бубнова // Просодия текста: Тезисы докладов науч.-метод. конференции 7 – 9 декабря. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1982. – С. 58–60.
75. *Буланин Л. Л.* К вопросу о синтагме / Л. Л. Буланин // Филологический сборник студенческого научного общества. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. – С. 3–22.
76. *Буланин Л. Л.* Фонетика современного русского языка / Л. Л. Буланин. – М.: Высш. шк., 1970. – 206 с.
77. *Булыгина Т. В.* О границах между сложной единицей и сочетанием единиц / Т. В. Булыгина // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М.: Наука, 1969. – С. 208–272.
78. *Булыгина Т. В.* Грамматические и семантические категории и их связи / Т. В. Булыгина // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 320–355.
79. *Булыгина Т. В.* Синтаксические нули и их референтные свойства / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв // Типология и грамматика. – М.: Наука, 1990. – С. 9–18.
80. *Бурмако В. И.* Создаёт ли контекст новые значения слов и фразеологизмов? / В. И. Бурмако // Проблемы фразеологии: межвузовский сборник научных трудов. – Тула, 1980. – С. 42–47.
81. *Бухарин В. И.* О синтагматическом членении предложений / В. И. Бухарин // Русский язык в школе. – 1968, № 4. – С. 86–93.
82. *Валгина Н. С.* Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. – Изд. Второе. – М.: Высш. шк., 1978. – 440 с.
83. *Валгина Н. С.* Теория текста. Учебное пособие / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 173 с.

84. *Валюсинская Э. В.* Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов / Э. В. Валюсинская // Синтаксис текста. – М.: Наука, 2007. – 389 с.
85. *Ванников Ю. В.* Экспериментальное исследование членения разговорной речи на дискретные интонационно-смысловые единицы (фразы) // Ю. В. Ванников, И. П. Абдалян // Сб. научных трудов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1970. – С. 40–46.
86. *Васильев В. А.* Синтаксическая роль интонации (в английском и русском языках) / В. А. Васильев // *Phonetica* (Bagel > New York) 1965, vol. 12, P. 137–140.
87. *Васильев Л. Г.* Текст и его понимание: Учебное пособие Л. Г. Васильев. – Тверь: Тверс. гос. ун-т, 1991. – 68 с.
88. *Вейнрейх У.* О семантической структуре языка / У. О. Вейнрейх // Новое в лингвистике. – Вып. V. – М.: Прогресс, 1970. – С. 163–249.
89. *Вейсгербер Л. Й.* Родной язык и формирование духа / Л. Й. Вейсгербер. – Пер. с нем. О.А. Радченко. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с (История лингвофилософской мысли.)
90. *Вейхман Г. А.* Разговорная речь и проблема предложения / Г. А. Вейхман // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. – Горький: Горьков.гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Н.А.Добролюбова, 1968. – С. 174–177.
91. *Венжинович Н. Ф.* Концептуальна й мовна картини світу як похідні етнічних менталітетів / Н. Ф. Венжинович // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць. – Донецьк : ДонНУ, 2006. – Вип. 14. – С. 8–12.
92. *Венцов А. В., Касевич В. Б.* Проблемы восприятия речи / А. В. Венцов, В. Б. Касевич. – М.: УРСС Эдиториал, 2003. – 240 с.
93. *Виллер М. А.* Об интонации простого нераспространенного предложения в русском языке / М. А. Виллер // Вопросы фонетики: Уч. зап. Ленингр. ун-та им. А.А.Жданова, т. 237, вып. 40. – 1960. – С. 26–38.
94. *Винарская Е. Н.* Выразительные средства текста / Е. Н. Винарская. – М.: Высш. шк., 1989. – 134 с.
95. *Виноградов В. В.* Общелингвистические и грамматические взгляды акад. Л. В. Щербы // В. В. Виноградов // Памяти академика Льва Владимировича

Щербы (1880–1944). – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова, 1951. – С. 31–62.

96. *Виноградов, В. В.* Из истории изучения русского синтаксиса / В. В. Виноградов. – М.: Изд-во МГУ, 1958. – 400 с.

97. *Виноградов В. В.* Вопросы изучения словосочетаний (На материале русского языка) / В. В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 231–253.

98. *Виноградов В. В.* Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка (Краткий обзор теорий и задачи синтагматического изучения русского языка) / В. В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 88–154.

99. *Виноградов В. В.* Синтаксические взгляды и наблюдения академика Л.В. Щербы / В. В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 488–516.

100. *Виноградов В. В.* Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1975. – С. 558.

101. *Вихованець І. Р.* Нариси з функціонального синтаксису української мови / І. Р. Вихованець. – К. – 1992. – 224 с.

102. *Влавацкая М. В.* Зарождение и развитие теории синтагм в зарубежной лингвистике / М. В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2008, № 2. – С. 15–21.

103. *Влавацкая М. В.* Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М. В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2009, № 1. – С. 36–42.

104. *Влавацкая М. В.* Комбинаторная лингвистика: аспекты изучения сочетаемости слов / М. В. Влавацкая. – Новосибирск: НГТУ, 2016. – 244 с.

105. *Востоков А. Х.* Опыт о русском стихосложении / А. Х. Востоков. – СПб., 1817. – 167 с.

106. *Выготский Л. С.* Мысль и слово / Л. С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1996. – 362 с.

107. *Гаврилина Л. Е.* Уровневая организация языка. Языковые и речевые единицы просодического уровня языка (фонема – морфема – просодема – синтагма – интонема) / Л. Е. Гаврилина // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – Тамбов, 2011. – № 1 (8). – С. 42–45; То же [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2011_1_10.pdf (19.03.12).

108. *Гайдучик С. М.* Типология речевых высказываний / С. М. Гайдучик // Экспериментальная фонетика: Сб. статей. – Минск: Минск, гос. пед. ин-т иностр. яз., 1972. – С. 46–67.

109. *Гайдучик С. М.* Ритмическая фраза как единица просодической системы языка (на материале современного немецкого языка) / С.М. Гайдучик // Романское и германское языкознание. – Вып. 4. – Минск: Минск, гос. пед. ин-т иностр. яз., 1974. – С. 51–60.

110. *Гак В. Г.* Высказывание и ситуация / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 349–372.

111. *Гак В. Г.* К типологии лингвистических номинаций / В. Г. Гак // Языковая номинация: Общие вопросы. – М.: Наука, 2007. – С. 35–44.

112. *Галеева М. М.* Элементы интонации и их взаимодействие в синтагмах повествовательного предложения в русском языке: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук // М. М. Галеева. – Л.: Ленингр. ун-т им. А.А.Панова, 1968. – 31 с.

113. *Гальперин И. Р.* К проблеме зависимости предложения от контекста / И. Р. Гальперин // Вопросы языкознания. – 1977, № 1. – С. 18–29.

114. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Высш. шк., 2000. – 192 с.

115. *Гальперин И. Р.* Информативность единиц языка / И. Р. Гальперин. – М., 2009. – 201 с.

116. *Гардинер А.* Различия между «речью» и «языком» / А. Гардинер // В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. – М.: Просвещение, 1960. – С. 13–20.

117. *Гвоздев А. Н.* Вопросы изучения детской речи / А. Н. Гвоздев. – М., 1961.

118. *Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык. Синтаксис / А. Н. Гвоздев. – М.: Просвещение, 1968. – Ч. 2. – 344 с.
119. *Глухов В. П.* Основы психолингвистики / В. П. Глухов. – М.: Высш. шк., 2005. – 351 с.
120. *Глушко М. М.* Ритмическая организация научного текста и его модальность / М. М. Глушко // Лингводидактические исследования // Под ред. Ю. А. Карулина. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 3–122.
121. *Горелов И. Н.* Невербальные компоненты коммуникации / И. Н. Горелов. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. – 112 с.
122. Грамматика современного русского литературного языка [Под ред. Н.Ю. Шведовой]. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
123. *Гуйванюк Н. В.* Формально-семантичні співвідношення в системі синтаксичних одиниць: Монографія / Н. В. Гуйванюк. – Чернівці: Рута, 1999. – 336 с.
124. *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 34–298.
125. *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 485 с.
126. *Гусаренко С. В.* Синтагматический и семантико-прагматический аспекты функционирования вставных конструкций в современном русском языке: дис... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Гусаренко Сергей Викторович. – Ставрополь, 1999. – 173 с.
127. *Гутарова А. В.* Аналитические глагольно-именные конструкции немецкого языка и их русские соответствия: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10. 02.04 «Германские языки» / А. В. Гутарова. – Казань, 2008. – 22 с.
128. *Демьянков В. З.* Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ / В. З. Демьянков. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 172 с.

129. *Демьянков В. З.* Продуцирование, или порождение речи // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина [Под общей ред. Е. С. Кубряковой]. – М.: МГУ, 1996. – С. 129–134 [Электронный ресурс] <http://www.infolex.ru/Cs12.html>

130. *Дешевицын М. П.* Об интонационном членении некоторых видов монологических высказываний. (На материале французского языка) / М. П. Дешевицын // Экспериментальная фонетика. – Минск: Минск, гос. пед. ин-т иностр. яз., 1972. – С. 68–85.

131. *Дикушина О. И.* Какой единицей является синтагма? / О. И. Дикушина // Вопросы теории языка: Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1961. – Вып. 56, № 283. – С. 53–60.

132. *Доблаев Л. И.* Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания / Л. И. Доблаев. – М.: Просвещение, 1982. – 175 с.

133. *Долгов Ю. С.* Словосочетание как грамматическая категория – тип валентности / Ю. С. Долгов. – Могилёв: Изд-во Могилёв. ун-та, 1993. – 81 с.

134. *Долинин К. А.* Имплицитное содержание высказывания / К. А. Долинин // Вопросы языкознания, 1983, № 6. – с. 37–47.

135. *Дубовский Ю. А.* Анализ интонации устного текста и его составляющих / Ю. А. Дубовский. – Минск: Вышэйна школа, 1975. – 295 с.

136. *Дудик П. С.* Синтаксис сучасного українського розмовного літературного мовлення (Просте речення; еквіваленти речення) / П. С. Дудик. – К.: Наук. думка, 1973. – 288 с.

137. *Есперсен О.* Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – 404 с.

138. *Жданова Л. М.* Textoобразующая роль синтагмы: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.05 «Романские языки» / Л.М. Жданова. – М., 1983. – 24 с.

139. *Жданова Л. М.* Синтагма как единица текста / Л. М. Жданова // Сб. научных трудов Моск. пед. ин-та иностр. яз. . – Вып. 267. – М., 1987. – С. 45–60.

140. *Жинкин Н. И.* О кодовых переходах во внутренней речи / Н. И. Жинкин // Вопросы языкознания. – 1964, № 6. – С. 26–38.
141. *Жинкин Н. И.* Психологические основы развития речи / Н. И. Жинкин // В защиту живого слова. – М.: Просвещение, 1966. – С. 5–25..
142. *Жинкин Н. И.* Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 159 с.
143. *Жирмунский В. М.* Об аналитических конструкциях / В. М. Жирмунский // Аналитические конструкции в языках различных типов. – М.-Л.: Наука, 1965 – С. 5–57.
144. *Жумалиева Р. З.* Синтагма как ритмическая единица текста (на мат. английского, русского и казахского языков) / Р. З Жумалиева // Фонетика и психология речи. – Иваново, 1984. – С. 54–71.
145. *Жумалиева Р. З.* Синтагма как ритмическая единица текста (экспериментально-сопоставительное исследование различных функционально-стилистических видов текста в английском, русском и казахском языках): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.20 «Сравнительное языкознание» / Р. З. Жумалиева. – М., 1993. – 19 с.
146. *Загнітко А. П.* Типологія синтаксичних зв'язків / А. П. Загнітко // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. второй. – Донецк, 1996. – С. 3–11.
147. *Загнітко Анатолій.* Теоретична грамати́ка української мови. Синтаксис / Анатолій Загнітко. – Донецьк: ДонДУ, 2001. – 662 с.
148. *Загнітко А. П.* Основи українського теоретичного синтаксису: навч. посібник / А. П. Загнітко. – Горлівка: Вид-во ГДПІМ, 2003. – Ч. 1. – 228 с.
149. *Залевская А. А.* Понимание текста / А. А. Залевская. – Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1988. – 85 с.
150. *Зарецкая Е. В.* О ритмической организации устной речи (на материале современного немецкого языка) / Е. В. Зарецкая // Экспериментальная фонетика: Сб. статей. – Минск: Минск. гос. пед. ин-т иностр. яз., 1976. – С. 67–77.

151. *Звегинцев В. А.* Очерки по общему языкознанию / В. А. Звегинцев. – М.: Либроком, 2009. – 327 с.
152. *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX--XX веков в очерках и извлечениях в 2 ч. / В. А. Звегинцев. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – Ч. 1, 1964; Ч. 2, 1965.
153. *Звегинцев В. А.* Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 307 с.
154. *Зеленько А. С.* Загальне мовознавство: Історія лінгвістичних вчень: Аспекти, методи, прийоми, процедури дослідження мови: Посібник. – Вид. 2-ге, перероб. / А. С. Зеленько. – Луганськ: Альма-матер, 2002. – 276 с.
155. *Зимняя И. А.* Психология слушания и говорения: автореф. дис. на соискание уч. степени доктора психол. наук: спец. 19.00.01 «Общая психология» / И. А. Зимняя. – М., 1973. – 67 с.
156. *Зимняя И. А.* Смысловое восприятие речевого сообщения / И. А. Зимняя // Смысловое восприятие речевого сообщения в условиях массовой коммуникации. – М.: Наука, 1976. – С. 5–33.
157. *Златоустова Л. В.* Интонация и просодия в организации текста / Л. В. Златоустова // Звучащий текст: Сб. научно-аналитических обзоров. – М.: ИНИРЮН АН СССР, 1983. – С. 11–21.
158. *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 351 с. – (АН СССР, Ин-т русского языка).
159. *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с. – (АН СССР, Ин-т русского языка).
160. *Иванова В. И.* Предложение, высказывание: дис. доктора филол. наук : спец. 10.02.19 « Теория языка» / Иванова Валентина Ивановна. – Тверь, 2001. – 314 с.
161. *Иванова-Лукьянова Г. Н.* Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм / Г. Н. Иванова-Лукьянова. – М.: Наука, 2000. – 195 с.

162. *Ильина В. И.* К вопросу о вариантах речи / В. И. Ильина // Интонация и звуковой состав. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. – С. 45–60.
163. *Ильина С. Г.* Основы синтагматического членения и мелодики при чтении научного текста / С. Г. Ильина // Чтение. Перевод. Устная речь: Методика и лингвистика: Сб. статей. – Л.: Наука, 1977. – С. 155–162.
164. *Каменская О. Л.* Текст и коммуникация / О. Л. Каменская. – М.: Наука, 1990. – 151 с.
165. *Кантер Л. А.* Системный анализ речевой интонации / Л. А. Кантер. – М.: Высш. шк., 1988. – 127 с.
166. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
167. *Карпов Н. П.* К проблеме фонетической синтагмы / Н. П. Карпов // Вопросы фонетики и фонологии: Сб. статей. – Иркутск: Головной Иркутск, пед. ин-т иностр. яз. им. Хо Ши Мина, 1979. – С. 4–16.
168. *Карцевский С. И.* Повторительный курс русского языка / С. И. Карцевский. – М. – Л.: Госиздат, 1928. – 112 с.
169. *Касевич В. Б.* Теория коммуникации и теория языка / В. Б. Касевич // Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения. – СПб.: Наука, 2001. – С. 70–75.
170. *Каспарова М. Г.* О речевой паузе / М. Г. Каспарова // Исследования языка и речи: Уч. записки Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. им. М. Тореза. – Т. 60. – 1971. – С. 146–149.
171. *Кацнельсон С. Д.* Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. – М. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1965. – 112 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).
172. *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. – 216 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).
173. *Квинтилиан М. Ф.* Воспитание оратора / М. Ф. Квинтилиан // Мысли и изречения древних с указанием источника: древние греки, древние римляне,

Библия, учителя церкви, мудрецы Талмуда. – Изд. 3, исправленное. – М.: Эксмо, 2007. – с. 288..

174. *Кибрик А. А.* Есть ли предложение в устной речи? / А. А. Кибрик // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 104–116 (Институт языкознания РАН).

175. *Киселёв С. А.* Коммуникативная значимость синтаксических моделей: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / С. А. Киселёв. – Минск, 1990. – 23 с.

176. *Ковтунова И. И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения / И. И. Ковтунова. – М.: Просвещение, 1976. – 239 с.

177. *Колобаев В. К.* Подвижность границ синтагмы: последствие для лингвистического и методического прогнозирования / В. К. Колобаев // [Электронный ресурс] // URL: – <http://www.mechnik.spb.ru/latpb3.htm>

178. *Колшанский Г. В.* О языковом механизме порождения текста / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1983, № 3. – С. 44–51.

179. *Колшанский Г. В.* О природе контекста / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания – Вып. 1. – М.: Наука, 2003. – С. 48–52.

180. *Колшанский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 2007. – 153 с.

181. *Копорская Е. С.* Семантические преобразования слова, контекстуально стимулируемые и контекстуально нестимулируемые / Е. С. Копорская // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. – М.: Наука, 1982. – С. 154–166.

182. *Котелова Н. З.* Значение слова и его сочетаемость (К формализации в языкознании) / Н. З. Котелова. – Л.: Наука, 1975. – 164 с.

183. *Кривнова О. Ф.* Временная структура синтагмы в связном тексте / О. Ф. Кривнова // Экспериментально-фонетический анализ речи. – Л., 1989. – Вып. 2. – С. 128–139.

184. *Кривнова О. Ф.* В развитие идей Л. В. Щербы о фонетическом членении речи / О. Ф. Кривнова // Материалы международной конференции “100 лет экспериментальной фонетике в России”. – СПбГУ, 2001. – С. 113–117.

185. *Кривнова О. Ф.* Ритмизация и интонационное членение в процессе порождения текста / О. Ф. Кривнова // Тезисы международной конференции “Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы”. – Т. 1, М., 1995. – С. 272–273.
186. *Кривченко Е. Л.* Номинативный аспект предложения: монография / Е. Л. Кривченко. – Саратов, СГУ, 1982. – 146 с.
187. *Кротевич Е. В.* Обособленные синтагмы / Е. В. Кротевич // Вопросы славянского языкознания. – Львов: Изд-во Львовск. ун-та, 1948. – Кн. 1. – С. 65 – 90.
188. *Кручинина И. Н.* Структура и функции сочинительной связи в русском языке / И. Н. Кручинина. – М.: Наука, 1988. – 214 с.
189. *Крушельницкая К. Г.* К вопросу о смысловом членении предложения / К. Г. Крушельницкая // Вопросы языкознания. – 1956, № 5. – с. 55–67.
190. *Крылова О. А.* Коммуникативный синтаксис русского языка: дис. доктора филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Крылова Ольга Алексеевна. – М., 1993. – 338 с.
191. *Кубрякова Е. С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 199 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).
192. *Кубрякова Е. С.* Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1986. – 158 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).
193. *Кубрякова Е. С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ, 1997. – 245 с.
194. *Кубрякова Е. С.* Коммуникативная лингвистика и проблемы семантики // Коммуникативные единицы языка / Е. С. Кубрякова. – М.: Иностранные языки, 2000. – С. 108–115.
195. *Кубрякова Е. С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–17.

196. *Кудашина В. Л.* Коммуникативные функции порядка синтаксических сегментов в современном русском языке: дис. канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Кудашина Валентина Львовна. – Ставрополь, 2003. – 190 с.
197. *Кудрявцева Л. А.* Моделирование динамики словарного состава языка / Л. А. Кудрявцева. – К.: ИПЦ «Киевский университет», 2004. – 208 с.
198. *Кузнецова О. Н.* Функционирование синтагмы как семантико-синтаксической и ритмико-интонационной единицы в разговорной и художественной речи: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / О. Н. Кузнецова. – М., 1989. – 16 с.
199. *Кузнєцова Т. В.* Специфіка домашньої комунікації / Т. В. Кузнєцова // Актуальные проблемы вербальной коммуникации: язык и общество / Сб. научн. тр. – Київ: КНУ ім. Тараса Шевченка, 2004. – С.171–175.
200. *Кузьмина Е. С.* Синтагматика научного текста: на материале русской научной литературы.: дис. докт. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Кузьмина Елена Степановна. – М., 2005. – 312 с.
201. *Куликов С. В.* Минимальная единица смысловой структуры текста (психолингвистический анализ): автореф. дис. канд филол. наук / С. В. Куликов. – М., 1985. – 20 с.
202. *Кундротас Г.* Синтагматическое членение и его функции в невербальной коммуникации (в русском и литовском языках) / Г. Кундротас // [Электронный ресурс]: <http://www.cceeol.aspx/getdocument>
203. *Курилович Е.* Основные структуры языка: словосочетание и предложение / Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 48 – 56.
204. Курс сучасної української літературної мови: Синтаксис [За ред. Л.А. Булаховського]. – Т, II. – К.: Радянська. шк., 1951. – 408 с.
205. *Кухаренко В. А.* Интерпретация текста: Учебник для студ. филолог. спец. – 3-е изд. / В. А. Кухаренко. – Одесса: Латстар, 2002. – 292 с.
206. *Лаптева О. А.* Нерешенные вопросы актуального членения / О. А. Лаптева // Вопросы языкознания. – 1972, № 2. – С. 35–47.

207. *Лаптева О. А.* Дискретность в устном монологическом тексте / О. А. Лаптева // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. Виноградов, чтения, XI. – М.: Наука, 1982. – С. 77–105.
208. *Ларин Б. А.* История русского языка и общее языкознание / Б. А. Ларин. – М.: Просвещение, 1977. – 223 с.
209. *Левицкий Ю. А.* Параметры текстообразования / Ю. А. Левицкий // Теория текста: 1992, лингвистический и стилистический аспекты. – Екатеринбург, 1993. – С. 71–78.
210. *Леонтьев А. А.* Язык, речь и речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.
211. *Леонтьев А. А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А. А. Леонтьев. – М.: Наука, 1969. – 307 с.
212. *Леонтьев А. А.* Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности / А. А. Леонтьев. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 248 с.
213. Лингвистический энциклопедический словарь / [глав. ред. В. И. Ярцева]. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с. – (ЛЭС 1990).
214. *Лобанов Б. М.* Алгоритм сегментации текста на синтаксические синтагмы для синтеза речи / Б. М. Лобанов // [Электронный ресурс], Сайт: dialog-21.ru
215. *Ломтев Т. П.* Предложение и его грамматические категории / Т. П. Ломтев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 177 с.
216. *Ломтев Т. П.* Структура предложения в современном русском языке / Т. П. Ломтев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 191 с.
217. *Лосева Л. Н.* Как строится текст / Л. Н. Лосева. – М.: Просвещение, 1980. – 96 с.
218. *Лукьянова Н. Н.* Лингвистическая интерпретация текста как способ моделирования фрагмента языковой картины мира / Н. Н. Лукьянова. – Барнаул: Миф, 2000. – 269 с.

219. *Луценко Н. А.* К теории синтагматики: о формуле управления / Н. А. Луценко // Филология – Philologica. – Краснодар, 1997, № 11. – С. 6–10.
220. *Луцай В. В.* Межфразовая связь по принципу синтагматической функциональной эквивалентности / В. В. Луцай // Семантика имени, глагола, предложения. – Донецк: Изд-во Донецк. ун-та, 1993. – С. 76–91.
221. *Луцай В. В.* Заполнение позиционного состава предложения по принципу функциональной эквивалентности: интроспективный анализ в русле экспликационной грамматики / В. В. Луцай. – Донецк, 2010. – 254 с.
222. *Лыков А. Г.* Слово и предложение как единицы языка / А. Г. Лыков // Современная лингвистика : теория и практика : сб. научн. трудов. – Краснодар, 2002. – Часть 1. – С. 84–89.
223. *Ляпон М. В.* Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений / М. В. Ляпон. – М.: Наука, 1986. – 200 с.
224. *Малашенко В. П.* Словосочетание и члены предложения / В. П. Малашенко, Ю. П. Богачев // Вопросы языкознания. – 1984, № 6. – С. 31 – 42.
225. *Малашенко В. П.* Свободное присоединение предложно-падежных форм имени существительного в современном русском языке / В. П. Малашенко. – Ростов н/Д., 1972. – 263 с.
226. *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 437 с.
227. *Матусевич М. И.* Современный русский язык. Фонетика / М. И. Матусевич. – М.: Просвещение 1976. – 288 с.
228. *Медникова Э. М.* Сочетаемость слов и соотношение «норма языка – норма речи» (на материале русского и английского языков) / Э. М. Медникова // Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. – 1979, № 145. – С. 32–37.
229. *Мельничук А. С.* Порядок слов и синтагматическое членение предложений в славянских языках / А. С. Мельничук. – Киев: Изд-во АН УССР, 1958. – 63 с.

230. Мельчук И. А. Уровни представления высказываний и общее строение модели «смысл ↔ текст» / И. А. Мельчук // Предварительные публикации Института русского языка. – Вып. 30. – М.: Наука, 1972. – 235 с.
231. Мельчук И. А. Опыт лингвистических моделей «СмыслоТекст» / И. А. Мельчук. – М.: Наука, 1974. – 260 с.
232. Мецлер А. А. Прагматика коммуникативных единиц / А. А. Мецлер. – Кишинев : Штиинца, 1990. – 103 с.
233. Мещанинов И. И. Структура предложения / И. И. Мещанинов. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 104 с.
234. Мещанинов И. И. Проблемы развития языка / И. И. Мещанинов. – Л.: Наука, 1975. – 350 с.
235. Мигирин В. Н. Проблема словосочетаний. Семантическая классификация простых предложений в отображающей грамматике / В. Н. Мигирин // Языковые категории и закономерности. Пути их системного изучения. – Кишинёв: Штиинца. – 1990. – С. 3–14.
236. Микуш Ф. Обсуждение вопросов структурализма и синтагматическая теория / Ф. Микуш // Вопросы языкознания. – 1957, № 1. – С. 27–34.
237. Микуш Ф. Письмо в редакцию / Ф. Микуш // Вопросы языкознания. – 1959, № 5. – С. 127–132.
238. Милевская Т. В. Связность как категория дискурса и текста (Когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты): дис. доктора филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Милевская Татьяна Валентиновна. – Ростов н/Д, 2003. – 390 с.
239. Минаева Л. В. Слово в языке и речи / Л. В. Минаева. – М.: Высш. шк., 1986. – 147 с.
240. Мирианашвили М. Г. Некоторые вопросы ритмики звучащего текста / М. Г. Мирианашвили // Звучащий текст [Отв. ред. Ф. М. Березин]. – М.: ИНИОН АН СССР, 1983. – С. 77–91.

241. *Морозова Н. Г.* О понимании текста / Н. Г. Морозова // Изв. АПН. Отделение психологии. Вопросы психологии понимания. – М. Высш. шк., 1947. – Вып. 7. – С. 217–232.
242. *Моррис Ч.* Основания общей теории знаков / Ч. Моррис // Семиотика. М., 1983.
243. *Моррис Ч. У.* Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика : [антология / сост. Ю. С. Степанов]. – М.: Акад. проект, 2001. – С. 45–97.
244. *Мурыгина З. М.* Членение речи на дискретные смысловые единицы / З. М. Мурыгина // Исследования по речевой информации: Сб. статей. – Вып. II. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – С. 160–189.
245. *Мухин А. М.* Функциональный анализ синтаксических элементов / А. М. Мухин. – М. – Л.: Наука, 1964. – 292 с.
246. *Мухин А. М.* Структура предложений и их модели / А. М. Мухин. – М.: Наука, 1968. – 230 с.
247. *Мухин А. М.* Модели внутренних синтаксических связей предложения / А. М. Мухин // Вопросы языкознания. – 1970, № 4. – С. 69–80.
248. *Мухин А. М.* Синтаксемный анализ и проблема уровней языка / А. М. Мухин. – Л.: Наука, 1980. – 303 с.
249. *Насонова Т. М.* К вопросу о воздействующей функции просодического членения / Т. М. Насонова // Вестник МГЛУ. Серия 1 филология, № 5 (60), 2012. – С.88–94.
250. *Николаева Т. М.* О соотношении сегментных указателей и суперсегментных языковых средств. (Выбор интонации при чтении) / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания. – 1968, № 6. – С. 49–57.
251. *Николаева Т. М.* Интонация сложного предложения в славянских языках: Опыт экспериментального исследования / Т. М. Николаева. – М.: Наука, 1969. – 286 с.
252. *Николаева Т. М.* Языковые функции интонации и её лингвистический статус / Т. М. Николаева // Вопросы фонологии и фонетики. – М.: Наука, 1971. – С. 169–175.

253. *Николаева Т. М.* Фразовая интонация славянских языков / Т. М. Николаева. – М.: Наука, 1977. – 278 с.
254. *Николаева Т. М.* Три интонационных слоя звучащей фразы / Т. М. Николаева // Звуковой строй языка. – М.: Наука, 1979. – С. 219–225.
255. *Новиков А. И.* Семантика текста и её формализация / А. И. Новиков. – М., 1983.
256. *Норк О. А.* К вопросу о синтаксической функции интонации / О. А. Норк // *Phonetica*, vol. 12, 1965. – С. 178–181.
257. *Норман Б. Ю.* Синтаксис речевой деятельности / Б. Ю. Норман. – Минск: Высшая шк., 1978. – 152 с.
258. *Норман Б. Ю.* Грамматика говорящего / Б. Ю. Норман. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1994. – 230 с.
259. *Носова Г. И.* О синтагматическом членении монологической спонтанной речи / Г. И. Носова // Вопросы фонетики и фонологии, вып.4. – Иркутск: Головной Иркутск, пед. ин-т иностр. яз. им. Хо Ши Мина, 1975. – С. 143–150.
260. *Общее языкознание: Внутренняя структура языка* [Отв. ред. Б. А. Серебренников]. – М.: Наука, 1972. – 565 с.
261. *Общее языкознание: Методы лингвистических исследований* [Отв. ред. Б.А. Серебренников]. – М.: Наука, 1973. – 318 с.
262. *Орап Марина.* Синтагма як одиниця аналізу мовленнєвого досвіду / Марина Орап // Східноєвропейський журнал психолінгвістики. – Т. 2, 2015. – С. 106–113.
263. *Основы теории речевой деятельности* [Под ред. А.А.Леонтьева]. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
264. *Осетров И. Г.* О некоторых вопросах теории синтагмы и синтагматики / И. Г. Осетров // Русский литературный язык: номинация, предикация, экспрессия. – М.: Наука, 2002. – С. 295–298.
266. *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса: Материалы к трансформационной грамматике русского языка / Е. В. Падучева. – М.: Наука, 1974. – 292 с.

267. *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е. В. Падучева. – М.: Наука, 1985. – 271 с.

268. *Патрушев В. А.* Структурно-семантические различия письменной и устной речи (психолингвистический анализ): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / В.А. Патрушев. – М.: Москов. гос. ун-т, 1978. – 24 с.

269. *Пауль Г.* Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 500 с.

270. *Перлмуттер Д. М.* О формальном представлении структуры предложения / Д. М. Перлмуттер, П. М. Постал // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XI. – Современные синтаксические теории в американской лингвистике // Составитель: А. Е. Кибрик. – М.: Прогресс, 1982. – С. 76–82.

271. *Петерсон М. Н.* Очерк синтаксиса русского языка / М. Н. Петерсон. – М.: Госиздат, 1923. – 131 с.

272. *Петерсон М. Н.* Русский язык: [пособие для преподавателей] / М. Н. Петерсон. – М.; Л.: Госиздат, 1925. – 123 с.

273. *Петрунина С. П.* Грамматика говорящего и слушающего в сибирских говорах (на материале парных конструкций): дис. доктора филол. наук: спец. 10.02.01 / Петрунина Светлана Петровна. – Томск, 2008. – 372 с.

274. *Пешковский А. М.* Интонация и грамматика / А. М. Пешковский // Избранные труды. – М.: Госучпедгиз, 1959. – С. 177–192

275. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7 / А. М. Пешковский. – М., 1956. – 511 с.

276. *Пищальникова В. А.* Мышление и речь / В.А. Пищальникова // Общее языкознание: уч. пособие. – Барнаул, 2001. – С. 24–53.

277. *Полищук Г. Г.* Об изучении восприятия интонационных различий / Г. Г. Полищук // Язык и общество. – Вып. II. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1970. – С. 76–81.

278. *Полищук Г. Г.* Интонация и смысл высказываний в спонтанной речи / Г. Г. Полищук, Е. М. Пыж // Теория языка. Методы его исследования и преподавания. – Л.: Наука, 1981. – С. 195–200.

279. *Поллер П. И.* О системах членения предложения в зарубежной грамматической литературе. Критический обзор / П. И. Поллер // Проблемы изучения языка. – М.: Академия обществ, наук при ЦК КПСС, 1957. – С. 55–69.

280. *Поспелов Н. С.* Мысли о русской грамматике / Н. С. Поспелов // Избранные труды. – М.: Наука, 1990. – 184 с.

281. *Потапова Р. К.* Сегментно-структурная организация речи. (Экспериментально-фонетическое исследование): автореф. дис. на соискание уч. степени докт. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Р. К. Потапова. – Л.: Ленингр. ун-т им. А.А.Жданова, 1981. – 47 с.

282. *Потапова Р. К.* Система делимитативных средств звучащего текста / Р. К. Потапова // Звучащий текст: сб. научно-аналитических обзоров [Отв. ред. Ф. М. Березин, Р. К. Потапова]. – М.: ИНИОН, 1983. – С. 22–60.

283. *Потапова Р. К.* Средства фонетического членения речевого потока в немецком и русском языках / Р. К. Потапова, Л. П. Блохина. – М.: Изд-во МГИИЯ им М. Тореза, 1986. – 115 с.

284. *Потапова Р. К.* Теоретические и прикладные аспекты речевой сегментологии / Р. К. Потапова // Проблемы фонетики. – Вып. II. – М.: 1995. – С. 7–20.

285. *Потапова Р. К.* Речевая коммуникация: От звука к высказыванию / Р. К. Потапова, В. В. Потапов. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 466 с.

286. *Потебня А. А.* Мысль и язык / А. А. Потебня // Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – С. 35–220.

287. *Потебня А. А.* Слово и миф / А. А. Потебня. – М.: Правда, 1988. – 623 с.

288. *Потемина Т. Х.* Объем и характер синтагм в немецкой спонтанной речи / Т. Х. Потемина // Фонетика и психология речи: межвуз. сб. науч. тр. –Иваново, 1984. – С. 124–130.

289. *Почепцов Г. Г.* О принципах синтагматической классификации глаголов (На материале глагольной основы современного английского языка) / Г. Г. Почепцов // Научн. доклады высшей школы // Филолог. науки. – 1969, № 3. – С. 65–76.
290. *Почепцов Г. Г.* Конструктивный анализ структуры предложения / Г. Г. Почепцов. – Киев: Вища шк., 1971. – 192 с.
291. Проблемы синтаксической синтагматики и преподавание языка // Сб. науч. тр. АН СССР // Ин-т языкознания // Моск. гос. ин-т междунар. отношений МИД СССР [Отв. ред. А. В. Дементьев, А. М. Шахнарович]. – М.: МГИМО, 1983. – 239 с.
292. *Прокопова Л. И.* О синтагматическом и актуальном членении / Л. И. Прокопова // Теория языка. Методы его исследования и преподавания. – Л.: Наука, 1981. – С. 207–211.
293. *Прокопович Н. Н.* Словосочетание в современном русском литературном языке / Н. Н. Прокопович. – М.: Просвещение, 1966. – 400 с.
294. *Прокопович Н. Н.* Вопросы синтаксиса русского языка / Н. Н. Прокопович. – М.: Просвещение, 1974. – 350 с.
295. Психология. Словарь. – Изд. второе, исправленное и дополненное [Под общей ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского]. – М.: Изд-во полит лит-ры, 1990. – 495 с.
296. *Распопов И. П.* Логическое ударение как особое средство структурной организации предложения / И. П. Распопов // Русский язык в школе, 1966, № 4. – С. 18–29.
297. *Реферовская Е. А.* Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте / А. А. Реферовская. – Л.: Наука, 1989. – 168 с.
298. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – М., 1947. – С. 106.
299. *Родионова О. С.* Синтагматическое членение текста, его жанровая принадлежность / О. С. Родионова // Сб. научн. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1984. Вып. 230. – С. 246–250.

300. *Родионова О. С.* Синтагма как единица текста / О. С. Родионова // Единицы языка и их функционирование. – Саратов, 1997. – Вып. 3. – С. 67 – 68.
301. *Родионова О. С.* Синтагма в предложении и тексте / О. С. Родионова // Единицы языка и их функционирование. – Саратов, 2004. – Вып. 10. – С. 213–214.
302. *Родионова О. С.* К вопросу о единицах членения текста / О. С. Родионова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2008, № 1. – С. 81–84.
303. *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 400 с.
304. *Руде Р.* Синтагма ЗА+ТВ. Как конструктивный элемент предложения / Р. Руде // Рус. яз.: пересекая границы. – Дубна, 2001. – С. 178–188.
305. Русская грамматика в 2 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 2. – 709 с.
306. Русская разговорная речь [Отв. ред. Е. А. Земская]. – М.: Наука, 1973. – 484 с.
307. Русская разговорная речь. Тексты [Отв. ред. Е. А. Земская и Л. А. Капанадзе]. – М., Наука, 1978. – 307 с.
308. *Савченко А. Н.* Разграничение языка и речи и проблема знаковости языка / А. Н. Савченко. – Тбилиси, 1977. – 252 с.
309. *Светозарова Н. Д.* Синтагма / Н. Д. Светозарова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 447–449.
310. *Сеше А.* Три сосюрговские лингвистики / В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. 2. – М.: Просвещение, 1965. С. 60–84.
311. *Сиротинина О. Б.* Порядок слов в русском языке. – Изд. 4 / О. Б. Сиротинина. – М.: URSS, 2013. – 176 с.
312. *Сиротинина О. Б.* Лекции по синтаксису русского языка / О. Б. Сиротинина. – М.: Высш. шк., 1980. – 140 с.
313. *Скепская Г. И.* Введение в синтагматику / Г. И. Скепская. – М.: Высш. шк., 1979. – 136 с.

314. *Слобин Д.* Психоллингвистика / Д. Слобин, Дж. Грин. М.: Прогресс, 1976. – 350 с.
315. Слово в предложении: коллективная монография [Под ред. Л. М. Ковалевой (отв. ред.), С. Ю. Богдановой, Т. И. Семеновой].– Иркутск: ИГЛУ, 2010. – 281 с.
316. *Слюсарева Н. А.* Лингвистический анализ по НС / Н. А. Слюсарева // Вопросы языкознания. – 1960, № 6. – С. 100–107.
317. *Смолянинова Е. Н.* Основы синтаксической связности (Словосочетание): автореф. дис, на соискание уч. степени докт. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Е. Н. Смолянинова – Л., 1982. – 48 с.
318. *Смотрицкий Мелетий.* Грамматики Славенския правильное Синтагма [Подготовка факсимильного издания В. В. Нимчука] / Мелетий Смотрицкий. – К.: Наук. думка, 1979. – 251 с.
319. Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) [Отв. ред. Т. М. Дридзе, А. А. Леонтьев] – М.: Наука, 1976. – 262 с.
320. *Соколов А. Н.* Внутренняя речь и мышление / А. Н. Соколов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 256 с.
321. *Солганик Г. Я.* От слова к тексту / Г. Я. Солганик. – М.: Просвещение, 1993. – 186 с.
322. *Солодуб Ю. П.* Типология значений языковых единиц докоммуникативного уровня (функциональный аспект анализа) / Ю. П. Солодуб // Научные доклады высшей школы // Филологические науки. – 1988. – № 5. – С. 37–46.
323. *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с..
324. Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982. – 293 с.
325. *Степихов А. А.* Соотношение синтаксического и интонационного членения в спонтанном монологе: автореф. дис. на соискание уч. степени канд.

филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / А. А. Степихов. – Санкт-Петербург, 2005. – 26 с.

326. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 171 с.

327. *Супрун А. Е.* Лекции по теории речевой деятельности / А. Е. Супрун. – Минск: Изд-во Минск. ун-та, 1996. – 287 с.

328. *Сухотин В. П.* Проблема словосочетания в современном русском языке / В. П. Сухотин // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М.: Наука, 1950. – С. 127–177.

329. *Сухотин В. П.* К вопросу о словосочетании в его отношении к слову и фразеологическому единству / В. П. Сухотин // Русский язык: Ученые записки МОПИ им. Н.К. Крупской. Т. 160. В. 11. – М., 1966. – С. 26–31.

330. *Телия В. Н.* Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация: виды наименований: сб. научн. тр. – М.: Наука, 1977. – С. 129–221.

331. *Телия В. Н.* Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1981. – 269 с.

332. *Телия В. Н.* Номинация / В. Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

333. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 654 с.

334. *Теркулов В. И.* Слово и номинатема: опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка: монография / В. И. Теркулов. – Горловка : Изд-во ГГПИИЯ, 2007. – 240 с.

335. *Теркулов В. И.* Номинатема: опыт определения и описания / В. И. Теркулов. – Горловка, 2010. – 227 с.

336. *Теркулов В. І.* Базові категорії лінгвальної когнітології / В. І. Теркулов // Філологічні трактати. – т. 4, № 1, 2012. – С. 119–122.

337. *Тер-Минасова С. Г.* Синтагматика речи: онтология и эвристика: общая и английская синтагматика составных номинативных групп. – 2-е изд. / С. Г. Тер-Минасова – М.: URSS: Либроком, 2009. – 200 с.

338. *Торсуева И. Г.* Интонация и смысл высказывания / И. Г. Торсуева. – М.: Наука, 1979. – 110 с.
339. *Трубецкой Н. С.* Отношение между определяемым, определением и определенностью // Избранные труды по филологии / Н. С. Трубецкой. – М.: Прогресс, 1987. – С. 37–43.
340. *Тукумцев Г. Р.* Понятие синтагмы / Г. Р. Тукумцев // Русский язык в школе. – 1948, № 1. – С. 6 – 14.
341. *Тункель В. Д.* Зависимость передачи языкового сообщения от его предикативной структуры/ В. Д. Тункель // Исследования языка и речи. – М.: Наука, 1971. – 318 с.
342. *Уфимцева А. А.* Лексическая номинация (первичная, нейтральная) / А. А. Уфимцева // Языковая номинация : виды наименований.– М.: Наука, 1977.– С. 5–85.
343. *Ушакова Т. Н.* Речь человека в общении / Т. Н. Ушакова, Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова – М.: Наука, 1989. – 192 с.
344. *Уэллс Г.* Наука и мировое общественное мнение / Собрание сочинений в пятнадцати томах. – М.: Правда, 1964. – Т. 15. – С. 441.
345. *Филатов В. А.* Синтагма в системе синтаксических единиц / В. А. Филатов // Слово и мысль. – Вып. третий. – Донецк, 2003. – С. 157–167.
346. *Филатова Е. В.* Синтагма как основная структурно-смысловая единица организации речи и её адекватного восприятия / Е. В. Филатова, В. А. Филатов, // Филологические исследования, VIII. – Донецк, 2006. – С. 250–290.
347. *Филатова Е. В.* Словосочетание как метаструктура языка и синтагма как реальная единица речи / Е. В. Филатова, В. А. Филатов. – Донецк, ООО Юго-Восток, Лтд, 2008. – 71 с.
348. *Филатова Е. В.* Синтагма: сфера функционирования и назначение / Е. В. Филатова // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. 12. – Донецк, 2008. – С. 122–130.

349. *Филатова Е. В.* Вопрос синтагмы в американской лингвистике / Е. В. Филатова // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. 13, Донецк, 2009. – С. 313–324.

350. *Филатова Е. В.* Синтагма как речевая единица и основания для её выделения / Е. В. Филатова // Вісник Донецького інституту соціальної освіти. Серія: Філологія. Журналістика. – Т. 5. – Вип. 5, 2009. – С. 164–169.

351. *Филатова Е. В.* Грамматические признаки синтагмы, её структура, морфологическая природа и функциональная сущность / Е. В. Филатова // Вісник Донецького інституту соціальної освіти. Серія: Філологія. Журналістика. – Т. 5. – Вип. 5, 2009. – С. 159–164.

352. *Филатова Е. В.* Межсинтагматические связи в структуре предложения / Е. В. Филатова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010, № 2. – С. 177 – 181 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2010/2/49.html>

353. *Филатова Олена.* Реальна одиниця породження і сприймання мовлення, її граматичні та змістовні ознаки і функції / Олена Филатова // Лінгвістичні студії. Вип. 22, – Донецьк, 2010. – С. 56–61.

354. *Филатова Е. В.* Номинация и коммуникация и их отношение к единицам языка и речи / Е. В. Филатова // Вісник студентського наукового товариства Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов: Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції молодих учених «Мовна комунікація: сучасні технології у форматі різнорівневих систем». – Горлівка: Вид-тво ГДПІМ, 2010, вип. 25. – С. 173–176.

355. *Филатова Е. В.* Синтагма как основная единица порождения и восприятия речи / Е. В. Филатова // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2010, № 4. – С. 15–22.

356. *Филатова Е. В.* Основная речевая единица порождения и восприятия речи, её смысловые и грамматические признаки / Е. В. Филатова // Инновации в сфере науки и образования Европейского Севера России. Сборник научных трудов. – Архангельск, 2010. – С. 119–126

357. *Филатова Е. В.* Противоречивость взглядов акад. В. В. Виноградова на словосочетание: причины и следствие / Е. В. Филатова // Вісник Донецького інституту соціальної освіти. Серія: Філологія. Журналістика. Т. VI, вип. 6, 2010. – С. 76–86.

358. *Филатова Е. В.* Синтагма как единица порождения и восприятия речи, её смысловые и грамматические признаки / Е. В. Филатова // Актуальні проблеми слов'янської філології: лінг-ка та літ-ство.– Вип. XXIII, ч. 3. – Бердянськ: БДПУ, 2010. – С.315–324.

359. *Филатова Е. В.* Функции синтагмы в структуре предложения и текста / Е. В. Филатова // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2011, № 2.– С. 17–26.

360. *Филатова Е. В.* Порождение, структурирование и восприятие речи и отношение к ним слова, словосочетания, синтагмы и предложения / Е.В. Филатова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011, № 2. – С. 172 – 177 [Электронный ресурс] <http://www.gramota.net/materials/2/2011/2/51.html>

361. *Филатова Е. В.* Члены предложения и синтагма как реальная единица порождения и восприятия речи / Е. В. Филатова // Актуальні проблеми слов'янської філології / серія: лінгвістика і літературознавство. – Міжвузівський збірник наукових статей. – Випуск XXIV, ч.І. – Бердянськ: БДПУ, 2011. – С. 501–508.

362. *Филатова Е. В.* Роль синтагмы при обучении чтению и письму / Е. В. Филатова // Русский язык и литература: проблемы изучения и преподавания в школе и вузе / Сборник научных работ под общей ред.проф. Л. А Кудрявцевой. – Киев. – 2011. – С.144–148.

363. *Філатова О. В.* Місце і роль синтагми в усній і писемній формах мовлення / О. В. Філатова // Лінгвістика. – № 3 (24), ч. 2, 2011. – С. 216–223.

364. *Филатова Е. В.* Синтагматическая и предложенческая структуры текста и их назначение / Е. В. Филатова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Т. 24 (63), № 4. – Ч. 2, 2011. – С. 65–72.

365. *Филатова Е. В.* Синтагматическая структура речи в отношении к её автору и адресату / Е. В. Филатова // научные исследования-2011. – VII международная научно-практическая конференция. – Вып. 2, Горловка, 2011. – С. 73–77. [Электронный ресурс]. – URL: <http://science.ucoz.ua>

366. *Филатова Е. В.* О некоторых противоречиях в теории порождения речи / Е. В. Филатова // Філологічні трактати. – Т. 3, № 2, 2011. – С. 71–77 / [Электронный ресурс]: URL: <http://essuir.sumdu.edu.ua/handle/123456789/21961>

367. *Филатова Е. В.* Синтагма в сложном предложении / Е. В. Филатова // Актуальні проблеми слов'янської філології / серія: лінгвістика і літературознавство. – Міжвузівський збірник наукових статей. – Випуск XXIV, ч.IV. – Бердянськ: БДПУ, 2011. – С. 421–430.

368. *Филатова Е. В.* Синтагматика предложения как опора при выяснении способа выражения его предикативности / Е. В. Филатова // Перспективы развития современной науки / XII Международная научно-практическая конференция 25 – 26 августа 2011. – Горловка. – С. 51–53 [Электронный ресурс]. – URL: <http://science.ucoz.ua>

369. *Филатова Е. В.* Синтагма как опорная единица при обучении письму и чтению / Е. В. Филатова // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты // Часть IV / Дискурсы и жанры письменной речи // Сборник научных статей. – Кемерово 2011. – С. 509–516.

370. *Філатова О. В.* Одномірність і конкретність синтагми як реальної одиниці породження та сприймання мовлення / О. В. Філатова // Наукові записки. Серія: Філологічні науки (Ніжинський державний університет ім. М. Гоголя). – 2012. – С. 115–119.

371. *Филатова Елена.* Словосочетание и синтагма: сфера функционирования, статус, структура, интонационное оформление, смысловые и грамматические показатели и функции / Елена Филатова. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.– 612 с.

372. *Филатова Е. В.* Синтагма как конструктивная основа предложения и текста / Е. В. Филатова // Актуальні проблеми слов'янської філології / серія:

лінгвістика і літературознавство. – Міжвузівський збірник наукових статей. – Вип. XXVI. – Ч. 2. – Бердянськ: БДПУ, 2012. – С. 407–416.

373. *Філатова Олена*. Мовні і мовленнєві одиниці та їх відношення до породження, структурування і сприймання мовлення / Олена Філатова // Лінгвістичні студії. Вип. 25, – Донецьк, 2012. – С. 21–27.

374. *Филатова Е. В.* Синтагма как исходная единица порождения и восприятия речи / Учебное пособие по теоретическому синтаксису речи / Е. В. Филатова, В. А. Филатов. – Донецк: ДонНУ, 2012. – 200 с.

375. *Филатова Е. В.* Дискретность устной и письменной речи: синтагма и текст как предельные её единицы / Е. В. Филатова // Русский язык, литература, культура в школе и вузе, 2012, № 4 (46). – С. 12–17.

376. *Филатова Е. В.* Вопрос о порядке слов в предложении в свете синтагматической теории речи / Е. В. Филатова // Філологічні трактати. – 2012, т. 4, № 3. – С. 66–71.

377. *Филатова Е. В.* Метаструктура или реальная единица? / Е. В. Филатова // Лінгвістика. – № 2, 2012. – С. 22–29.

378. *Филатова Е. В.* Одномерность и конкретность синтагмы как главные признаки исходной единицы порождения речи / Е. В. Филатова // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского». Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Т. 25 (64), № 4, ч. 2. – Симферополь, 2012. – С. 172–177.

379. *Филатова Е. В.* Так всё же слово или синтагма? / Е. В. Филатова // Русский язык, литература, культура в школе и вузе, 2013, № 1. – С. 21–25.

380. *Филатова Е. В.* Синтагма как основная структурно-смысловая единица живой народной речи / Е. В. Филатова // Социально-гуманитарный вестник Юга России. – 2013, № 1. – С.107–115.

381. *Филатова Е. В.* Синтагма в лингвистическом учении Л.В. Щербы / Е. В. Филатова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. –2013, № 3, в 2-х ч. Ч. 1. – С. 181–184 [Электронный ресурс]: www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/50.html

382. *Филатова Е. В.* Внутрисинтагматическая и межсинтагматическая связь как способы организации речи / Е. В. Филатова // Филологические исследования, XIII. – Донецк, 2013. – С. 253–265.

383. *Филатова Е. В.* Синтагма и другие речевые единицы и их отношение к устной и письменной речи / Е. В. Филатова // Актуальні проблеми словянської філології / серія: лінгвістика і літературознавство. – Міжвузівський збірник наукових статей. – Вип. XXVII.– Ч. I. – Бердянськ: БДПУ, 2013. – С 478–487.

384. *Филатова Е. В.* Синтагма как реальная единица порождения и восприятия речи / Монография / Е. В. Филатова. – Донецк: ДонНУ, 2013. – 333 с.

385. *Филатова Е. В.* Минимальная единица речи, её признаки и функции / Е. В. Филатова // Русская речь, 2013, № 6. – С. 39–46.

386. *Филатова Е. В.* Интонация как способ делимитации и подачи исходных речевых единиц при порождении речи и *опора* при адекватном её восприятии / Е. В. Филатова // Русский язык, литература, культура в школе и вузе, 2013, № 5. – С. 17–23.

387. *Филатова Е. В.* Словосочетание и синтагма, их сферы и функции / Е. В. Филатова // Обрії сучасної лінгвістики / Збірник наукових праць. – випуск 4 (2013). – Луганськ, 2013. – с. 97–103.

388. *Филатова Е. В.* Синтагма в интерпретации И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы / Е. В. Филатова, В. А. Филатов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – № 1–2 / 2013. – Т. 1. – С. 348–355.

389. *Филатова Е. В.* Синтагматический аспект порождения и восприятия речи применительно к видам речевой деятельности и её субъектам / Е. В. Филатова // Филология и литературоведение. 2014. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.snauka.ru/2014/09/938> (дата обращения: 08.10.2014).

390. *Филатова Е. В.* Проблема синтаксиса в свете синтагматической теории речи и основных субъектов речевой деятельности / Е. В. Филатова // Восточноукраинский лингвистический сборник. Памяти Евгения Степановича Отина. – Вып. 15. – Донецк, 2015. – С. 102–112.

391. *Филатова Е. В.* Синтагматическая запись речи как способ изучения проблемы порождения и восприятия речи, её реальных единиц и их функций / Е. В. Филатова // *Филология и литературоведение*. 2015. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.snauka.ru/2015/01/1142>

392. *Филатова Е. В.* Структура и функции синтагмы в английской речи / Е. В. Филатова // *Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике* // Вып. 6. – С.-Пб. – с. 60–62.

393. *Филатова Е. В.* Авторская делимитация речи / Е. В. Филатова // *Семантика и словообразование в германских, романских и славянских языках* // *Материалы Международного лингвистического семинара 16 – 17 ноября 2015 г.* – Донецк, 2015. – с. 109–112.

394. *Филатова Е. В.* Использование синтагматического членения речи при обучении студентов английскому языку / Е. В. Филатова, Д.В. Таранущенко // *Гуманитарная подготовка современного специалиста* // *Материалы Международной научно-методической конференции 25 января 2016 г.* – Донецк. – с. 105–110.

395. *Филатова Е. В.* Авторская делимитация речи как способ представления её реальных исходных единиц / Е. В. Филатова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, № 10, ч. 2, 2015. – С. 173–176.

396. *Филатова Е. В.* Структура и функции синтагмы в английской речи / Е. В. Филатова // *Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике*; гл. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург, 2015. – Вып. 6. – с. 60–61.

397. *Филатова Е. В.* Сопоставительное исследование объёма синтагм в русской, украинской и английской речи / Е. В. Филатова // *STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA* // 1/ 2016. – Донецк. – С. 104–112.

398. *Филатова Е. В.* Синтагма в живой народной речи / Е. В. Филатова // *Лингвистика и лингводидактика: традиции и инновации.* – Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2016. – с. 110–116.

399. *Филатова Е. В.* Смысловая связь как основа построения речи / Е. В. Филатова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – Ростов н/Д, 2016, № 3. – С. 142–153.

400. *Филатова Е. В.* Структура, объём и активность синтагм в русской и английской речи / Е. В. Филатова // Вестник Брянского государственного университета, № 2 (28), 2016. – С. 206–209.

401. *Филатова Е. В.* Построение и восприятие речи как единый процесс общения / Е. В. Филатова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки, № 2, 2016. – С. 41–48.

402. *Филатова Е. В.* Объём и активность синтагм в русской речи / Е. В. Филатова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки, № 3, 2016. – С. 34–40.

403. *Филатова Е. В.* Сопоставительная характеристика синтагм в романе К. Паустовского «Золотая роза» и рассказе С. Моэма «A friend in need» / Е. В. Филатова, В. А. Филатов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки, № 1, 2017. – С. 91–97.

404. *Филатова Е. В.* Типологические признаки синтагмы в русской и английской речи / Е. В. Филатова // STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA Т. 13, Вып. 1–2 / 2017. – Донецк. – С. 197–209.

405. *Филатова Е. В.* Слово или синтагма: минимальная речевая единица и её морфологическая природа (на материале книги М. Веллера «Великий последний шанс») / Е. В. Филатова, В. А. Филатов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки, № 3, 2017. – С. 40–48.

406. *Филичева Н. И.* О словосочетании в современном немецком языке / Н. И. Филичева. – М.: Высш. шк., 1969. – 205 с.

407. *Фоменко Ю. В.* Является ли словосочетание единицей языка? / Ю. В. Фоменко. – Филологические науки, 1975. – № 6. – С. 60–65.

408. *Фоменко Ю. В.* О дихотомии «язык – речь» / Ю. В. Фоменко // Мифы современной лингвистики. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010. – С. 8–22.

409. *Фоменко Ю. В.* О гипотезе порождающего контекста / Ю. В. Фоменко // Мифы современной лингвистики. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010. – С. 95–109.
410. *Хоккетт Ч.* Грамматика для слушающего / Ч. Хоккетт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IV. – М.: Прогресс, 1965. – 590 с.
411. *Холодович А. А.* К вопросу о группировках слов в предложениях / А. А. Холодович // Уч. записки ЛГУ. – 1961, № 301. – Серия филолог. науки. Вып. 60. – С. 239–251.
412. *Хомский Н.* Синтаксические структуры / Н. Хомский // Новое в лингвистике. Вып. 2. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – С. 412–527.
413. *Цицерон М. Т.* Три трактата об ораторском искусстве / М. Т. Цицерон. – М.: Научно издательский центр «Ладомир», 1994. – 475 с.
414. *Чеботникова Т. А.* Теория синтагмы в русском и советском языкознаниях и связь значения термина "синтагма" с личностными системами научных взглядов / Т. А. Чеботникова. – Оренбург, Оренбург. гос. пед. ин-т им. В.П. Чкалова, 1986. – 22 с.
415. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. Отв. ред. Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1991. – 239 с. (АН СССР, Институт языкознания).
416. *Черемисина Н. В.* Ритмико-интонационная структура предложения в русской художественной речи / Н. В. Черемисина // Синтаксис и интонация // Учёные записки. Вып. 36. Серия филологических наук, № 14 (18). – Уфа, 1969. – С. 96–248.
417. *Черемисина Н. В.* Строение синтагмы в русской художественной речи / Н. В. Черемисина // Синтаксис и интонация // Учёные записки. Вып. 36. Серия филологических наук, № 14 (18). – Уфа, 1969. – С. 47–96.
418. *Черемисина Н. В.* Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь / Н. В. Черемисина. – М.: Русский язык, 1982. – 205 с.
419. *Чистякова Т. Д.* Смысловая структура текста как определяющий фактор его понимания / Т. Д. Чистякова // Семантика, логика и интуиция в мыслительной деятельности человека. – М.: Наука, 1979. – С. 101–127.

420. *Шалдаісова Г. В.* Словосполучення і синтагма, їх сфери та функції / Г. В. Шалдаісова // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету // Сер.: Філологія, 2015, № 16, с. 190–192.
421. *Шапиро А. Б.* Очерки по синтаксису русских народных говоров / А. Б. Шапиро. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 317 с.
422. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – М.: Изд-во Editorial URSS, 2001. – 624 с. (Серия: Лингвистическое наследие XX века).
423. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 377 с.
424. *Шведова Н. Ю.* К спорам о детерминантах (обстоятельственная и необстоятельственная детерминация простого предложения) / Н. Ю. Шведова // Филологические науки. – 1973, № 5. – с. 66–77.
425. *Шевченко Т. И.* Ритмико-темпоральная организация синтагмы в английской речи: типология и вариативность / Т. И. Шевченко // Речевой ритм и его функции: сб. научн. тр. МГНИИЯ им. М. Тореца. – М., 1987. – Вып. 293. – С. 109–115.
426. *Шевякова В. Е.* Интонация научной речи / В. Е. Шевякова, Ж. Б. Пинаева // Чтение. Перевод. Устная речь: Методика и лингвистика. – Л.: Наука, 1977. – С. 163–171.
427. *Шмелёв Д. Н.* Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке / Д. Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1976. – 152 с.
428. *Шустикова Т. В.* Синтагматическое членение повествовательного предложения в русском языке (интонационно-синтаксический и коммуникативный анализ): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. В. Шустикова. – М.: Ун-т Дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1981. – 19 с.
429. *Щерба Л. В.* О второстепенных членах предложения (Стенограмма доклада, прочитанного на заседании Института языкознания 15 октября 1936 г.) // Архив петербургской русистики. URL: www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba7.htm

430. *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке / Л. В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 63–84.
431. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
432. *Щерба Л. В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1974. – С. 24–39.
433. *Щерба Л. В.* Фонетика французского языка / Л. В. Щерба. – М.: Учпедгиз, 1937. – 256 с. + 1 табл.
434. *Юрченко В. С.* Структура предложения и система синтаксиса // В. С. Юрченко // Вопросы языкознания. – 1979, № 4. – С. 77–89.
435. Языковая номинация. Общие вопросы [Под ред. Б. А. Серебренникова]. – М.: Наука, 1977. – 360 с.
436. *Ярцева В. Н.* Предложение и словосочетание / В. Н. Ярцева // Вопросы грамматического строя. – М.: Наука, 1956. – С. 446–459.
437. *Aarts B.* English Syntax and Argumentation / Bas Aarts – 2nd ed. – (Modern linguistics series). Great Britain, Aarontype Ltd, Easton, Bristol, 2001. – 312 p.
438. *Beattie G. W.* Planning units in spontaneous speech: Some evidence from hesitation in speech and speaker gaze direction in conversation / G. W. Beattie // Linguistics 1979, v. 17. – P. 61–78.
439. *Bever T. G.* The influence of speech performance on linguistic structures / T. G. Bever // Flores d'Arcais G. B., Levelt W. J. M. (Eds.) // Advances in Psycholinguistics. – Amsterdam, 1970. – P. 57–75.
440. *Bloomfield L.* Language / L. Bloomfield. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1933. – 592 p.
441. *Bolinger O.* Contrastive study of intonations / O. Bolinger // Universals of human language / Ed. by Greenberg et al. Stanford, 1978. Vol.2. Phonology. – P. 471–524.

442. *Braine M. D.* The ontogeny of English phrase structure: The first phase / M. D. Braine. – Language, 1963. – P. 1–13.
443. *Bußmann N.* Lexikon der Sprachwissenschaft. – Stuttgart: Kröner, 2002;
444. *Chomsky N.* Syntactic structures / N. Chomsky. – The Hague: Mouton, 1957. – 117 p.
445. *Chomsky N.* Aspects of the theory of syntax / N. Chomsky. – Cambridge (Mass.): MIT, 1965. – 251 p.
446. *Chomsky N.* Language and mind. Enlarged Edition / N. Chomsky. – N. Y.; Chicago; San Francisco; Atlanta: Harcourt, Brace, Jovanovich, Inc., 1972. – 194 p.
447. *Filatova E. V.* Syntagmatics of the English sentence as the main way of its adequate perception / E. V. Filatova // Вісник ДІТБ. № 14, 2010. – С. 335–338.
448. *Filatova Elena.* Syntagma in the English speech: structure, meaning and functions / Elena Filatova // Лінгвістичні студії. Вип. 27, – Донецьк, 2013. – С. 117 – 122.
449. *Filatova E.* Syntagmatic Division in the English Speech / E. Filatova // Иностранные языки и перевод в высшей школе // Сб. науч. трудов // Вып. 1. – Донецк, 2015. – с. 112–120.
450. *Filatova E.V.* Morphological Nature of Syntagmas and Frequency of their Usage in the English Speech / E. V. Filatova // STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA, T.13. – Вып. 3 (37), 2017, Донецк. – С. 125–134.
451. *Fodor J. A.* The psychological reality of linguistic segments / J. A. Fodor, T. G. Bever // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. – 1965. – P. 414 –420.
452. *Fodor J. A.* The Modularity of Mind / J. A. Fodor. – Cambridge: The MIT press, 1983. – 154 p.
453. *Gardiner A. H.* The Theory of Speech and Language / Ad. 2-d / A. H. Gardiner. – Oxford, 1951. – 348 p.
454. *Garding E.* Generative model of intonations / E. Garding // Prosody: models and measurements /Ed. by A. Cutler, D. R. Ladd et al. Springer-Verlag – 1983. XI. Vol. 14. – p. 67–78.

455. *Garrett M.* The active use of grammar in speech perception / M. Garrett, T. Bever, J. A. Fodor // Perception and psychophysics. – 1966, I. – p. 30–32.
456. *Gladrow W.* Funktionsverbgefüge und Thema - Rliema - Gliederang / W. Gladrow // Das Russische in seiner Geschichte, Gegenwart und Literatur, Festschrift für Erika Gunter. – München: Verlag Otto Sagner, 1995. B. 105. – P. 113–120.
457. *Halliday M. A. K.* A Course in Spoken English: Intonation. Oxford: Oxford University Press // Reprinted in part as “Intonation and meaning” in Gunther Kress (ed.) Halliday: System and function in language. Selected papers. – Oxford University Press. 1976. – p. 214–234.
458. *Jackson H.* Words and their Meaning / H. Jackson. – London and New York : Longman, 1995. – 279 p.
459. *Jespersen O.* The Philosophy of Grammar / O. Jespersen. – New York: Norton, 1965. – 402 p.
460. *Kohler C.* Verb en in deutschsprachigen Fachtexten – Supplementverben: (eine Voraussetzung der Nominalität von Fachtexten) / C. Kohler. – Dresden: Techn. Univ., 1985. – S. 96.
461. *Lashley K. S.* The problem of serial order in behavior / K. S. Lashley // Saporta S. (Ed.) Psycholinguistics: A book of readings. – N. Y., 1961. – P. 180–198.
462. *Martinet A.* Elements of Functional Syntax / A. Martinet // Word. – 1960. – Vol. 16, № 1. – P. 4–9.
463. *Miller G. A.* Language and communication / G. A. Miller. – N.Y.: Mc Graw Hill, 1951. – xiii, – 298 p.
464. *Miller J.* An Introduction to English Syntax / J. Miller. – Edinburgh University Press, 2002. – 206 p.
465. *Miller W. R.* The development of grammar in child language / W. R. Miller, S. M. Ervin // In: Bellugi U., Brown R. (Eds.) The acquisition of language. – Monographs of the Society for Research in Child Development. – 1964, 29(1). – P. 9–33.
466. *Ogden C. K.* The Meaning of Meaning: A Study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism / C. K. Ogden, I. A. Richards. – 2-nd edn, rev. N.Y.: Routledge & Kegan Paul, 1927. – 363 p.

467. *Osgood C. E.* Where do sentences come from? / C. E. Osgood // In: Steinberg D. D., Jakobovits L. A. (Eds.) *Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology*. – Cambridge, 1971. – P. 497–529.
468. Perception of the speech code [Liberman A. M. Cooper F. S., Shankweiler D. P., Studdert-Kennedy M.] // *Psychol. Review*. – 1967, 74. – P. 431–461.
469. *Sapir E.* Language and environment / E. Sapir // *American Anthropologist*. – 1912. – N. S. – P. 226–242.
470. *Schank R. C.* Reading and Understanding : Teaching from the Perspective of Artificial Intelligence / R. C. Schank. – Hillsdale, N.Y. : Lawrence Erlbaum Ass., 1982. – 196 p.
471. *Schmidt V.* Die Streckformen des deutschen Verbuns. Substantivisch-verbale Wortverbindungen in den publizistischen Texten der Jahre 1948 bis 1967 / V. Schmidt. – Halle: Niemeyer, 1968. – S. 144.
472. *Slobin D. I.* Psycholinguistics / D. I. Slobin. – University of California, Berkeley, 1971. – 518 p.
473. *Trubetzkoy N.* Le rapport entre le determine, le determinant et le defini / N. Trubetzkoy // In: *Melanges de linguistique offerts a Ch. Bally*. – Geneve, 1939. – p. 75–77.

ИССЛЕДУЕМЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Русская художественная речь

Блок А. «Ночь, улица, фонарь, аптека...»

Вийон Ф. «Баллада поэтического состязания в Блуа» (Перевод И. Эренбурга).

Есенин С. «Собаке Качалова».

Крылов И. А. «Басни».

Лермонтов М. Ю. «Герой нашего времени»; «Нет, я не Байрон...»

Ольшевский Р. «Пока я видеть это небо буду...»

Паустовский К. Г. «Золотая роза»; «Телеграмма».

Пушкин А. С. «Руслан и Людмила»; «Евгений Онегин»; «Капитанская дочка»; «Дубровский»; «Повести Белкина».

Сто великих книг. – М., 1999.

Чехов А. П. «Человек в футляре»; «Степь».

Русская народная речь

Дубровин М. И. Иллюстрированный сборник пословиц и поговорок на пяти языках. М., 1998.

Словарь русских пословиц и поговорок / Сост. В.П. Жуков. – М.: Советская энциклопедия, 1967.

Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. – М., 1953.

Русская разговорная речь

Русская разговорная речь [Отв. ред. Е. А.Земская]. – М., 1973.

Русская разговорная речь [Отв. ред. Е. А.Земская. Л. А. Капанадзе]. – М., 1978.

Русская научная речь

Аудиозаписи защиты диссертаций по общему языкознанию в Совете ДонНУ.
Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике.
 М.: Наука, 1975. – С. 254.

Шмелёв Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. – М., 1976.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. С. 77–100.

Украинская речь

Гончар О. Тронка. Роман в новелах. – К.: Радянський письменник, 1963.

Коцюбинський М. М. Фата-Моргана. – К., 1959.

Українські народні прислів'я та приказки. – К., 1963.

Вихованець І. Р. Нариси з функціонального синтаксису української мови. – К. – 1992.

Загнітко Анатолій. Теоретична граматики української мови. Синтаксис. – Донецьк, 2001.

Английская речь

Кусковская С. Ф. Сборник английских пословиц и поговорок (English Proverbs and Saying). – Минск, 1987.

Модестов В. С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. – М., 2004.

Aarts B. English Syntax and Argumentation / 2nd ed. – (Modern linguistics series). Great Britain, Aarontype Ltd, Easton, Bristol, 2001.

Amanda Palmer. The art of asking [Електронний ресурс]:
https://youtu.be/xMj_P_6H69g

Bloomfield L. Language. London. George Allen & Unwin Ltd. Museum Street. 1973. – 566 p.

Chomsky N. Syntactic structures. The Hague, Mouton, 1957.

Chomsky N. Language and Mind. Third Edition. Massachusetts Institute of Technology. Cambridge University Press, 2006. – 142 p.

Felicia Ricci. How to Change Careers when You're Lost [Электронный ресурс] :
<https://youtu.be/TUtx-wC5mqA>

Maugham Somerset. A Friend in Need.

Salinger J. D. The Catcher in the Rye.

Электронные ресурсы:

https://archive.org/details/audio_bookspoetry

<http://www.ted.com>

<http://www.elbooka.com/audiokniga/angliyskaja/>